„Пров 49“

Рай земной

или

Сонъ въ зимнюю ночь

СКАЗКА-УТОПІЯ

XXVII ВѢКА

К. С. МЕРЕЖКОВСКАГО.

Берлинъ 1903.

Изданіе Ф. ГОТГЕЙНЕРА, Унтеръ денъ Линденъ 47.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 1
Сказка 15
День первый 19
День второй 141

Приложеніе.

Глава I: Прогрессъ отвратителенъ 283
Глава II: Прогрессъ безсмысленъ 299
Глава III: Неизбѣженъ ли прогрессъ въ человѣчествѣ . 316
Глава IV: Необходимость заговора и насилія 329
Глава V: Заколдованный кругъ (Cercle vicieux) . . 341
Глава VI: Матерія и духъ 362
Глава VII: Въ чемъ счастье? 385
Глава VIII: Счастье это или скука 400
Глава IX: О трудѣ 413
Глава X: Осуществима ли идея христіанства 430

Выписка изъ Достоевскаго „Братья Карамазовы“ (Часть вторая, книга пятая, глава V) 467

Предисловіе.

Авторъ, печатая свое сочиненіе, расчитываетъ обыкновенно на успѣхъ его среди своихъ читателей въ смыслѣ болѣе или менѣе значительнаго вліянія, которое оно окажетъ на умы своихъ современниковъ, надѣется иногда на прямую пользу, которую оно имъ принесетъ.

Я въ этомъ отношеніи составляю исключеніе. Я думаю, что сочиненіе мое для моихъ современниковъ не можетъ имѣть никакого значенія, что мысли въ немъ выраженныя не будутъ раздѣлены ни однимъ изъ читателей, а если и будутъ, то это не приведетъ и не можетъ привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Мысли эти — преждевременны и въ данную эпоху совершенно непримѣнимы.

Но не то въ отдаленномъ будущемъ. Я думаю, что если человѣчество будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому оно идетъ, то скоро,

скорѣе можетъ быть, чѣмъ я предположилъ въ своей сказкѣ, оно дойдетъ до абсурда, т. е. доведетъ усложненіе и трудность жизни до такой степени, что люди наконецъ придутъ въ состояніе полнаго отчаянія*). Тогда-то они, быть можетъ, вспомнятъ мою сказку-утопію, прочтутъ ее и, быть можетъ, найдутъ въ ней нѣкоторыя указанія, какъ выйти изъ этого состоянія отчаянія. Тогда-то, но не раньше, книга эта можетъ принести свой плодъ, можетъ оказаться дѣйствительно полезной, и для этой-то болѣе или менѣе отдаленной эпохи я ее и предназначаю; теперь же — это не болѣе какъ куріозъ.

Я не расчитываю даже на внѣшній успѣхъ этой книги, во первыхъ, потому что идеи, въ ней высказанныя, покажутся теперешнимъ людямъ слишкомъ странными и необычными, да и не въ модѣ теперь проповѣдовать подобныя идеи, а во вторыхъ, потому что онѣ выражены, къ сожалѣнію, недостаточно талантливо, безъ той силы, яркости и красоты, съ какими я желалъ бы ихъ видѣть выраженными. Это не со-

---

*) Уже и теперь можно видѣть нѣкоторые, пока еще слабые признаки подобнаго отчаянія, ибо что, какъ не проявленіе его представляетъ намъ пессимизмъ высшихъ классовъ, анархизмъ нисшихъ и самоубійства съ такой поразительной быстротой увеличивающіяся въ числѣ во всѣхъ классахъ.

всѣмъ удачно выкристаллизовавшійся кристаллъ, хотя, какъ мнѣ кажется, изъ хорошаго, цѣннаго матеріала. И эта цѣнность матеріала заставляетъ меня думать, что если бы какой нибудь писатель съ бо́льшимъ талантомъ взялся изобразить тоже самое, что изображено мною, то сочиненіе, подобное этому, имѣло бы значительный внѣшній успѣхъ даже и въ настоящее время.

Сознавая такимъ образомъ многіе недостатки этого сочиненія, я однако позволю себѣ указать и на одно его достоинство — это глубокая искренность и непосредственность всего, что въ немъ высказано; мысли здѣсь приведенныя, всѣ глубоко продуманы и прочувствованы мною, онѣ не вычитаны изъ книгъ и не вымучены, а вылились сами собою изъ сокровенныхъ тайниковъ моего сердца и ума. Я вообще мало читалъ по вопросамъ, затронутымъ здѣсь, прежде — по недостатку времени, позднѣе — намѣренно, чтобы не засорять мозги, и это, какъ мнѣ кажется, оказалось въ данномъ случаѣ болѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ, придавъ моему сочиненію печать оригинальности и самобытности. Конечно это не исключаетъ случаевъ совпаденія нѣкоторыхъ моихъ мыслей съ ранѣе высказанными другими; вѣдь иныя мысли, такъ сказать, носятся въ воздухѣ, подобно микробамъ, и отъ нихъ, какъ и отъ послѣднихъ, не уйдешь.

И на одно такое совпаденіе, странное и удивительное, я позволю себѣ обратить особенное вниманіе читателя.

По причинамъ личнаго свойства я не читалъ романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“ и вовсе не былъ съ нимъ знакомъ, когда писалъ настоящее свое сочиненіе, но, уже вполнѣ покончивши эту работу и даже переписавши ее начисто, я совершенно случайно прочелъ въ одномъ журналѣ критическую статью, разбиравшую этотъ романъ. Въ этомъ разборѣ приведена была одна выписка изъ романа, поразившая меня до глубины души своимъ замѣчательнымъ совпаденіемъ съ моей сказкой. Если отбросить нѣкоторыя религіозныя мысли въ ней заключающіяся, то окажется, что на пространствѣ одной, двухъ страницъ Достоевскій выразилъ почти всѣ главнѣйшія, основныя положенія моей утопіи и иногда почти тѣми же самыми фразами, тѣми же словами*).

Я мало склоненъ къ мистицизму, по природѣ я болѣе всего скептикъ, но признаюсь, когда я прочелъ это мѣсто, то мною охватилъ какой-то мистическій ужасъ; мнѣ показалось это чѣмъ то сверхестествен-

*) Въ интересахъ читателя я не привожу здѣсь выписки изъ романа Достоевскаго, о которой идетъ рѣчь, а прилагаю ее въ концѣ книги, дабы читатель познакомился съ ней уже послѣ того, какъ прочтетъ мою сказку.

нымъ, мнѣ представилось, что духъ Достоевскаго, войдя въ меня, заставилъ меня развить его мысли въ только что написанной сказкѣ. И это какъ будто подтверждалось самымъ процессомъ, какимъ она у меня появилась: подобно какой-то лавинѣ, подобно неудержимому потоку вылились высказанныя въ ней мысли, предстали передо мною изображенныя въ ней картины съ необыкновенною яркостью и рельефностью и всѣ эти мысли, всѣ эти картины вылившіяся изъ какихъ-то невѣдомыхъ внутреннихъ тайниковъ моего ума и воображенія, выступили въ моемъ сознаніи съ поразительной быстротой, въ теченіи какихъ нибудь 2, 3 часовъ, совершенно помимо моей воли, полусознательно, цѣпляясь другъ за друга, вызывая одна другую. И вдругъ, о ужасъ! — такое совпаденіе. Впечатлѣніе было такъ сильно, ужасъ такъ великъ, что я даже разрыдался. И только вспомнивъ еще болѣе странное совпаденіе еще болѣе сложныхъ мыслей, одновременно появившихся въ умѣ Дарвина и Уэллеса, я успокоился: какъ тамъ, такъ и тутъ это могло быть дѣломъ простаго случая и не требовало вмѣшательства таинственныхъ мистическихъ силъ. Но какъ и тамъ, совпаденіе это кажется мнѣ многознаменательнымъ: значитъ тутъ близка истина. И истина эта заключается въ томъ, что *человѣчество само неспособно управлять своими дѣлами на*

земл; устройство его дѣлъ земныхъ, устройство его земнаго благополучія должно быть передано въ руки отдѣльныхъ лицъ. Нижеприводимая схема поясниτъ мою мысль:

Возможны три системы организаціи человѣчества:

I. когда каждый зависитъ отъ самаго себя — это *индивидуализмъ*;

II. когда каждый зависитъ отъ всѣхъ — это *соціализмъ*;

III. когда всѣ зависятъ отъ немногихъ — это *патернализмъ*.

Но индивидуализмъ оказался полной неудачей: когда каждый заботится только о самомъ себѣ, то въ результатѣ получается, что всѣмъ худо. И такой же неудачей окажется безъ сомнѣнія соціализмъ, ибо всѣ не могутъ стать хорошими (развѣ какъ черезъ 10 или 20 или 50 тысячъ лѣтъ), если же каждый будетъ зависить отъ нехорошихъ, то всѣмъ будетъ нехорошо. И человѣчество, если только не желать, чтобы оно продолжало страдать въ теченіи еще десятковъ тысячъ лѣтъ (можетъ быть и вѣчно) *должно* быть приведено къ системѣ патернализма. Немногіе могутъ быть хорошими даже и теперь, а если всѣ будутъ зависѣть отъ немногихъ хорошихъ, то каждому будетъ хорошо. И въ одномъ смыслѣ настоящее сочиненіе

можетъ быть разсматриваемо какъ проектъ установленія системы патернализма.

Сочиненіе мое можетъ конечно дать обильную пищу для критики. Но чтобы читатель могъ правильно судить о немъ, и чтобы не давать ему повода къ лишнимъ недоразумѣніямъ, полезно будетъ изложить здѣсь вкратцѣ то міросозерцаніе, вокругъ котораго группируются мысли и взгляды, проповѣдуемые мною какъ въ сказкѣ, такъ и въ послѣсловіи къ ней. Міросозерцаніе это до сихъ поръ не имѣло клички, не имѣло имени, а между тѣмъ люди любятъ клички. Пусть же оно носитъ названіе — *терризма*.

Что такое терризмъ? Это прежде всего убѣжденіе, что люди, обитатели земли, — Терга — имѣютъ право и не только право, но и обязанность (обязанность, налагаемую какъ разумомъ, логикой, такъ и чувствомъ — состраданіемъ къ людямъ) интересоваться и заниматься исключительно земными дѣлами, предоставляя обитателямъ неба — если таковые есть — вѣдаться съ дѣлами небесными. Не смѣшнымъ ли показалось бы вамъ, еслибы жители земли, пренебрегая своими собственными интересами, все вниманіе свое, всѣ заботы свои, всѣ помышленія обратили на планету Марсъ и ея обитателей, еслибы интересы обитателей Марса лежали къ ихъ сердцу ближе, чѣмъ интересы людскіе? А между тѣмъ на

дѣлѣ такъ это часто и происходитъ съ тою только разницею, что объектомъ вниманія людей является не планета Марсъ, а Небо — въ сущности столь же отдаленное отъ насъ, какъ и Марсъ, если не болѣе и еще менѣе намъ знакомое. И это большое зло: сколько усилій ума, воображенія, чувства, сколько человѣческой энергіи и притомъ людей по большей части изъ числа лучшихъ, наиболѣе возвышенныхъ, было потрачено на дѣла воображаемыя, на интересы небесные въ ущербъ дѣламъ земнымъ, реальнымъ. Еслибы всѣ эти усилія были направлены на наши собственныя людскія дѣла, на устройство нашего земнаго благополучія, то право, наша жизнь здѣсь на землѣ была бы легче, чѣмъ она есть теперь!

Итакъ терристъ прежде всего не забываетъ, что онъ обитатель земли и старается забыть, что есть на свѣтѣ еще другія планеты: Марсъ, Меркурій, Небо и проч. и проч. Теперь, говоритъ онъ, — земля и ея интересы, а тамъ, если есть еще что нибудь, — видно будетъ, что дѣлать.

Далѣе, такъ какъ земля есть планета по преимуществу матеріальная и обитатели ея — люди тоже по преимуществу существа матеріальныя, то терристъ не считаетъ нужнымъ пренебрегать или даже презирать матерію и предпочитать духъ въ ущербъ матеріи. Онъ считаетъ логичнымъ и разумнымъ подчиниться

такимъ спеціальнымъ условіямъ земнаго существованія, и вмѣсто того чтобы идти противъ нихъ и тратить энергію на подавленіе этихъ условій, онъ будетъ стараться устроить дѣла земныя согласно и въ соотвѣтствіи съ ними. Смѣшно и неразумно было бы всѣ усилія напрягать на то, чтобы жизнь на землѣ устроить въ соотвѣтствіи съ условіями напримѣръ Марса, или жизнь на Марсѣ устроить въ соотвѣтствіи съ условіями земли; точно также неразумно стремиться устраивать дѣла земныя въ соотвѣтствіи съ условіями Неба или брать людей не такими, какіе они есть, а стараться превратить ихъ въ обитателей неба — духовъ. Царству духа не мѣсто на землѣ. Пусть духъ, если онъ есть, царитъ въ своемъ мѣстѣ — на небѣ и не мѣшаетъ людямъ на матеріальной землѣ быть матеріальными людьми.

Поклонникъ неба, цѣлистъ, какъ его можно было бы назвать отъ слова coelum — небо, стремится, живя на землѣ, къ небу и старается перетащить туда всѣхъ людей. Терристъ старается перетащить небо на землю, т. е. устроить рай на землѣ.

Терристъ смотритъ на вселенную съ единственно ему доступной обсерваторіи — съ земли; цѣлистъ смотритъ на землю (не безъ презрѣнія), взобравшись на небо — въ сущности только воображаемое.

Терристъ говоритъ: милліоны и милліоны сознательныхъ и чувствующихъ существъ — людей, существуютъ на землѣ, и они будутъ существовать сотни, тысячи, десятки тысячъ столѣтій впереди, и они могутъ существовать счастливо, наслаждаясь бытіемъ или страдая и мучаясь. Вотъ фактъ, столь реальный, столь несомнѣнный, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ болѣе или менѣе туманныя теоріи и гипотезы религіозныя и метафизическія; и въ тоже время столь грандіозный, столь важный, столь душу захватывающій, что все вниманіе людей, способныхъ обнять его умомъ и чувствомъ во всѣхъ его размѣрахъ, должно невольно сосредоточиться на немъ и только на немъ. На цѣлиста этотъ фактъ не производитъ почти никакого впечатлѣнія, онъ его почти не замѣчаетъ, игнорируетъ его, какъ нѣчто маловажное сравнительно съ небомъ.

Терризмъ не слѣдуетъ однако смѣшивать съ такъ называемымъ „грубымъ“ матеріализмомъ. Матеріалистъ, какъ „грубый“, такъ и негрубый конечно естественный терристъ, ибо онъ неба не признаетъ; но терристомъ можно быть, будучи въ тоже время и теистомъ, и пантеистомъ, и буддистомъ или теософистомъ. Можно вѣрить и въ существованіе личнаго Бога, и въ загробное существованіе, можно вѣрить и въ безчисленный рядъ перевоплощеній, и въ тоже

время желать, и находить нужнымъ, и принимать мѣры, чтобы временное существованіе на землѣ, для чего бы оно ни было предназначено, не было рядомъ горестей и печалей, а чтобы это былъ рай земной, въ которомъ люди вмѣсто того чтобы грубѣть душой и ожесточаться сердцемъ, какъ теперь, имѣли бы возможность напротивъ смягчать свои сердца въ благоуханной атмосферѣ свѣтлаго счастья, безоблачной радости, дабы послѣ смерти они явились не съ истерзанной отъ страданій душой, а съ улыбкой на устахъ, существами чистыми, невинными, наивными, способными жить счастливо и при иныхъ условіяхъ. Только жесткіе, безсердечные изувѣры, думающіе, что совершенствованіе человѣческой природы возможно путемъ мученій, съ равнодушіемъ, иногда даже съ радостью взирающіе на корчи тѣлесныя и душевныя, думая въ своемъ нравственномъ извращеніи, что это для блага людей, желающіе поэтому какъ можно болѣе мученій, чтобы какъ можно болѣе ихъ совершенствовать, только такіе кровожадные фанатики не могутъ быть терристами. Но это враги человѣчества, и это люди невмѣняемые, ибо они явно страдаютъ нравственнымъ умопомѣшательствомъ.

Самыми же естественными послѣдователями терризма являются скептики: допуская возможность всякихъ религіозныхъ и метафизическихъ ученій, они не видятъ

достаточныхъ доказательствъ ни чтобы отбросить ихъ, ни, еще менѣе, чтобы принять ихъ. Не будучи такимъ образомъ увѣренными въ существованіи неба, и совершенно не зная, какъ тамъ, если оно есть, они естественно будутъ направлять все свое вниманіе на землю и ея интересы.

Терризмъ теперь не въ модѣ. Но это міросозерцаніе такъ логично, такъ разумно, такъ естественно, т. е. такъ соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, что я глубоко убѣжденъ, что оно есть міросозерцаніе будущаго. И люди войдутъ въ него черезъ врата скептицизма.

Человѣкъ въ древнія времена былъ существомъ матеріальнымъ, но въ тоже время онъ былъ цѣльнымъ существомъ, чувствовавшимъ себя въ равновѣсіи. Теперь, вотъ уже скоро 2000 лѣтъ какъ онъ сталъ раздвоеннымъ существомъ, въ теоріи стремясь къ одухотворенію, на практикѣ оставаясь тѣмъ же матеріальнымъ существомъ, какъ и раньше. И это раздвоеніе, какъ всегда, сопровождается рядомъ страданій, массой недоразумѣній и ставитъ его нерѣдко въ тяжелыя трагическія, а иногда траги-комическія положенія. Человѣкъ потерялъ теперь чувство равновѣсія, онъ мечется между недостижимымъ, противнымъ его природѣ одухотвореніемъ и осуждаемой, но милой ему матеріей, онъ тужитъ, скорбитъ, борется, падаетъ и падая горько

плачетъ. Человѣка со временъ христіанства можно уподобить доброму католику, который ѣстъ каждую среду и пятницу бифштексъ, тяжело мучаясь каждый разъ совѣстью и разстраивая этимъ свое пищевареніе. И настоящая сказка-утопія является проектомъ освобожденія человѣчества отъ этого глупаго и мучительнаго состоянія, отъ этого ненужнаго гнета, проектомъ устроить жизнь такъ, чтобы человѣкъ могъ спокойно и *безнаказанно* ѣсть бифштексъ ежедневно, не терзая себя угрызеніями совѣсти. И въ этомъ смыслѣ моя утопія появляется подъ знаменемъ освобожденія человѣчества отъ гнето духа и реабилитаціи матеріи, ея ренессанса.

Два слова еще о причинѣ, почему я напечаталъ свое сочиненіе за границей. Хотя я не думаю, чтобы цензура запретила печатаніе его въ Россіи (не такъ ужъ она строга, особенно когда дѣло не касается современныхъ, житейскихъ вопросовъ), тѣмъ не менѣе очень возможно, что цензоръ нашелъ бы нужнымъ вычеркнуть какое нибудь мѣсто, какую нибудь фразу, которыми я, можетъ быть, особенно дорожу, и это было бы мнѣ очень больно. Я люблю свою сказку, какъ свое родное дѣтище, это теперь даже почти единственная моя привязанность на землѣ, послѣ того какъ я все на ней потерялъ, и на членовредительство этого дорогаго мнѣ дѣтища я смотрѣлъ бы съ особенною

грустью, съ особеннымъ прискорбіемъ. Пусть же оно живетъ въ мирѣ за границей и читается тѣми немногими лицами, которымъ оно попадется тамъ на глаза. О его большомъ распространеніи я вѣдь не забочусь.

Въ заключеніе я считаю необходимымъ обратить вниманіе читателя на то, что „стерилизаторъ“, являющійся такимъ важнымъ факторомъ въ моей сказкѣ, не есть продуктъ моего воображенія, а повидимому можетъ считаться дѣйствительнымъ фактомъ. Я слыхалъ по крайней мѣрѣ, что недавно изобрѣтены жидкости, обладающія свойствами, которыя я придалъ стерилизатору въ своей сказкѣ. Но еслибы онъ и не былъ открытъ, то его необходимо найти и, нашедши, хранить въ тайнѣ. Это великая сила, и кто знаетъ, для чего она можетъ пригодиться человѣчеству; дѣлать же такую силу достояніемъ массы — неблагоразумно.

„Кто не будетъ, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ царствіе Божье.“

Іисусъ Христосъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Но вотъ еще и еще одно усиліе и наконецъ я окончательно отказался отъ борьбы съ волнами, чувствуя, что эта борьба безцѣльна, безполезна, и что нѣтъ болѣе спасенія. И тотчасъ же, какъ только я принялъ это рѣшеніе, все, что оставалось во мнѣ энергіи, сразу покинуло меня, всѣ мускулы, до того страшно напряженные, вдругъ ослабли, и я почувствовалъ себя совершенно обезсиленнымъ. Я помню хорошо, что это-то именно рѣшеніе перестать бороться болѣе всего тогда меня и испугало, ибо я ясно сознавалъ, что ничто въ мірѣ уже болѣе не въ силахъ заставить меня отмѣнить его, а безъ этого — мнѣ не спастись. Тутъ только почувствовалъ я, что все кончено, и невыразимый страхъ овладѣлъ мною.

Закрывши ротъ и задерживая дыханіе, чтобы не захлебнуться сразу, съ смертельной тоской на сердцѣ я сталъ погружаться въ воду.

О ужасъ! Вотъ она, эта страшная смерть, о которой я столько разъ думалъ, которую я часто старался себѣ представить, вотъ она смотритъ мнѣ теперь прямо въ глаза, — и какъ она страшнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ въ воображеніи!

Я захлебнулся уже разъ . . . . сознаніе стало затуманиваться . . . . Вдругъ огненной струей пронеслась въ моемъ сознаніи вся моя жизнь со всѣми мельчайшими, давно забытыми событіями, со всѣми радостями и восторгами, горестями и страданіями . . . . я начиналъ терять сознаніе . . . . Но вотъ новая волна подхватила меня, подняла на поверхность и вновь куда-то увлекла; я уже задыхался, но, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ, еще разъ втянулъ въ себя воздухъ. О, какое это было наслажденіе! Въ ту же минуту меня обо что-то ударило, а руки, безпомощно висѣвшія, дотронулись до чего то пушистаго: то были водоросли, прикрѣпленныя къ камню, о который меня ударило. Скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно уцѣпился я за эти водоросли, и тутъ во мнѣ вновь проснулась энергія и жажда спастись. Ощупавъ скалу и найдя на ней выступъ, я ухватился за него и, напрягая все, что осталось во мнѣ силы, подталкиваемый

вновь нахлынувшей волной, я вскарабкался на камень и безпомощно растянулся на немъ.

Нѣсколько минутъ пролежалъ я безъ мыслей и чувствъ; но затѣмъ вспомнилъ вдругъ весь ужасъ, все отчаяніе только что пережитыхъ мгновеній и мнѣ показалось все это чѣмъ-то такимъ безконечно обиднымъ, такимъ несправедливо жестокимъ, что я истерически разрыдался.

Но дѣйствительность быстро меня отрезвила: волна окатила меня съ ногъ до головы, и, видя, что мое положеніе не безопасно, что меня можетъ смыть съ камня, я поползъ дальше и только почувствовавъ подъ собой траву, легъ совершенно успокоенный и тотчасъ же заснулъ, какъ убитый.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

I.

Я проспалъ должно быть часа два или три. Къ утру стало свѣжѣть, вѣтеръ еще не совсѣмъ утихъ, и такъ какъ платье мое было совершенно мокро, то я сильно продрогъ и проснулся отъ чувства холода. Я почувствовалъ себя физически совершенно разбитымъ, всѣ члены мои болѣли отъ непомѣрной борьбы, которую мнѣ пришлось выдержать недавно, но несмотря на это, духъ мой отъ сознанія, что я избѣгнулъ такой ужасной смерти, былъ преисполненъ бодрости, я почувствовалъ себя какимъ-то обновленнымъ, и міръ казался мнѣ вдвое милѣе, чѣмъ прежде. Нѣсколько секундъ пролежалъ я въ этомъ радостномъ состояніи, въ этомъ сладостномъ сознаніи, что я живъ, но затѣмъ я быстро вскочилъ, желая согрѣться ходьбой и поскорѣе узнать, куда я попалъ.

Начинало чуть чуть свѣтать, и въ полусумракѣ утра я могъ различить неясныя еще очертанія берега, на которомъ я лежалъ, камней на немъ, подальше

деревьевъ, кое-гдѣ граціозные силуэты пальмъ и еще далѣе — довольно большую бухту съ берегами, переходящими въ песчаную отмель. Сумракъ впрочемъ быстро исчезалъ, и я, поднявшись на некрутой берегъ, скорымъ шагомъ пошелъ вдоль него, по направленію къ замѣченной мною вдали бухтѣ, пробираясь между негустой здѣсь порослью. Зарево зари скоро освѣтило небо со стороны моря, и я могъ теперь совершенно уже ясно различать всѣ предметы. Осматриваясь кругомъ, я замѣтилъ въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ впереди меня, недалеко отъ бухты, среди рощи пальмъ и деревьевъ что-то бѣлѣющее, какъ бы палатки. Подозрѣвая, что это какое нибудь человѣческое жилище, я направился туда, но не зная, буду ли имѣть дѣло съ врагомъ или нѣтъ, сталъ пробираться съ осторожностью, стараясь не дѣлать лишняго шума и скрываясь въ кустахъ, все болѣе и болѣе сгущавшихся. Скоро не осталось никакого сомнѣнія, что то была дѣйствительно группа палатокъ, цѣлый лагерь, но какой странный и какой красивый, совсѣмъ не похожій на военный лагерь.

Онъ былъ расположенъ саженяхъ въ ста отъ берега моря, образовавшаго здѣсь довольно большую бухту, въ которую впадала небольшая рѣчка или вѣрнѣе ручеекъ, огибавшій лагерь со стороны противуположной той, на которой я находился. Съ

трехъ сторонъ лагерь былъ окруженъ густой растительностью, среди которой я и скрылся, осторожно выглядывая изъ за кустовъ.

Палатки, разбросанныя въ безпорядкѣ между деревьями и кустами, какъ бы утопали въ зелени; и какое это было разнообразіе формъ, какое богатство оттѣнковъ зелени! — цѣлый пышный пиръ зелени! Огромныя раскидистыя деревья съ оригинальными пластинчатыми корнями, точно змѣи извивавшимися по землѣ, наклоняли свои могучія вѣтви надъ палатками, оставляя между собою полные таинственной темноты промежутки, образуя какъ бы своды, изъ подъ которыхъ тамъ и сямъ яркими красками сверкали какія то чужеядныя растенія, приросшія къ вѣтвямъ, мѣстами облѣпляя ихъ сплошь подобно моху. Съ вѣтвей деревьевъ спускались живописными гирляндами льяны, разнообразныя вьющіяся растенія съ большими яркими цвѣтами, перекидываясь съ дерева на дерево, переплетаясь, спускаясь на землю толстыми канатами. На первомъ планѣ, впереди деревьевъ, частью скрывая ихъ стволы, росли болѣе низкія кустарныя растенія, то легкія, граціозныя, съ нѣжными листьями и тонкими вѣтвями, то съ тяжелыми, массивными формами листвы, иныя сплошь усѣянныя цвѣтами. Цвѣты росли также въ изобиліи вокругъ самихъ палатокъ, какъ бы нарочно здѣсь разсаженные,

и изъ этихъ естественныхъ, а можетъ быть и искусственныхъ клумбъ, то вдругъ возвышались группы широколиственныхъ банановъ, рѣзко выдѣляясь своей яркой зеленью и громадными листьями, или кудрявыя драцены со своими длинными, извилистыми какъ змѣи стволами, то нѣжно ласкали взоръ тонко разрѣзные изящные листья пальмъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Мѣстами виднѣлись черные стволы древовиднаго папоротника съ роскошной короной своихъ безконечно нѣжныхъ, какъ кружево листьевъ. За палатками тянулся густой тропическій лѣсъ, изъ за котораго вырисовывались прихотливыми зигзагами очертанія горъ, мѣстами подымавшихся отвѣсными обрывами. Вся эта картина, оживляемая пѣніемъ многочисленныхъ птичекъ, ярко оперенныхъ, красныхъ, зеленыхъ, пестрыхъ, весело порхавшихъ среди зелени, производила самое чарующее впечатлѣніе и гораздо болѣе напоминала богато убранный садъ, чѣмъ военный лагерь. Какой-то поэтической фееріей, какимъ-то сказочнымъ міромъ волшебницъ вѣяло отъ всего, что представилось моему очарованному взору. Передо мною стояла красавица тропическая природа во всей своей дивной наготѣ!

Сами палатки мало гармонировали съ представленіемъ о военномъ лагерѣ; только немногія изъ нихъ были бѣлыя, большая же часть ихъ сдѣланы были изъ

какой-то блестящей, повидимому шелковой матеріи, разнообразно и красиво окрашенной. Ихъ было много около 40 или 50, и кромѣ одной-центральной, очень большой и высокой, всѣ были маленькія и низенькія. Хотя палатки, наполовину скрытыя обильной растительностью, и были разбросаны по опушкѣ лѣса безъ всякаго видимаго порядка, но въ цѣломъ онѣ образовали изъ себя довольно правильный полукругъ, впереди котораго разстилалась большая ровная, тщательно вычищенная площадка, и на ней тамъ и сямъ росли высокія мелколистныя деревья и нѣсколько стройныхъ пальмъ, бросавшія лишь легкую полутѣнь на землю. Площадка эта со стороны противуположной лѣсу, постепенно понижаясь, переходила въ песчаную отмель бухты.

Пока я любовался этой картиной полной невыразимой красоты и изящества, солнце успѣло взойти и придать ей еще болѣе оживленный и жизнерадостный видъ.

Вдругъ я вздрогнулъ. Среди полной тишины, нарушаемой только щебетаніемъ птичекъ и нѣжнымъ плескомъ моря, раздался громкій могучій аккордъ, за нимъ другой, третій, — и полились чудные звуки какого-то гимна, какой-то симфоніи, торжественные, величественные. Звуки эти исходили очевидно изъ большаго оркестра, но сколько я ни оглядывался, —

нигдѣ я не могъ замѣтить музыкантовъ, игравшихъ съ замѣчательною тонкостью и артистичностью.

Въ лагерѣ между тѣмъ очевидно проснулись. У входа въ палатки кое-гдѣ стали показываться люди; придерживая одной рукой пологъ палатки, а другой заслоняя глаза отъ солнца, стояли они, видимо любуясь чудной картиной моря, растительности и одинъ за другимъ стали подпѣвать, повторяя нѣкоторые мотивы изъ пьесы. Мало по малу къ пѣнію присоединились и остальные, еще находившіеся въ палаткахъ, и скоро раздался громкій торжественный хоръ подъ акомпанементъ оркестра. Впечатлѣніе было величественное! Въ хорѣ я могъ различить нѣкоторыя слова и фразы — то былъ гимнъ солнцу.

Все оживилось; изъ палатокъ вышли еще люди, выбѣжали дѣти. Но что за странные люди! Очевидно это были дикари, такъ какъ всѣ почти были голые, только немногія женщины имѣли узкія повязки вокругъ бедеръ.

Дикари! Но какіе же дикари просыпаются подъ звуки симфоніи, исполняемой большимъ оркестромъ? И потомъ, это были бѣлые люди, даже съ очень бѣлымъ, нѣжнорозовымъ цвѣтомъ, и какіе всѣ стройные и красивые, и все одни только молодые люди, юноши и дѣвочки — подростки. Взрослые очевидно еще находились въ палаткахъ, вѣроятно они еще спали.

Одно было несомнѣнно, — что люди эти принадлежали къ кавказской расѣ.

И въ какомъ всѣ находились веселомъ, игривомъ настроеніи, улыбка играла у всѣхъ на лицахъ, иные громко смѣялись очевидно кѣмъ нибудь сказанной шуткѣ, другіе подпрыгивали и скакали точно дѣти, вотъ одинъ юноша подбѣжалъ къ другому и, схвативши его подъ мышки, перебросилъ черезъ себя съ ловкостью акробата. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они дружественно здоровались, пожимая руки, поглаживая другъ друга по лицу и цѣлуясь. Но особенно страннымъ показался мнѣ способъ здороваться у мужчинъ съ женщинами: женщина, подойдя вплотную къ мужчинѣ, быстрымъ движеніемъ переворачивалась, и прислонившись къ нему нѣсколько бокомъ, опрокидывалась ему на руку, запрокинувъ въ тоже время голову на его плечо; мужчина же, поддерживая ее одной рукой за талью, другой гладилъ ее по лицу, по груди и затѣмъ цѣловалъ ее . . . И какъ все это дѣлалось изящно и непринужденно, какой удивительной легкостью и граціей отличались всѣ ихъ движенія!

Большинство вскорѣ направилось, весело смѣясь и перегоняя другъ друга, къ протекавшему неподалеку ручейку и стали обмываться и совершать свой утренній туалетъ. Дѣвушки пораспускали свои волосы и, расчесавши и убравши ихъ, отправлялись къ опушкѣ

лѣса, срывая цвѣты и зелень и украшая ими головы; иныя навѣшивали себѣ цѣлыя гирлянды цвѣтовъ на шею или на туловище въ видѣ ожерелья или пояса. Одна молодая дѣвушка нарвала папоротниковыхъ ваій, устроила изъ нихъ родъ короны и надѣвъ ее себѣ на голову, пошла показываться другимъ, возбуждая всеобщій взрывъ хохота и вызывая аплодисменты. Нѣсколько юношей захотѣли видно продолжить эту шутку дальше; они побѣжали къ лѣсу, нарвали нѣсколько охапокъ ваій и, подбѣжавъ къ украшенной короной дѣвушкѣ, надѣли ей, живо связавъ ихъ въ рядъ, на шею — въ видѣ накидки и на поясъ — въ видѣ юбки. Теперь она вся была прикрыта зеленью и имѣла дѣйствительно смѣшной видъ. Одинъ изъ юношей воткнулъ ей еще въ корону длинный стебель съ цвѣтами въ видѣ колоса, качавшагося при малѣйшемъ движеніи. Въ такомъ видѣ ее повели къ лагерю, смѣясь, прыгая и танцуя вокругъ нея и ввели въ большой шатеръ.

А вотъ другая группа молодыхъ людей: стоя по колѣни въ ручейкѣ, они съ хохотомъ и взвизгиваніями взапуски стараются оплескать другъ друга холодной водой.

Какой веселый, шаловливый народъ!

По окончаніи туалета часть молодыхъ людей и дѣвушекъ вернулись въ палатки, остальные же напра-

вились въ большой шатеръ, откуда до меня доносились оживленные голоса, прерываемые громкими взрывами смѣха.

Въ это время вниманіе мое было привлечено появленіемъ какихъ-то странныхъ людей, выходившихъ изъ чащи лѣса, который разстилался позади палатокъ. Они были совсѣмъ непохожи на остальныхъ; широкіе въ плечахъ и бедрахъ, съ толстыми мускулистыми руками и ногами, съ маленькой головой, сидѣвшей на низкой, толстой шеѣ и казавшейся еще меньше, благодаря короткимъ, курчавымъ волосамъ, они производили всѣмъ своимъ видомъ впечатлѣніе чего-то крайне неуклюжаго и неграціознаго. Все это, также какъ и цвѣтъ кожи желтый съ оливковымъ оттѣнкомъ ясно указывало на принадлежность ихъ къ совершенно другой расѣ. На нихъ были надѣты короткія юбочки изъ листьевъ, и въ рукахъ они несли горшки, кувшины и блюда съ какой-то ѣдой, направляясь въ шатеръ. Это были уже несомнѣнные дикари.

Въ это же самое время изъ палатки, расположенной близъ шатра и отличавшейся отъ другихъ нѣсколько большей величиной, вышелъ старикъ высокаго роста съ длинной бородой, въ бѣлой одеждѣ, накинутой на подобіе римской тоги и тоже вошелъ въ шатеръ.

На площадкѣ осталось только нѣсколько дѣтей, продолжавшихъ рѣзвиться, играть и кувыркаться, да

двѣ, три запоздавшія женщины съ маленькими ребятишками верхомъ на плечахъ, пробѣжали къ рѣчкѣ.

Крайне заинтересованный всѣмъ, что я видѣлъ, я совершенно забылъ о себѣ и о своемъ положеніи; прошло можетъ быть около часа, какъ я стоялъ тутъ весь погруженный въ свои наблюденія. Наконецъ я вспомнилъ, что надо же что нибудь предпринять и, не видя никакой для себя опасности, рѣшился выйти изъ своей засады и направился къ группѣ молодыхъ людей, только что вышедшихъ изъ шатра. Вскорѣ и они меня замѣтили, остановились въ нѣкоторомъ недоумѣніи и, переговоривъ другъ съ другомъ, пошли ко мнѣ на встрѣчу. Видно и я не внушалъ имъ никакого страха.

Подойдя къ нимъ поближе, я спросилъ ихъ, кто они такіе.

— Мы друзья, отвѣтили они.

Но это мнѣ мало что объяснило, и я опять обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— А кто этотъ старикъ, который недавно вошелъ въ большую палатку?

— Это Эзраръ, нашъ покровитель.

— То есть начальникъ вашъ? спросилъ я.

— Что это значитъ? мы не понимаемъ, сказали они, видимо недоумѣвая.

— Ну глава, вождь, князь, король, и я перебралъ всѣ названія начальствующихъ лицъ, но они очевидно не знали значенія этихъ словъ, отвѣчали отрицательно и настаивали на томъ, что это ихъ милый, дорогой покровитель, и что они его очень, очень любятъ...

— Да постойте, вмѣшался одинъ изъ молодыхъ людей, обращаясь къ своимъ товарищамъ, это можетъ быть тоже покровитель, посмотрите, какой онъ высокій, и съ бородой, и все тѣло его прикрыто; позовемъ Эзрара, пусть онъ съ нимъ поговоритъ.

И нѣсколько человѣкъ тотчасъ же кинулось въ большую палатку, откуда вскорѣ вышелъ старикъ въ сопровожденіи всѣхъ находившихся тамъ лицъ.

— Кто вы такой, спросилъ онъ меня, и откуда вы пришли?

Я въ краткихъ словахъ объяснилъ ему, какъ я былъ выброшенъ бурей на берегъ и едва не погибъ и въ свою очередь спросилъ, что это за люди, и куда я попалъ.

Но онъ ничего не отвѣтилъ, а только продолжалъ смотрѣть на меня, широко раскрывъ глаза, и затѣмъ видимо пришелъ въ большое волненіе. Отступя на нѣсколько шаговъ, онъ сталъ внимательно осматривать меня со всѣхъ сторонъ, обращая повидимому преимущественное вниманіе на мой все еще измокшій костюмъ; всѣ отодвинулись, чтобы не мѣшать старику,

у всѣхъ были серьезныя лица, то съ изумленіемъ посматривая на меня, то внимательно слѣдя за озабоченнымъ выраженіемъ лица у старика. Послѣдній вдругъ всплеснулъ руками и съ волненіемъ воскликнулъ:

— Возможно ли это! Да вы человѣкъ XIX вѣка! Я видѣлъ въ альбомѣ, на сѣверѣ, въ музеѣ изображенія точно такихъ же людей и именно въ такой одеждѣ! Скажите, можетъ ли это быть?!

Я отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ, заключилъ меня въ свои объятія и, положивъ голову мою на свое плечо, сталъ гладить ее, приговаривая:

— Бѣдный человѣкъ, бѣдный человѣкъ!

Тотчасъ же всѣ окружавшіе насъ молодые люди и дѣвушки бросились также обнимать меня, брали за руки, цѣловали, гладили меня и всѣми знаками старались выразить мнѣ свое сочувствіе и сожалѣніе.

Это меня и удивило и очень тронуло. Но кто-то замѣтилъ, что я можетъ быть хочу ѣсть, и старикъ съ одной стороны, одна дѣвушка съ другой взяли меня за руки и повели въ большую палатку.

— Садитесь гость, отдохните, сказалъ старикъ, указывая на толстый обрубокъ дерева, и узнайте прежде всего, что вы попали къ друзьямъ.

— Друзья, обратился онъ къ присутствующимъ, налейте же поскорѣе этому чужеземцу молока.

И мнѣ тотчасъ же поднесли кубокъ очень красивой формы изъ какого-то желтаго металла до верху наполненный молокомъ; я съ жадностью припалъ къ нему и выпилъ его залпомъ, такъ какъ дѣйствительно чувствовалъ сильный голодъ и жажду.

Всѣ столпились вокругъ насъ и съ любопытствомъ разсматривали меня, обмѣниваясь тихимъ голосомъ замѣчаніями. Старикъ глядѣлъ на меня съ привѣтливой улыбкой; его лицо, довольно смуглое и нѣсколько восточнаго типа, окаймленное длинной пушистой бородой съ сильной просѣдью, было полно ума и выразительности; тонкій съ легкой горбинкой носъ и высокій прямой лобъ придавали ему печать благородства, а большіе черные, замѣчательно красивые глаза его смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ, исполненнымъ доброты и ласки. Отъ этого взгляда мнѣ сразу стало какъ-то тепло, спокойно и довѣрчиво на душѣ.

II.

— Итакъ, обратился онъ ко мнѣ, вы хотите знать, кто мы и куда вы попали. Если вы человѣкъ XIX вѣка, то вы будете поражены: мы — люди XXVII вѣка. Цѣлыхъ восемь столѣтій, восемь сѣдыхъ вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ васъ? Вы видите передъ собой новое, перерожденное человѣчество, достигшее наконецъ того, чего вы и ваши преемники такъ долго и тщетно добивались, — счастья, полнаго, безмятежнаго счастья.

Вотъ посмотрите, вотъ они эти счастливые люди, которые зовутъ себя друзьями и привѣтствуютъ васъ какъ своего дорогаго гостя.

И въ то время какъ старикъ, взявши меня за руку, пожималъ ее, всѣ присутствующіе, высоко поднявъ свои правыя руки въ знакъ привѣтствія, воскликнули хоромъ:

— Привѣтствуемъ, привѣтствуемъ!

Какъ свободны, размашисты были всѣ ихъ движенія! Какъ свѣжи и звонки ихъ молодые голоса! Какъ

стройны и красивы эти юношескія тѣла! Еще издали не могъ я на нихъ налюбоваться, но ихъ лица мнѣ, близорукому, трудно было тогда хорошо разсмотрѣть и только теперь могъ я свободно разглядывать ихъ во всѣхъ подробностяхъ. И Боже! Что за красота! Самое пылкое воображеніе не могло бы себѣ представить ничего подобнаго. Всѣ какъ на подборъ были писанными красавцами и красавицами. И какое разнообразіе типовъ красоты!

Вотъ брюнетка, нѣсколько смуглая, съ томными миндалевидными глазами, маленькимъ пунцовымъ какъ вишня ротикомъ — настоящая восточная красавица; вотъ другая, съ италіянскимъ типомъ лица, тонкимъ, точно выточеннымъ носикомъ, чудными черными глазами, опушенными длинными рѣсницами и густыми волнистыми волосами, спускавшимися ниже поясницы; вотъ еще брюнетка, съ изящнымъ античнымъ профилемъ, классически провильнымъ носомъ и какимъ-то особенно восхитительнымъ выраженіемъ глазъ, какое изрѣдка можно встрѣтить среди молодыхъ красавицъ-гречанокъ. Были между ними и блондинки, съ нѣжно-розовымъ цвѣтомъ кожи, голубыми глазами и наивно-дѣтскимъ выраженіемъ личика, какія попадаются иногда въ Англіи; одна такая блондинка съ длинной свѣтло-русой косой, свѣжими румяными щечками и большими темными глазами, полными таинственности и выраженія,

стояла возлѣ старика, опершись рукой о его плечо. Но большинство присутствующихъ принадлежало къ типу брюнетовъ, особенно юноши. Послѣдніе отличались отъ женщинъ короткими слегка вьющимися волосами, болѣе выраженными и мужественными чертами лица, съ слегка пробивающимся на немъ пушкомъ, рѣдко переходившимъ въ небольшую бородку и, наконецъ, нѣсколько болѣе смуглымъ оттѣнкомъ цвѣта кожи. Это были все живыя античныя статуи, легкія, изящныя, съ безупречными формами, всѣ на подборъ высоко эстетическія произведенія природы, на которыя нельзя было достаточно наглядѣться.

Но женщины все-таки казались мнѣ еще привлекательнѣе, нѣжнѣе, поэтичнѣе. Особенно поражалъ ихъ необыкновенно маленькихъ размѣровъ ротикъ съ такими изящными изгибами линій, какіе бываютъ только у самыхъ красивыхъ дѣтей. Что-то безконечно-нѣжное, дѣтски наивное было во всѣхъ этихъ лицахъ. А бюсты! тонкіе, гибкіе, стройные, съ идеальными маленькими то правильно сферическими, то слегка коническими грудками, а тонкія шейки, а плечи, руки съ дѣвственно чистыми очертаніями . . . . . ! И всѣ эти очаровательные юноши, и всѣ эти идеально прекрасныя дѣвы стояли передъ моимъ очарованнымъ взоромъ во всемъ величіи наивной наготы или едва только прикрытые легкими тканями.

Я кажется безъ конца готовъ былъ смотрѣть и любоваться всей этой дивной красотой. Но старикъ, съ улыбкой слѣдившій за моими восторженными взорами, прервалъ наконецъ мое очарованіе и, обратившись ко мнѣ, снова заговорилъ:

— Судьба занесла васъ на одинъ изъ острововъ Тихаго океана изъ группы Таити, на одинъ изъ лучшихъ уголковъ земнаго шара. Люди, которыхъ вы видите, принадлежатъ къ одной изъ общинъ, населяющихъ этотъ островъ. Мы только что проснулись, и вы вѣроятно слышали благодарственный гимнъ, которымъ наши друзья привѣтствовали солнце, день и жизнь. Мы каждый день привѣтствуемъ такъ наступающій день, потому что каждый день приноситъ намъ новое веселье и новыя радости и однѣ только радости.

Обильны событіями были минувшіе вѣка, велики перевороты, совершившіеся въ человѣчествѣ, не оставивъ камня на камнѣ отъ прежняго его устройства. Тяжелую, многовѣковую борьбу пришлось выдержать людямъ за свое счастье, и эта борьба такъ истерзала, такъ измучила и изуродовала ихъ, что подъ конецъ они совершенно отчаялись когда либо достигнуть своей завѣтной цѣли. Но нашлись люди, которые съумѣли остановить человѣчество на самомъ краю гибели, они сдѣлали послѣднюю попытку завоевать счастье, они возродили и обновили старое, дряхлое человѣчество —

и вотъ что получилось. Какъ вамъ нравятся новые люди? спросилъ онъ меня, оглядывая присутствующихъ съ улыбкой полной гордости и торжества.

— Я восхищенъ и очарованъ непомѣрной красотой, которая меня окружаетъ, отвѣчалъ я. Но я вижу только молодежъ, юношей и дѣвочекъ-подростковъ, это все дѣти, гдѣ же взрослые?

— Ихъ у насъ нѣтъ, отвѣтилъ старикъ. То, что вы тутъ видите и есть наше человѣчество, и таково оно вездѣ, гдѣ только живутъ люди. Прежнее человѣчество, то къ которому принадлежите и вы, все состояло изъ стариковъ, — молодыхъ, взрослыхъ или старыхъ, ибо даже дѣти ваши нерѣдко были уже маленькими старичками. У насъ же наоборотъ: старики — и тѣ молоды, а наши взрослые — это дѣти; по строенію тѣла всѣ люди наши не болѣе какъ юноши, а по характеру — настоящія дѣти, и хорошія, добрыя дѣти. Вотъ посмотрите, какъ вы думаете, сколько этой женщинѣ лѣтъ, спросилъ онъ, указывая на прелестную дѣвочку-подростка съ формами психеи, сидѣвшую у него на колѣняхъ, прижавшись къ нему, одной рукой обнявъ его за шею, а другой играя его бородой.

— Мнѣ кажется, отвѣтилъ я, что этому ребенку должно быть лѣтъ 13, 14, самое большее 15.

— Вы ошибаетесь, возразилъ старикъ, ей 35 лѣтъ и у насъ это уже старость. Присмотритесь къ ней

поближе. И онъ подвелъ ее къ выходу изъ палатки. При солнечномъ свѣтѣ я дѣйствительно могъ разсмотрѣть на ея совсѣмъ молодомъ, совсѣмъ дѣтскомъ личикѣ нѣсколько морщинъ, а въ волосахъ кое-гдѣ, пробивающуюся сѣдину, чего издали совершенно нельзя было замѣтить.

— А вотъ это нашъ мужчина, указалъ онъ на юношу съ головою чисто римскою, напоминавшей юнаго Гракха, съ тонкими губами, очерченными съ изяществомъ античной камеи, съ едва пробивающимся на лицѣ пушкомъ и совсѣмъ безъ волосъ на остальныхъ частяхъ тѣла. Геро, сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ онъ его.

— Мнѣ 28.

— А тебѣ Теина, обратился онъ къ чудной красоты брюнеткѣ съ длинными темнокаштановыми волосами, перевязанными ниже затылка и идеально совершенными формами тѣла, который тебѣ годъ?

— 26, отвѣтила она.

— Здѣсь, около васъ, продолжалъ старикъ, все почти взрослые. И это одно изъ торжествъ нашихъ! воскликнулъ онъ. Наши люди вѣчно юны, вѣчно молоды, и даже въ старости красота ихъ лицъ и формы тѣла нисколько почти не измѣняются.

— Но, значитъ, это не люди, замѣтилъ я, а какія-то ангелоподобныя существа! какъ люди могли бы такъ переродиться?!

— О нѣтъ, отвѣтилъ старикъ, смѣясь, это не ангелы, это не какія нибудь особенныя существа, а такіе же люди, какъ и вы, плоть отъ плоти вашей и кость отъ костей вашихъ, но только дѣйствительно это улучшенная, усовершенствованная порода. И достигли мы этого очень простымъ средствомъ — подборомъ, тѣмъ самымъ искуственнымъ подборомъ, который былъ хорошо извѣстенъ и въ ваше время, но который вы, безумные, примѣняли только къ усовершенствованію лошадей, свиней, собакъ, ко всему, но только не къ самимъ себѣ.

Вотъ этой-то безпредѣльно могучей силой мы и воспользовались для того, чтобы переродить человѣчество и сдѣлать изъ людей вѣчно юныхъ, веселыхъ и счастливыхъ дѣтей. Если же вы хотите узнать, что побудило насъ переродить ихъ именно въ этомъ направленіи, то слушайте.

III.

Когда мы, небольшая кучка людей, видѣвшихъ гибель рода человѣческаго и рѣшившихся попытаться обновить и возродить его, получили наконецъ послѣ долгой и тяжелой борьбы безконтрольную власть надъ человѣчествомъ, то прежде всего намъ предстояло рѣшить, какими должны быть новые люди. Тѣ, среди которыхъ мы жили, дошли до послѣдней степени испорченности и вырожденія, съ такими людьми счастье устроить было невозможно, надо было совершенно заново переродить ихъ и физически, и духовно. Необходимость этого не подлежала никакому сомнѣнію. Опытъ всего человѣчества, долгій, тяжелый и разнообразный опытъ доказалъ, что никакія учрежденія, никакая организація человѣческихъ существъ не могли привести людей къ счастью, и что эта невозможность коренилась въ самой природѣ человѣка. Всевозможныя системы были испробованы за протекшія столѣтія, иныя по нѣсколько разъ, всѣ успѣхи

науки, искусства, техники, вся сложная цивилизація, величайшіе подвиги безкорыстной любви и самоотверженія — все это было къ услугамъ человѣка, но ничто не могло принести счастья, все разбивалось объ его природу: послѣдняя очевидно была несовмѣстима съ счастьемъ. Слѣдовательно не новыя системы, не новыя учрежденія, не дальнѣйшихъ успѣховъ техники и цивилизаціи, ни даже новыхъ подвиговъ любви надлежало намъ искать, нѣтъ, намъ нужно было передѣлать самаго человѣка.

Но какъ передѣлать? какова должна быть природа новыхъ людей, людей прежде всего способныхъ быть счастливыми? Гдѣ искать указаній? Гдѣ та раса, та группа человѣчества, та хотя бы небольшая кучка людей въ длинномъ рядѣ вѣковъ, которая была бы истинно счастлива и счастьемъ достаточно полнымъ и достаточно прочнымъ, чтобы изъ за него стоило предпринимать гигантскій, титаническій трудъ нашъ. Неужели, думалось намъ, мы не найдемъ за все существованіе человѣчества хоть какое нибудь указаніе, которое какъ маякъ или хотя бы какъ слабая путеводная звѣздочка могло бы освѣщать намъ путь и помочь прійти къ цѣли.

И вотъ мы принялись перелистывать страницы исторіи человѣчества и искать въ ней образцовъ истинно счастливыхъ людей.

Были ли счастливы дикари? — нѣтъ, они прозябали, а не жили среди холода, голода и ежеминутнаго страха погибнуть отъ руки ближняго, находясь подъ постояннымъ гнетомъ всевластнаго обычая, а если въ такихъ счастливыхъ райскихъ уголкахъ земли, какъ полинезійскіе острова и попадались иногда племена, съумѣвшія близко подойти къ счастью, то и у нихъ оно было непрочное и скоро преходящее. Были ли люди счастливы въ періодъ тиранніи, въ эпоху древнихъ великихъ царствъ съ ихъ рабствомъ и внѣшнимъ блескомъ? — подвластные люди и рабы — конечно нѣтъ, ни даже сами тираны. Были ли люди счастливы въ феодальный періодъ съ его кулачнымъ правомъ, правомъ сильнаго, съ его религіознымъ гнетомъ? Слабые, угнетенные — конечно нѣтъ, сильные иногда, повидимому да, какъ напримѣръ богатые люди въ Италіи въ эпоху возрожденія, но и тутъ счастье было эфемерное, часто сомнительное, да и многіе ли имъ пользовались и какою цѣною. Образцомъ служить намъ они не могли. Были ли счастливы рабочіе пролетаріи XIX и XX вѣковъ? — конечно нѣтъ, также какъ и армія полурабочихъ, пролетаріатъ знанія и техники. Но быть можетъ счастливы были хозяева и капиталисты, люди богатые? Можетъ быть, иногда, очень немногіе, но и у нихъ были, свои горести, и ихъ счастье носило печать сомнительности и непроч-

ности; да и кто, какъ не сыны обезпеченныхъ классовъ вашего вѣка произвели на свѣтъ это страшное дѣтище — пессимизмъ? Были ли счастливы соціалисты XXI и XXII вѣковъ? На очень короткое время, въ періодъ всеобщаго энтузіазма воцарилось кое-гдѣ подобіе счастья, его миражъ, но энтузіазмъ скоро остылъ и пошли опять прежнія распри и раздоры, прежняя игра страстей, все разрушившихъ и разсѣявшихъ этотъ миражъ. А потомъ пошли новыя несчастія, новыя горести и, все увеличиваясь и обостряясь, они довели наконецъ человѣчество до полнаго отчаянія, до готовности наложить на себя руки. Да, дѣйствительно, въ XXIV вѣкѣ были грандіозныя попытки самоистребленія рода человѣческаго! Нигдѣ не нашли мы того счастья, какого искали, — надежнаго, прочнаго; а если проблески его иногда и появлялись, то въ немъ самомъ уже гнѣздился зародышъ того червя, который, источивъ сначала сердцевину, губилъ наконецъ и весь плодъ.

И вдругъ мы нашли счастливыхъ людей!

Въ поискахъ за ними мы совершенно забыли о существованіи обширной группы человѣчества, которая во всѣ вѣка, при всѣхъ условіяхъ: дикости, тираніи, феодализма, капитализма, соціализма, всегда была безмятежно счастлива, — то были дѣти! Это открыло намъ глаза и сразу освѣтило намъ путь. Итакъ, —

вотъ гдѣ истина, вотъ что нужно для того, чтобы осуществить вѣчное счастье на землѣ: нужно, чтобы люди стали подобны дѣтямъ, ибо только дѣти могутъ быть счастливы.

И въ самомъ дѣлѣ, подумайте, можетъ ли быть иначе! Что такое счастье, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ? Первый элементъ — это стремленіе къ чему нибудь, второй — достиженіе того, къ чему стремились и, наконецъ, какъ результатъ — наслажденіе достигнутымъ; затѣмъ новое стремленіе, новое достиженіе и новое чувство удовлетворенія, потомъ опять стремленіе и т. д. до самой смерти. Въ основѣ слѣдовательно лежитъ коренное свойство человѣка — стремиться, и не только человѣка, но и животнаго и даже всего живущаго. Уничтожьте это свойство, и безъ него не будетъ счастье, а только совершенно безразличное состояніе. Но если это свойство является условіемъ счастья, то оно же можетъ быть источникомъ и несчастья, все зависитъ отъ умѣнья его примѣнять, и умѣютъ это — только дѣти! Дѣти потому и счастливы, что они непрерывно стремятся, но при этомъ стремятся только къ простому, только къ легко достижимому и, легко достигая всего, потому-то вѣчно и довольны своимъ положеніемъ. Вы, люди, вѣчно стремились или къ недостижимому, или къ такому, чего достигнуть было трудно и возможно только путемъ усиленной борьбы, цѣною страшныхъ услож-

неній, обыкновенно даже страданій. Удивительно ли послѣ того, что самое достиженіе цѣли рѣдко васъ удовлетворяло, оно отравлялось и этой борьбой, и сознаніемъ тѣхъ жертвъ, которыхъ оно стоило. Отсюда — постоянное ваше недовольство настоящимъ, постоянное стремленіе къ новому, еще болѣе сложному и труднѣе достижимому, пока наконецъ въ моментъ смерти съ отчетливою ясностью не выступало сознаніе ничтожности всѣхъ этихъ столь трудно достижимыхъ цѣлей. Только на смертномъ одрѣ человѣкъ становился опять простъ, какъ ребенокъ, но увы! — уже слишкомъ поздно!

Тогда только, понявъ все это, мы поняли, въ какомъ смыслѣ надлежало переродить человѣчество. Но было ли это осуществимо?

Въ то время мы обладали такими могучими орудіями, оставленными намъ въ наслѣдство наукой предъидущихъ вѣковъ и сами мы, люди, стремившіеся къ обновленію, были такъ тѣсно сплочены и дѣйствовали такъ единодушно, что мы могли тогда сдѣлать съ человѣчествомъ рѣшительно все, что бы ни захотѣли. Мы могли превратить людей въ существъ полусознательныхъ, подобныхъ животнымъ, не сознающихъ своего положенія; но былъ ли смыслъ трудиться для того, чтобы населить землю такими безразличными существами, которыя правда не испытывали бы горя,

не сознавая его, но не знали бы и радостей. Мы могли путемъ искуственнаго подбора превратить людей въ дикарей, изъ всѣхъ людей, быть можетъ, еще самыхъ счастливыхъ, но къ чему бы это повело? Черезъ нѣсколько тысячелѣтій эти дикари, въ силу неизбѣжнаго закона прогресса, дошли бы опять до прежняго состоянія, вторично перейди черезъ весь длинный мартирологъ, черезъ который уже разъ такъ мучительно прошло человѣчество. Мы могли наконецъ безболѣзненно истребить весь родъ человѣческій. Да, мы обладали могучимъ средствомъ, при помощи котораго, могли, не прибѣгая ни къ одному убійству, заставить черезъ одно, много черезъ два, три поколѣнія вымрѣть весь родъ человѣческій. И этотъ послѣдній исходъ казался едва ли не самымъ цѣлесообразнымъ. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ нему, мы рѣшились сдѣлать еще одну попытку — смѣлую, пожалуй, до безумія: мы задумали изъ четырехъ возрастовъ человѣка — дѣтства, юности, зрѣлости и старости, выбросить два послѣднихъ, какъ несовмѣстимыхъ съ счастьемъ, оставивши только два первыхъ, иными словами — создать особую породу дѣтей, способныхъ плодиться. Еслибы и эта попытка оказалась неисполнимой, то оставалось одно: — прекратить существованіе человѣческаго рода навсегда. Оставлять его далѣе мучиться — было бы слишкомъ жестоко.

И вотъ мы принялись за работу. Съ большою тщательностью выбрали мы такіе элементы, которые могли дать желаемые результаты, т. е. людей, наиболѣе приближавшихся къ дѣтскому типу и по физической организаціи и, главное, по душевнымъ качествамъ и строгимъ подборомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе усиливали и развивали требуемыя качества. И теперь мы можемъ съ радостью сознаться, что наши труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Результаты превзошли даже всѣ наши ожиданія.

Я слушалъ, пораженный неожиданностью и оригинальностью всего, что узналъ. Умомъ, сознательно я не могъ сразу освоиться со всѣмъ этимъ, такъ оно было ново и отлично отъ моего прежняго міросозерцанія, но чутье смутно мнѣ подсказывало, что старикъ можетъ быть и правъ.

— Да, задумался я, ... дѣйствительно ... и въ наше время говорили: счастливы, какъ дѣти, веселъ, какъ ребенокъ, дѣтскій возрастъ иначе не называли какъ счастливымъ, всѣ ему завидовали. Видно и всегда это было такъ, видно все мѣняется, и только одно остается неизмѣннымъ — это дѣтская природа .....

IV.

— Но кто же все это совершилъ? спросилъ я, вы все время говорите: мы рѣшили, мы сдѣлали, мы покровители; вы какъ будто выдѣляете себя изъ всего остальнаго человѣчества.

— Да, отвѣтилъ старикъ, и дѣйствительно мы составляемъ совершенно обособленную расу. Основа, масса человѣчества состоитъ изъ вотъ этихъ юношей и подростковъ, какъ вы ихъ называете, изъ друзей, какъ мы ихъ называемъ, но кромѣ нихъ существуетъ еще другая порода людей, гораздо ближе стоящая къ вамъ, чѣмъ эти дѣти, прямые можно сказать потомки прежнихъ людей — это мы, покровители, какъ они насъ называютъ. И дѣйствительно мы не только ихъ покровители, но и ихъ создатели. Нашимъ умомъ, нашими познаніями, нашей волей произвели мы на свѣтъ этихъ счастливыхъ, веселыхъ дѣтей по наперед начертанной программѣ. Мы воспользовались громадной силой, которую давала намъ ваша наука, особенно въ

лицѣ законовъ наслѣдственности и подбора, и какъ видите на нашихъ друзьяхъ, мы значительно измѣнили первоначальный типъ человѣка, но сами мы остались приблизительно тѣми-же и физически и духовно. Мы являемся хранителями знанія, историческаго опыта, мы за друзей нашихъ, за дорогихъ нашихъ дѣтей думаемъ, тщательно оберегаемъ ихъ жизнь, устраняемъ все, что можетъ угрожать ихъ счастью, дабы сами они могли жить весело и беззаботно. Безъ насъ, покровителей, родъ человѣческій быстро бы погибъ.

— А знаете ли что, Эзраръ, я иногда мечталъ, какъ было бы хорошо, еслибы Богъ послалъ на землю своихъ ангеловъ, видимыхъ, во плоти, которые жили бы среди людей, руководили бы ими, помогали бы имъ во всемъ, устраняли бы съ ихъ пути всѣ соблазны и затрудненія. И теперь я вижу, что вы осуществили эту мечту мою. Какъ это все странно. Но я замѣчаю, что вы значительно разнитесь отъ друзей и физически, у васъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ у нихъ, какъ же вы поддерживаете свою особую расу?

— Да, мы значительно больше ихъ ростомъ, не обладаемъ ихъ дѣтской красотой, вонъ и борода у меня какая большая; мы подвержены, какъ вы видите, и старости, но зато и живемъ вдвое, втрое больше ихъ, обыкновенно до 100 лѣтъ, и это долголѣтіе, также выработанное искуственнымъ подборомъ, является

для насъ особенно важнымъ и необходимымъ. Благодаря ему, мы знаемъ прошлое отцовъ и даже дѣдовъ теперешняго поколѣнія друзей и потому ясно можемъ видѣть результаты того или другаго подбора родичей, усилить требуемыя качества, ослабить или совсѣмъ устранить нежелательные элементы. Но у насъ, покровителей, есть и свои женщины, которыя и поддерживаютъ нашъ родъ. Мы не смѣшиваемся съ нашими друзьями, какъ и они не смѣшиваются съ нами.

— Значитъ въ человѣчествѣ произошелъ полиморфизмъ?

— Въ легкой формѣ — да.

— Ахъ, воскликнулъ я, какъ все это удивительно и какъ хорошо придумано! Съ одной стороны — дѣти, веселыя, счастливыя, не заботящіяся о завтрашнемъ днѣ, съ другой — вы, старшіе, смотрите, чтобы съ ними не приключилось какой нибудь бѣды. Вы являетесь въ нѣкоторомъ родѣ ихъ нянъками или воспитателями!

— Не въ нѣкоторомъ родѣ, а совершенно, возразилъ старикъ, улыбаясь. Или вѣрнѣе: мы отцы и смотримъ на друзей, какъ на нашихъ родныхъ и дорогихъ намъ дѣтей; мы также нѣжно любимъ ихъ, какъ родители своихъ дѣтей и они отплачиваютъ намъ тѣмъ же. Правда вѣдь? обратился онъ къ друзьямъ.

Не успѣлъ старикъ этого произнесть, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались живыя доказательства справедливости его послѣднихъ словъ. Всѣ наперерывъ бросились къ нему, стали обнимать его, цѣловать его руки, лицо, восклицая:

— Да, да, любимъ, очень, очень любимъ тебя! ты нашъ дорогой, милый покровитель.

Трогательно было видѣть эту своеобразную картину, этотъ могучій взрывъ неподдѣльной, глубокой, искренней любви!

— И въ этомъ наше счастье! громко проговорилъ старикъ, видимо и самъ взволнованный.

Я глядѣлъ, задумавшись, и любовался представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Двое прелестныхъ созданій такъ и остались сидѣть на колѣняхъ у старика, обнявъ его за шею; онъ ихъ ласкалъ и гладилъ по головкамъ, а онѣ, точно двое птенчиковъ, уютно прижавшись къ его груди, смотрѣли на меня съ улыбкой радости и счастья на ихъ прелестныхъ юныхъ лицахъ. Другіе усѣлись у его ногъ, и этотъ величественный, красивый старикъ, окруженный нѣжными, какъ только что распустившіеся цвѣтки, созданіями, точно патріархъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ, составлялъ группу полную красоты, поэзіи и глубокаго смысла.

Да, подумалъ я, здѣсь очевидно царитъ не только красота тѣла, но и красота духа.

И вы говорите, обратился я снова къ старику, когда все успокоилось, что эти дѣти или люди — я какъ то все затрудняюсь ихъ такъ называть — счастливы. Чѣмъ же они счастливы, что они дѣлаютъ?

— Они счастливы тѣмъ же, чѣмъ бываютъ счастливы всѣ дѣти и дѣлаютъ тоже, что всегда дѣлали дѣти. Они счастливы своимъ бытіемъ, ихъ радуетъ солнце, море, зелень, они любятъ гулять, купаться, собирать цвѣты, главное же ихъ занятіе — игры. Съ утра и до вечера они только и дѣлаютъ, что играютъ и веселятся.

— Но позвольте, возразилъ я, какъ же это они все время играютъ, а когда же они работаютъ?

Старикъ не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ. Онъ какъ будто задумался, потомъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, не то слегка насмѣшливо, не то съ сожалѣніемъ, и этотъ взглядъ его почему-то меня смутилъ. Затѣмъ, медленно произнося, и глядя на меня своими большими черными проницательными глазами, онъ сказалъ:

— Ни мы, ни наши друзья никогда не работаемъ.

При этомъ онъ всталъ и съ величественнымъ жестомъ руки, возвышая голосъ, произнесъ:

— Трудъ, грубый, обязательный физическій трудъ оскорбителенъ для человѣческой природы! Онъ уни-

жаетъ ее, — это было проклятіе, наложенное на человѣчество, и мы, слышите ли вы, мы его сняли съ людей!

И произнеся это, старикъ какъ-то весь преобразился, глаза его заблистали, что-то могучее послышалось въ его голосѣ, чѣмъ-то величественнымъ сверхчеловѣческимъ повѣяло отъ этого высокаго старца осмѣлившагося произнесть такія дерзновенныя слова. Назвать трудъ, святой трудъ, какимъ мы его считали, оскорбительнымъ, позорящимъ человѣка! Снять проклятіе, на вѣчныя времена наложенное самимъ Богомъ! Развѣ могутъ позволить себѣ это простые смертные? И человѣкъ ли этотъ старецъ, ужъ не воплощеніе ли онъ какого нибудь могущественнаго духа!... Да и вправду ли этотъ трудъ такой святой, и не мы ли, сами никогда не трудившіеся, такъ его называли! .... Ужъ не правъ ли старикъ?

Таковы были мысли, промелькнувшія въ моемъ умѣ; и вдругъ .... одинъ изъ кумировъ, ложный и фальшивый, какъ мнѣ теперь показалось, пошатнулся и готовъ былъ пасть въ прахъ у ногъ моихъ. И какимъ-то ничтожнымъ, маленькимъ и слабымъ показался я самому себѣ предъ лицомъ этого страннаго, казавшагося мнѣ теперь таинственнымъ старца.

Но онъ успокоился, сѣлъ опять, и я робко обратился къ нему съ вопросомъ:

— Но, дорогой Эзраръ, скажите, если люди не работаютъ, то кто-же работаетъ, кто добываетъ средства къ существованію?

— Рабы, отвѣтилъ онъ.

— Что вы говорите, произнесъ я полный изумленія, у васъ есть рабы?! Вы, повидимому такіе умные и добрые люди, допускаете у себя рабство! Ахъ да! это вѣрно тѣ безобразные люди, которыхъ я видѣлъ утромъ, несшіе кувшины и блюда?

— Это были не люди, а рабы.

— Но вѣдь и рабы же люди, только несчастные!

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, возразилъ старикъ, васъ сбиваетъ съ толка слово рабъ, которому вы придаете древнее значеніе и которымъ дѣйствительно прежде обозначали несчастныхъ, угнетенныхъ людей. Но мы воспользовались только прежнимъ словомъ, на самомъ же дѣлѣ подъ нимъ мы разумѣемъ нѣчто совершенно иное. Повторяю — наши рабы не люди.

— Что я слышу, воскликнулъ я, все болѣе и болѣе изумляясь, неужели вправду это не люди, неужели это усовершенствованныя животныя?

— Нѣтъ, улыбнулся старикъ, и это невѣрно; эти существа дѣйствительно не люди, хотя и произошли отъ нихъ, но это все-таки скорѣе видоизмѣненные люди, чѣмъ усовершенствованныя животныя.

— Но вѣдь это же страшная несправедливость, они же все-таки люди, и значитъ они мучаются, они несчастны, и неужели это не отравляетъ вамъ ваше счастье!

— Нѣтъ, серьезно отвѣтилъ старикъ, наши рабы не мучаются, ибо они не сознаютъ своего положенія и потому-то они не люди. Они разумны, что дѣлаетъ ихъ гораздо цѣннѣе всякаго домашняго животнаго, но ихъ разумъ очень мало развитъ, крайне спеціализированъ и вращается только въ извѣстной сферѣ, для каждаго очень ограниченной. У насъ есть рабы, которые культивируютъ только горохъ и бобы — это главная ихъ пища и пища нашихъ коровъ — и прекрасно культивируютъ, но другаго они ничего не умѣютъ дѣлать и даже ничего не понимаютъ внѣ этой сферы; другіе умѣютъ только ходить за коровами и доить ихъ, третьи сѣютъ рисъ, четвертые умѣютъ только плести циновки или лѣпить горшки, есть такіе, которые намъ прислуживаютъ. У нихъ правда нѣтъ особенныхъ радостей, но нѣтъ и никакого горя, они всегда сыты, имѣютъ женъ и дѣтей, которыхъ по своему любятъ и совершенно довольны своимъ положеніемъ, такъ что ваши сожалѣнія объ нихъ совершенно неумѣстны, тутъ нѣтъ никакой несправедливости, и въ жестокосердіи насъ упрекать нельзя. Но зато, подумали ли вы, какія это учрежденіе имѣетъ послѣдствія для человѣчества?

— О да, воскликнулъ я, я понимаю! Это геніально! О, теперь я все понимаю! Вотъ — счастливыя, веселыя, добрыя дѣти, вы — любящіе ихъ и умные воспитатели, нужна же и прислуга, нужны черноработіе, повара, коровницы. О да, это вѣрно, не этимъ же чуднымъ изящнымъ созданіямъ доить коровъ и возиться въ навозѣ и грязи. Итакъ вотъ какъ разрѣшился вѣчный вопросъ о счастьѣ, о благополучіи людскомъ! Вы устроили нѣчто въ родѣ раздѣленія труда и какое оригинальное: одни существуютъ спеціально для наслажденія жизнью — это дѣтство и юность человѣчества, другіе — представители зрѣлаго возраста и старости существуютъ для того, чтобы заботиться о первыхъ и любоваться ихъ счастьемъ и, наконецъ, третьи трудятся и работаютъ за всѣхъ. Скажите, вѣрно ли я понялъ? такъ ли это все?

— Да, вы совершенно вѣрно поняли: именно таковы основы новой системы человѣчества. Она основана на выдѣленіи изъ жизни человѣческой несовмѣстимыхъ элементовъ, и какъ результатъ этого получилось то, что вы несовсѣмъ вѣрно назвали раздѣленіемъ труда, и что я бы назвалъ гармоніей. Трудъ, умъ и счастье — вотъ три элемента, безъ которыхъ человѣчество не можетъ существовать. Но трудъ всегда мѣшалъ людскому счастью на землѣ, да и непригоденъ онъ дѣтямъ — и мы выдѣлили этотъ элементъ изъ

человѣчества и поставили его внѣ его. Умъ слишкомъ ѣдкій элементъ, соприкасаясь съ счастьемъ, онъ разлагаетъ его — и мы его тоже выдѣлили, сконцентрировавши его въ насъ самихъ. И вотъ осталось человѣчество съ однимъ только счастьемъ — простымъ, но прочнымъ.

— О, какъ это грандіозно! Я восхищенъ этой идеей, я никакъ не ожидалъ, что человѣчество именно такъ разрѣшитъ свою вѣковую задачу. Но, но .... позвольте, какъ же съ трудомъ ... я всетаки не знаю, что мнѣ больше: восхищаться или возмущаться ... Допустимъ, что всю тягость земной жизни, весь черный трудъ вы свалили на рабовъ, что они этого не чувствуютъ, не страдаютъ, допустимъ, что это такъ, — это уже совершившійся фактъ, и какъ съ таковымъ можно, пожалуй, съ этимъ еще примириться. Но всетаки мое чувство глубоко возмущается: вѣдь это значитъ, что нѣкогда совершено было страшное, невѣроятное преступленіе: цѣлая половина человѣчества была затоптана въ грязь, придавлена, унижена для того, чтобы другая могла предаваться беззаботному веселью. О Боже, какъ это ужасно! Скажите Эзраръ, какъ могли вы на это рѣшиться? О, какое преступленье! Нѣтъ, я съ этимъ никогда не примирюсь, и вашего счастья, купленнаго такою цѣною, я не могу уважать!

И я весь задрожалъ отъ сильнаго волненія, охватившаго все мое существо, такимъ чудовищнымъ, такимъ неслыханнымъ показалось мнѣ совершенное преступленіе. Унизить, выродить цѣлую половину человѣчества до состоянія скотовъ!

— Мой другъ, спокойно проговорилъ старикъ, ваше волненіе дѣлаетъ честь доброму сердцу вашему, но успокойтесь, никакого преступленія не было сдѣлано. Эти существа произошли изъ поддонковъ человѣческаго рода, изъ самыхъ нисшихъ расъ или вѣрнѣе ничтожныхъ остатковъ ихъ, которыхъ намъ съ великимъ трудомъ удалось найти въ самыхъ пустынныхъ уголкахъ южной и центральной Африки и отчасти Азіи, изъ Готтентотовъ и тому подобныхъ племенъ, представителей которыхъ и тогда нельзя было назвать людьми. Одичалые, отупѣлые, какъ звѣри влачили они свое жалкое существованіе, питаясь кореньями, вѣчно голодая; мы ихъ размножили, подборомъ нѣсколько усовершенствовали, развили въ нихъ податливость, трудолюбіе и мышечную силу, дрессировали для разныхъ спеціальныхъ работъ, которыя они исполняютъ охотно, нисколько этимъ не тяготясь, по влеченію, какъ работаютъ пчелы и муравьи. И повѣрьте, теперь они живутъ гораздо счастливѣе, или по крайней мѣрѣ спокойнѣе, чѣмъ прежде, они всегда сыты, у нихъ кровъ, защищающій ихъ отъ дождя, у нихъ

семья, дѣти; они только выиграли и во всякомъ случаѣ ничего не потеряли отъ перемѣны своего положенія. Мы никого, какъ видите не принизили, никого не втоптали въ грязь. Отъ нашего поступка никому не хуже, друзьямъ же лучше.

А затѣмъ, прибавилъ онъ, нѣсколько возвышая голосъ, знайте, что мы, покровители, являемся не только носителями знанія, хранителями опыта человѣческаго, но также и носителями нравственныхъ началъ, и во имя ихъ мы никогда бы не допустили и не допустимъ совершиться такой вопіющей несправедливости, въ какой вы насъ заподозрили!

Было, правда, нѣкогда совершено преступленіе, страшное преступленіе, въ стократъ большее, чѣмъ то, въ которомъ вы насъ упрекнули, но оно было совершено не нами, а знаете кѣмъ? — вами, нашими обвинителями! Это вы втаптывали въ грязь, вы попирали ногами, вы унижали человѣческую природу и не одной половины, а цѣлыхъ девяти десятыхъ человѣчества для того, чтобы на широкомъ фундаментѣ, сложенномъ изъ сотенъ милліоновъ человѣческихъ существъ воздвигнуть красивое зданіе вашей роскошной цивилизаціи, для того чтобы, опираясь на немъ, наслаждаться довольствомъ, наукой, изящной чистотой, пріятно щекотать свои нервы зрѣнія, слуха, обонянія и даже осязанія. И что ужаснѣе всего, вы создали

рабовъ не изъ дикихъ племенъ, а изъ своихъ же собственныхъ братьевъ, и, что еще ужаснѣе: — рабы эти вполнѣ сознавали весь ужасъ своего положенія, мучились, стонали въ своей грязи, они пытались и возставать изъ нея, но каждый разъ натыкались на штыки, направляемые вашими ловкими руками и задыхались въ своей собственной крови. Вотъ это вы вправѣ назвать неслыханнымъ, невѣроятнымъ преступленіемъ! Правда, дальнѣйшія событія доказали совершенную неизбѣжность всего этого, совершенную несбыточность всѣхъ попытокъ внести справедливость въ человѣческія отношенія, несовмѣстимость правды съ человѣческой природой; но вы, люди XIX вѣка, неимѣли еще этого ужаснаго опыта позднѣйшихъ вѣковъ, вы всѣ напротивъ въ глубинѣ души своей считали возможной жизнь на справедливыхъ началахъ, но вы заглушали въ себѣ этотъ голосъ совѣсти, дабы вамъ $^1/_{10}$ человѣчества спокойнѣе было пользоваться $^9/_{10}$ всѣхъ благъ земныхъ. И это удесетеряло вашу вину.

Точно бичемъ по лицу хлестнулъ онъ меня этими жестокими, но глубоко справедливыми словами, мнѣ стало больно и стыдно за свою выходку, за свое глупое, безсмысленное возмущеніе; схвативши руку старика, я припалъ къ ней и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Простите Эзраръ! простите меня! да, я былъ неправъ, я не зналъ, съ кѣмъ говорю. Но кто же вы тогда? вы, давшіе человѣчеству вѣчную юность и счастье, снявшіе съ людей проклятіе труда, скажите, вы значитъ не люди, а богоподобныя существа?

— Успокойтесь мой другъ, отвѣтилъ старикъ, заключая меня въ свои объятія, не волнуйтесь такъ, виноваты тутъ не вы, а я. Но вы задѣли меня за живое своимъ обвиненіемъ, и я, забывшись, вмѣсто того чтобы ограничиться оправданіемъ, перешелъ въ нападеніе на васъ и вашихъ современниковъ. Что же касается послѣднихъ вашихъ словъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, то вы ошибаетесь: мы такіе же простые смертные, какъ и вы, хотя восемь вѣковъ культуры и развитія конечно не даромъ прошли надъ нами, они оставили на насъ свой слѣдъ, утоньчили нашъ умъ, доведя его иногда до степени прозрѣванія, прибавили знанія, опыта, мы поэтому глубже вникаемъ въ природу вещей, и многое намъ легче достижимо, чѣмъ было вамъ. Не забывайте также, что мы не переставали совершенствовать себя искуственнымъ подборомъ, и этимъ путемъ прочно укрѣпили въ себѣ все хорошее, доброе, нравственное. Но повторяю, мы тѣ же люди, и лучшіе представители человѣчества вашего вѣка мало чѣмъ отличались отъ насъ.

— Покровитель, вмѣшался одинъ изъ молодыхъ людей, мнѣ кажется, что чужеземецъ не виноватъ, что такъ думаетъ о нашихъ рабахъ, вѣдь онъ ихъ совсѣмъ не видѣлъ. Хочешь, я сейчасъ побѣгу и приведу нѣсколькихъ изъ нихъ, чтобы онъ могъ на нихъ посмотрѣть?

— Нѣтъ, мой другъ, не надо, они теперь заняты, и ихъ не слѣдуетъ тревожить. Мы потомъ пойдемъ къ нимъ, и нашъ дорогой гость успѣетъ еще подробно съ ними познакомиться.

А теперь, обратился онъ ко мнѣ — и лицо его при этомъ освѣтилось улыбкой, а голосъ сдѣлался мягче: чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное на васъ нашимъ разговоромъ, полюбуйтесь еще разъ на нашихъ друзей, посмотрите, какіе они изящные, красивые и вѣрьте мнѣ: ихъ душевныя качества вполнѣ гармонируютъ съ ихъ внѣшностью.

И я опять обвелъ глазами толпу этихъ красивыхъ созданій, стоявшихъ вокругъ насъ и со вниманіемъ слѣдившихъ за нашимъ споромъ, и дѣйствительно, ничто не могло такъ мягко, такъ успокоительно подѣйствовать на мои взволнованныя чувства, какъ это чудное зрѣлище. Нѣкоторые изъ нихъ подходили ко мнѣ, брали меня за руку, гладили ее, какъ бы желая меня этимъ успокоить: одна прелестная молодая дѣвушка съ большими наивными, какъ у дѣтей, черными

глазами и крошечнымъ пунцовымъ ротикомъ подошла ко мнѣ и, положивши мнѣ руки на плечи, наклонилась къ самому моему лицу, взглянула на меня съ улыбкой и — поцѣловала прямо въ губы! И какъ все это дѣлалось просто, мило, съ совершенно дѣтской довѣрчивостью, безъ того стѣсненія, той холодной сдержанности, которыя ставили такія тяжелыя преграды въ отношеніяхъ между нашими людьми. Я какъ будто находился въ большой дружественной семьѣ и самъ все болѣе и болѣе чувствовалъ себя членомъ этой семьи.

V.

Но видъ всѣхъ этихъ статныхъ молодыхъ людей, этихъ изящныхъ маленькихъ женщинъ навелъ на меня рядъ мыслей, и я, уже успокоенный, обратился къ старику съ вопросомъ.

— А скажите, дорогой Эзраръ, какъ эти милыя дѣти любятся, какъ у нихъ сходятся полы, допускаете ли вы такъ называемую свободную любовь или вы сохранили форму семьи?

— Любовь, отвѣчалъ Эзраръ, какъ чувственная, такъ и психическая играетъ у насъ большую роль, и первую мы не считаемъ чѣмъ нибудь низменнымъ, постыднымъ, недостойнымъ; напротивъ, мы смотримъ на эту любовь какъ на одну изъ самыхъ милыхъ забавъ нашихъ, какъ на изящный цвѣтокъ вплетенный въ вѣнокъ нашей радостной и праздничной жизни, и наши друзья часто-таки срываютъ этотъ цвѣтокъ. Но мы строго различаемъ сношенія, предназначенныя исключительно для наслажденій отъ такихъ, которыя

имѣютъ цѣлью продолженіе рода. Въ первыхъ мы не стѣсняемъ друзей, и они сходятся, какъ и когда имъ угодно, съ однимъ только условіемъ, чтобы эти сношенія оставались безплодными, но на вторыя мы смотримъ какъ на священную вещь, какъ на нѣчто въ высшей степени важное и серьезное, ибо въ нихъ залогъ счастья и благополучія рода человѣческаго. Поэтому этого рода сношенія находятся подъ строгимъ нашимъ контролемъ, и производителей мы выбираемъ съ величайшей тщательностью, строго сообразуясь съ законами наслѣдственности.

— А какъ вы достигаете безплодія перваго рода сношеній? въ наше время этимъ вопросомъ тоже очень интересовались.

— Для этого мы употребляемъ гассетки, изобрѣтенныя въ концѣ XIX вѣка однимъ докторомъ по имени Гассе. Да онѣ должны быть вамъ извѣстны, — это гуттаперчевые колпачки съ вдѣланной по краю стальной пружиной, которые надѣваются на матку. Всѣ женщины кромѣ тѣхъ, которыя предназначены для продолженія рода, обязательно носятъ у насъ эти гассетки.

— Неужели, замѣтилъ я, съ тѣхъ поръ не было изобрѣтено ничего новаго?

— О нѣтъ, отвѣтилъ старикъ, было изобрѣтено одно ужасное средство, которому мы въ сильной

степени обязаны всему нашему успѣху. Въ эпоху тяжелой борьбы оно было нужно и сослужило великую службу, но теперь мы его употребляемъ только для рабовъ или въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ оно имѣетъ нехорошія стороны. Но объ этомъ я вамъ разскажу когда нибудь подробно, такъ какъ это средство играло большую роль въ исторіи обновленія человѣчества.

— А какъ опредѣляете вы пригодность людей для плодородныхъ сношеній?

— О, это великая и трудная задача, главная даже задача наша. Для достиженія ея мы безпрестанно наблюдаемъ за друзьями, изучаемъ каждаго изъ нихъ съ малолѣтства, отмѣчаемъ въ нашихъ записныхъ книжкахъ всѣ достоинства и недостатки ихъ, какъ физическія, такъ и нравственныя и на основаніи этихъ наблюденій составляемъ для каждаго особую формулу изъ условныхъ значковъ. Каждый изъ нашихъ друзей постоянно носитъ при себѣ подобную формулу, въ которой кромѣ его личныхъ качествъ изображена также и его родословная, т. е. наслѣдственный составъ его крови, если такъ можно выразиться. Вотъ посмотрите, указалъ онъ на нѣкоторыхъ друзей, стоявшихъ возлѣ насъ, видите, у каждаго имѣется привѣшанной къ рукѣ золотая пластинка, на которой и начерчены эти формулы.

Дѣйствительно я замѣтилъ, что всѣ носили на правой рукѣ узенькій золотой браслетъ въ видѣ тонкой цѣпочки, концы которой соединялись небольшой золотой же пластинкой; присмотрѣвшись ближе, я разглядѣлъ, что на пластинкахъ этихъ были начерчены или выцарапаны какіе-то странные знаки и цифры, напоминавшіе въ совокупности не то химическія формулы, не то сложныя математическія вычисленія.

Старикъ сталъ объяснять мнѣ значеніе этихъ знаковъ и цифръ, изъ которыхъ одни должны были означать количество крови различныхъ родичей, другія — разныя душевныя и физическія качества ихъ самихъ; онъ показалъ, какъ двѣ формулы, соединяясь, подвергаются въ силу законовъ наслѣдственности измѣненіямъ, причемъ одни знаки сокращаются, другія усиливаются или ослабляются, какъ иногда при неумѣломъ выборѣ изъ двухъ формулъ вполнѣ благопріятныхъ въ силу такихъ сокращеній и измѣненій могутъ получиться совсѣмъ неблагопріятные результаты, т. е. субъекты, полные физическихъ или нравственныхъ недостатковъ.

— Я знаю, прибавилъ онъ, что все это для васъ мало понятно; наука о наслѣдственности очень сложная и трудная наука и развилась она только въ позднѣйшіе вѣка главнымъ образомъ съ цѣлью усовершенствованія домашнихъ животныхъ. Въ ваше время обо

всемъ этомъ не имѣли еще никакого понятія. Но вы видите, что при выборѣ производителей мы руководствуемся главнымъ образомъ этими значками, и какъ химикъ, соединяющій двѣ химическія формулы, знаетъ напередъ, какое изъ этого получится тѣло, такъ и мы, соединяя двѣ наши формулы напередъ знаемъ, какой отъ этого соединенія долженъ получиться человѣкъ. Вся трудность состоитъ въ правильномъ ихъ составленіи.

— Дѣйствительно, замѣтилъ я, во всемъ этомъ я мало что могу понять, хотя вижу, какъ этотъ вопросъ у васъ удивительно хорошо разработанъ. Но это все относится до физической стороны любви, а мнѣ бы хотѣлось еще знать, существуетъ ли у васъ также любовь въ высшемъ, поэтическомъ ея значеніи, любовь, основанная на единеніи душъ, а не на одномъ только тѣлесномъ сближеніи, однимъ словомъ та любовь, которая воспѣвалась нашими поэтами?

— О безъ сомнѣнія существуетъ. Я уже вамъ говорилъ, что какъ физическая, такъ и психическая любовь играютъ большую роль въ жизни нашихъ друзей. Но и въ этомъ отношеніи господствуетъ у насъ полная свобода и непринужденность. Здѣсь всѣ, какъ дѣти въ хорошей семьѣ, любятъ другъ друга, но помимо этой общей любви почти каждый изъ нашихъ друзей выбираетъ себѣ еще особую, болѣе тѣсную

привязанность, находя себѣ друга противуположнаго пола; такія парочки, основанныя на взаимной симпатіи, бываютъ обыкновенно вмѣстѣ, принимаютъ сообща участіе въ прогулкахъ, въ играхъ, поселяются даже въ отдѣльную палатку, и тогда, помимо симпатіи другъ къ другу, устанавливается у нихъ и болѣе или менѣе постоянная физическая связь. И такая дружба или, если хотите, любовь продолжается если и не на всю жизнь, то на довольно долгое время, на нѣсколько лѣтъ, пока въ своихъ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, среди игръ, подъ вліяніемъ разговоровъ они не найдутъ себѣ новыхъ симпатій, и тогда они расходятся совершенно просто, естественно, безъ всякой душевной ломки и образуютъ новые союзы, продолжающіеся годами, иногда даже на всю жизнь. Это однако не мѣшаетъ имъ порой, подъ вліяніемъ минутной вспышки страсти совершать и невѣрности; но такія вспышки остаются безъ всякихъ послѣдствій для болѣе тѣсныхъ и прочныхъ союзовъ, и на это не обращается никакого вниманія ни той, ни другой стороной. Понятно, что при этомъ остаются временныя одиночки, еще не пристроившіяся, которыя свободно сходятся съ такими же одиночками противуположнаго пола.

— Но, замѣтилъ я, какая же это любовь? Вы говорите, что они сходятся и расходятся безъ всякой

душевной ломки, что они не обращаютъ даже вниманія на невѣрности. Значитъ, имъ неизвѣстно и чувство ревности?

— Въ вашемъ смыслѣ, отвѣтилъ онъ, — конечно нѣтъ. Да и какъ бы она могла быть у насъ. Вѣдь подумайте, откуда возникала ваша ревность? — я подразумѣваю ревность благородную, проявляющуюся главнымъ образомъ въ отчаяніи отъ потери любимой женщины, а не дикую, грубую, животную ревность. Судя по вашимъ романамъ, женщины у васъ рѣдко отличались выдающейся красотой тѣла или красотой духа, и если то или другое у нихъ бывало, то онѣ возводились вашими романистами въ нѣчто необыкновенное, въ героини; когда, же какой нибудь авторъ позволялъ себѣ приписывать своей героинѣ одновременно и красоту физическую и величіе души, то критики спѣшили даже упрекнуть его въ неправдоподобіи, въ неестественности. Поэтому, когда мужчина встрѣчалъ у васъ женщину, обладавшую въ дѣйствительности или только въ воображеніи влюбленнаго какими нибудь выдающимися физическими или душевными прелестями, и ему удавалось сблизиться съ такой женщиной, то онъ дорожилъ ею какъ драгоцѣннѣйшимъ кладомъ, какъ рѣдкой жемчужиной, и если эта жемчужина ускользала изъ его рукъ и попадала въ руки другаго, то онъ приходилъ въ совершенно естествен-

ное отчаяніе, доводившее его иногда до бѣшенства или самоубійства, ибо другой подобной женщины по его понятіямъ онъ не могъ надѣяться найти себѣ никогда. У насъ же такихъ жемчужинъ сколько угодно, наши женщины при всемъ своемъ разнообразіи всѣ одинаково прекрасны, всѣ одинаково милы и симпатичны, слѣдовательно у насъ мужчинѣ не изъ за чего приходить въ отчаяніе, не изъ за чего ревновать: если особенно ему милая женщина и покинетъ его, то онъ скоро сойдется съ другой, не менѣе милой и легко забудетъ маленькую измѣну. Она будетъ маленькой — ибо онъ мало при этомъ потеряетъ, а мало потеряетъ — ибо легко опять найдетъ потерянное.

— А! воскликнулъ я, вотъ все-таки ваша ахиллесова пята, вотъ гдѣ слабая сторона въ жизни новаго человѣчества. Ваши люди — дѣти, они и любятъ подѣтски! Имъ неизвѣстна истинная, сильная, могучая любовь, доставлявшая столько счастья нашему человѣчеству. Развѣ то, что вы сейчасъ мнѣ описали, есть настоящая любовь? Это какой-то суррогатъ любви!

— Суррогатъ? повторилъ Эзраръ, улыбаясь, и уже по его улыбкѣ я увидѣлъ, что онъ сейчасъ будетъ правъ. Нѣтъ, нисколько. И такъ какъ вы употребили выраженіе изъ области пищевыхъ продуктовъ, то и я позволю себѣ стать на эту же почву. Итакъ скажите мнѣ, неужели же потому, что сахаръ

въ сто разъ менѣе сладокъ, чѣмъ сахаринъ, вы назовете сахаръ суррогатомъ, а не наоборотъ? Точно также и ваша любовь, которую вы называете могучей, и которую я назову экзальтированной, неистовой, не можетъ считаться нормальной и здоровой пищей для души. Любовь должна быть спокойнымъ чувствомъ, у васъ же это было нѣчто болѣзненное, истеричное, соотвѣтствовавшее общей болѣзненности вашего нервнаго вѣка, да и въ значительнѣйшей мѣрѣ такая любовь поддерживалась искусственно вашими романами. Ваши романы, благодаря ихъ обилію и высокой талантливости писателей, положительно гипнотизировали все общество, и этого не избѣгала даже здоровая его часть. И потомъ, развѣ такое интенсивное чувство можетъ долго держаться на своей высотѣ? оно вспыхиваетъ сильно, какъ огонь отъ зажженой соломы, но также скоро и потухаетъ, оставляя послѣ себя одинъ только мракъ и запахъ гари, т. е. — длинный рядъ горестей и разочарованій. Стоитъ ли послѣ этого такъ благоговѣйно относиться къ подобной любви и жалѣть, что у насъ ея нѣтъ? Вѣдь согласитесь, что любовь только тогда и нормальна, и желательна, когда она даетъ счастье и одно только счастье, а судя по вашимъ романамъ, она приносила вамъ гораздо больше горя, чѣмъ радостей. Одинъ писатель конца XX вѣка пересмотрѣлъ нѣсколько сотъ лучшихъ романовъ XIX

и XX столѣтій и сосчиталъ въ нихъ всѣ фразы, выражавшія съ одной стороны радость и счастье, а съ другой — горесть, и оказалось, что первыхъ было только 25 %, тогда какъ вторыхъ было 75 %!

— Зато, воскликнулъ я, какое это было счастье, какое безконечное блаженство, когда двѣ души сливались въ одинъ унисонъ, когда упоеніе страсти, единство чувства и мысли все это сливалось въ одинъ могучій аккордъ! Одинъ годъ, одинъ часъ, одинъ мигъ такого счастья — и затѣмъ приходи какое угодно горе! О, вы этого не понимаете, вы не можете этого понять!

— Нѣтъ, понимаемъ, возразилъ Эзраръ, но такъ могли разсуждать только бѣдные больные люди вашего вѣка. Окруженные со всѣхъ сторонъ горестями и печалями, ихъ не столько поражали эти послѣднія, къ которымъ они могли достаточно приглядѣться, сколько радости. Радости встрѣчались такъ рѣдко на ихъ жизненномъ пути, что какъ только представлялась возможность встрѣтиться съ этою рѣдкою гостью, они забывали все, набрасывались на нее и душили ее въ своихъ объятіяхъ съ такимъ неистовымъ восторгомъ, что . . . наконецъ задушали ее на смерть. А тамъ, потомъ приходи горе, все равно отъ него не уйдешь.

Наши же друзья напротивъ живутъ въ атмосферѣ счастья и радости, имъ не такъ нужны эти послѣднія,

какъ отсутствіе горя. Да, это правда, теперешніе люди не могутъ такъ любить, какъ это случалось у васъ, да и то вѣдь не особенно часто, но это потому, во первыхъ, что они здоровы по натурѣ, съ здоровыми нервами, во вторыхъ потому, что они не находятся подъ гипнозомъ вашихъ романовъ, въ третьихъ потому что это имъ ненужно, ибо у нихъ и безъ того много радостей, и въ четвертыхъ, потому что мы ихъ тщательно оберегаемъ отъ всякихъ тяжкихъ разочарованій и огорченій, съ которыми неразлучна ваша экзальтированная любовь.

— А вы, покровители, спросилъ я, вы, взрослые, а не дѣти, какая же у васъ любовь?

— У насъ нѣсколько иначе, хотя и наша любовь спокойна и безболѣзненна. Мы сходимся съ разъ выбранной нами женщиной обыкновенно навсегда, да при нашей жизни это иначе и быть не можетъ. Вѣдь мы почти безвыходно живемъ среди нашихъ друзей по двое, по трое въ каждой общинѣ, и намъ всегда много дѣла, тѣмъ болѣе, что мы по очереди должны еще находиться въ деревнѣ, гдѣ живутъ рабы, чтобы слѣдить и за ними; вслѣдствіе этого мы рѣдко можемъ отлучаться изъ своихъ мѣстъ и потому рѣдко встрѣчаемся съ другими женщинами. И потомъ наши жены являются дѣятельными нашими помощницами, на нихъ обязанности не менѣе, чѣмъ на нашей лежитъ забота

о правильномъ ходѣ искуственнаго подбора, требующаго самыхъ тщательныхъ наблюденій и изученія каждаго изъ нашихъ друзей во всѣхъ малѣйшихъ проявленіяхъ ихъ физической и психической природы, а это мыслимо только при постоянномъ пребываніи и насъ, и нашихъ женъ на одномъ мѣстѣ. Переходя въ другую общину, весь запасъ опыта пріобрѣтенный въ прежней, терялся бы даромъ, на новомъ мѣстѣ пришлось бы имѣть дѣло съ новыми людьми, и слѣдовательно все начинать сызнова, а это неудобно.

— Положимъ, сказалъ я, что вы рѣдко встрѣчаетесь съ женщинами вашей породы, но вѣдъ вы постоянно вращаетесь среди друзей, вы живете окруженные цѣлымъ роемъ самыхъ соблазнительныхъ красавицъ, неужели вы всегда остаетесь холодны при видѣ ихъ, неужели вы можете устоять противъ всего этого соблазна?

— Я лично уже старъ, но конечно бываютъ и у насъ минутныя увлеченія, въ молодости мы даже позволяемъ нашимъ покровителямъ, что называется, перебѣситься, лишь бы это не имѣло послѣдствій, т. е. не происходило бы потомства. Мы въ этомъ не видимъ никакого зла, пусть себѣ каждый наслаждается, сколько можетъ. Надо впрочемъ замѣтить вамъ, что чувственная сторона у насъ, покровителей, очень слабо развита, такъ какъ слишкомъ развитая, она была бы

несовмѣстима съ тою тонкостью умственной организаціи и энергіи мысли, которыя намъ, руководителямъ человѣчества, такъ необходимы. Мы поэтому намѣренно подавили въ себѣ чувственность и все при помощи того же искуственнаго подбора. Впрочемъ, добавилъ онъ, улыбаясь, и наши женщины очень красивы.

— Знаете, замѣтилъ я, что во всемъ этомъ меня чрезвычайно поражаетъ? Вы, благодаря искуственному подбору, повидимому достигаете величайшихъ результатовъ безъ всякой мучительной борьбы, безъ малѣйшей душевной ломки, точно играючи.

— Мой другъ, ваше замѣчаніе очень важно, и я радъ услышать его отъ васъ. Вы уловили одну изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ нашей жизни, которую нельзя достаточно оцѣнить. Да, мы не знаемъ, что значитъ душевная ломка, мы никогда ни въ чемъ не насилуемъ своей природы и не этимъ болѣзненнымъ жестокимъ путемъ усовершенствовали мы ее. Возьмите напримѣръ чувственность; вѣдь сколько, какъ вы выразились, мучительной борьбы стоило подавлять ее тѣмъ изъ людей прежняго человѣчества, которые почему либо считали нужнымъ подавить этотъ могучій инстинктъ, и какъ часто эта борьба, столь тяжелая и мучительная, оставалась безплодной, пока на подмогу не приходила старость. А посмотрите, какъ это со-

вершается просто, естественно и легко у насъ. Мы сильно понизили въ себѣ чувственность, но мы никогда не мѣшали и теперь не мѣшаемъ самымъ чувственнымъ изъ насъ предаваться своей страсти, сколько имъ угодно, мы не требуемъ отъ нихъ никакой борьбы съ самими собой, одно только мы требуемъ: чтобы такія особы не плодились, для продолженія же своего рода мы выбираемъ только наименѣе чувственныхъ изъ насъ. И такъ во всемъ. Мы не противимся никакому злу, мы никогда съ нимъ не боремся, мы даемъ ему исчезнуть тихо, безболѣзненно, естественною смертью. Объ одномъ только мы заботимся: — чтобы зло не плодилось, плодиться у насъ должно одно только добро. И это непротивленіе злу мы возвели даже въ принципъ нашей жизни, и если этотъ принципъ, какъ вы видите, не препятствуетъ нисколько достиженію нашихъ цѣлей, то только благодаря искуственному подбору. Вѣдь зло, подобно сорной травѣ, плодится быстрѣе добра и ростетъ сильнѣе его, и еслибы не выпалывать эту сорную траву посредствомъ искуственнаго подбора, то она скоро заглушила бы все доброе сѣмя. Вотъ почему въ ваше время этотъ принципъ, вносящій столько мира въ жизнь, былъ бы немыслимъ. Непротивленіе злу безъ искуственнаго подбора можетъ привести только къ размноженію зла.

— Ну хорошо, замѣтилъ я, вы говорите, что никогда не насилуете природы друзей и не противитесь злу. А представьте себѣ, что одна изъ вашихъ женщинъ будетъ обладать какимъ нибудь качествомъ, которое вы признаете нежелательнымъ для передачи въ наслѣдство и вы рѣшите, что она не должна имѣть дѣтей; но если она откажется носить гассетку и захочетъ имѣть дѣтей, что вы тогда сдѣлаете?

— Такіе случаи необыкновенно рѣдки у насъ. Но еслибы это случилось, то мы стали бы такъ нѣжно ласкать и цѣловать ее, такъ убѣдительно просить ее не огорчать насъ своимъ отказомъ, стараясь вліять и на ея умъ, объясняя весь вредъ ея желанія, что она подъ конецъ навѣрное согласилась бы исполнить нашу волю.

— А еслибы не согласилась?

— Тогда мы обратились бы съ такою же нѣжностью и любовью къ мужчинамъ, стараясь и имъ объяснить вредъ, который произойдетъ для человѣчества отъ ихъ непослушанія.

— А еслибы кто нибудь изъ мужчинъ не послушался бы васъ, или эта женщина старалась бы на каждомъ шагу соблазнить кого нибудь изъ нихъ, лишь бы только исполнить свое желаніе? Я думаю, ей не трудно было бы достигнуть своей цѣли.

— Тогда мы предоставили бы имъ поступать, какъ они желаютъ и постарались бы только, чтобы

она выбрала мужчину съ такими качествами, которыя нейтрализовали бы ея строптивость духа и другія дурныя стороны ея. А въ случаѣ неудачи и съ этой стороны мы перенесли бы нашу заботливость на слѣдующее поколѣніе: еслибы родился мальчикъ (а мы приняли бы всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы родился именно мальчикъ), то мы бы его стерилизировали, т. е. сдѣлали бы его безплоднымъ — и мы обладаемъ средствомъ достигнуть этого безъ всякой операціи; если же, несмотря на наше стараніе, родилась бы дѣвочка, и оказалось, что строптивость духа матери перешла въ наслѣдство и къ ней, то мы сначала поступили бы съ ней опять также, какъ и съ ея матерью, т. е. просили бы ее не плодиться, потомъ просили бы мужчинъ, при неудачѣ же перенесли бы наши заботы на третье поколѣніе. Вы видите, какъ много средствъ въ нашемъ распоряженіи для достиженія нашихъ цѣлей; такъ или иначе, а въ концѣ концовъ мы всегда можемъ уничтожить зло, не насилуя нашихъ друзей, не мучая ихъ. Но повторяю: такіе случаи очень рѣдки. Наши друзья очень послушныя дѣти, и неудивительно: — мы ихъ сдѣлали таковыми.

VI.

— Теперь, Эзраръ, ваша жизнь начинаетъ мнѣ нѣсколько разъясняться. Да, много своеобразнаго у васъ, о чемъ мы и не мечтали, и много хорошаго у васъ. Но я никакъ не могу себѣ ясно представить, какъ все это произошло, какъ напримѣръ вамъ удалось справиться съ громадой испорченнаго человѣчества, съ его безконечнымъ разнообразіемъ мнѣній, мыслей, чувствъ, желаній? Убѣдили ли вы людей силой доводовъ, заставили ли вы ихъ насильно подчиниться вашимъ взглядамъ? И то и другое кажется мнѣ одинаково неисполнимымъ: развѣ могутъ въ чемъ нибудь сговориться милліарды людей и развѣ вы, немногіе покровители, могли бы одолѣть силой эти милліарды?

— Долго было бы разсказывать вамъ объ этомъ, сказалъ Эзраръ, ибо все настоящее естественно вытекло изъ ближайшаго прошлаго, ближайшее прошлое изъ болѣе отдаленнаго и т. д. Но вамъ все станетъ

яснымъ, когда вы познакомитесь съ исторіей человѣчества за протекшіе восемь вѣковъ. Въ общихъ чертахъ вы уже знаете, какимъ стало новое человѣчество, присмотритесь теперь къ деталямъ, приглядитесь къ тому, какъ мы живемъ. Вамъ предстоитъ узнать еще много новаго. А затѣмъ я познакомлю васъ и съ исторіей минувшихъ вѣковъ.

— Да, замѣтилъ я, многое мнѣ еще неясно. Откуда у васъ эти роскошныя палатки, эти красивые кубки, откуда эта чудная музыка, которую я слышалъ утромъ. У васъ вотъ есть, я вижу и ножи, и золотые браслеты, и даже гассетки, значитъ есть и фабрики. И отчего друзья ваши такого небольшаго роста? Если это взрослые, то для взрослыхъ они очень малы, отъ этого отчасти я ихъ и принялъ за юношей и подростковъ.

— Все это я вамъ со временемъ объясню. А пока скажу вамъ относительно малаго роста, что это произошло помимо нашей воли. Когда мы рѣшили создать новое человѣчество, то, какъ вы уже знаете, мы поставили себѣ задачей приблизиться и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи къ дѣтскому типу организаціи; и вотъ, постоянно подбирая женщинъ съ красивымъ дѣтскимъ лицомъ, съ стройными молодыми формами и мужчинъ съ жизнерадостнымъ характеромъ, съ простымъ дѣтскимъ сердцемъ, мы на-

конецъ добились своей цѣли, но въ тоже время получилось и уменьшеніе роста. Этому можетъ быть способствовало и то, что наши люди рано вступаютъ въ половыя сношенія и предаются этому болѣе прежняго. Но малый ростъ ихъ нисколько насъ не огорчаетъ. Мы даже поставили теперь на очередь вопросъ, не слѣдуетъ ли систематически добиваться уменьшенія роста. Подумайте, какъ это упростило бы жизнь, насколько меньше потребовалось бы пищи, матеріи для палатокъ, меньше нужно было бы и рабовъ. Во всякомъ случаѣ обстоятельство это не важно. Но вотъ какой еще получился при этомъ результатъ, уже болѣе печальный, который однако можно было бы предвидѣть: наши женщины-дѣти становятся все болѣе и болѣе плохими матерями. Посмотрите на нихъ: формами онѣ очень красивы, но не замѣчаете ли вы въ ихъ наружности чего нибудь особеннаго, что отличало бы ихъ отъ вашихъ женщинъ?

— Я замѣчаю, отвѣтилъ я, что онѣ необыкновенно стройны, точно стрѣлки, и меня поразило еще тогда утромъ узость ихъ таза, это бросается въ глаза, и кромѣ того у нихъ у всѣхъ очень мало развитыя груди.

— Совершенно вѣрно, и это также ничто иное, какъ результатъ приближенія ихъ къ дѣтской или юношеской организаціи. Такая стройность ихъ фи-

гуры болѣе нравится нашимъ мужчинамъ; они находятъ мало граціозными женщинъ съ широкими бедрами и развитымъ сѣдалищемъ. А маленькія грудки, хотя увы! мало даютъ молока, но зато являются залогомъ ихъ сохраненія до самой старости; я вамъ показывалъ 35 лѣтнюю женщину, которой вы дали 15 лѣтъ! Но эти особенности въ тоже время являются очень неблагопріятными для дѣторожденія. И вотъ это насъ нѣсколько безпокоитъ. Искуственный подборъ вѣдь очень трудная вещь, выигривая въ одну сторону, часто теряешь въ другую.

Вообще, продолжалъ онъ, въ отношеніи женскаго вопроса мы еще находимся въ переходномъ состояніи, женскій элементъ не установился у насъ окончательно, и мы производимъ теперь интересные опыты: мы стараемся выработать двоякаго типа женщинъ, — женщинъ матерей, спеціально приспособленныхъ для продолженія рода и женщинъ любовницъ — для поэзіи любви. И мы достигли уже нѣкоторыхъ результатовъ, которые позволяютъ намъ надѣяться, что лѣтъ черезъ 200 женскій вопросъ будетъ окончательно и вполнѣ благополучно разрѣшенъ. Да вотъ посмотрите лучше сами, чего мы достигли.

При этомъ онъ указалъ на уголъ палатки, гдѣ въ полутьмѣ лежало какое-то существо; вглядѣвшись, я увидѣлъ, что то была женщина. Она лежала на жи-

вотѣ, подперши голову обѣими ладонями, а возлѣ нея на землѣ барахтались съ обѣихъ сторонъ двое ребятишекъ, задравши ножки кверху и энергично посасывая висѣвшія книзу груди.

— Лолла, встань и подойди сюда, сказалъ старикъ, чужеземецъ хочетъ на тебя посмотрѣть.

Она освободила груди отъ ребятишекъ и съ улыбкой подошла къ намъ. Это была очень красивая лицомъ женщина, но рѣзко отличавшаяся по строенію своего тѣла отъ остальныхъ. Она была гораздо полнѣе ихъ, очень широкая въ бедрахъ, но что особенно поражало въ ней — это сильное развитіе ея грудей, висѣвшихъ какъ два огромныхъ вздутыхъ мѣшка; въ общемъ въ фигурѣ ея было мало граціи, она и по внѣшнему виду, и по своимъ медленнымъ, нѣсколько неуклюжимъ движеніямъ напоминала хорошую дойную корову, чему много способствовали ея вымеобразныя груди.

— Это наша матка, сказалъ старикъ. Такія матки появились совершенно случайно среди нашихъ женщинъ и вначалѣ конечно не въ столь рѣзко выраженной формѣ, но тщательнымъ подборомъ мы ихъ усовершенствовали и довели до такого развитія, какое вы теперь видите. Мы очень цѣнимъ такія разновидности, но пока ихъ въ человѣчествѣ очень немного, всего около сотни. Наша милая Лолла, продолжалъ онъ,

взявъ ее за руки и нѣжно поглаживая ихъ, родитъ всегда двойню, а иногда сразу трехъ, въ другихъ странахъ есть матки, рождающія даже четверыхъ дѣтей сразу, и молока у нихъ хватаетъ на всѣхъ. Что Лолла, довольно у тебя молока?

Лолла на это улыбнулась и, указывая на оставленныхъ ею на землѣ дѣтей, отвѣтила:

— Посмотрите сами.

Дѣйствительно, ребятишки были хоть куда, пухлые, розовые. Они въ это время безпокойно копошились въ углу, ища сосковъ; одинъ изъ нихъ поймалъ ножку другаго и сталъ энергично сосать его палецъ. Всѣ разсмѣялись при видѣ этой сцены, а мать со смѣхомъ и крикомъ: ахъ! они съѣдятъ другъ друга! кинулась къ нимъ, взяла ихъ на руки и приложила къ грудямъ!

— Да, замѣтилъ старикъ, славный экземпляръ! Для поэзіи любви такія женщины, какъ вы сами видите, не годятся, но для продолженія рода онѣ незамѣнимы.

— Но, спросилъ я, такая разновидность въ силу наслѣдственности должна вѣдь производить и женщинъ того же самаго типа, какъ же вы получите со временемъ, когда онѣ однѣ будутъ матерями тѣхъ стройныхъ изящныхъ женщинъ, на которыхъ не налюбуешся?

— Почему же вы думаете, отвѣтилъ Эзраръ, что матки должны непремѣнно производить только себѣ

подобныхъ женщинъ. Вѣдь эта разновидность далеко еще не установившаяся, и потому дѣти, рожденныя отъ нашихъ матокъ, сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ свой прежній типъ и только часть ихъ повторяетъ типъ своей матери. И вотъ вамъ доказательства.

— Друзья, обратился онъ къ окружавшей насъ публикѣ, соберите всѣхъ маткиныхъ дѣвочекъ подъ большимъ деревомъ, что возлѣ моей палатки.

И въ то время какъ стали приводить въ исполненіе его слова, онъ всталъ и, пригласивъ меня выйти изъ палатки, повелъ къ великолѣпному раскидистому дереву, подъ тѣнью котораго мы и размѣстились, усѣвшись на гигантскихъ его корняхъ. Передъ нами выстроились въ рядъ семь прелестныхъ дѣвочекъ отъ 5 до 12 лѣтъ, изъ которыхъ двѣ отличались большею полнотою и шириною таза, чѣмъ остальныя, а у одной, приблизительно 8 лѣтъ, были уже довольно развитыя груди очень широкія у основанія, но еще мало выдающіяся.

— Вотъ видите, сказалъ Эзраръ, указывая на эту послѣднюю, это будущая матка, остальныя дадутъ намъ обычнаго типа женщинъ, а эта десятилѣтняя дѣвочка съ едва обозначенными грудями — переходный типъ; его мы не пустимъ въ ходъ, т. е. не дадимъ ей родить. Но все это только опыты, и неизвѣстно еще, увѣнчаются ли они успѣхомъ или нѣтъ.

— Однако я васъ всетаки не понимаю. Какъ же вы сможете выработать подборомъ такихъ матерей, которыя постоянно будутъ рождать и матокъ, и женщинъ-друзей. Мнѣ кажется, что когда типъ ихъ установится, то онѣ должны непремѣнно рождать только одного типа женщинъ и притомъ скорѣе всего себѣ подобныхъ. Я понимаю подбирать родичей такъ, чтобы они давали потомковъ подобныхъ самимъ себѣ, но подбирать такъ, чтобы они давали нѣчто на себя совсѣмъ не похожее, развѣ это возможно?

— Да, возможно, отвѣтилъ онъ, и я вамъ разъясню, какимъ путемъ это достигается. Теперешнія матки не всѣ одинаковы, однѣ производятъ исключительно стройныхъ женщинъ-друзей, другія — исключительно матокъ. Дѣтямъ какъ отъ первыхъ, такъ и отъ вторыхъ мы не даемъ больше плодиться. Но встрѣчаются между ними и такія матки, какъ напримѣръ наша Лолла, которыя родятъ дѣвочекъ обоихъ типовъ, и такимъ-то мы исключительно и даемъ размножаться. И вотъ, постоянно подбирая ихъ въ этомъ направленіи, мы и надѣемся, что черезъ нѣсколько поколѣній эта послѣдняя разновидность вполнѣ укрѣпится. Тогда останется только подбирать матокъ, рождающихъ тотъ и другой типъ въ желательной для насъ пропорціи.

— Ахъ, воскликнулъ я, какъ это дѣйствительно просто!

— Покровитель, вмѣшался одинъ изъ молодыхъ людей все время внимательно насъ слушавшій, а помнишь, ты намъ разсказывалъ, что у муравьевъ и пчелъ тоже самое, и у нихъ матка родитъ и матокъ, и другихъ маленькихъ самокъ-рабочихъ, только безполыхъ!

— Да, отвѣтилъ старикъ, ты отчасти правъ: муравьиныя матки производятъ муравьевъ разныхъ типовъ и себѣ подобныхъ самокъ и самцовъ, и солдатъ, и безполыхъ рабочихъ, несмотря на то, что послѣдніе два типа не могутъ даже передавать въ наслѣдство своихъ признаковъ, такъ какъ они безполы.

— Значитъ, замѣтилъ я, вы хотите имѣть матокъ для рожденія дѣтей, а всѣхъ остальныхъ женщинъ превратить въ безполыхъ существъ?

— Безполыхъ — нѣтъ, но безплодныхъ, хотя бы искуственно безплодныхъ — да. Мы думаемъ, что совсѣмъ не необходимо, что бы счастье, доставляемое любовью, непремѣнно сопровождалось тягостями беременности, родовъ и сопряженной съ этимъ порчей красоты, и если можно, то лучше избавить ихъ отъ всего этого.

— Вы хотите, значитъ, свалить всѣ эти тягости на немногихъ. Справедливо ли это?

— Справедливо ли? справедливо ли, чтобы было тяжело немногимъ и зато легко многимъ? Не знаю, это трудно разрѣшимый вопросъ. Если это совер-

шается безъ насилія, а тѣмъ болѣе добровольно, то я думаю — справедливо. Вѣдь взяли же на себя мы, немногіе покровители, всѣ тягости руководства человѣчествомъ, чтобы всѣмъ остальнымъ жилось вполнѣ легко и беззаботно. И повѣрьте, добавилъ онъ, и лицо его при этомъ нѣсколько омрачилось, многіе изъ насъ предпочли бы быть на мѣстѣ друзей!

Впрочемъ вы не должны придавать этому слову тягости преувеличенное значеніе. Организація нашихъ матокъ такова, что онѣ родятъ безъ всякой боли, еще легче, чѣмъ въ былое время дикари, а за неудобство беременности, которую онѣ также переносятъ крайне легко, онѣ вознаграждены чувствомъ материнства, которое составляетъ ихъ главное счастье; дѣти ихъ ужасно любятъ, да и всѣ мы ихъ очень любимъ и уважаемъ, такъ какъ понимаемъ, что ими со временемъ будетъ держаться родъ человѣческій. Ихъ даже не считаютъ некрасивыми: онѣ такъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ женщинъ и своими формами и образомъ жизни, что къ нимъ прилагается совершенно особая мѣрка въ этомъ отношеніи. Могу васъ увѣрить, что матки у насъ не менѣе счастливы, чѣмъ остальныя женщины.

Во всякомъ случаѣ такъ или иначе, а что нибудь придется предпринять, ибо наши женщины становятся все болѣе и болѣе безплодными, у нѣкоторыхъ даже

не появляется регулъ, и это насъ безпокоитъ, такъ какъ . . . .

Но слова его были прерваны подошедшимъ къ нему молодымъ человѣкомъ, который, нагнувшись къ его уху, сталъ что-то говорить шепотомъ. Старикъ живо обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Да, ты правъ, Долли, я объ этомъ и не подумалъ. Это, — указалъ онъ на молодаго человѣка, — нашъ мудрецъ. Онъ замѣчательно наблюдателенъ и сейчасъ обратилъ мое вниманіе на вашу блѣдность и предположилъ, что вы очень устали. И правда, это и видно по вашему лицу . . . . да что съ вами!

Я дѣйствительно почувствовалъ, что мнѣ дѣлается дурно, голова закружилась, на меня напала сильнѣйшая слабость и я сползъ съ корня, не очень то удобнаго сѣдалища, на которомъ помѣстился, безпомощно растянувшись на землѣ. Но до обморока не дошло.

— Ничего, сказалъ я, это усталость . . . . Много впечатлѣній . . . и ночь . . . борьба, ничего, дайте полежать . . . отдохну немного.

VII.

Старикъ быстро всталъ и направился къ палаткѣ, стоявшей неподалеку отъ насъ и отличавшейся нѣсколько большей величиной отъ прочихъ. Всѣ обступили меня, выражая соболѣзнованіе; нѣсколько женщинъ опустились на колѣни и, нагнувшись надо мною, стали меня ласкать и гладить по лицу и рукамъ, говоря: бѣдный, бѣдный, сейчасъ покровитель тебѣ поможетъ. Но мнѣ уже помогъ видъ этихъ нагнувшихся надо мною чудныхъ красавицъ, съ ихъ ослѣпительнымъ нѣжнорозовымъ цвѣтомъ кожи, съ безукоризненными формами, этихъ грёзевскихъ головокъ съ чуднымъ, милымъ дѣтскимъ выраженіемъ лицъ. Сердце мое затрепетало отъ такого обилія красоты, и я не выдержалъ: улыбнувшись, я протянулъ къ нимъ руки и въ свою очередь сталъ ихъ ласкать . . . Это произвело неожиданное дѣйствіе, онѣ захлопали въ ладоши и, живо обернувшись, радостно обратились къ окружающимъ со словами:

— Онъ засмѣялся, ему лучше, и онъ насъ любитъ: онъ насъ приласкалъ!

Очевидно, ласка имѣла для нихъ большое значеніе.

Въ это время поспѣшно возвратился старикъ, неся въ рукахъ серебряный стаканчикъ и небольшой, очевидно изъ золота сдѣланный флаконъ. Въ стаканѣ была вода, въ которую онъ влилъ изъ золотаго флакона нѣсколько капель какой-то жидкости и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Возьмите, выпейте, это принесетъ вамъ пользу.

И пока я пилъ онъ прибавилъ:

— Въ ваше время знали нѣчто подобное — это былъ морфій, но наше средство, которое мы называемъ нирваной, вамъ неизвѣстно, оно изобрѣтено было лишь два вѣка спустя. Для насъ оно неоцѣненное, хотя и мрачное средство, и я вамъ когда нибудь объясню, какое оно имѣетъ значеніе въ нашей жизни.

— А теперь, обратился онъ къ окружавшимъ насъ людямъ, возьмемъ и перенесемъ его въ большую палатку. Стелла, Лорелей, бѣгите, приготовьте ему поскорѣе ложе изъ листьевъ, мы его положимъ тамъ, ему удобнѣе будетъ, чѣмъ здѣсь на землѣ.

И хотя я сталъ протестовать, заявивъ, что и самъ дойду, но на это не обратили вниманіе; старикъ тотчасъ же отдѣлилъ десять человѣкъ, поставивши ихъ по пяти другъ противъ друга и показалъ имъ, какъ

скрестить руки, чтобы образовать родъ носилокъ, другіе подняли меня кто подъ мышки, кто за ноги, кто схвативши за платье и положили на эти живыя носилки. Не знаю, благодаря ли дѣйствію выпитаго лекарства, или подъ вліяніемъ всей ласки, всей заботливости, которыми меня окружали, но я почувствовалъ себя такъ легко, такъ отрадно, лежа на этихъ носилкахъ, какъ никогда. Никогда въ самомъ дѣлѣ столько и такъ любовно за мной не ухаживали.

Въ такомъ видѣ меня внесли въ большую палатку и положили на мягкое и удобное ложе.

Вскорѣ я сталъ чувствовать какую-то пріятную истому, сознаніе стало затмѣваться, и я впалъ въ сладкое полузабытье, сквозь которое однако могъ разобрать, какъ, понизивъ голосъ, люди стали распрашивать старика, кто я такой. Я могъ еще разобрать, какъ старикъ, все время наблюдавшій за мною и очевидно слѣдившій за дѣйствіемъ даннаго мнѣ наркотическаго, присѣлъ въ противуположномъ концѣ палатки, какъ всѣ присутствующіе размѣстились около него и стали внимательно слушать разсказъ его о человѣчествѣ и событіяхъ моего времени; но уже точно сквозь сонъ различалъ я лишь отдѣльныя слова, слишкомъ хорошо мнѣ знакомыя: сраженіе, кровь, страданіе, нищета, злоба, пушки, бомбы . . . пока наконецъ и эти звуки перестали доноситься до моего сознанія.

Не знаю, долго ли говорилъ старикъ, но когда я очнулся отъ своего забытья, то взорамъ моимъ представилась все таже группа. Старикъ однако уже кончилъ свой разсказъ, до меня доносились только отдѣльныя восклицанія слушавшихъ его, очевидно выражавшихъ сочувствіе несчастнымъ людямъ моего времени: бѣдные! дѣдные! раздавалось со всѣхъ сторонъ, и по интонаціи голосовъ можно было видѣть, что это были не одни только слова.

Но вотъ старикъ всталъ и весело произнесъ:

— А ну-ка дѣтки, я иду въ деревню посмотрѣть, что дѣлаютъ рабы; кто со мной?

Нѣсколько человѣкъ выразили желаніе ему сопутствовать, остальные же остались въ тѣхъ же позахъ, задумавшись, и начали перебирать только что слышанный разсказъ, обмѣниваясь разными замѣчаніями. Всѣ удивлялись силѣ пороха, не понимали, какъ это такія тяжелыя бомбы могли летать на такое громадное разстояніе. Къ серьезнымъ замѣчаніямъ начали мало по малу примѣшиваться шутки, остроты, прибаутки. Видимо грусть и печаль имѣли мало власти надъ этими дѣтьми, какъ пылинки садились онѣ на ихъ сердца, чтобы тотчасъ же слетѣть при малѣйшемъ дуновеніи беззаботной веселости. Одинъ изъ присутствующихъ взялся демонстрировать силу пороха и полетъ бомбъ и, схвативши маленькаго пятилѣтняго бутузика, только

что вошедшаго въ палатку и закричавши: Анри, лови бомбу! ловко подбросилъ мальчугана по направленію къ молодому человѣку стоявшему шаговъ въ десяти отъ него; тотъ также ловко его подхватилъ и съ возгласомъ: Ада, лови! перебросилъ его женщинѣ, та направила его тѣмъ же путемъ къ третьему, и при смѣхѣ публики и веселыхъ взвизгиваніяхъ маленькой живой бомбы, ребенка, свернувшагося въ клубочекъ, стали перебрасывать какъ мячь.

Но въ шатрѣ было тѣсно и неудобно для подобной игры.

— Стойте! закричалъ одинъ изъ молодыхъ людей. Пойдемте лучше на площадку и будемъ играть въ кругъ.

— Хорошо, хорошо! съ живостью отвѣтили всѣ, одни захлопали въ ладоши, другіе стали радостно подпрыгивать при этомъ, какъ дѣти, которымъ предложили какую нибудь давно желанную прогулку. Тотчасъ всѣ вышли изъ шатра и стали сзывать своихъ товарищей, которые и не замедлили собраться на площадку.

— Знаете, сказалъ одинъ изъ нихъ, давайте назовемъ игру въ кругъ игрой въ бомбы. И онъ вкратцѣ объяснилъ всѣмъ тѣмъ, которые не слыхали разсказа старика, что такое бомба. Всѣ охотно согласились на это предложеніе.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на ихъ игру, но я боялся, что мое появленіе ихъ стѣснитъ, и потому я прилегъ у самаго входа въ шатеръ, и спрятавшись за его пологъ, сталъ высматривать оттуда.

Собравшіеся въ числѣ быть можетъ 30 или болѣе человѣкъ — остальные были на берегу моря, откуда доносились ихъ голоса — построились въ кругъ, въ который впустили десятка съ полтора дѣтей, начиная отъ самыхъ крохотныхъ, едва державшихся на ногахъ. Затѣмъ, сговорившись, кто кому будетъ ихъ перебрасывать, они схватили дѣтей на руки. Дѣти, видно привыкшіе уже къ этой игрѣ, свернулись въ клубочки, подобравши ручки и ножки подобно ежикамъ въ минуту опасности, а взрослые, положивши ихъ спиной на руки, при крикѣ: начинай! стали перебрасывать ихъ черезъ весь кругъ своимъ визави, каждый разъ вызывая ихъ по именамъ и тѣ тотчасъ возвращали ихъ опять назадъ. Чтобы во время этого полета дѣти не могли столкнуться въ центрѣ, одни бросали ихъ почти въ прямолинейномъ направленіи, другіе подбрасывали ихъ выше, третьи — еще выше, и такимъ образомъ въ серединѣ круга, благодаря изумительной быстротѣ, съ которой производилось перебрасываніе, образовалась какъ бы горка или пирамида изъ летающихъ ребятишекъ, оглашавшихъ воздухъ радостными взвизгиваніями. Сердце у меня замерло

при видѣ этого, каждую минуту я ждалъ, что кто нибудь изъ дѣтей или не будетъ подхваченъ во время, или столкнется съ другимъ во время полета, упадетъ и расшибется, но мои опасенія были напрасны. Изумительна, поразительна была ловкость всѣхъ ихъ движеній, сила и гибкость ихъ мускуловъ, вѣрность глаза! Минутъ десять продолжалась эта игра, и ни разу не случилось ни малѣйшаго несчастья. И какая грація въ движеніяхъ! Вотъ когда представилась мнѣ возможность вдосталь налюбоваться безукоризненнымъ изяществомъ ихъ формъ и движеній.

Не приняли участія въ игрѣ только большія дѣти, слишкомъ тяжелыя для того, чтобы служить бомбами и недостаточно еще сильныя, чтобы войти въ составъ круга. Но они придумали себѣ свою собственную забаву. Одинъ изъ нихъ быстро и съ удивительною ловкостью влѣзъ на неподалеко стоявшую кокосовую пальму и, сорвавши нѣсколько орѣховъ, бросилъ ихъ на землю, затѣмъ они составили свой маленькій кругъ и, подражая взрослымъ, стали перебрасывать другъ другу орѣхи. Вотъ, подумалъ я, естественная школа, гдѣ люди учатся играть и веселиться и пріобрѣтаютъ свою изумительную ловкость.

Но скоро играющіе устали.

— Жарко, замѣтили нѣкоторые, запыхавшись, пойдемте купаться. И группами, схватившись за руки,

съ ребятишками верхомъ на плечахъ побѣжали они или вѣрнѣе поскакали, перепрыгивая съ ноги на ногу, какъ бѣгаютъ дѣти, направляясь къ бухтѣ.

Странное дѣйствіе произвела на меня вся эта оживленная, веселая картина. Весело стало и мнѣ на душѣ, кровь заиграла въ моихъ жилахъ, я какъ будто помолодѣлъ. Ахъ! съ какимъ удовольствіемъ взялъ бы я ихъ за руки и поскакалъ бы вмѣстѣ съ ними, еслибы .... еслибы мнѣ не было стыдно!

VIII.

Я стоялъ у входа въ палатку въ нерѣшительности, что мнѣ дѣлать, когда показался старикъ, очевидно только что вернувшійся изъ деревни; увидя меня, онъ радостно протянулъ мнѣ обѣ руки и сказалъ:

— Какъ, вы уже встали? Отдохнули ли вы, хорошо ли вы себя чувствуете?

— О да, отвѣтилъ я, благодарю васъ, я отдохнулъ и уже съ полчаса какъ наблюдаю за играми друзей; они только что всѣ побѣжали къ морю.

— Хотите пойти къ нимъ, спросилъ онъ, или вы предпочитаете спокойно посидѣть гдѣ нибудь въ тѣни и побесѣдовать со мной? я боюсь, что тамъ на солнцѣ вамъ будетъ слишкомъ жарко.

Я съ радостью выбралъ послѣднее, и онъ повелъ меня по направленію къ рѣчкѣ, гдѣ мы нашли прелестный тѣнистый и прохладный уголокъ среди густой зелени и удобно расположились на травѣ. Издали, съ моря доносились до насъ веселые крики и смѣхъ купающихся, а у нашихъ ногъ тихо журчалъ ручеекъ,

ниспадая съ камня на камень маленькими каскадами. Кругомъ насъ порхали и щебетали птички, замѣчательно ручныя, подлетавшія совсѣмъ близко, садившіяся даже намъ на плечи, на руки. Я любовался этимъ тихимъ, мирнымъ уголкомъ, этой чудной роскошной растительностью, переливавшей всѣми оттѣнками зелени. И какое богатство, какое необыкновенное разнообразіе формъ! Вотъ возлѣ насъ подымается толстый, весь черный и мохнатый, точно шерстью покрытый стволъ древовиднаго папоротника, этого мамонта растительнаго царства съ короной листьевъ мелко игрѣзанныхъ и просвѣчивающихъ на солнцѣ; вотъ на другой сторонѣ ручья, граціозно склонивъ свои вѣтви къ водѣ, привлекаетъ взоры мимоза со своими безконечно нѣжными, необыкновенно мелко разрѣзными, какъ кружево листьями, съ обильными розовыми гроздями сильно пахучихъ цвѣтовъ: совсѣмъ возлѣ меня росло какое-то ароидное съ широкими листьями и громаднымъ ярко-пунцовымъ початкомъ, гордо торчавшимъ на прямой почти въ сажень длины ножкѣ, окруженнымъ у основанія широкимъ бѣлоснѣжнымъ прицвѣтникомъ. Съ деревьевъ въ безпорядкѣ спускались всевозможныя орхидеи, разливая цѣлые потоки благоуханія, наполняя этимъ тонкимъ ароматомъ прохладную, влажную, освѣжающую атмосферу. Природа жила видно во всю ширь, полной, здоровой жизнью. Уютно, тихо, хорошо

тутъ было! Казалось, я попалъ въ земной рай. Такіе уголки мнѣ по крайней мѣрѣ всегда мерещились, когда я старался представить себѣ въ своемъ воображеніи поэтическую легенду о земномъ раѣ.

— Ахъ, дорогой Эзраръ, обратился я къ нему, какъ здѣсь хорошо и какъ вы должны чувствовать себя счастливыми, живя среди такой природы. Вы положительно нашли рай земной!

— Нашли? замѣтилъ старикъ, да онъ всегда тутъ былъ, но люди его не видѣли, а если и видѣли, то не нуждались въ немъ. Нужно было переродить ихъ, какъ мы переродили, нужно было прежде внести рай въ ихъ души, чтобы они могли себя чувствовать счастливыми въ этомъ раю. Ваши люди скоро бы въ немъ соскучились и превратили бы его въ адъ.

— Но скажите Эзраръ, сколько же нужно было времени, чтобы такъ измѣнить людей, какъ они измѣнились?

— Гораздо меньше, чѣмъ вы думаете, отвѣтилъ онъ; мы достигли всего этого въ теченіи какихъ нибудь 200 лѣтъ. Впрочемъ такими милыми, добрыми, безконечно веселыми, какими вы ихъ видите теперь, люди стали сравнительно недавно. Даже такими красивыми и граціозными они стали только съ послѣдняго поколѣнія. Еще на моей памяти попадались не

особенно красивыя лица, а между взрослыми женщинами не рѣдкостью было встрѣтить неграціозныя и неизящныя фигуры. Мы вѣдь спѣшили размножать человѣчество, такъ какъ начали съ очень немногаго, и потому приходилось допускать плодиться и посредственностямъ. Но лѣтъ 30 тому назадъ мы сразу сдѣлали большой шагъ впередъ. Въ это время появился на Маркизскихъ островахъ одинъ юноша такой неописанной красоты и граціи, что слава о немъ распространилась среди всего человѣчества. Мы его назвали Адонисомъ, котораго онъ навѣрное превосходилъ во многомъ, и такъ какъ въ тоже время онъ отличался чрезвычайно веселымъ и симпатичнымъ характеромъ, то мы рѣшили имъ воспользоваться для общаго улучшенія рода человѣческаго. И вотъ всѣ люди, которыхъ вы здѣсь видѣли, — его дѣти, также какъ и все почти теперешнее человѣчество.

То есть какъ это, я васъ не понимаю? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Развѣ вы не замѣтили, сказалъ онъ, нѣкотораго, такъ сказать фамильнаго сходства между нашими друзьями?

— Ахъ, да, отвѣтилъ я, дѣйствительно, несмотря на большое разнообразіе, можно у многихъ подмѣтить что-то общее.

— Это оттого, что всѣ они дѣти одного отца.

— Всетаки я васъ не понимаю. Развѣ возможно, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ нѣсколько милліоновъ дѣтей?

— Въ ваше время это было невозможно, а теперь возможно, сказалъ старикъ, улыбаясь при видѣ моего крайне удивленнаго лица. Для того чтобы Адонисъ сталъ отцомъ большинства теперешнихъ людей, намъ вовсе не надо было, чтобы онъ вступилъ въ сношеніе со всѣми женщинами, мы воспользовались для этого гораздо болѣе простымъ средствомъ, а именно искусственнымъ оплодотвореніемъ — мы оплодотворили всѣхъ женщинъ его спермой. Вѣдъ вы знаете, что для этого достаточно одного живчика, а въ каплѣ спермы ихъ много милліоновъ.

— Неужели вы дѣлаете это! воскликнулъ я. И вы открыли средство искуственно оплодотворять людей?

— Да, отвѣтилъ старикъ, хотя открытіе это не наше, но мы его впервые примѣнили къ людямъ. Оно было сдѣлано уже давно, однимъ ученымъ XXII вѣка, и это было очень важнымъ открытіемъ, произведшимъ цѣлый переворотъ въ области разведенія домашнихъ животныхъ. Оно до крайности ускорило и упростило это дѣло. Въ ваше время, когда появлялась какая нибудь замѣчательная новая порода, нужно было очень много времени, чтобы она распространилась; приходи-

лось ждать немало лѣтъ, чтобы получить сначала первое поколѣніе, въ числѣ очень немногихъ экземпляровъ, потомъ столько же для каждаго изъ дальнѣйшихъ поколѣній. Подумайте, сколько времени требовалось, чтобы получить производителей въ количествѣ достаточномъ для повсемѣстнаго распространенія какой нибудь усовершенствованной породы, и какъ дорого стоила пересылка племенныхъ животныхъ, не говоря уже о томъ, что неизбѣжное повтореніе скрещиванія ослабляло самую породу, такъ сказать растворяло ее въ преобладающей массѣ старой породы. Поэтому новыя, улучшенныя животныя у васъ рѣдко распространялись, и улучшеніе ихъ шло крайне туго и медленно. Когда же было найдено средство сохранять сперму въ свѣжемъ видѣ и разбавлять ее до желаемой степени, то достаточно было переслать во всѣ страны, всѣмъ желающимъ по одной каплѣ этой жидкости, содержавшей всего нѣсколько живчиковъ, чтобы тотчасъ же, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ могли быть оплодотворены всѣ существующія самки; слѣдующій шагъ немедленно опять распространялся повсемѣстно съ такой же быстротой и т. д. безостановочно. И вы не можете себѣ представить до какихъ изумительныхъ результатовъ люди дошли, благодаря этому. Одинъ образчикъ этого вы увидите и у насъ въ лицѣ нашихъ коровъ.

Но и тутъ люди были точно ослѣплены: они и не подумали примѣнить это замѣчательное изобрѣтеніе къ самимъ себѣ! Они считали это чѣмъ-то постыднымъ, недостойнымъ человѣка; достойнѣе казалось имъ плодиться безъ контроля разума, передавая въ наслѣдство всѣ свои порочныя качества, всѣ болѣзненныя черты организаціи. А подумайте только, какіе удивительные результаты могли бы получиться, еслибы люди рѣшились влить въ испорченное, развращенное человѣчество струю благородной крови такихъ великихъ современниковъ вашихъ, какъ напримѣръ Дарвинъ, Ренанъ, Гладстонъ, Л. Толстой! Да и мало ли можно было найти людей, хотя и безъ громкаго имени, но вполнѣ достойныхъ стать отцами человѣчества.

Вотъ этимъ-то изобрѣтеніемъ мы и воспользовались, и оно значительно ускорило и упростило наше дѣло обновленія человѣчества. Я говорю упростило, потому что, благодаря ему, мы имѣли возможность начать всего съ нѣсколькихъ десятковъ мужчинъ, которыхъ слѣдовательно могли выбрать изъ всѣхъ тогда бывшихъ съ особою тщательностью. Вѣдь мы начали съ очень небольшаго числа людей, было время, когда все человѣчество состояло всего изъ 600 съ небольшимъ женщинъ и только 25 мужчинъ, ибо себя мы не считаемъ, такъ какъ мы съ ними не смѣшивались. Но и насъ было не особенно много.

Я не зналъ вѣрить ли мнѣ своимъ ушамъ или нѣтъ.

— Какъ, воскликнулъ я, человѣчество состояло одно время всего изъ 625 душъ? Не можетъ быть! Куда же дѣвались милліарды людей?

— О, эти милліарды намъ никуда не годились, отвѣтилъ Эзраръ. Новое человѣчество пришлось создавать совершенно съ изнова, старое же мы истребили.

— Что вы говорите, вы истребили милліарды людей?!

— Не ужасайтесь, мой другъ, ни одно человѣческое существо не было нами уничтожено, мы только дали всѣмъ имъ вымереть безъ потомства, воспользовавшись тѣмъ средствомъ, о которомъ я вамъ сегодня утромъ уже говорилъ и оставили жить только тѣхъ немногихъ, которыхъ считали пригодными для полученія новой породы людей. Но и теперь людей еще немного, всего только около двухъ милліоновъ.

— Только два милліона на весь земной шаръ!

— Нѣтъ, не на весь земной шаръ, вѣдь большая часть земли теперь необитаема.

— Не можетъ быть, воскликнулъ я!

— Да, люди живутъ теперь только подъ тропиками, вся Европа, почти вся Азія, вся Сѣверная Америки, большая часть Африки совершенно пусты и необитаемы.

— Это почему же?

— Мы рѣшили, отвѣтилъ Эзраръ, что внѣ тропиковъ люди не могутъ жить счастливо, ибо жизнь тамъ неизбѣжно должна быть или слишкомъ сложной, или полной лишеній. Посмотрите, какъ здѣсь мы живемъ просто: намъ не надо ни домовъ — ибо мы живемъ въ палаткахъ, намъ не надо ни многочисленной и разнообразной одежды, ни бѣлья — ибо здѣсь всегда тепло, и наши друзья бѣгаютъ голыми, мы обходимся безъ освѣщенія — ибо ложимся и встаемъ вмѣстѣ съ солнцемъ. И въ тоже время мы пользуемся такими удобствами и комфортомъ, какія у васъ доступны были только самымъ богатымъ людямъ. Такіе сады, такіе красивые благоухающіе цвѣты, среди которыхъ мы живемъ, вы могли имѣть правда и на сѣверѣ, въ вашихъ оранжереяхъ и зимнихъ садахъ, но что это вамъ стоило, какими архимилліонерами нужно было быть, чтобы гдѣ нибудь въ Парижѣ или въ Лондонѣ имѣть хоть слабое подобіе того, что здѣсь намъ дается даромъ. Мы никогда не дрожимъ отъ холода, какъ это было съ большинствомъ вашихъ людей въ Европѣ, и это опять намъ ничего не стоитъ, точно также какъ и постоянно чистый и свѣжій воздухъ, которымъ мы дышемъ; а что стоило вашему меньшинству грѣться зимой у огня и не дышать затхлой атмосферой и всякими міазмами. А возьмите напримѣръ чистоплотность, эту изысканнѣйшую изъ роскошей, что стоила

она тѣмъ немногимъ изъ васъ, которымъ она была доступна. Для этого вы должны были строить себѣ большія, хорошо устроенныя помѣщенія, ибо тѣснота и чистоплотность несовмѣстимы, вамъ нужно было имѣть много прислуги, безчисленное количество бѣлья, а слѣдовательно массу фабрикъ и заводовъ его изготовлявшихъ, нужна была цѣлая армія прачекъ, которыхъ надо же было и кормить, и одѣвать, далѣе нужно было мыло и слѣдовательно салотопенные и мыловаренные заводы, нужны были ванны, водопроводы, трубы, краны и слѣдовательно цѣлый рядъ заводовъ, все это изготовлявшихъ, нужно было имѣть и мастеровъ и техниковъ для всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ, кормить, одѣвать и обучать ихъ всѣхъ, нужны были рудники для добыванія желѣза, мѣди и свинца, каменноугольныя копи. Посмотрите, какія ужасныя усложненія вызываются одной этой потребностью къ чистотѣ, и какъ все это сразу упрощается подъ тропиками. Наши люди такъ чистоплотны, какъ ваши рѣдко могли быть: каждое утро и каждый вечеръ они тщательно обмываются въ этомъ ручейкѣ, каждый день проводятъ они по нѣсколько часовъ въ морѣ, и все это обходится намъ совершенно даромъ. А живи мы внѣ тропиковъ, въ Европѣ напримѣръ, и намъ пришлось бы или заводить всѣ безконечныя усложненія, которыя я вамъ только что перечислилъ, или —

отказаться отъ нашей чистоплотности. И такъ во всемъ. Посмотрите вокругъ себя: развѣ такая обстановка, какъ эта, можетъ сравниться хотя бы съ самыми роскошными изъ вашихъ будуаровъ и гостинныхъ, развѣ вы могли имѣть въ нихъ столько свѣта, развѣ вы могли устроить у себя такіе высокіе потолки; посмотрите на эти гирлянды орхидей, развѣ ихъ можно сравнить по роскоши и изяществу съ вашими гирляндами изъ бахромы, съ вашими портьерами и драпировками; а взгляните на это море, на этотъ живописный мысъ, вдающійся въ него, на эти граціозныя пальмы, вырѣзывающіяся на лазуревомъ фонѣ неба, развѣ вы могли украшать свои жилища такими великолѣпными и грандіозными картинами. А хотите полюбоваться статуями — позовите нѣсколькихъ друзей, и любуйтесь. И вся эта роскошь, все это изящество, всѣ эти удобства намъ ни чего не стоятъ здѣсь и стоили вамъ на сѣверѣ милліарды денегъ и слезъ.

Вотъ почему мы рѣшили сосредоточить человѣчество исключительно подъ тропиками, да и то только въ самыхъ лучшихъ, благодатныхъ ихъ уголкахъ. Мы убѣждены, что человѣчество можетъ быть счастливо только при крайнемъ упрощеніи жизни, а это упрощеніе безъ лишеній и безъ страданій мыслимо только подъ тропиками — и это одинъ изъ основныхъ, священныхъ принциповъ нашихъ.

— Но, спросилъ я, когда человѣчество ваше сильно размножится, придется волей неволей постепенно подвигаться все болѣе и болѣе къ сѣверу и югу.

— А кто же заставляетъ насъ волей или неволей такъ сильно размножаться, развѣ это такой законъ природы, съ которымъ человѣкъ не могъ бы справиться? Развѣ не святая обязанность наша слѣдить за тѣмъ, чтобы этого не случилось? Вѣдь и въ ваше время образованные классы начали сдерживаться въ этомъ отношеніи, и намъ ли, преодолѣвшимъ столько трудностей, видѣть въ этомъ затрудненіе! Нѣтъ, упаси Боже когда нибудь дойти опять до такой чудовищной, безобразной густоты населенія, до которой дошло прежнее человѣчество! Вѣдь все зло на землѣ и произошло тогда главнымъ образомъ отъ этой причины.

IX.

Однако, проговорилъ старикъ, торопливо вставая, мы съ вами заговорились, и я совершенно забылъ о друзьяхъ. И посмотрѣвъ на небо, желая по солнцу опредѣлить время, онъ прибавилъ:

— Ого! уже поздно, наши друзья вѣроятно скоро запросятъ ѣсть; мнѣ надо пойти на кухню посмотрѣть, какъ тамъ подвигается дѣло. Хотите пойти со мною, или вы предпочитаете остаться здѣсь и еще немного отдохнуть?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не усталъ, отвѣтилъ я, и съ удовольствіемъ пойду съ вами.

Мы вернулись опять къ лагерю. Возлѣ одной изъ палатокъ сидѣлъ на корточкахъ мужчина, копаясь въ землѣ, а возлѣ него стояла молодая женщина съ кувшиномъ въ рукѣ. Проходя мимо нихъ, Эзраръ спросилъ, что они дѣлаютъ.

— Мы съ Гебой посѣяли одно вьющееся растеніе, помнишь, покровитель, то самое, которое мы нашли

съ тобой въ лѣсу, съ такими красивыми большими и пахучими цвѣтами; оно завьетъ это дерево, и это будетъ очень красиво. Поливай Геба!

И пока Геба лила воду изъ кувшина, Эзраръ объяснилъ мнѣ, что они стараются переносить поближе къ жилью всѣ красивыя растенія, какія имъ встрѣчаются въ ихъ прогулкахъ по лѣсу.

— Геро и Геба, прибавилъ онъ, завзятые любители цвѣтоводства, они знаютъ всѣ названія растеній, какъ никто.

— А знаете, обратилась Геба ко мнѣ, сынъ Эзрара обѣщалъ привести много новыхъ сѣмянъ изъ дальнихъ странъ. Онъ поѣхалъ теперь путешествовать и черезъ годъ вернется. Ахъ, какъ я буду рада, если онъ привезетъ сѣмянъ одной пальмы, которой у насъ къ сожалѣнію нѣтъ — это Raphia longiflora; вотъ красота! Эзраръ показывалъ намъ рисунокъ. А потомъ хотѣлось бы еще имѣть Verschaffeltia splendida; представьте, у нея листья не разрѣзные и такіе громадные, громадные ....

— А хотите, вмѣшался съ воодушевленіемъ Геро, мы вамъ сейчасъ покажемъ всѣ наши пальмы?

— Ахъ да, радостно согласилась Геба. А потомъ мы вамъ покажемъ наши раковины, онѣ тамъ на берегу и ихъ у насъ уже собрано 148 разныхъ породъ, и какія есть красивыя! Хотите?

И она уже схватила было меня за рукавъ, готовая тотчасъ же привести это намѣреніе въ исполненіе, но Эзраръ замѣтилъ имъ, что намъ теперь некогда, а я прибавилъ, что послѣ съ удовольствіемъ посмотрю и на то, и на другое, и мы пошли дальше.

Кухня помѣщалась тутъ же, сейчасъ за палатками, отдѣляясь отъ нихъ только незначительной полосой лѣсной чащи. Это было ничто иное, какъ простой навѣсъ изъ листьевъ для защиты отъ дождя, поддерживаемый срубленными и едва только обтесанными стволами деревьевъ; подъ навѣсомъ расположенъ былъ цѣлый рядъ очаговъ, очень грубо сложенныхъ изъ простыхъ камней, кое-какъ смазанныхъ глиной. Въ нихъ теперь пылалъ яркій огонь, передъ которымъ на вертелахъ жарились какія-то птицы, распространяя въ воздухѣ аппетитный ароматъ; съ десятокъ рабовъ въ передникахъ, обхватывавшихъ ихъ бедра, хлопотали около огня, другіе приходили изъ лѣса съ корзинами, наполненными всевозможными плодами. Очевидно все было готово къ обѣду.

Въ то время какъ старикъ давалъ еще нѣкоторыя указанія, со стороны лагеря раздался громкій, звонкій крикъ: ѣсть хотимъ! тотчасъ же подхваченный еще нѣсколькими голосами, и вотъ со всѣхъ сторонъ, изъ лѣса, съ рѣчки и особенно со стороны бухты поднялся цѣлый веселый хоръ на всѣ голоса: ѣсть, ѣсть,

подавайте скорѣе ѣсть! Мы поспѣшили въ лагерь и направились къ шатру.

Шатеръ представлялъ теперь другой видъ: боковые пологи его были приподняты, чтобы дать доступъ свѣту и воздуху, за исключеніемъ одной только солнечной стороны. Вдоль всего шатра въ два ряда были разставлены небольшіе, аршина два въ діаметрѣ круглые столы, сдѣланные изъ грубо отесанныхъ досокъ, на очень низкихъ, не болѣе 6 вершковъ вышины ножкахъ изъ простыхъ древесныхъ обрубковъ; такіе низенькіе столики употребляются на востокѣ у арабовъ, курдовъ и другихъ кочующихъ народовъ. Весь полъ былъ устланъ цыновками, сдѣланными изъ тонкихъ полосокъ пальмовыхъ листьевъ съ весьма искусно вплетенными узорами болѣе темнаго цвѣта. Столы были красиво убраны и приготовлены къ обѣду: въ серединѣ каждаго изъ нихъ стояла высокая изящной формы ваза изъ какого-то желтаго металла съ великолѣпнымъ букетомъ цвѣтовъ; вокругъ этой вазы горкой расположены были разнообразные тропическіе плоды: ананасы, бананы, апельсины и многіе другіе, мнѣ совершенно незнакомые. Вокругъ этого центра разложены были вмѣсто тарелокъ круглые листья какого-то растенія и приборъ изъ серебряной ложки, вилки и ножа; передъ каждымъ приборомъ стоялъ кубокъ изъ такого же самаго металла, какъ и вазы,

наполненный молокомъ. Нѣсколько женщинъ съ большими пучками цвѣтовъ и зелени въ рукахъ обходили столы, подправляя горки плодовъ, окружавшихъ вазы, вставляя цвѣты между плодами и въ букеты, придавая послѣднимъ болѣе изящный видъ и разсыпая цвѣты и лепестки ихъ въ безпорядкѣ по столамъ и даже на полъ. Въ общемъ картина этой оригинальной столовой представляла изъ себя нѣчто въ высшей степени живописное и нарядное. Войдя въ шатеръ, мнѣ казалось, что я попалъ въ какой-то садъ, со всѣхъ сторонъ доносились до меня волны самыхъ разнообразныхъ ароматовъ, разливавшихся отъ всѣхъ этихъ тропическихъ цвѣтовъ. Но моему восторгу не было предѣла, когда я увидѣлъ, что и на букетахъ, и на плодахъ сидѣли громадныя бабочки съ раскрытыми крыльями, переливавшими перламутромъ и металлическимъ блескомъ и горѣвшія всѣми цвѣтами радуги, подобно громаднымъ драгоцѣннымъ каменьямъ.

— Ахъ, какія чудныя бабочки! воскликнулъ я, указывая на нихъ старику. Неужели онѣ живыя?

— Это не бабочки, возразилъ Эзраръ, это цвѣты, одно изъ торжествъ искуственнаго подбора и садоводства минувшихъ вѣковъ. Вы не можете себѣ представить до какихъ изумительныхъ результатовъ дошло человѣчество въ этомъ отношеніи. — Лорелей, обратился онъ къ очаровательной молодой дѣвушкѣ съ

густыми и длинными пушистыми волосами, свѣжее личико которой своими дѣтски нѣжными очертаніями не разъ уже привлекало мои взоры, — подай гостю цвѣтокъ, который онъ принялъ за бабочку.

И когда Лорелей, мило улыбаясь, подала мнѣ его съ граціознымъ жестомъ руки и я, поблагодаривъ, посмотрѣлъ ей въ ея большіе, темные глаза — я не зналъ, чѣмъ мнѣ больше восхищаться: этимъ ли цвѣткомъ, — чудомъ растительнаго царства, или другимъ цвѣткомъ, стоявшимъ передо мною во всемъ благоуханіи юности, граціи и красоты!

— Однако, друзья мои, обратился старикъ къ толпившимся вокругъ насъ людямъ, я знаю, вы очень голодны и потому ложитесь за столы.

Это странное приглашеніе ложиться вмѣсто садиться за столы тотчасъ объяснилось: присутствующіе размѣстились вокругъ столовъ на цыновкахъ съ подложенными подъ ними сухими листьями, возлегая на подобіе древнихъ Грековъ и Римлянъ и располагаясь попарно, мужчина съ женщиной. Мужчины тотчасъ стали подбирать разбросанные на столахъ цвѣты и украшать ими волосы своихъ дамъ, любуясь ими, лаская и цѣлуя ихъ. Такъ обставлялся и такъ начинался обѣдъ у людей XXVII вѣка!

За почетнымъ столомъ, предназначеннымъ для старика, помѣстили и меня, но такъ какъ съ непривычки

возлегать я не зналъ, какъ мнѣ примоститься, то старикъ, замѣтивъ мое затрудненіе, подозвалъ двухъ молодыхъ людей и велѣлъ имъ принести два обрубка дерева, которые они тотчасъ же и вкатили, устроивъ изъ одного, повыше, столъ, и изъ другаго — скамейку. По приглашенію Эзрара за тѣмъ же столомъ возлегли три самыя отборныя красавицы, въ томъ числѣ и моя милая Лорелей — очевидное вниманіе ко мнѣ — и такъ какъ я не былъ посвященъ въ ихъ обычаи, то и не украсилъ ихъ прелестныя головки цвѣтами и не приласкалъ ихъ, какъ это сдѣлали остальные мужчины. Но онѣ очень мило вывели меня изъ этого затруднительнаго положенія: живо собравъ по охапкѣ цвѣтовъ и зелени, онѣ сплели нѣсколько легкихъ вѣнковъ и надѣли ихъ на головы мнѣ, старику и себѣ; въ тоже время онѣ погладили меня по лицу и поцѣловали. Я съ восторгомъ отвѣтилъ имъ тѣмъ же, чѣмъ онѣ и ближайшіе наши сосѣди видимо остались очень довольны.

Между тѣмъ среди веселыхъ разговоровъ, шутокъ и смѣха появились рабы, неся большія деревянныя блюда, покрытыя листьями, на которыхъ возвышались горы какихъ то плодовъ или кореньевъ и стали разносить ихъ присутствующимъ; это были, по объясненію Эзрара, печеные въ золѣ иньямы. Въ то время какъ всѣ съ видимымъ аппетитомъ принялись за ѣду, запи-

вая молокомъ иньямы, показавшіеся мнѣ чрезвычайно вкусными, вдругъ раздались опять звуки музыки, исходившіе какъ бы отъ струннаго оркестра; это не были тѣ могучіе и торжественные аккорды, которые я слышалъ утромъ, что-то нѣжное и чарующее слышалось теперь въ этихъ тихихъ звукахъ, не мѣшавшихъ обѣдающимъ разговаривать. Впрочемъ большинство ѣло сосредоточенно, очевидно со вниманіемъ прислушиваясь къ дивной музыкѣ въ одно и тоже время веселой и серьезной, и только изрѣдка, въ особенно выдающихся мѣстахъ слышались восклицанія: ахъ, какъ это хорошо!

Я сидѣлъ какъ очарованный, слушалъ и глядѣлъ. Передо мною разстилались въ самыхъ живописныхъ и непринужденныхъ позахъ безукоризненныя юныя формы нѣсколькихъ десятковъ статныхъ мужчинъ и очаровательныхъ женщинъ, сверкая своими бѣлыми тѣлами, окруженные какъ рамкой — зеленью и цвѣтами. Цвѣты — всюду, цвѣты у всѣхъ на головѣ, въ волосахъ, на шеѣ, цвѣты на столахъ, цвѣты на полу! Красивыя блестящія вазы и кубки, красивыя птички, порхавшія кругомъ, подбирая крошки, садясь на столы, на людей, опьяняющіе ароматы, разносимые мягкимъ какъ бархатъ, освѣжающимъ вѣткомъ съ моря, опьяняющіе звуки музыки — все это сливалось вмѣстѣ въ одну грандіозную симфонію красоты. А вдали, прямо передо мною разстилалось широкое синее море,

голубое лазуревое небо съ вырѣзающимися на немъ пальмами, и все это радостно залито было золотистыми лучами солнца. Что это, феерія или дѣйствительность?

Сколько тутъ поэзіи, сколько роскоши и сколько въ тоже время во всемъ этомъ простоты!

Когда кончилась музыка, я обратился къ Эзрару съ вопросомъ, откуда она и кто такъ хорошо играетъ.

— Никто не играетъ, объяснилъ онъ, у насъ для этого имѣются металлическія пластинки, на которыхъ записана или вѣрнѣе выдавлена эта музыка и которыя вставляются въ особые приборы, издающіе звуки; да развѣ нѣчто подобное не было извѣстно въ ваше время?

— Ахъ, это вѣроятно фонографъ?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ, но въ болѣе усовершенствованномъ и главное упрощенномъ видѣ. Это единственная сложная вещь, которую мы сохранили отъ всей вашей сложной цивилизаціи.

Я обратилъ затѣмъ вниманіе Эзрара на вазу и спросилъ, изъ чего она сдѣлана.

— Изъ золота, отвѣтилъ онъ.

— Неужели всѣ эти вазы золотыя?

— Да, также какъ и часть кубковъ, остальные, какъ и вилки и ложки серебряные.

— Откуда же у васъ столько золота и какъ согласовать такую роскошь съ простотою во всемъ остальномъ?

— И вы еще спрашиваете. откуда! отвѣтилъ Эзраръ. Да знаете ли вы, что когда мы ликвидировали дѣла стараго человѣчества, то сказалось, что алчность людская накопила такія невѣроятныя количества золота и серебра, что мы рѣшительно не знали, что съ этимъ предпринять. Тогда же употребили мы часть этихъ запасовъ на выдѣлку вотъ этихъ вазъ и кубковъ, а также нѣкоторыхъ украшеній для нашихъ красавицъ, которыя впрочемъ мало ихъ цѣнятъ, предпочитая золоту цвѣты, а остальное такъ и лежитъ цѣлыми грудами въ разныхъ частяхъ земли безъ всякаго употребленія. Какъ видите, роскоши тутъ никакой нѣтъ: это отбросы старой цивилизаціи.

Въ это время опять появились рабы съ блюдами, на которыхъ лежало что-то завернутое въ листья.

— Это, объяснилъ мнѣ Эзраръ, морскія рыбы, которыя мы приготовляемъ по особому способу: ихъ завертываютъ въ листья и кладутъ въ вырытыя въ землѣ ямы, наполненныя горячимъ пескомъ, гдѣ онѣ и пропекаются, пріобрѣтая вслѣдствіе этого необыкновенную сочность и пріятный вкусъ. Мы заимствовали этотъ способъ приготовленія у несчастныхъ Таитянъ, нашихъ предшественниковъ на здѣшнихъ островахъ.

— Почему же несчастныхъ? спросилъ я.

— Ахъ, мой другъ, каждый разъ какъ я вспоминаю о нихъ, мнѣ невольно становится грустно. Какой

это былъ милый, симпатичный народъ! какъ близко съумѣли они подойти къ истинному счастью. И увы! какъ печальна была ихъ судьба: достаточно было какого нибудь полвѣка соприкосновенія ихъ съ вашей цивилизаціей и культурой, чтобы этотъ нѣжный и изящный тропическій цвѣтокъ, развившійся здѣсь на свободѣ, завялъ и погибъ безслѣдно . . .

Опять заиграла музыка — легкая, пріятная, радостная. Убравши листья, служившіе тарелками и замѣнивши ихъ новыми, рабы принесли опять блюда: на нихъ красовались тѣ птицы, которыхъ мы видѣли жарящимися передъ очагами и которыя оказались индѣйками, начиненными кокосовыми орѣхами. Конецъ обѣда состоялъ изъ плодовъ, лежавшихъ передъ нами. Три красавицы, возлегавшія за нашимъ столомъ, объясняли мнѣ названія плодовъ, предлагая мнѣ попробовать то того, то другаго; всѣ они были необыкновенно вкусны и ароматичны.

Музыка, съ перерывами во время перемѣны блюдъ, все время не переставала играть.

— Сегодня, замѣтилъ мнѣ Эзраръ, обѣдъ нашъ немного сложнѣе обыкновеннаго, мы прибавили одно лишнее блюдо въ честь нашего дорогаго гостя. Я знаю, въ ваше время угощали обѣдами, состоявшими изъ десяти и болѣе перемѣнъ, но такія тонкости для насъ недоступны. Впрочемъ будетъ еще кофе, который

однако мы предпочитаемъ пить на берегу моря; хотите, мы и васъ поведемъ туда?

Но я не отвѣчалъ ему, я едва слышалъ, что онъ говоритъ. Обѣдъ былъ безъ вина, но я былъ опьяненъ! Опьяненъ обиліемъ впечатлѣній, обиліемъ красоты, — опьяненъ зрѣніемъ, обоняніемъ, слухомъ.... Нѣтъ, мой бѣдный мозгъ, больной мозгъ человѣка XIX вѣка не могъ выдержать такого натиска красоты, я почувствовалъ себя усталымъ, изнеможеннымъ и замѣтилъ это Эзрару.

— Онъ тотчасъ же взялъ меня подъ руку и повелъ въ свою палатку, гдѣ и уложилъ на постель изъ моха, покрытаго цыновками.

— Полежите здѣсь, я сейчасъ вернусь, сказалъ онъ и поспѣшно вышелъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ вернулся съ кубкомъ душистаго кофе, который я выпилъ съ удовольствіемъ.

— А теперь, сказалъ онъ, полежите спокойно, отдохните и, если можете, постарайтесь заснуть.

И съ этими словами онъ удалился.

X.

Когда Эзраръ вернулся, я все еще лежалъ, но не спалъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ пристально на меня смотрѣть.

— Что вы такъ смотрите, Эзраръ? спросилъ я.

— А отчего у васъ такое странное выраженіе лица? въ свою очередь спросилъ онъ меня. О чемъ вы думаете?

— Ахъ, Эзраръ, мнѣ грустно!

— Грустно, спросилъ онъ, отчего?

— Я и самъ не знаю. Я все время думалъ о томъ, что здѣсь видѣлъ и слышалъ, и я вдругъ почувствовалъ себя такимъ чуждымъ среди васъ! вы всѣ такъ отличны отъ меня, какъ будто цѣлая пропасть отдѣляетъ меня отъ васъ. Я переросъ вашихъ друзей, я слишкомъ старъ для нихъ, и я не доросъ до васъ. И потомъ все это такъ странно, такъ чудно, что мнѣ какъ-то не вѣрится, мнѣ все кажется, что это сонъ, и я боюсь вдругъ проснуться и опять очутиться среди

несчастныхъ и гадкихъ людей, столько меня мучившихъ . . . .

— Вы должны отогнать отъ себя такія мысли, съ живостью возразилъ онъ, а если вамъ грустно, то встаньте и пойдемте, мы васъ сейчасъ развеселимъ.

— Эй друзья! крикнулъ онъ, выйдя вмѣстѣ со мной изъ палатки, созовите-ка всѣхъ сюда, повеселимъ нашего гостя зрѣлищемъ вашихъ игръ.

И тотчасъ же раздались призывные клики, на которые со всѣхъ сторонъ послышались отвѣтные голоса, и вскорѣ цѣлая толпа друзей собралась на площадкѣ. Всѣ были очень оживлены и съ воодушевленіемъ обсуждали, какую игру мнѣ показать, одни предлагали одну, другіе другую, наконецъ верхъ взялъ проектъ игры въ каскадъ и въ мостъ. Каскадъ! Каскадъ! все чаще и чаще раздавалось изъ толпы, а потомъ игра въ мостъ!

На томъ и порѣшили.

Эзраръ взялъ меня подъ руку и мы вмѣстѣ съ Лорелей, подбѣжавшей къ намъ и схватившей меня за другую руку направились втроемъ въ сопровожденіи всей толпы къ ручейку, перескочили черезъ него и пошли лѣсомъ. Скоро передъ нами открылась небольшая полянка, ограниченная съ одной стороны уступами горъ; въ одномъ мѣстѣ стояла, выдвинувшись впередъ, крутая скала вышиною въ 8—10 аршинъ. Верхній

край ея совершенно округленный и даже какъ будто намѣренно сглаженный и полированный выдавался нѣсколько впередъ, образуя родъ легкаго навѣса или карниза. Но никакого каскада нигдѣ не было видно.

Эзраръ и я съ нѣсколькими женщинами, коложеніе которыхъ не позволяло принимать участіе въ игрѣ, и съ дѣтьми расположились на противуположной сторонѣ поляны, какъ разъ противъ скалы, усѣвшись на мягкой травѣ, въ тѣни деревьевъ.

— Вы сейчасъ увидите очень красивое зрѣлище, сказалъ мнѣ Эзраръ.

Между тѣмъ толпа обогнула скалу, неприступную въ этомъ мѣстѣ и исчезла въ чащѣ лѣса, чтобы взобраться на нее со стороны, скрытой отъ насъ растительностью, и дѣйствительно вскорѣ люди показались на ея вершинѣ. Выстроившись въ рядъ одинъ позади другаго и положивъ другъ другу руки на плечи, они стали медленно подступать къ краю нависшей скалы, къ тому мѣсту ея, гдѣ онъ былъ сглаженъ. Передній человѣкъ, подойдя насколько было возможно ближе къ самому краю, сѣлъ, свѣсивши ноги внизъ, за нимъ сѣлъ слѣдующій, положивши ноги на плечи первому, который крѣпко ухватился за нихъ руками. Вдругъ раздался крикъ и, о ужасъ, передній, скользнувъ по краю скалы и увлекая за собой слѣдующаго за нимъ, котораго онъ не переставалъ держать за ноги, сталъ

быстро падать внизъ: этотъ, въ свою очередь уцѣпившись за ноги третьяго, послѣдовалъ за первымъ, за вторымъ полетѣлъ третій, четвертый ... и потекла живая струя людей крѣпко сцѣпленныхъ другъ съ другомъ. Какъ только первый почувствовалъ подъ собой землю, онъ отпустилъ ноги слѣдующаго за нимъ и быстро отбѣжалъ въ сторону, тоже сдѣлалъ и второй и всѣ остальные. Паденіе происходило порой такъ быстро, что въ этой живой цѣпи едва можно было разглядѣть отдѣльныя человѣческія фигуры, все сливалось тогда въ одну непрерывную струю, и впечатлѣніе получалось дѣйствительно такое, какъ будто съ высоты скалы ниспадалъ каскадъ. Опустившись на землю и подпрыгнувъ нѣсколько разъ, желая этимъ изобразить брызги и пѣну, они тотчасъ же убѣгали въ сторону, скрываясь въ чащу лѣса и затѣмъ опять подымались на скалу, снова становясь въ очередь. Такимъ образомъ установилась постоянно возобновлявшаяся струя воды и это продолжалось съ нѣсколькими перерывами, въ теченіи которыхъ движеніе струи замедлялось, минутъ 5 или 8. Поразительна была при этомъ отчетливость и точность всѣхъ ихъ движеній. Сначала мнѣ было страшно видѣть, какъ эти люди сбрасывались съ высоты, съ которой, казалось, неминуемо должны были разбиться, но видя, съ какою легкостью и ловкостью все это совершается, я пересталъ бояться и весь пре-

дался высоко-художественному впечатлѣнію, которое производила эта игра. Когда наконецъ участвовавшіе въ ней стали уставать и перестали взбираться на скалу, Эзраръ мнѣ замѣтилъ:

— Обратите теперь вниманіе на послѣднихъ спускающихся.

И дѣйствительно конецъ достойно увѣнчалъ всю эту забаву: движеніе потока стало постепенно замедляться и когда послѣдніе двое людей подошли къ самому краю скалы, онъ совсѣмъ остановился; нижній человѣкъ остался стоять на мѣстѣ, оба же верхніе сильнымъ движеніемъ оттолкнулись отъ скалы, и на одно мгновеніе образовалась совершенно прямая колонна, столбъ изъ 7—8 человѣкъ; но тотчасъ же верхній, а за нимъ и слѣдующіе люди стали быстро скользить внизъ по этой колоннѣ, послѣдніе же двое или трое прямо спрыгнули на землю и не успѣлъ я опомниться, какъ весь этотъ живой столбъ въ одинъ мигъ разсыпался.

Я былъ пораженъ.

Запыхавшись, собрались всѣ около насъ и смотрѣли на насъ съ улыбкой.

— Друзья! воскликнулъ я въ порывѣ восхищенія, ничего подобнаго я никогда не видѣлъ! Благодарю васъ за эту чудную игру, вы доставили мнѣ истинное наслажденіе!

И пока я пожималъ руки ближайшимъ изъ сосѣдей, Лорелей подошла къ намъ и обратилась ко мнѣ со словами:

— Мы, чужеземецъ, знаемъ много игръ, и когда немного отдохнемъ, покажемъ вамъ сейчасъ еще одну.

— Жаль только, вмѣшался одинъ молодой человѣкъ, что мы не можемъ показать вамъ игру въ прибой . . .

— Ахъ да, перебила его Лорелей, это самая красивая изъ всѣхъ игръ, но для этого насъ слишкомъ мало, тутъ нужно много народа. Мы играемъ въ нее, когда сходимся двумя или тремя общинами. Вотъ бы что вамъ понравилось!

— А въ чемъ она заключается, милая Лорелей? спросилъ я.

— А вотъ въ чемъ. Это собственно родъ танца. Мы громадной толпой подбѣгаемъ къ такой же вотъ скалѣ, какъ эта и, завывая какъ вѣтеръ, изображаемъ бурное, море, волны, набрасываемся всей толпой на скалу, при этомъ впереди стоящіе подымаются на заднихъ и отскакиваютъ отъ скалы какъ будто пѣнистый бурунъ. Потомъ мы отбѣгаемъ отъ скалы, потомъ опять набѣгаемъ . . . .

— Да, вмѣшался Эзраръ, эта игра или танецъ издали представляетъ очень грандіозное зрѣлище, и наши друзья очень живо передаютъ волненіе моря и прибой волнъ о крутой берегъ. Все въ этой игрѣ основано

на отчетливости и гармоніи въ движеніяхъ. Когда нибудь мы вамъ ее покажемъ.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья успѣли отдохнуть, и рѣшено было приступить къ новой игрѣ, для чего требовалось вернуться назадъ въ лагеръ. По дорогѣ они освѣжились въ ручейкѣ и когда мы взошли на площадку, всѣ были опять бодры и свѣжи, всѣ опять горѣли желаніемъ показать новые подвиги ловкости и силы.

Теперь мостъ, мостъ! послышались восклицанія изъ толпы.

— Ничего особеннаго эта игра не представляетъ, замѣтилъ мнѣ Эзраръ, можетъ быть она даже вамъ не понравится. Друзья выбрали ее ради ребятишекъ, которые могутъ принимать въ ней участіе.

Друзья при помощи Эзрара выбрали изъ своей среды 12 человѣкъ, разбивши ихъ на двѣ группы, и каждая направилась къ одному изъ двухъ деревьевъ, росшихъ тутъ же по близости на разстояніи 10 или 15 шаговъ другъ отъ друга. Самый сильный изъ нихъ влѣзъ на дерево и, крѣпко уцѣпившись руками за одну изъ горизонтальныхъ вѣтвей его, повисъ на воздухѣ, за нимъ полѣзъ второй и прикрѣпился къ первому, уцѣпившись руками за его ноги, которыя тотъ перекинулъ ему черезъ плечи, за вторымъ послѣдовалъ третій, четвертый и т. д., пока всѣ шесть

человѣкъ не повисли на вѣтви, образовавъ длинную живую цѣпь изъ людей, нижній конецъ которой доходилъ почти до земли. Тоже продѣлала и вторая группа. Послѣ этого обѣ цѣпи начали медленно раскачиваться, розмахи становились все больше и больше, свободные концы цѣпей при этомъ все болѣе и болѣе сближались и наконецъ двое людей, составлявшихъ ихъ окончаніе, ловко сцѣпились ногами, и образовался такимъ образомъ непрерывный мостъ, соединявшій оба дерева. Тотчасъ же влѣзли на деревья еще люди и стали подымать съ земли дѣтей, передавая ихъ другъ другу; послѣднія съ ловкостью обезъянокъ поползли на четверинкахъ по спинамъ людей, составлявшихъ мостъ и когда они доходили до противуположнаго его конца, ихъ оттуда опять спускали на землю. Одинъ мальчуганъ лѣтъ 6 или 7, балансируя руками, прошелся даже стоя, что вызвало всеобщіе апплодисменты. Ребятишки были въ восторгѣ отъ этой забавы и готовы были безъ конца прогуливаться по мосту, но люди, его составлявшіе, заявили, что они устали и по данному сигналу мостъ по серединѣ разомкнулся, обѣ цѣпи сильно раскачнулись въ противуположныя стороны и послѣ нѣсколькихъ размаховъ онѣ опять повисли неподвижно и въ одинъ мигъ разсыпались.

— Друзья, обратился къ нимъ Эзраръ, на сегодня довольно. Ступайте теперь обмойтесь, да поскорѣе

приходите ужинать, а то опять застанетъ насъ ночь. Смотрите, какъ солнце уже низко.

И всѣ побѣжали къ ручейку обмываться.

— Ахъ, Эзраръ, сказалъ я, подойдя къ нему, какъ я восхищенъ всѣмъ, что видѣлъ сегодня у васъ. Да, это дѣйствительно дѣти и счастливыя, веселыя дѣти, не сознающія даже всего своего счастья. Я теперь увидѣлъ это и вижу, чѣмъ они счастливы. Я и самъ чувствую себя какъ-то подѣтски, какъ-то моложе и счастливѣе среди нихъ. Но скажите, вы, покровители, счастливы ли вы, довольны ли и вы своею жизнью? Вѣдь вы же совсѣмъ не дѣти, вы взрослые, а по вашему счастье несовмѣстимо съ зрѣлымъ возрастомъ и старостью.

— Мы? сказалъ Эзраръ, обнявъ меня одной рукой и направляясь со мной въ шатеръ. Знаете ли вы, что такое мы? Мы — ядъ человѣчества! Да, съ нашимъ развитіемъ, съ нашимъ умомъ, съ нашими познаніями мы являемся опаснымъ ядомъ, но къ счастью этотъ ядъ растворенъ въ массѣ человѣчества въ минимальномъ количествѣ. Въ такой гомеопатической дозѣ самый сильный и опасный ядъ теряетъ свою вредоносность, болѣе того изъ вреднаго онъ можетъ даже превратиться въ цѣлебное средство. Такъ и мы. Вѣдь насъ всего 2, 3 человѣка на каждую общину, состоящую изъ сотни, или болѣе друзей, мы такъ

сказать расплываемся, растворяемся въ общей массѣ дѣтскаго человѣчества и, живя среди него, какъ бы вкрапленными въ него, находимся подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ этой массы; вредоносность наша въ силу этого исчезаетъ, и мы проявляемъ только свои полезныя свойства въ качествѣ руководителей и охранителей человѣчества. И пока мы живемъ такъ среди друзей, мы живемъ ихъ жизнью, дышемъ ихъ счастьемъ, и мы сами счастливы. Но сконцентрируйте этотъ ядъ, соберите насъ воедино и дайте намъ жить самостоятельно, а не въ качествѣ руководителей человѣчества, и я ни на одно мгновеніе не сомнѣваюсь, что наша черезъ чуръ сложная природа тотчасъ же скажется и насъ погубитъ: не пройдетъ и нѣсколькихъ поколѣній, какъ появится недовольство своимъ положеніемъ, исканіе лучшаго, стремленіе къ новому, сложному, къ прогрессу съ неизбѣжными его спутниками — усложненіемъ и затрудненіемъ жизни и далѣе — несчастіями и горемъ.

Войдя съ Эзраромъ въ шатеръ, мы расположились съ нимъ въ прежнемъ порядкѣ и принялись за ужинъ. На нашемъ столѣ стояло блюдо съ холодной индѣйкой, оставшейся отъ обѣда, лежали кучки печеныхъ иньямовъ, и мы съ аппетитомъ принялись за ѣду, запивая все это молокомъ. Скоро стали собираться и друзья, шумно и весело разговаривая о событіяхъ дня.

Лорелей и двѣ другія красавицы опять расположились вокругъ нашего стола. Онѣ стали разсказывать мнѣ о разныхъ другихъ играхъ и забавахъ, описывали мнѣ свои состязанія въ бѣгѣ, въ метаніи камней и дротиковъ, свои прогулки по морю ночью, при лунномъ свѣтѣ, съ пѣснями, разсказывали о разнообразныхъ танцахъ. Вспомнивъ о послѣднихъ, онѣ заявили свое рѣшительное желаніе показать мнѣ сегодня же какой нибудь танецъ, посматривая однако при этомъ вопросительно на Эзрара и стараясь склонить его на согласіе очаровательными улыбками. Послѣдній, лукаво усмѣхаясь, замѣтилъ имъ, что согласіе на это онѣ должны испросить у меня, такъ какъ я могу быть слишкомъ утомленнымъ сегодняшнимъ днемъ, отъ себя же онъ совѣтовалъ лучше отложить танцы до другаго раза, тѣмъ болѣе, что сейчасъ будетъ темно, а луна взойдетъ сегодня не ранѣе какъ черезъ часъ.

— Это ничего, милый Эзраръ, мы устроимъ танецъ мотыльковъ при свѣтѣ костра. Неправда ли вы этого хотите? обратились онѣ ко мнѣ съ просьбой во взорѣ.

Само собою разумѣется, что я хотѣлъ, и Лорелей тотчасъ же встала и громко заявила:

— Друзья! сегодня будетъ танецъ мотыльковъ!

Громкій крикъ радости былъ ей отвѣтомъ.

Тотчасъ же привели двухъ рабовъ, которымъ Эзраръ далъ нѣсколько приказаній относительно костра,

и всѣ стали спѣшить съ окончаніемъ ужина, чтобы имѣть время приготовиться къ танцамъ.

— Эзраръ, спросилъ я, неужели обыкновенно друзья ложатся спать тотчасъ по наступленіи сумерокъ? Развѣ они могутъ спать отъ солнца до солнца, какъ вы тогда выразились, т. е. 12 часовъ въ сутки?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, двѣнадцати часовъ они не спятъ; послѣ ужина, когда зайдетъ солнце, наступаетъ ихъ часъ любви, они удаляются тогда каждый со своей подругой, кто въ палатку, кто на берегъ моря, кто куда. Въ лунныя же ночи мы обыкновенно устраиваемъ послѣ ужина танцы, или поемъ, или предпринимаемъ прогулки по морю въ пирогахъ, иногда я занимаю ихъ сказками, разсказами изъ исторіи, объясненіями явленій природы. Но часовъ десять они всетаки обыкновенно спятъ, и право это не много при такой жизни, полной движеній и физическихъ упражненій.

Между тѣмъ солнце зашло и почти тотчасъ же наступила ночь. Мы вышли изъ шатра. Посреди площадки уже ярко пылалъ костеръ, освѣщая толпившихся около него друзей. Всѣ поспѣшно украшали себѣ головы вѣнками изъ зелени и цвѣтовъ, въ руки всѣ взяли по круглому высушенному листу какой-то пальмы, нѣкоторыя изъ женщинъ обвязали себѣ шею или туловище шарфомъ изъ легкой бѣлой матеріи,

концы котораго свободно висѣли по сторонамъ. Когда всѣ приготовленія были окончены, танцующіе образовали изъ себя два круга, одинъ наружный, составленный изъ однѣхъ только женщинъ и другой, внутренній — изъ мужчинъ, причемъ тѣ и другія лицами были обращены другъ къ другу. Всѣ весело улыбались, переговариваясь въ ожиданіи начала танца, иные отъ нетерпѣнія подпрыгивали на мѣстѣ, другіе кружились, выдѣлывая разные па. Но вотъ Эзраръ на минуту удалился, и вскорѣ раздались лихіе звуки какой-то веселой плясовой пѣсни, подъ темпъ не то мазурки, не то польки. Тотчасъ же начался и танецъ. Мужчины, входившіе въ составъ внутренняго круга, стали медленно подходить къ стоявшимъ напротивъ нихъ женщинамъ, заставляя ихъ отступать, потомъ послѣднія, наступая на мужчинъ, въ свою очередь заставляли отступать ихъ, и это повторялось по нѣсколько разъ. Но вотъ по данному сигналу мужчины вдругъ быстрымъ движеніемъ бросились на женщинъ и каждый изъ нихъ, схвативши правой рукой подъ правую же руку свою vis-à-vis, началъ съ ней кружиться сначала въ одну сторону, затѣмъ, схватившись лѣвыми руками — въ противуположную, чтобы черезъ нѣсколько оборотовъ быстро перейти опять къ правой рукѣ и къ первоначальному направленію. Покрутившись такимъ образомъ то въ одну, то въ другую

сторону съ одной дамой, мужчина переходилъ къ слѣдующей, обходя поочередно ихъ всѣхъ. Такимъ образомъ кромѣ движенія отдѣльныхъ кружащихся парочекъ получалось вслѣдствіе постояннаго обмѣна между кавалерами и дамами еще и болѣе медленное общее вращательное движеніе всего круга. По мѣрѣ ускоренія темпа музыки круженіе парочекъ также дѣлалось все быстрѣе и быстрѣе, мужчины перебрасывали другъ другу своихъ дамъ все чаще и чаще; при этомъ танцующіе махали своими пальмовыми листьями, а концы шарфовъ, которыми были обвязаны женщины, свободно развѣвались по воздуху, подобно крыльямъ бабочекъ, и въ цѣломъ впечатлѣніе получалось дѣйствительно такое, какъ будто вокругъ огня собралась стая мотыльковъ, порхавшихъ парочками, увиваясь и гоняясь другъ за другомъ. Нѣчто подобное можно наблюдать въ жаркій лѣтній день, когда на лугу, усѣянномъ цвѣтами, собирается стая бабочекъ одинаковой породы; какъ и тутъ, онѣ весело гоняются другъ за другомъ, увиваясь и кружась одна около другой, затѣмъ вдругъ расходясь, чтобы тотчасъ начать эту игру вновь, соединившись въ новыя парочки, и продолжая эту забаву нерѣдко по цѣлымъ часамъ.

Нѣкоторые изъ танцующихъ въ пылу увлеченія, перепрыгивали черезъ костеръ, переходя съ одной стороны круга на другую, иные подхватывали своими

звонкими голосами мотивъ веселой, возбуждающей музыки, и это придавало еще болѣе оживленія всей этой и безъ того оживленной картинѣ. Увлеченіе было всеобщее, парочки кружились въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ, танцующіе перелетали отъ одного къ другому съ поразительной быстротой, и все это совершалось съ граціей и ловкостью, отличавшими всѣ ихъ движенія.

Ахъ, какое чарующее и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальное зрѣлище представлялъ этотъ танецъ, и какъ хорошо онъ подходилъ къ своему названію: это была дѣйствительно кучка мотыльковъ и какихъ изящныхъ, веселыхъ мотыльковъ, смѣющихся и поющихъ!

Но вотъ кто-то закричалъ: въ кругъ! и моментально образовалось опять два круга, обращенные лицомъ другъ къ другу, порханіе мотыльковъ прекратилось, и оба круга стали медленно вращаться, одинъ въ одну сторону, другой въ другую, по временамъ мѣняя эти направленія; танцующіе схватились теперь руками, не переставая перебирать ногами подъ темпъ музыки, плавно и граціозно изгибая свое туловище, пѣніе въ тоже время стало болѣе стройнымъ и въ немъ приняли участіе уже всѣ присутствующіе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такого отдыха началось опять порханіе и, казалось, увлеченные своимъ веселіемъ, друзья готовы были протанцовать такъ всю ночь, но Эзраръ прекратилъ музыку и тотчасъ же всѣ остановились, съ недо-

умѣніемъ посматривая другъ на друга, видимо не сразу приходя въ себя.

— Еще, еще! раздалось нѣсколько голосовъ. Но Эзраръ напомнилъ имъ, что они не одни, что у нихъ есть гость сильно утомленный и прошлою ночью и цѣлымъ днемъ и нуждающійся наконецъ въ отдыхѣ.

— Ахъ, да, мы совсѣмъ и забыли .... замѣтили нѣкоторые изъ нихъ со смущеніемъ.

Эти милыя созданія, эти наивныя дѣти, увлеченные вихремъ дикой веселости, очевидно забыли и обо мнѣ, и о себѣ, забыли о цѣломъ мірѣ! — Но никто ему не возражалъ, и, пожелавъ мнѣ доброй ночи, всѣ стали расходиться. Эзраръ повелъ меня въ свою палатку и оба мы улеглись спать.

Такъ кончился первый день моего пребыванія среди новаго человѣчества. Веселый день! И я вдругъ вспомнилъ о грусти, которая напала на меня послѣ обѣда и улыбнулся при этомъ воспоминаніи: куда-то она теперь дѣлась эта грусть?!

Лежа, я перебиралъ въ своемъ умѣ разнообразныя картины, которыя мнѣ пришлось сегодня видѣть .... Вдругъ мнѣ пришла мысль, которою я захотѣлъ подѣлиться съ Эзраромъ.

— Знаете ли, Эзраръ, обратился я къ нему, мнѣ кажется я нашелъ формулу, въ которой сосредоточивается вся суть вашей жизни.

— А ну, какая? спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Это: — красивое счастье.

— Вы удивительно вѣрно схватили всю сущность нашей жизни! воскликнулъ онъ радостно. Да, именно это и есть та идея, которую мы стараемся воплотить всюду и вездѣ: счастье въ красотѣ и красота въ счастьѣ — вотъ нашъ девизъ!

Послѣ этого я закрылъ глаза и нѣсколько минутъ спустя погрузился въ глубокій, живительный сонъ ....

Конецъ дня перваго.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

I.

На слѣдующее утро я проснулся поздно. Солнце стояло уже высоко, Эзрара въ палаткѣ не было, и хотя кругомъ все было тихо и безмолвно, но чувствовалось какое-то неопредѣленное, сдержанное движеніе. Я быстро всталъ и вышелъ изъ палатки. Нѣсколько друзей, увидя меня, подбѣжали ко мнѣ и, поздоровавшись, спросили, хорошо ли я спалъ и не желаю ли пойти обмыться, предлагая провести меня къ ручейку, куда мы и направились. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ шатеръ сообщить Эзрару, что я проснулся. Онъ тотчасъ же вышелъ, догналъ насъ, и мы съ нимъ крѣпко обнялись и поцѣловались. Умывшись и освѣжившись, я пошелъ со всѣми завтракать въ шатеръ. Оказалось, что завтракъ уже кончился, что друзья, чтобы не разбудить меня проснулись сегодня безъ музыки, и теперь большинство ихъ находится уже на берегу моря.

— Ну, какъ вы себя сегодня чувствуете? спросилъ меня Эзраръ, когда я нѣсколько утолилъ свой голодъ.

— О, я въ самомъ веселомъ и радостномъ настроеніи духа, отвѣтилъ я, мнѣ только жаль, что изъ за меня вы лишились удовольствія лишній разъ услышать музыку, тѣмъ болѣе жаль, что, какъ я вижу, вы культивируете это искуство съ особенною любовью.

— Да, музыка — это даже единственное искуство, которое мы культивируемъ или вѣрнѣе, которое мы сохранили отъ прежнихъ вѣковъ. Живопись намъ не нужна — посмотрите среди какой чудной, поэтической природы мы живемъ! наше жилище — этотъ островъ — сплошь украшено картинами и какими! Скульптура тоже намъ не нужна, мы окружены живыми античными статуями, обладающими еще тѣмъ, чѣмъ не обладала ни одна изъ статуй древности — граціей движеній, и посмотрите въ какой нѣжнорозовый цвѣтъ окрашены наши статуи, какой у нихъ блескъ въ глазахъ, какія коралловыя у нихъ губы, — это и статуи, и картины въ одно и тоже время. Архитектура нужна намъ еще менѣе, такъ какъ мы живемъ въ простыхъ палаткахъ. Мы пользуемся въ полной мѣрѣ красотами цвѣтовъ и формъ, мы живемъ какъ бы въ художественномъ музеѣ, творенія котораго созданы однимъ только, но великимъ художникомъ — природой. Единственное чего природа намъ не даетъ — это сочетанія звуковъ, музыки, и потому мы ее хранимъ и дѣйствительно очень любимъ. Наши друзья большіе любители му-

зыки, они охотно ее слушаютъ и сами хорошо поютъ.

— И есть у васъ хорошіе композиторы?

— Композиторы? съ изумленіемъ повторилъ онъ. Нѣтъ, мы совсѣмъ не сочиняемъ музыки.

— Почему-же?

— По очень простой причинѣ: ее перестали сочинять уже три вѣка тому назадъ, ибо за все время какъ культивировалась серьезная музыка, отъ XVIII до XXV вѣковъ безчисленными композиторами воспроизведены были всѣ комбинаціи звуковъ, какія только возможны, такъ что подъ конецъ чтобы ни сочинялось, все оказывалось послѣ тщательнаго сравненія повтореніемъ стараго и все это можно было найти почти безъ измѣненія въ сочиненіяхъ того или другаго изъ прежнихъ композиторовъ. И потомъ, не забудьте еще одного: музыки и притомъ хорошей, первоклассной создано такъ много, что не хватило бы жизни человѣческой, чтобы всею ею воспользоваться. По вычисленію одного писателя XXV вѣка для того чтобы прослушать всю тогдашнюю хорошую только музыку, слушая притомъ по 5 часовъ въ сутки, нужно употребить около 100 лѣтъ! Наши друзья хотя и наслаждаются ею каждый день, тѣмъ не менѣе въ теченіи своей жизни они не успѣваютъ познакомиться со многими самыми отборными произведеніями. Создавать еще

музыку — это значило бы увеличивать ту долю, которая остается безъ употребленія.

— Допустимъ, что это такъ, замѣтилъ я, но вѣдь можно было бы сочинять ради наслажденія, доставляемаго творчествомъ.

— Да, но это наслажденіе слишкомъ дорого стоющее. Вы забываете, какъ трудно дается такое творчество. Вѣдь не можетъ же доставлять удовольствіе сочиненіе чего нибудь ординарнаго, худшаго чѣмъ то, что мы привыкли слышать ежедневно, а для того чтобы создать что нибудь не ниже хорошихъ вещей уже созданныхъ, нужно трудиться съ юныхъ лѣтъ неустанно, цѣлые дни проводить въ изученіи теоріи, въ практикѣ, однимъ словомъ всецѣло посвятить свою жизнь одному этому дѣлу, превратиться въ спеціалиста, т. е. изуродовать свою природу. Чтобы достигнуть наслажденія творчествомъ, нужно потерять способность и возможность наслаждаться жизнью, солнцемъ, моремъ, весельемъ, а развѣ это желательно? Нѣтъ, никто изъ нашихъ друзей не захочетъ жить такъ, какъ жили ваши несчастные спеціалисты, для насъ важнѣе всякихъ радостей односторонняго творчества — радость жизни.

— Какъ это странно! воскликнулъ я. Но я надѣюсь, что вы сохранили по крайней мѣрѣ поэзію и изящную литературу.

— Изъ поэзіи у насъ сохранились только кое-какія пѣсни и сказки.

— О Боже! какъ же мало осталось у васъ отъ прежняго искуства, съ грустью замѣтилъ я. А сколько великихъ порывовъ духа нѣкогда было потрачено на это человѣчествомъ! Печально подумать объ этомъ ... Но быть можетъ вы въ большей степени культивируете науки? вѣдь не отказались же вы, надѣюсь, отъ чуднаго наслажденія, доставляемаго научнымъ творчествомъ?

— Все, что я сказалъ относительно искуства всецѣло вы можете примѣнить и къ наукѣ. Вѣдь творить въ наукѣ также трудно, какъ и въ области искуства, если даже не труднѣе, и тутъ для этого нужна долгая и сложная подготовка, особенно теперь. Чтобы испытать минуту наслажденія отъ вновь открытой истины, которая къ тому же окажется вѣроятно только позабытой, пришлось бы приложить столько тяжелыхъ усилій, что трудъ не окупился бы достигнутымъ результатомъ, а жизнь между тѣмъ будетъ уходить среди этихъ усилій, она будетъ портиться, ея даже не можетъ и быть тогда въ настоящемъ значеніи, въ смыслѣ радости бытія. Вѣдь жизнь вашихъ спеціалистовъ была не болѣе какъ какимъ-то обрывкомъ жизни. Да и дѣло творчества стало теперь неизмѣримо труднѣе, чѣмъ прежде. Въ ваше время

создавать что нибудь новое въ наукѣ было еще сравнительно легко, но съ тѣхъ поръ всѣ области знанія разработаны были съ такимъ совершенствомъ и подкотой, до такой мелочности, что сдѣлать малѣйшее открытіе стало почти невозможнымъ. Не оставалось бѣдь пяди земли, которая не была бы изучена во всевозможныхъ отношеніяхъ, не было того года, того почти что дня въ исторіи человѣчества, который не имѣлъ бы своего подробнѣйшаго описанія, все что микроскопъ, телескопъ, спектроскопъ могли показать, было усмотрѣно и занесено въ лѣтописи науки, всѣ выводы и обобщенія, на какія умъ человѣческій былъ только способенъ, были сдѣланы. Малѣйшій, ничтожнѣйшій фактъ въ наукѣ обладалъ тогда обширнѣйшей литературой, считавшейся тысячами сочиненій, библіотеки ломились отъ милліоновъ милліоновъ книгъ, ничтожнѣйшей доли которыхъ не въ состояніи былъ бы одолѣть ни одинъ человѣческій умъ. Это было что-то ужасное, чудовищное, уродливое! Ваша наука была не болѣе какъ лепетомъ ребенка въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она стала потомъ. Въ ваше время ученый смѣло брался, полагаясь только на свои единичныя силы, за изученіе какой нибудь группы животныхъ или растеній, подъ конецъ же чтобы изучить одинъ только какой нибудь органъ, ученые должны были собираться цѣлыми обществами, цѣлыми многочисленными коммис-

сіями изъ нѣсколькихъ десятковъ спеціалистовъ. Я помню, когда я вмѣстѣ съ нѣсколькими другими покровителями посѣтилъ однажды изъ любопытства знаменитыя мѣстности Европы, то въ одной библіотекѣ Парижа, теперь совершенно пустыннаго, полуразвалившагося города, мнѣ случайно попалось сочиненіе о человѣческомъ глазѣ: оно состояло изъ 22 толстыхъ томовъ и написано было 107 спеціалистами, изъ которыхъ каждый, какъ было видно изъ предисловія, зналъ только свой отдѣлъ. Я видѣлъ тамъ руководство Химіи, состоявшее изъ 350 томовъ и, если не ошибаюсь, то было еще только элементарное руководство; надъ нимъ работало болѣе 300 ученыхъ! Дробленіе науки дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Существовала напримѣръ особая наука: статистика чувствъ и въ ней были спеціалисты по статистикѣ альтруистическихъ чувствъ, знавшихъ только эту область, и вы думаете всю ее вообще? о нѣтъ, только въ отношеніи какого нибудь вѣка, напримѣръ XXIII вѣка; для статистики альтруистическихъ чувствъ XXIV вѣка существовали свои особые спеціалисты. Благодаря такой раздробленности науки и неизбѣжной вслѣдствіе ея объема спеціализаціи, сами ученые стали величайшими невѣждами. Наука подъ конецъ переросла самую себя, переросла человѣческій умъ, она сама себя разрушала своими чудовищными размѣрами и, вмѣсто

того чтобы испускать свѣтъ, стала бросать тѣнь. И тогда уже не было смысла творить что нибудь новое, ибо большая часть знаній и безъ того лежала втунѣ, безъ всякаго употребленія, на пыльныхъ полкахъ библіотекъ и забывалась; знанія забывались даже быстрѣе, чѣмъ они успѣвали накопляться вновь. Были истины, которыя открывались и забывались по нѣсколько десятковъ разъ. Поэтому уже въ концѣ XXV вѣка ученые пришли къ убѣжденію, что дальше развивать науку невозможно, знаніе дошло почти до своихъ предѣловъ, дальше было идти некуда и потому стали ограничиваться только познаваніемъ уже достигнутаго. Но и это познаваніе могло быть только крайне ограниченнымъ, ни одинъ человѣческій умъ не въ состояніи былъ даже при величайшемъ трудолюбіи овладѣть хотя бы поверхностно главнѣйшими истинами одной только науки.

— И послѣ всего этого вы насъ еще спрашиваете, предаемся ли мы научному творчеству!

— Ну что жъ, и пускай творчество будетъ ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ стараго! но самый процессъ этотъ такъ высокъ и благороденъ, это такой красивый цвѣтокъ умственной жизни, что вамъ, которые такъ любите цвѣты, слѣдовало бы его культивировать.

— Да ради чего? Зачѣмъ намъ культивировать этотъ искуственный цвѣтокъ, съ такимъ трудомъ

произрастающій и доступный лишь немногимъ, когда у насъ такая масса цвѣтковъ такъ легко достижимыхъ, такъ сказать дико растущихъ и всѣмъ доступныхъ? Мало развѣ у насъ радостей и забавъ? Нѣтъ, мы не хотимъ наслажденій, покупаемыхъ слишкомъ дорогой цѣной.

— Ахъ нѣтъ, Эзраръ, не могу я этому повѣрить. Я убѣжденъ, что этотъ цвѣтокъ самъ собой долженъ у васъ распускаться, невольно, неудержимо. Вѣдь есть же у васъ школы, обучаются же ваши друзья наукамъ, и тогда невольно должны у нихъ появляться порывы творчества. Что же, неужели вы ихъ тогда намѣренно подавляете?

Эзраръ опять посмотрѣлъ на меня своимъ уже мнѣ знакомымъ загадочнымъ взглядомъ, вызывавшимъ во мнѣ невольное смущеніе, и опять на лицѣ его заиграла странная, нѣсколько насмѣшливая улыбка.

— Мой другъ, промолвилъ онъ, вы насъ еще не совсѣмъ понимаете, и я васъ вѣроятно сильно удивлю, боюсь даже огорчу, когда скажу, что у насъ нѣтъ никакихъ школъ, кромѣ одной — школы жизни, болѣе того, наши люди — безграмотны: они не умѣютъ ни читать, ни писать.

— О! воскликнулъ я въ смущеніи, — это уже слишкомъ!

Неожиданное открытіе это дѣйствительно глубоко меня смутило, оно нарушало всѣ мои съ молокомъ

матери всосанныя понятія... Признаюсь, что въ эту минуту мое уваженіе, мои симпатіи къ новымъ людямъ сильно поколебались. Что это за люди, думалось мнѣ, у которыхъ нѣтъ образованія, нѣтъ науки, у которыхъ потухъ свѣточь знанія — этотъ величайшій изъ кумировъ, которымъ мы поклонялись. Все готовы были мы отрицать, во всемъ могли мы сомнѣваться, но въ пользѣ просвѣщенія никогда и никто изъ насъ серьезно не сомнѣвался.

— Это васъ поражаетъ? спросилъ онъ меня.

— Не только поражаетъ, но и ужасаетъ! Страшно становится, когда подумаешь, сколько невѣроятныхъ усилій и тяжелыхъ жертвъ стоили людямъ завоеванія науки, сколько тысячелѣтій человѣчество добивалось знаній, и что же? вся эта гигантская работа оказалась совершенно напрасной, безцѣльной. Подумайте, какъ это ужасно звучитъ: напрасно, безцѣльно! Къ чему привели всѣ эти усилія: къ невѣжеству, даже къ безграмотности! Одно это можетъ внушить сожалѣніе о минувшихъ временахъ. Пускай человѣчество наше было глубоко несчастно, гадко, преступно, но оно съумѣло построить чудное зданіе — храмъ науки, такой неимовѣрной красоты, что изъ за одного этого можно примириться со всѣми его недостатками и многое ему простить. Ахъ, Эзраръ, знаете ли вы, какой это былъ чудный храмъ, въ мое время по

крайней мѣрѣ? Величественный, грандіозный, необъятный въ своихъ размѣрахъ и весь такой лучезарный и прозрачный, какъ хрусталь, и какъ великолѣпно и съ какою любовью онъ былъ украшенъ изнутри и снаружи, какими красивыми арабесками, сверкавшими золотомъ и всѣми цвѣтами радуги, и какъ въ этомъ храмѣ было свѣтло и просторно, какъ отрадно, тихо и радостно чувствовалось, войдя въ него, сколько счастья давалъ онъ людямъ съ должнымъ трепетомъ переступавшимъ черезъ его порогъ. Ничего другаго подобнаго человѣчество никогда не создавало . . . .

— Да, отвѣтилъ Эзраръ, въ ваше время храмъ науки былъ моложе и потому красивѣе и стройнѣе, онъ еще не былъ загроможденъ многочисленными пристройками, которыя его потомъ такъ изуродовали, среди которыхъ онъ подъ конецъ даже совершенно скрылся. Но и онъ вѣдь былъ болѣзненнымъ продуктомъ вашей цивилизаціи, безъ которой не могъ бы ни возникнуть, ни существовать, а эта цивилизація исключала истинное счастье и она принесла людямъ столько горя, что наше сердце не лежитъ къ этому храму. Да и чѣмъ онъ былъ въ сущности: — убѣжищемъ для чистыхъ душъ, гнушавшихся мірской грязи! Неудовлетворенность дѣйствительной жизнью, если не прямое горе — вотъ что гнало туда однихъ людей, какъ другихъ это же самое гнало въ иной

храмъ — храмъ божества. Истинно счастливые и жизнерадостные люди ни въ тотъ, ни въ другой вѣдь не входили.

— Можетъ быть вы и правы, сказалъ я, но неужели все-таки вамъ не жаль было потерять его. Ахъ, Эзраръ, какъ все это грустно . . . .

— Что дѣлать, мой другъ, отвѣтилъ онъ. Мало ли человѣческихъ усилій потрачено было даромъ и въ другихъ областяхъ: всѣ подвиги самоотверженія, всѣ великія художественныя произведенія, всѣ техническія открытія, всѣ богатства, все золото и серебро, всѣ пышныя зданія, цѣлые города — все это пропало даромъ, все лежитъ теперь погребеннымъ, мертвымъ, заросшимъ терніями и сорными травами. Все это было ненужное для человѣка, для его счастья на землѣ и какъ ненужное неизбѣжно должно было погибнуть. Самый умъ человѣческій въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, до какихъ онъ дорось, былъ ненуженъ. Свѣточь ума, сначала умѣренно горѣвшій на землѣ и тогда согрѣвавшій человѣчество, подъ конецъ такъ сильно разгорѣлся, что онъ долженъ былъ не только самъ себя спалить, но угрожалъ испепелить вмѣстѣ съ собой и все человѣчество и онъ неизбѣжно сжегъ бы его, еслибы мы во время не потушили его. Но онъ неизбѣжно потухъ бы и самъ собой.

— Впрочемъ не всѣ жертвы, не всѣ усилія ума были напрасны, и вы уже знаете, что кое какими завоева-

ніями науки и мы воспользовались и обязаны имъ своимъ теперешнимъ счастьемъ. Безъ искуственнаго подбора, безъ знанія законовъ наслѣдственности, а главное, безъ грандіознаго опыта, доказавшаго, что никакой умъ, никакое знаніе не могутъ дать людямъ счастья, — мы бы не жили, какъ теперь живемъ. Вы неправы слѣдовательно, говоря, что усилія минувшихъ вѣковъ пропали безслѣдно, что они ни къ чему не привели: они привели къ весьма важному — къ счастью. Да не совсѣмъ потухъ и самый свѣточь знанія. Мы, покровители, все-таки учимся читать и писать, знакомимся и съ элементами естественныхъ наукъ и съ исторіей, знаемъ немного и математики. Да и друзья наши кое чему отъ насъ научаются. Но они знаютъ только то, что мы имъ разсказываемъ о мірѣ, его законахъ, о прошломъ человѣчества и только постолько, посколько это ихъ интересуетъ. Они впрочемъ предпочитаютъ играть и веселиться, и мы ихъ въ этомъ поддерживаемъ: слишкомъ большая потребность знанія была болѣзнью вашего и послѣдующихъ вѣковъ и большая образованность вовсе не нужна для счастья человѣка.

— Однако, замѣтилъ я, вы ужасно упростили жизнь.

— Да, воскликнулъ какъ-то особенно торжественно старикъ, и вы сказали слова глубокаго значенія!

Упрощеніе жизни — это одинъ изъ основныхъ нашихъ догматовъ; только при этомъ условіи возможна счастливая жизнь на землѣ! Мы допускаемъ всѣ радости, всѣ наслажденія жизни, кромѣ тѣхъ, которыя требуютъ большихъ усложненій. А подумайте, съ какими ужасными усложненіями связана была ваша наука. Наука и вмѣстѣ съ нею цивилизація со всѣми ея ужасами, или ни та, ни другая — вотъ что предстояло намъ выбрать, и мы избрали послѣднее.

— И теперешніе люди довольствуются этимъ? спросилъ я, и они не жаждутъ знанія, не требуютъ его сами отъ васъ? Неужели вамъ удалось сковать гордый умъ человѣческій, нѣкогда паривній такъ высоко? Неужели никто изъ нихъ не пытается создать что нибудь въ области науки или искуства?

— А вотъ посмотрите сами, отвѣтилъ старикъ и обратившись къ одной молодой женщинѣ, спросилъ ее:

— Стелла, скажи мнѣ, хотѣла бы ты сочинять такую музыку, какую мы слышимъ?

— Да вѣдь это должно быть очень трудно, отвѣтила она.

— Да, для этого нужно каждый день и цѣлый день все учиться и учиться.

— Нѣтъ, живо отвѣтила она, спасибо, а когда же я буду играть, купаться, гулять? Я лучше хочу цѣлый день веселиться.

— Милая Стелла, обратился я къ ней съ вопросомъ, неужели вамъ не надоѣстъ каждый день все играть и веселиться?

— Надоѣстъ? спросила она съ удивленіемъ. То есть къ вечеру я устаю, это правда, но утромъ я просыпаюсь бодрой и мнѣ опять хочется играть и веселиться. А вамъ развѣ не надоѣстъ каждый день все ѣсть да ѣсть? спросила она лукаво улыбаясь. И сказавъ это, она сдѣлала шагъ по направленію ко мнѣ съ граціознымъ свободнымъ движеніемъ руки и, слегка наклонивъ свою прелестную головку, стала глядѣть на меня съ вызывающей улыбкой.

Я не зналъ, что отвѣтить, смущенный и ея вопросомъ и еще болѣе изящной граціей и красотой, которыми дышала вся ея фигура . . .

— Ну а ты, Эросъ, обратился старикъ къ одному изъ молодыхъ людей, хотѣлъ бы ты сидѣть цѣлые дни за книгами и изучать природу и ея законы, чтобы проникнуть во всѣ ея тайны?

— Я не понимаю, для чего это? Развѣ мы и безъ того не знаемъ все, что нужно? Знаемъ же мы, что такое земля, солнце, луна, звѣзды, какъ они движутся, отчего бываетъ день и ночь, знаемъ какъ образовалась земля, какъ, благодаря нашему дорогому солнцу, постепенно развились на ней растенія, животныя, знаемъ, что люди прежде жили какъ звѣри, потомъ строили

себѣ города, а когда стали учеными, то были очень несчастными и мучили другъ друга всевозможными способами, какъ потомъ наши покровители все это измѣнили. Вѣроятно можно узнать еще много подробностей, но на что онѣ намъ? Нѣтъ, я, какъ Стелла, предпочитаю лучше жить, какъ мы живемъ, такъ веселѣе.

— Правда, Акита? обратился онъ къ прелестной дѣвушкѣ, вѣроятно его маленькой женкѣ.

Но Акита только засмѣялась и бросила въ него цвѣткомъ, который она держала въ рукахъ, за ней бросила другая, третья, и скоро посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ на юношу, побѣжавшаго къ выходу, преслѣдуемый роемъ смѣющихся красавицъ.

— Когда намъ это надоѣстъ, замѣтила Стелла, мы можетъ быть сдѣлаемся учеными. Но врядъ-ли это будетъ.

Всѣ зааплодировали такимъ отвѣтамъ, сознавая, что побѣда въ нашемъ спорѣ осталась на сторонѣ покровителя и видимо радуясь этому.

Я посмотрѣлъ на Эзрара. Онъ глядѣлъ на меня съ такой лукаво — доброй и умной улыбкой, которая проникала до глубины моего сердца; протянувъ мнѣ руку, какъ бы въ знакъ примиренія и пожимая мою, онъ промолвилъ:

— Вотъ истинно здоровое отношеніе къ знанію.

При видѣ этой картины полной оживленія и красоты, при видѣ всѣхъ этихъ улыбокъ на прелестныхъ лицахъ, сіяющихъ такимъ яснымъ счастьемъ, улыбнулся и я, и показалось мнѣ, что быть можетъ и правъ былъ Эзраръ.

— Вы видите, прибавилъ онъ, что мы не такъ глупы, какъ это могло вамъ показаться. Наши друзья привыкли къ спорамъ и дебатамъ, въ дождливые дни мы много говоримъ и споримъ о природѣ и ея законахъ. Они необразованы, но не глупы. Впрочемъ они гораздо и образованнѣе, чѣмъ это было съ большинствомъ людей вашего вѣка.

Въ это время среди друзей, все время толпившихся около насъ, стало замѣтно какое-то движеніе, и взоры всѣхъ направились въ одинъ изъ угловъ шатра. Оттуда до насъ доносились звуки всхлипыванія, которые, все болѣе и болѣе усиливаясь, перешли наконецъ въ громкія рыданія. Эзраръ быстро всталъ и направился туда, я пошелъ за нимъ, и нашему взору предстала странная, еще невиданная мною здѣсь картина: одинъ изъ друзей, совсѣмъ еще юноша, почти мальчикъ сидѣлъ на землѣ, закрывши лицо руками, опустивши голову на колѣни и горько плакалъ. Около него собралась кучка мужчинъ и женщинъ ласкавшихъ его, цѣловавшихъ и всѣми мѣрами старавшихся его успокоить и утѣшить.

— Что съ тобой Нолли, о чемъ ты плачешь? спросилъ его Эзраръ.

Но онъ ничего не отвѣчалъ, и только рыданія его еще болѣе усилились. Тогда Эзраръ поднялъ его съ земли, повелъ къ обрубку дерева, съ котораго я только что всталъ и, сѣвши на него, посадилъ юношу къ себѣ на колѣни. Нѣжно поглаживая его и прижимая его къ своей груди, онъ сталъ распрашивать о причинѣ его горя. Наконецъ юноша, не переставая всхлипывать, заговорилъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Я слышалъ все . . . что говорилъ чужеземецъ . . . о знаніи и храмѣ науки . . . и все понялъ . . . я несчастный, ничего не знаю . . . Я все хочу узнать . . . Добрый покровитель, научи меня всему . . . я хочу войти въ этотъ чудный храмъ . . .

И онъ опять горько зарыдалъ.

— Такъ вотъ о чемъ ты плачешь, бѣдный мой мальчикъ! Тебя томитъ жажда знанія, ты хочешь много знать, ты хочешь быть такимъ же ученымъ, какъ прежніе люди. Но о чемъ же плакать, перестань, мой дорогой мальчикъ, мы это устроимъ, непремѣнно устроимъ. Вотъ вернется другой нашъ покровитель и мы тебя отвеземъ въ такое мѣсто, гдѣ ты всему научишься. Слышишь? Успокойся же, Нолли, не плачь такъ.

Такими словами и еще болѣе можетъ быть нѣжными ласками Эзрару удалось наконецъ его успокоить и, подозвавъ нѣсколькихъ друзей, онъ поручилъ имъ заняться бѣднымъ юношей и развлечь его, а мнѣ, предложилъ тотчасъ же пойти осмотрѣть деревню, въ которой жили рабы. Нѣкоторые изъ друзей захотѣли намъ сопутствовать.

— Вы видѣли сейчасъ — объяснялъ мнѣ Эзраръ дорогой — печальное явленіе атавизма, возврата къ предкамъ. Я давно уже подозрѣвалъ въ немъ это несчастье; онъ часто подолгу сидитъ на берегу моря, задумавшись, задаетъ такіе вопросы, которые другимъ и въ голову не приходятъ, онъ постоянно чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, все куда-то стремится; но только сегодня, подъ вліяніемъ нашего разговора и особенно вашего краснорѣчиваго описанія храма науки со всею ясностью сказалась въ немъ его болѣзнь.

— Болѣзнь? спросилъ я съ недоумѣніемъ. Но вѣдь это же благороднѣйшее стремленіе духа, душа его очевидно жаждетъ умственнаго простора . . .

— А мы, перебилъ онъ меня, считаемъ это болѣзнью и увы! — неизлѣчимой. Мы ее называемъ гипертрофіей духа. Теперь она къ счастью рѣже появляется среди насъ, чѣмъ прежде. Такихъ бѣдныхъ людей, для которыхъ уже нѣтъ болѣе счастья на землѣ, мы спѣшимъ увозить изъ нашихъ общинъ,

такъ какъ они могли бы оказать вредное вліяніе на другихъ; для нихъ имѣется на островѣ Пасхи особое поселеніе, тамъ мы устроили имъ нѣчто въ родѣ городка со всякими приспособленіями для научныхъ и художественныхъ занятій, навезли туда изъ Европы микроскопы, телескопы и всякіе научные приборы, устроили имъ библіотеку, завели школу грамотности, и они живутъ тамъ, какъ хотятъ, доживая свой вѣкъ въ сообществѣ нѣсколькихъ покровителей, тоже не довольствующихся нашими порядками. И увы! нельзя сказать, чтобы ихъ жизнь протекала тамъ счастливо. Но ихъ немного, всего около 300 человѣкъ, и такъ какъ всѣ они стерилизованы — ибо грѣхъ было бы плодить такую болѣзнь — новыхъ уже членовъ прибываетъ все меньше и меньше, то эта колонія со временемъ вѣроятно и совсѣмъ исчезнетъ.

Какую-то грусть, тихую и нѣжную грусть навѣяло на меня все, что я только что увидѣлъ, что я узналъ сегодня. Такую тихую грусть долженъ испытывать путникъ, стоящій въ пустынной, безжизненной мѣстности передъ развалинами какого нибудь великаго старинаго города, въ которомъ нѣкогда ключемъ била жизнь, гдѣ совершались великія историческія событія, процвѣтали великія добродѣтели и великіе пороки. И передъ моимъ умственнымъ взоромъ тоже предстали сегодня развалины чего-то можетъ быть и ненужнаго

для людей, даже нежелательнаго, но несомнѣнно великаго, грандіознаго и прекраснаго.

Но такова была могучая сила лучезарной красоты окружавшей меня тропической природы, таково было захватывающее вліяніе жизнерадостности окружавшихъ меня людей, что тихая грусть моя, подобно легкому облачку, быстро тающему подъ вліяніемъ утреннихъ лучей солнца, скоро стала ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ разсѣялась.

II.

Дорога шла сначала лѣсомъ, по которому мы подвигались медленно, поминутно останавливаясь передъ какимъ нибудь красивымъ растеніемъ, привлекавшемъ мое вниманіе, названіе котораго мнѣ тотчасъ спѣшили сообщить Геро или Геба. Молодежъ пользовалась этими остановками, чтобы влѣзать на деревья, съ которыхъ уже потомъ долго не слѣзали, провожая насъ, какъ стая обезъянъ, перескакивая съ вѣтки на вѣтку и переходя такимъ образомъ съ дерева на дерево. Не обошлось и тутъ безъ того чтобы не украсить себя цвѣтами и вскорѣ у всѣхъ появились вѣнки на головѣ. Какъ красивы были эти изящныя фигуры мужчинъ и женщинъ въ полутьмѣ лѣсной чащи и какъ рельефно выдѣлялись ихъ свѣтлыя тѣла, сверкая наготой своей на темномъ фонѣ зелени!

— Скажите, обратился я къ Эзрару, почему эти двѣ женщины, которыя сейчасъ пробѣжали мимо насъ, почти совсѣмъ прикрыты одеждой?

— Это изъ стыдливости.

— Какъ изъ стыдливости, засмѣялся я; почти всѣ женщины ходятъ у васъ совершенно голыми, никто не скрываетъ даже самыхъ сокровенныхъ своихъ таинъ, а вы говорите про стыдливость. Вы шутите?

— Нисколько, только понятіе о стыдливости у насъ совсѣмъ другое, чѣмъ было прежде. Наши друзья не стыдятся обнажать свое красивое тѣло, мы не понимаемъ даже, какъ можно скрывать отъ взоровъ столько красоты. Вѣдь красивое человѣческое тѣло, особенно женское есть одно изъ удивительнѣйшихъ чудесъ природы, одно изъ поэтичнѣйшихъ ея произведеній, и неужели же природа создала такое совершенство для того, чтобы мы стыдились этого и прятали бы этотъ перлъ созданія отъ нашихъ взоровъ? Это было бы оскорбленіемъ природы. У насъ стыдятся показывать только то, что некрасиво, уродливо. У нашихъ друзей чувство изящнаго, чувство красоты такъ сильно развито, что всякое уродство болѣзненно на нихъ дѣйствуетъ, и вотъ, чтобы не возбудить въ другихъ, не скажу чувства отвращенія — нѣтъ, это не то, — а скорѣе чувства жалости, всякій, кто имѣетъ что нибудь некрасивое въ своемъ тѣлѣ, старается прикрыть это отъ взоровъ посторонняго. Одна изъ прошедшихъ мимо насъ женщинъ беременна и потому она прикрылась легкой туникой, которая ловко

это скрываетъ. Вѣдь вы вѣроятно даже и не замѣтили ея состоянія?

— Правда, не замѣтилъ.

— А у другой вслѣдствіе родовъ испортилась форма грудей, онѣ нѣсколько повисли. Это большое несчастье, рѣдко впрочемъ теперь случающееся, и она тоже драпируется въ легкій шарфикъ, закрывающій ей грудь. Впрочемъ во время игръ она его сбрасываетъ. Но такой женщинѣ мы уже родить не дадимъ, также какъ и ея ребенку. Вы можетъ быть замѣтили еще у нѣкоторыхъ женщинъ узкія повязки вокругъ бедеръ — онѣ носятъ ихъ въ періодъ регулъ.

— Но не опасаетесь ли вы, чтобы постоянный видъ всей этой соблазнительной наготы дѣйствовалъ слишкомъ возбуждающе на нихъ и чтобы это не отразилось на ихъ здоровье?

— Ахъ, воскликнулъ Эзраръ, какъ въ вашемъ вопросѣ сказывается человѣкъ XIX вѣка, привыкшій видѣть все тѣло скрытымъ отъ подбородка и до пятокъ! Но знайте, что мы, ходящіе нагими, гораздо цѣломудреннѣе васъ, всегда такъ прилично одѣтыхъ и всегда съ такими неприличными мыслями подъ этой одеждой. Вѣдь все это такъ относительно и такъ зависитъ отъ привычки. Вспомните мусульманъ, развѣ они не считали неприличнымъ для женщинъ показываться съ обнаженнымъ лицомъ и когда они по-

падали въ ваше общество, развѣ ихъ не волновалъ видъ всѣхъ этихъ открытыхъ женскихъ лицъ, а тѣмъ болѣе обнаженныхъ рукъ и плечъ на вашихъ балахъ, и развѣ васъ, привыкшихъ ко всему этому, оно не оставляло совершенно спокойными? Вы только любовались при встрѣчѣ съ краснвымъ лицомъ его красотой. Въ такомъ же точно положеніи находимся и мы: мы смотримъ на всѣ эти нагія тѣла и только любуемся ихъ формами, и никакія постороннія мысли не примѣшиваются къ этому чисто эстетическому наслажденію. Нашъ взоръ эти лучи только грѣютъ и ласкаютъ, васъ — они бы жгли и ослѣпляли.

И я обвелъ глазами группу молодыхъ красавицъ, поджидавшихъ насъ впереди, и дѣйствительно, лучи эти жгли и ослѣпляли меня . . . .

— А отчего же вы одѣты, спросилъ я Эзрара?

Онъ остановился, повернулся ко мнѣ и, распахнувъ свою тогу, показалъ мнѣ свое старческое желтое, сморщенное тѣло съ волосами на груди и на погахъ.

Этотъ жестъ былъ краснорѣчивѣе всякаго объясненія.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ мы подымались выше, растительность становилась все болѣе и болѣе рѣдкой, и вскорѣ съ вершины гребня, на который мы поднялись, открылась обширная равнина вся залитая яркими лучами солнца, окаймленная съ трехъ сторонъ

горами, выдѣлявшимися вдали своими прихотливыми синеватыми очертаніями; она сплошь бѣла занята обработанными полями, разбитыми на правильные участки съ пестрѣвшею на нихъ разнообразною растительностью. Вдали, на берегу рѣчки, протекавшей посрединѣ равнины, подъ группой кокосовыхъ пальмъ виднѣлись соломенныя крыши многочисленныхъ хижинъ, принадлежавшихъ деревнѣ, въ которой обитали рабы. Нѣсколько десятковъ ихъ можно было видѣть работающими на поляхъ; одни съ заступами въ рукахъ, согнувъ свои широкія спины, копались въ землѣ, другіе съ корзинами на плечахъ разносили навозъ, третьи собирали уже созрѣвшую жатву.

Я остановился передо этой веселой картиной полной жизни и свѣта, развернувшейся передъ нами, и нѣсколько минутъ простоялъ передо ней молча, любуясь и слушая объясненія Эзрара.

— Вотъ, пояснялъ онъ мнѣ, на правомъ берегу рѣчки, на заливныхъ мѣстахъ тянутся участки, засѣянные рисомъ, по лѣвому расположена роща банановъ, далѣе идутъ поля иньяновъ или таро и небольшой участокъ сахарнаго тростника, повыше на площадкѣ — кофейная плантація. Границы отдѣльныхъ участковъ обсажены всевозможными плодовыми деревьями: апельсинными, хлѣбными, бананами и другими тропическими породами.

Чтобы добраться до деревни намъ пришлось пройти черезъ одинъ изъ участковъ, самый обширный изъ всѣхъ, на которомъ росло какое-то странное растеніе безъ листьевъ, имѣвшее видъ низенькихъ кустиковъ и все состоявшее изъ однихъ только тонкихъ зеленыхъ прутиковъ, сплошь увѣшанныхъ стручьями; оно напоминало въ малыхъ размѣрахъ безлистное растеніе Spartium junceum.

— Это особая порода бобовъ, объяснилъ мнѣ Эзраръ, который вмѣстѣ съ горохомъ составляетъ главную пищу нашихъ рабовъ, коровъ и птицъ. Какъ видите, эта порода почти совсѣмъ лишена листьевъ, превращенныхъ въ едва замѣтныя чешуйки и съ очень незначительными стеблями. Вся сила растенія, вся пища, извлекаемая изъ почвы, направляется на производство стручьевъ, а безполезныя части, отбросы доведены до минимума. Въ этомъ направленіи — возможнаго уменьшенія отбросовъ, безъ всякой пользы истощающихъ почву, улучшены были нѣкогда всѣ породы огородныхъ и хлѣбныхъ растеній.

Но вотъ и самая деревня. Хижины или вѣрнѣе шалаши, маленькія и низенькія, построены были самымъ примитивнымъ образомъ изъ нѣсколькихъ жердей, покрытыхъ соломой и сухими листьями. Между ними росли кокосовыя и другія пальмы, разнообразныя деревья и кусты преимущественно

плодовые, и это обиліе растительности придавало деревнѣ, несмотря на всю невзрачность ея хижинъ, очень живописный и уютный видъ: казалось мы попали въ садъ. Мы шли по кварталу, жители котораго находились всѣ на работѣ въ поляхъ и потому до сихъ поръ не встрѣтили никого изъ нихъ; но вотъ послышались крики и веселый дѣтскій смѣхъ и, свернувъ въ сторону, мы увидѣли передо собой навѣсъ и подъ нимъ группу рабынь, занимавшихся плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей; ихъ окружали дѣти, которыя тутъ же играли или помогали въ работѣ своимъ матерямъ. При видѣ насъ всѣ какъ будто обрадовались, ихъ некрасивыя скуластыя лица расплылись въ широкія улыбки; женщины тотчасъ же оставили свою работу, бросились на колѣни и, поднявъ руки кверху, пали передъ нами ницъ. Дѣти, глядя на нихъ, старались во всемъ имъ подражать.

— Не подумайте, замѣтилъ мнѣ Эзраръ, что это мы ихъ научили оказывать намъ такія почести. Насколько я себя помню, они всегда выражали намъ свою преданность въ такой формѣ, въ этомъ поклоненіи совершенно естественно выливаются ихъ чувства къ намъ. Очевидно они считаютъ насъ какими-то высшими, сверхестественными существами.

Онъ подошелъ къ группѣ дѣтей и погладилъ ихъ по головкамъ: дѣти радостно улыбнулись своими

широкими ротиками и, схвативши его руку, стали лизать ее. Не знаю почему, но этотъ поступокъ ихъ какъ-то болѣзненно кольнулъ мое сердце. Явно было однако, что не страхъ, а чисто животная преданность, преданность хорошей любящей собаки лежала въ основѣ чувствъ этихъ столь непонятныхъ для меня существъ.

— Пойдемте, я вамъ покажу теперь нашу ферму, обратился ко мнѣ Эзраръ.

Мы подошли къ длинному навѣсу съ подраздѣленіями въ видѣ стойлъ, и въ каждомъ изъ нихъ лежало какое-то странное, совсѣмъ мнѣ неизвѣстное животное. Туловище ихъ, очень незначительное и узкое спереди, сильно расширялось къ заду, голова и ноги были непропорціонально малы, особенно малы и тонки были переднія ноги, на которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ стояли, приподнявъ переднюю половину своего тѣла; чуть не треть всего животнаго составляло огромное вымя.

— Это наши коровы, объяснилъ мнѣ Эзраръ, и это тоже одно изъ позднѣйшихъ произведеній прежней цивилизаціи, полученныхъ путемъ искуственнаго подбора и при помощи искуственнаго оплодотворенія. Какъ видите, все что ненужно для цѣлей полученія молока, доведено у нихъ до минимума; голова, какъ у теленка, роговъ нѣтъ, мускулы у нихъ почти отсутствуютъ,

кости необыкновенно тонки, конечности атрофированы, онѣ не могутъ уже ходить, а только ползаютъ, приподнявшись на переднія ноги, большею же частью лежатъ неподвижно. Эта порода даетъ необыкновенно много молока, а ѣстъ сравнительно мало, зато почти всю пищу, состоящую изъ бобовъ и гороха, превращаетъ въ молоко, даже навоза онѣ даютъ очень мало.

Онъ велѣлъ одному изъ рабовъ, которые въ это время занимались кормленіемъ коровъ, привести быка, и я къ своему удивленію увидѣлъ какое-то животное величиною не болѣе козла, тонкое, сухопарое — это и былъ ихъ быкъ.

— Мы ихъ держимъ исключительно для оплодотворенія, ибо изъ животныхъ мы употребляемъ въ пищу только птицъ, овецъ и свиней, и такъ какъ мы примѣняемъ искуственное оплодотвореніе, то одинъ такой быкъ хватаетъ не только на нашихъ восемь коровъ, но служитъ еще и нашимъ сосѣдямъ. На весь архипелагъ Таити имѣется всего лишь два быка. Благодаря всему этому, молоко обходится намъ очень дешево, а это одинъ изъ основныхъ пищевыхъ продуктовъ нашихъ.

— Не сомнѣваюсь, сказалъ я, что ваши коровы очень экономичны, но увѣряю васъ, что наши были гораздо красивѣе. Это — какіе-то уроды.

— Да, замѣтилъ Эзраръ, удивительно какъ легко природа и ея произведенія обезображиваются отъ прикосновенія къ нимъ руки человѣческой. Эти коровы являются однимъ изъ продуктовъ людской алчности. Мы сами никогда бы не произвели такихъ уродовъ, но разъ они существовали, то мы ихъ и сохранили, тѣмъ болѣе, что они никогда не попадаются намъ на глаза.

Проходя дальше, мы всюду встрѣчали группы рабовъ или рабынь, занимавшихся какою нибудь работою; здѣсь лѣпили горшки, тамъ плели цыновки, еще далѣе изъ кожи вырѣзали сандаліи или ремни, и всюду насъ встрѣчали радостными улыбками и земными поклонами. Поминутно попадались намъ по дорогѣ разнообразныя домашнія птицы: индюки, гуси, фазаны, куры какихъ-то необыкновенно гигантскихъ размѣровъ, въ одномъ огороженномъ мѣстѣ мы увидѣли небольшое стадо овецъ; и всюду растительность, всюду деревья съ зрѣющими на нихъ плодами. Довольствомъ, миромъ и тишиной вѣяло отъ этой деревни. — Выйдя на ея окраину и пройдя мимо грядокъ съ овощами, устроенныхъ возлѣ рѣчки, въ которой шумно и весело плескались ребятишки, мы направились домой.

— Меня удивляетъ, замѣтилъ я Эзрару, какъ вы справляетесь съ такой массой рабовъ, когда васъ, покровителей, такъ мало. Вѣдь ихъ здѣсь, я думаю, болѣе сотни.

— Ихъ даже около 200. Мы считаемъ, что на каждаго изъ друзей нужны, смотря по мѣстности отъ полутора до двухъ рабовъ, только тогда все идетъ хорошо и безъ лишняго утомленія для послѣднихъ. Но они почти не нуждаются въ надзорѣ, все идетъ по разъ заведенному порядку, и такъ какъ инстинктъ подражанія развитъ у нихъ очень сильно, то дѣти, глядя на отцовъ и матерей, съ малолѣтства сами научаются всѣмъ работамъ въ сущности очень несложнымъ. Да и каждая группа рабовъ знаетъ только одно свое спеціальное дѣло и, занимаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе только имъ однимъ, они достигаютъ большой ловкости въ работѣ; знаніе своего дѣла перешло у нихъ какъ бы въ инстинктъ и самое дѣло стало для нихъ положительною необходимостью. Отнимите у нихъ свойственную каждому работу — и они будутъ чувствовать себя несчастнѣйшими существами.

— А знаете, Эзраръ, сказалъ я, ваши рабы мнѣ ужасно напоминаютъ пчелъ и муравьевъ.

— Да, отвѣтилъ онъ, они на нихъ похожи во многихъ отношеніяхъ. Трудъ для нихъ также легокъ и пріятенъ, какъ и для этихъ насѣкомыхъ.

— Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до границы полей. Вдругъ откуда-то пахнуло на меня сильнымъ и необыкновенно пріятнымъ ароматомъ, и я увидѣлъ передъ собой нѣсколько участковъ съ пе-

стрѣвшими на нихъ цвѣтами всевозможныхъ оттѣнковъ, въ томъ числѣ были и тѣ, которыхъ я принялъ вчера за бабочекъ.

— Это что такое? спросилъ я.

— Это цвѣточныя плантаціи, отвѣтилъ Эзраръ. Наша потребность въ цвѣтахъ такъ велика, что тѣхъ, которые разводятся около нашихъ жилищъ, было бы далеко недостаточно для насъ, поэтому мы отвели нѣсколько участковъ спеціально подъ цвѣты.

Двое рабовъ съ корзинами въ рукахъ какъ разъ собирали въ это время цвѣты къ обѣду; наши друзья тотчасъ же кинулись къ нимъ, выхватили у нихъ изъ рукъ корзины и сами принялись срывать цвѣты; дѣло живо закипѣло и въ одинъ мигъ корзины были наполнены. Лорелей съ букетикомъ отборнѣйшихъ цвѣтовъ въ рукѣ подбѣжала къ намъ и, остановившись передо мною, подала его мнѣ; при этомъ она пристально на меня посмотрѣла, улыбка озарила все ея прелестное лицо и вдругъ, вся вспыхнувъ, она повернулась и убѣжала.

— Ого! проговорилъ Эзраръ, поглядывая на меня съ многозначительной улыбкой, поздравляю васъ!

— Съ чѣмъ?

— Какъ, развѣ вы не замѣтили, съ какою благосклонностью на васъ посмотрѣла Лорелей и какъ она вся покраснѣла, подавая вамъ этотъ букетъ? А знаете ли вы, что означаетъ у насъ такое поднесеніе цвѣ-

товъ? Это означаетъ, что она чувствуетъ къ вамъ особую симпатію и готова сблизиться съ вами. Я впрочемъ еще вчера замѣтилъ, что вы ей понравились, она вѣдь все время не отходила отъ васъ. Очевидно, вы ей внушили жалость къ себѣ, а пожалѣвши, — она васъ полюбила. Поздравляю васъ съ сердечной побѣдой и радуюсь за васъ. Лорелей теперь какъ разъ такая временная одиночка, о которыхъ я говорилъ вамъ вчера утромъ и она несомнѣнно одно изъ прелестнѣйшихъ и добрѣйшихъ созданій нашихъ.

Какая-то волна радости и счастья вдругъ нахлынула на меня и охватила все мое существо, сердце затрепетало въ моей груди, весь міръ, все что меня окружало показалось мнѣ вдругъ какъ-то еще болѣе свѣтлымъ, лучезарнымъ и жизнерадостнымъ; мнѣ стало такъ весело и хорошо на душѣ, такой порывъ всеобщей любви наполнилъ мое сердце, что я готовъ былъ обнять всѣхъ этихъ добрыхъ, милыхъ, теперь еще болѣе мнѣ дорогихъ людей и въ одномъ могучемъ объятіи прижать ихъ къ своей груди. Въ порывѣ братской любви бросился я къ Эзрару и съ крикомъ: о, неужели я буду счастливъ! крѣпко его обнялъ и, прижавшись къ нему, чтобы скрыть свое смущеніе, на минуту слился душею съ его душею и отъ избытка чувствъ, всего меня охватившихъ, я затрепеталъ и заплакалъ . . .

Эзраръ, держа меня въ своихъ объятіяхъ и поглаживая мою голову, ласково успокаивалъ меня, говоря:

— Бѣдный, измученный человѣкъ, вы даже радость выражаете слезами; но мы васъ передѣлаемъ, мы заставимъ васъ забыть, что такое слезы, даже слезы радости. Разъ судьба закинула васъ къ намъ, живите у насъ полной, счастливой жизнью, наслаждайтесь всѣмъ, что жизнь можетъ дать людямъ, любите и забудьте навсегда всѣ ваши горести и страданія. Бремя это мы съ васъ снимаемъ.

Успокоенный такими словами Эзрара я уже опять улыбался и мы пошли дальше, рука въ руку, а впереди меня неслись легкіе, радужные образы — мечты объ ожидавшемъ меня, быть можетъ, счастьѣ. Въ такомъ настроеніи вернулись мы домой и какъ разъ подоспѣли къ обѣду. Онъ прошелъ при той же обстановкѣ и такъ же весело и оживленно, какъ и вчера, для меня же — еще много радостнѣе чѣмъ вчера . . . .

III.

Послѣ обѣда всѣ отправились на берегъ моря и здѣсь, усѣвшись въ тѣни нависшаго надъ нами берега, мы предались послѣ обѣденному отдыху, попивая ароматный кофе съ сокомъ сахарнаго тростника вмѣсто сахара. Но друзьямъ не сидѣлось долго на мѣстѣ, и какъ только я выпилъ свой кофе, они тотчасъ же повели меня показывать собраніе раковинъ, сушеныхъ морскихъ звѣздъ, коралловъ и другихъ морскихъ произведеній, разложенныхъ на самомъ берегу моря, на песчаной отмели въ видѣ красивыхъ группъ и узоровъ. Это было очень мило устроено — настоящій маленькій музей на открытомъ воздухѣ! И какихъ только тутъ не было породъ раковинъ, и сколько безконечнаго разнообразія, красоты, даже поэзіи природа съумѣла вложить въ эти комки извести! Я съ удовольствіемъ любовался ими, ибо всегда находилъ въ нихъ какую-то особенную, таинственную прелесть, отъ нихъ всегда вѣяло на меня ароматомъ моря и юга, а

что можетъ быть таинственнѣе и прелестнѣе для сѣверянина тѣхъ чудныхъ образовъ, которые связаны съ этими двумя словами: море и югъ!

— Наши друзья, замѣтилъ мнѣ Эзраръ, въ послѣднее время положительно помѣшались на раковинахъ, каждая община старается перещеголять сосѣднія своимъ собраніемъ ихъ, обиліемъ видовъ и красотою экземпляровъ.

Послѣ этого осмотра мы съ Эзраромъ опять улеглись на песокъ въ тѣни, а друзья принялись барахтаться въ водѣ, плавать въ перегонку, нырять, доставая со дна всевозможныхъ морскихъ животныхъ. Когда они уставали, то выходили отдыхать на ближайшія скалы, своими верхушками выступавшія изъ воды, располагаясь на нихъ изящными группами. Съ своего мѣста я свободно могъ созерцать всѣ ихъ игры и забавы и любоваться всей этой очаравательной красотой. Голубое небо, синее море, красивыя очертанія береговъ и эти голыя тѣла — все это вмѣстѣ было такъ непривычно, такъ дико красиво, что по временамъ сознаніе дѣйствительности какъ будто ускользало отъ меня и мнѣ начинало казаться, что это сонъ, а не дѣйствительность, или что я перенесенъ сюда силой какого нибудь волшебства и что передо мною не люди, а какія-то фантастическія морскія существа, какія-то нереиды, поднявшіяся со дна морскаго, чтобы очаровывать мой взоръ . . .

И какъ жаль, думалось мнѣ, что на землѣ такъ мало этихъ счастливыхъ и прелестныхъ созданій — всего только 2 милліона! А вѣдь подъ тропиками свободно могло бы помѣститься много десятковъ милліоновъ. И я высказалъ эту мысль Эзрару.

— Мы вѣдь не успѣли еще размножиться, отвѣтилъ онъ и я думаю, что со временемъ человѣчество дойдетъ до 5 или 6 милліоновъ, а можетъ быть и больше, если позволитъ мѣсто. Вѣдь земля какъ мѣстообиталище гораздо гаже, чѣмъ вы думаете, истинно удобныхъ и красивыхъ мѣстъ для жительства очень немного. А намъ непремѣнно нужна и красота мѣстожительства, ибо отъ этого много зависитъ жизнерадостность настроенія. Впрочемъ никогда мы не размножимся въ очень значительной степени. Мы боимся слишкомъ большой густоты населенія, слишкомъ тѣсной общественности, ибо она, также какъ и доступность и быстрота сообщеній больше всего способствуетъ и вызываетъ всякую цивилизацію и прогрессъ, отъ которыхъ мы съ такимъ трудомъ отдѣлались.

— О, отдѣлались! воскликнулъ я. Какъ это странно звучитъ для меня, человѣка XIX вѣка, на знамени котораго такими крупными буквами стояло именно: прогрессъ и цивилизація!

— А на нашемъ знамени стоитъ еще болѣе крупными буквами: счастье и счастье! Вы имѣли много

прогресса, но мало счастья, у насъ же наоборотъ. И такъ какъ приходится выбирать между счастьемъ безъ прогресса и прогрессомъ безъ счастья, то мы выбрали первое. Оба они несовмѣстимы и потому для насъ прогрессъ совсѣмъ ненуженъ.

Эти слова меня несказанно поразили. Что слышу я? Имъ не нуженъ прогрессъ! да развѣ можетъ человѣчество существовать безъ него. О Эзраръ! подумалъ я, неужели ты хочешь разбить и этотъ кумиръ мой? Но нѣтъ, этого тебѣ не удастся, за него я буду крѣпко держаться! Если и его разбить, то чему же поклоняться? . . . И вдругъ я вспомнилъ когда-то мною прочитанную статью, въ которой какой-то критикъ разбиралъ книгу о народномъ образованіи. Въ этой книгѣ авторъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что вмѣстѣ съ образованіемъ въ народъ проникаетъ недовольство своимъ положеніемъ, всю тягость котораго онъ начинаетъ тогда яснѣе сознавать, чѣмъ прежде, и отъ этого страданія его только усиливаются. Но это-то и хорошо восклицалъ критикъ, такое усиленіе страданія и желательно, ибо оно-то и является залогомъ прогресса. Помнится, какъ и тогда меня смутило это странное разсужденіе прогрессиста, ибо если прогрессъ долженъ быть вѣчнымъ, безпредѣльнымъ, то остается только желать вѣчнаго недовольства своимъ положеніемъ, вѣчнаго страданія. Но только теперь

понялъ я все безобразіе и въ тоже время всю безукоризненную логичность этого разсужденія. И это меня смутило . . . Что же это значитъ? Неужели правъ Эзраръ, неужели приходится выбирать между счастьемъ безъ прогресса и прогрессомъ безъ счастья? И что же тогда выбрать, что лучше?

О бѣдный мой кумиръ! ты еще не разбитъ, но я уже вижу въ тебѣ глубокую, зловѣщую трещину!

Но Эзраръ продолжалъ:

— Одинъ изъ основныхъ принциповъ нашихъ состоитъ въ томъ, что человѣчество можетъ обезпечить свое счастье навсегда только при томъ условіи, если оно сохранитъ неизмѣннымъ на вѣчныя времена свое теперешнее устройство и откажется отъ всякаго прогресса въ этомъ отношеніи. Всего, что грозитъ усложнить или измѣнить нашу жизнь, хотя бы подъ предлогомъ ея улучшенія, мы тщательно избѣгаемъ. А густота населенія можетъ именно повести къ разнымъ усложненіямъ.

— Я этого не совсѣмъ понимаю.

— Вы лучше это поймете на частномъ примѣрѣ. Наши друзья всѣ страстные любители моря и безусловно предпочитаютъ жить на побережьѣ, чѣмъ внутри страны; безъ моря они положительно не могутъ обойтись, скучаютъ вдали отъ него. Вѣдь половину дня проводятъ они въ немъ, купаясь, плавая,

устраивая разныя игры, даже дѣти постоянно около него, собирая ракушки и т. под. Въ этомъ отношеніи нашихъ людей можно было бы назвать амфибіями. Да и на побережьяхъ мы выбираемъ для поселеній только наиболѣе удобныя, а главное наиболѣе поэтичныя и красивыя мѣста. Пока насъ мало, мы другъ друга въ этомъ отношеніи не можемъ стѣснять. Но вотъ что случилось недавно на одномъ изъ маленькихъ острововъ Таити, и что вамъ покажетъ, какъ мы правы въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ три общины, жившія тамъ, разрослись, и пришлось изъ избытка людей образовать четвертую, и такъ какъ на берегу моря не было удобнаго мѣста для поселенія, то пришлось устроить его внутри острова. Но тутъ-то и вышло затрудненіе: никто не хотѣлъ уходить съ побережья внутрь, тѣ, которыхъ для этого выбрали покровители, сочли себя обиженными, появились неудовольствія и раздоры, и пришлось вновь образованную общину перевесть на другой островъ и тамъ поселить ее на берегу. Теперь, напримѣръ, ближайшая отъ насъ община находится на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути; поэтому мы только изрѣдка видимся съ ея членами, и каждый разъ и мы очень рады гостямъ и намъ рады, и никакихъ ссоръ не бываетъ. А живи мы близко, тѣсно, и кто знаетъ, что съ теченіемъ времени изъ этого бы вышло,

несмотря на всю мягкость и незлобливость нашихъ друзей. Наконецъ, если значительно увеличить населеніе, то придется увеличить и число рабовъ, и число нашихъ фабрикъ и кораблей, а это явится большимъ усложненіемъ; но вы уже знаете, что мы всѣми мѣрами избѣгаемъ усложнять жизнь.

— Какъ фабрики?! Неужели у васъ есть и фабрики, и корабли? значитъ есть и рабочіе? Вѣдь это же все очень сложно, какъ же оно согласуется съ вашимъ принципомъ упрощенія жизни?

— Увы! есть и фабрики, и заводы, но въ оправданіе наше я могу сказать, что на все человѣчество ихъ имѣется всего только 8 и одна верфь для постройки судовъ. Надѣюсь въ этомъ вы не усмотрите слишкомъ большаго усложненія. Вы видите, какъ мы живемъ просто, какъ мало намъ нужно для жизни. Но безъ нѣкоторыхъ предметовъ нельзя обойтись: намъ нужна матерія для палатокъ и для кое какой одежды, кисея для защиты отъ москитовъ, и это изготовляется на двухъ фабрикахъ; далѣе намъ нужны топоры, ножи, заступы — все это изготовляется также на двухъ фабрикахъ; затѣмъ существуетъ еще одна бумажная фабрика, такъ какъ намъ нужна бумага для записныхъ книжекъ, въ которыя мы вносимъ свои наблюденія надъ друзьями, существуетъ одна резиновая фабрика для гассетокъ, одинъ химическій заводъ, из-

готовляющій краски для окрашиванія матерій и нѣкоторыя, очень немногія лекарства, главнымъ же образомъ драгоцѣнную нирвану и наконецъ одинъ механическій заводъ, приготовляющій и исправляющій машины для всѣхъ этихъ фабрикъ и отливающій музыкальныя таблицы.

Это нѣкоторое усложненіе, безспорно, но очень же небольшое, и зато мы имѣемъ все необходимое; во всякомъ случаѣ это неизмѣримо проще, чѣмъ еслибы каждая община стала сама у себя ткать матерію, ковать заступы и ножи.

— Кто же работаетъ на этихъ фабрикахъ?

— Работаютъ спеціально для этого подготовленные рабы, а руководимъ мы, покровители, соблюдая очередь. Это конечно не такъ пріятно, какъ жить среди нашихъ друзей, но не забывайте, что при малочисленности фабрикъ для завѣдыванія ими достаточно 25—30 покровителей, а насъ всѣхъ около 40.000, поэтому до громаднаго большинства изъ насъ очередь никогда и не доходитъ несмотря на то, что срокъ пребыванія на нихъ очень короткій. Это слѣдовательно и не обременительная повинность.

Всѣ вырабатываемые на фабрикахъ продукты тотчасъ же нагружаются на корабли, которые развозятъ ихъ по всѣмъ нашимъ поселеніямъ, поддерживая этимъ и сношенія между ними. Остальное, какъ-то: кожа для

сандалій и ремней, горшки для варки пищи, цыновки, на которыхъ мы спимъ — все это дѣлается на мѣстѣ нашими рабами. А больше намъ ничего и ненужно.

— А кто же изготовляетъ такія сложныя вещи, какъ часы напримѣръ? неужели тоже полусознательные рабы?

— Часы, воскликнулъ Эзраръ и залился веселымъ смѣхомъ. Ахъ! вы меня разсмѣшили. Какъ будто часы такая ужъ необходимая вещь для счастья. Вѣдь и въ ваше время говорили: счастливые часовъ не наблюдаютъ, такъ на что же они намъ!

— Не удивляйтесь Эзраръ моему вопросу, смущенно замѣтилъ я, мнѣ, все какъ-то трудно отказаться отъ своей точки зрѣнія. Въ ваше время жизнь безъ часовъ была бы просто немыслимой.

— Ахъ, мой другъ, при той тихой, уединенной жизни, которую мы ведемъ въ этомъ мирномъ уголкѣ, на что намъ знать точное теченіе времени!

— И вы постоянно живете здѣсь на одномъ мѣстѣ?

— О нѣтъ, хотя это дѣйствительно нашъ домъ, наше родное гнѣздо, и большую часть жизни мы проводимъ здѣсь. Но это не мѣшаетъ намъ много путешествовать и иногда даже далеко. Болѣе взрослые изъ нашей общины бывали въ Австраліи, въ Новой Гвинеѣ, нѣкоторые даже на Явѣ.

— Какъ же вы путешествуете, на чемъ?

— Ближайшія путешествія или вѣрнѣе прогулки въ сосѣднія общины мы совершаемъ пѣшкомъ — самымъ пріятнымъ изъ всѣхъ способовъ путешествій. И надо видѣть, какъ всело совершаются эти прогулки, сколько тутъ бываетъ смѣха, шутокъ. Не переставая все время играть, бѣгать въ перегонку, лазать по деревьямъ, подвигаются наши шаловливые друзья точно веселая толпа школьниковъ, только что вырвавшихся на волю; но тамъ радовались избавленію отъ душныхъ классовъ и стѣсненій, здѣсь же радости предаются отъ мысли о предстоящихъ новыхъ удовольствіяхъ. По ближайшимъ островамъ мы путешествуемъ на пирогахъ съ балансиромъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, которыя употреблялись въ старину полинезійцами — это оказалось и самымъ удобнымъ, и самымъ безопаснымъ способомъ передвиженія по морю. А дальнія путешествія мы предпринимаемъ на парусныхъ судахъ, которыя, какъ я вамъ говорилъ, раза два или три въ годъ объѣзжаютъ всѣ наши поселенія для снабженія насъ кое-какими необходимыми предметами. Мы этими случаями иногда и пользуемся.

— Отчего же употребляете вы корабли, а не пароходы? вѣдь это же гораздо болѣе скорый и удобный способъ передвиженія. Неужели вы отказались и отъ силы пара?

— Чтобы судить о насъ бросьте вашу точку зрѣнія XIX вѣка. Во первыхъ, паровой силой человѣкъ уже давно пересталъ пользоваться, замѣнивъ ее электричествомъ и утилизируя для этого силу вѣтра, силу воды, т. е. водопадовъ, теченія рѣкъ, приливовъ и отливовъ. Эти же силы, превращенныя въ электрическую энергію, двигаютъ и машины на нашихъ фабрикахъ. Что же касается быстроты передвиженій, которая вамъ кажется столь важной, то она была нужна въ ваше время, но подумайте, для чего? Для того чтобы какъ можно скорѣе напасть на непріятеля и истребить его, или для того чтобы какъ можно скорѣе привезти свои товары и продать ихъ съ барышомъ, т. е. для удовлетворенія чувства злобы или алчности. Но у насъ нѣтъ ни войнъ, ни торговли, ни злобы, ни алчности. И потомъ: стоитъ ли говорить о какихъ-то несчастныхъ пароходахъ, когда мы отказались отъ неизмѣримо болѣе быстраго и легкаго способа сообщенія — отъ полета. Вѣдь люди съ XXII вѣка летали по воздуху также свободно, какъ птицы.

— Эзраръ, прервалъ старика одинъ изъ молодыхъ людей, подсѣвшихъ къ намъ, чтобы послушать нашъ разговоръ, ты намъ никогда объ этомъ не разсказывалъ. Неужели люди летали какъ птицы, и отчего же вы не позволяете этого и намъ? Какъ это было бы весело!

— Милый мой другъ, я не могу тебѣ объяснить отчего, ты бы пожалуй меня не понялъ, скажу только, что вы могли бы упасть и расшибиться. А вамъ, обратился онъ ко мнѣ, я прибавлю, что такая чрезмѣрная легкость и быстрота сообщеній между людьми для насъ крайне нежелательна; это одно изъ условій, благопріятствующихъ всякому усложненію и прогрессу. Мы убѣждены, что еслибы люди опять начали летать также свободно какъ птицы, то, несмотря на всѣ наши усилія, съ теченіемъ времени отъ одного этого они пришли бы опять къ прежнему состоянію вѣчной неудовлетворенности самими собою, своимъ положеніемъ, вѣчнаго исканія лучшаго, болѣе совершеннаго, но и болѣе сложнаго, труднѣе достижимаго. Только такая тихая и уединенная жизнь, какъ наша, даетъ восможность устроить ее просто и счастливо. А главное, это сдѣлало бы надзоръ нашъ надъ человѣчествомъ въ высшей степени затруднительнымъ, а искуственный подборъ въ концѣ концовъ даже невозможнымъ. А вы теперь знаете, что все зиждется на этомъ подборѣ. Имъ мы всего достигли, имъ же все и поддерживается.

— Знаете Эзраръ, воскликнулъ я, въ этой отрѣзанности вашей отъ цѣлаго міра, въ этомъ тихомъ уединеніи, среди котораго такъ мирно и счастливо протекаетъ ваша жизнь, я нахожу какую-то невыразимо поэти-

ческую прелесть. Чувствуешь какое-то отдохновеніе души при мысли о ней. Наша шумная, суетливая и хлопотливая жизнь, гдѣ всѣ отъ мала до велика надрывались и переутомлялись, толкаясь и давя другъ друга, представляется мнѣ теперь чѣмъ-то уродливымъ и безобразнымъ. Впрочемъ и у насъ лучшіе и наименѣе испорченные и извращенные люди нерѣдко стремились, насколько это имъ было можно, удаляться отъ этой толчеи и уединяться среди природы.

— Я радъ, что вы такъ чувствуете, — это залогъ того, что вамъ не будетъ у насъ скучно. Дѣйствительно, нужно было извратить свою природу, чтобы находить наслажденіе въ этой толчеѣ, какъ вы выразились. А между тѣмъ она была необходимымъ условіемъ для прогресса: внѣ толчеи — нѣтъ прогресса, и тѣ человѣческія общества, которыя жили уединенно, мирно и тихо, никогда не прогрессировали. Конечно, такая жизнь, какъ наша, не можетъ удовлетворить людей съ неукротимой кипучей энергіей, съ могучей волей, людей жаждущихъ сильной дѣятельности, любящихъ преодолѣвать препятствія. Но такихъ людей у насъ теперь нѣтъ, и благо намъ, ибо подумайте, какимъ путемъ вырабатывались такіе характеры: многочисленныя страданія, лютая борьба за существованіе — вотъ что закаляло ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; при такихъ суровыхъ жизненныхъ условіяхъ

людямъ только и оставалось — погибать или закаляться и вырабатывать въ себѣ, какъ броню противъ золъ міра, сильную энергію и жесткость сердца. Но такая энергія есть болѣзненное явленіе, она есть продуктъ мучительной многовѣковой борьбы и этою борьбою только и поддерживалась, а такъ какъ ничего мучительнаго мы не можемъ считать желательнымъ, то нежелательна для насъ и сама эта энергія. Довольно люди мучились и боролись, и ни къ чему это ихъ не привело какъ только къ напряженности духа, пусть же теперь они мирно отдыхаютъ.

— Но если вы живете такъ просто и уединенно, то вѣроятно и общественное и государственное устройство у васъ также просты. Разскажите Эзраръ, какое у васъ правительство, какія власти, какъ вообще организовано новое человѣчество?

— Немного придется разсказать вамъ объ этомъ и по очень простой причинѣ: у насъ нѣтъ ни правительства, ни власти, ни законовъ, никакихъ вообще ни государственныхъ, ни общественныхъ учрежденій, нѣтъ даже ни одного города. Все человѣчество разбито на мелкія ячейки, на такія совершенно общины, какъ наша, живущія вполнѣ независимо другъ отъ друга и совершенно подобно тому, какъ и мы. Единственнымъ связующимъ элементомъ являются областные съѣзды покровителей, повторяющіеся разъ въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ въ настоящее время съѣхались представители всѣхъ общинъ, живущихъ на островахъ Таити, и отъ нашей общины отправился туда мой товарищъ съ женой — это и есть причина, почему вы ихъ здѣсь не застали. На этихъ съѣздахъ мы обмѣниваемся результатами нашихъ опытовъ и наблюденій надъ жизнью друзей, сообщаемъ другъ другу свѣдѣнія о численности населенія и удобныхъ мѣстахъ для поселенія новыхъ общинъ, сговариваемся объ экскурсіяхъ, о передвиженіяхъ покровителей изъ одной мѣстности въ другую и т. под. Но ничего правильнаго, а тѣмъ болѣе обязательнаго съ этими съѣздами не связано; они собираются просто ради удобства и для того чтобы мы, покровители, не теряли связи другъ съ другомъ. Мы въ нѣкоторомъ родѣ пріѣзжаемъ другъ къ другу въ гости и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы поговорить о своихъ дѣлахъ — вотъ и все. — Существуютъ впрочемъ еще съѣзды другаго рода, постановленія которыхъ носятъ уже строго обязательный характеръ — это общіе съѣзды представителей всѣхъ общинъ, но они происходятъ, какъ бы вы думали, какъ часто? — черезъ каждые 200 лѣтъ разъ! Постановленія этихъ съѣздовъ мы считаемъ священными и обязательными не только для тѣхъ, кто принимаетъ въ нихъ участіе, но и для всѣхъ потомковъ ихъ вплоть до новаго съѣзда, и въ этихъ

мысляхъ мы, отцы, воспитываемъ и своихъ дѣтей, внушаемъ имъ уваженіе къ этимъ постановленіямъ и беремъ съ нихъ торжественное обѣщаніе исполнять всѣ обязательства, принятыя нами и нашими предками.

Васъ, можетъ быть, удивляетъ такой большой промежутокъ между общими съѣздами, но мы намѣренно устраиваемъ ихъ такъ рѣдко для того, чтобы менѣе было побудительныхъ причинъ къ перемѣнамъ, чтобы такъ сказать не давать пищи къ прогрессу, котораго мы такъ страшимся: мы всѣ торжественно обязываемся не предпринимать никакихъ перемѣнъ въ организаціи и образѣ жизни человѣчества, какъ бы онѣ ни казались необходимыми, во все продолженіе времени между двумя съѣздами. И это чрезвычайно важное и глубоко разумное рѣшеніе!

Черезъ пять лѣтъ предстоитъ первый такой общій съѣздъ въ двухсотлѣтнюю годовщину основанія новаго человѣчества. О, это будетъ высокоторжественный и радостный для насъ день, ибо на этомъ съѣздѣ мы будемъ праздновать нашу удачу, торжество нашихъ идей. И это торжество и эта удача такъ велики, что теперь послѣ двухсотлѣтняго опыта, знаете ли какое новое постановленіе будетъ принято на этомъ съѣздѣ, обязательное для насъ и для нашихъ потомковъ? на немъ будетъ постановлено: сохранить и на слѣдующее двухсотлѣтіе все въ неизмѣнномъ положеніи! Впрочемъ

на немъ будутъ обсуждаться и нѣкоторые второстепенные новые вопросы, какъ напримѣръ вопросъ о цѣлесообразности уменьшенія человѣческаго роста и о женщинахъ-маткахъ.

Вотъ и все наше государственное и общественное устройство, какъ вы выразились. Да, я забылъ упомянуть, что у насъ есть одна власть, унаслѣдованная отъ прежнихъ временъ, но она совершенно номинальная и ни въ чемъ теперь не проявляется; когда нибудь я вамъ объ этомъ разскажу.

— О, какъ это величественно въ своей простотѣ! воскликнулъ я. Теперь ваша жизнь мнѣ стала вдругъ удивительно ясной. Величіе въ простотѣ и роскошь въ бѣдности — вотъ двѣ формулы, которыя характеризуютъ ее всю! Всего у васъ мало и всетаки всего много! И все нужное есть у васъ!

— Оттого у насъ и есть все нужное, что нѣтъ ничего ненужнаго, улыбаясь произнесъ Эзраръ.

IV.

Послѣдній разсказъ Эзрара погрузилъ меня въ задумчивость .... Перебирая въ своемъ умѣ все, что я отъ него узналъ, я между прочимъ вспомнилъ объ одномъ вопросѣ, который уже давно меня занималъ и который мнѣ хотѣлось теперь выяснить.

— Дорогой Эзраръ, обратился я къ нему, вы уже нѣсколько разъ упоминали о нирванѣ, которую давали мнѣ вчера пить, не объясните ли вы теперь, что это за средство и какое оно имѣетъ для васъ значеніе?

— Друзья, съ живостью проговорилъ онъ, обращаясь къ небольшой группѣ ихъ, лежавшихъ и сидѣвшихъ около насъ, внимательно слушая объясненія старика, пойдите куда нибудь, мнѣ надо поговорить съ нашимъ гостемъ наединѣ.

И когда они, удивленные, встала и ушли, онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Я не могъ говорить объ этомъ предметѣ въ ихъ присутствіи. Нирвана — мрачное средство, оно связано со смертью, о которой друзья не должны слы-

шать, и васъ я прошу нашего разговора имъ не передавать.

Ужасное подозрѣніе вдругъ промелькнуло въ моемъ умѣ. Я столько слышалъ и видѣлъ здѣсь удивительнаго, что все казалось мнѣ теперь возможнымъ.

— Вы меня пугаете, Эзраръ, сказалъ я ему, неужели вы отравляете этимъ людей!

— Нѣтъ, но оно помогаетъ имъ умирать. И такъ какъ вы ужъ объ этомъ заговорили, то я вамъ все объясню. Вы видѣли, какъ наши друзья живутъ, узнайте же теперь какъ они умираютъ. Жизнь ихъ увы! коротка, они не живутъ болѣе 35, много 40 лѣтъ. Мы добились того, что они всегда молоды и юны, мы откинули изъ ихъ жизни два возраста — зрѣлость и старость, но это роковымъ образомъ повело за собой сокращеніе жизни. До послѣднихъ годовъ своихъ сохраняютъ они красоту физическую и дѣтскую веселость духа, но затѣмъ сразу, въ теченіе одного года, иногда нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ ихъ организмѣ происходитъ рѣзкая перемѣна, они дряхлѣютъ, появляется сѣдина, морщины, очи становятся вялыми, перестаютъ принимать участіе въ играхъ — это вѣрный признакъ близкаго наступленія смерти. Можетъ быть такъ оно и лучше, можетъ быть, еслибы ихъ жизнь продолжалась значительно дольше, они не смогли бы сохранить всю свою ясность духа, свою жизнерадостность; длин-

мая жизнь повидимому несовмѣстима съ постоянною молодостью тѣла и духа. А стоитъ ли жить дряхлыми, скучными стариками, во всемъ разочарованными и не лучше ли умирать въ разгарѣ юности, среди веселаго смѣха.

Но смерть для нихъ всетаки страшна! Вѣдь наши друзья очень чувствительны ко всякому страданію и горю, все тяжелое и мрачное дѣйствуетъ на нихъ очень сильно. И это понятно: они почти не знаютъ, что такое горе и когда что нибудь случится въ родѣ сильнаго ушиба напримѣръ, то это ужасно на всѣхъ дѣйствуетъ. Вамъ это непонятно, потому что вы и ваши преемники были окружены всякими страданіями и мученіями, вы къ нимъ приглядѣлись и они поэтому на васъ не могли такъ болѣзненно отзываться. Но особенно мучительно и удручающе дѣйствовалъ на нашихъ друзей видъ смерти. Жалко бывало смотрѣть на нихъ бѣдныхъ; вся веселость и беззаботность ихъ вдругъ исчезали, они *ходили* точно потерянные, съ выраженіемъ ужаса и какого-то безпомощнаго недоумѣнія на лицахъ, по временамъ бросаясь на землю, ломая себѣ руки и испуская дикіе душу раздирающіе вопли, и никакія слова наши не могли тогда ихъ успокоить. Ахъ, какъ тяжело даже вспоминать объ этомъ времени. Поэтому мы рѣшили употребить всевозможныя средства, чтобы избавить ихъ отъ этой мрачной

стороны человѣческаго существованія. И отчасти мы этого достигли. Когда мы замѣчаемъ, что кто-нибудь вслѣдствіе болѣзни, которая рѣдко впрочемъ бываетъ причиной смерти, или просто отъ старости близокъ къ концу, то мы уводимъ его въ уединенное мѣсто и тамъ дѣлаемъ ему смерть легкой. Для этого и служитъ нирвана; вы на себѣ испытали ея дѣйствіе, но если дать нѣсколько большій пріемъ, то какая бы ни была боль — она исчезаетъ, и человѣку дѣлается необыкновенно легко и пріятно на душѣ. По мѣрѣ того какъ кризисъ приближается, мы усиливаемъ пріемъ, и тогда сознаніе дѣйствительности совершенно покидаетъ умирающаго, но при этомъ онъ не теряетъ способности слышать и понимать то, что ему говорятъ, и все что онъ слышитъ, представляется ему живой реальностью. Такимъ образомъ въ послѣднія минуты его существованія мы рисуемъ умирающему радостныя и веселыя картины, и онъ отходитъ въ другой міръ безболѣзненно, съ улыбкой на устахъ. Вся тягостная, мучительная сторона смерти, благодаря нирванѣ устранена. Жизнь отходитъ тихо, мирно, а не вырывается грубо, точно клещами, какъ прежде. Затѣмъ мы увозимъ трупъ въ море и, привязавши къ нему камень, бросаемъ въ воду.

Ахъ, мой другъ! всѣ обязанности наши по отношенію къ друзьямъ мы исполняемъ съ радостью и удо-

вольствіемъ, но эта обязанность провожать ихъ всѣхъ къ смерти — для насъ ужасна и мучительна!

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ онъ просидѣлъ молча, а затѣмъ продолжалъ:

— Когда друзья, замѣтивши исчезновеніе кого нибудь изъ своихъ, спрашиваютъ насъ, куда дѣваются ихъ товарищи, то мы стараемся объяснить имъ, что люди, проживши нѣкоторое время на землѣ, исчезаютъ затѣмъ какъ паръ, вознесясь на небо и тамъ, на солнцѣ или на одной изъ звѣздъ продолжаютъ жить въ видѣ легкихъ воздушныхъ существъ также весело, какъ и здѣсь, также играя и купаясь въ солнечныхъ лучахъ, какъ здѣсь они купались въ морскихъ волнахъ. Но это не совсѣмъ помогаетъ, они все-таки чуютъ что-то недоброе, хотя прежняго отчаянія и ужаса къ счастью уже болѣе нѣтъ. Вѣдь понятіе о смерти имъ все-таки извѣстно потому, что они видятъ на животныхъ, хотя мы и стараемся внушить имъ мысль, что съ человѣкомъ бываетъ иначе; иногда о смерти напомнитъ имъ также неосторожное слово, вырвавшееся у кого нибудь изъ насъ. Все это поддерживаетъ въ нихъ какое-то смутное сознаніе, можетъ быть отчасти и инстинктивное, чего-то невѣдомаго, страшнаго и ужаснаго. Вѣдь преданіе о смерти и всѣхъ ея ужасахъ у нихъ еще такъ свѣжо! Но со временемъ это конечно все забудется. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ производятся

теперь еще дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи. Друзей стараются убѣдить, что смерти совсѣмъ нѣтъ, что она была удѣломъ прежняго человѣчества, а теперешнее мы настолько усовершенствовали, что она перестала быть для нихъ необходимостью, и что они вѣчны, а исчезновеніе ихъ товарищей объясняютъ переѣздомъ на другіе острова, въ другія страны. И величайшимъ торжествомъ нашимъ будетъ, когда мы уничтожимъ въ людяхъ не только ужасъ смерти, но даже самое понятіе, самое воспоминаніе о ней. Если они не будутъ безсмертны на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ они будутъ воображать себя таковыми, а вѣдь для нихъ это будетъ одно и тоже. И я убѣжденъ, что такъ или иначе мы этого достигнемъ.

— Эзраръ, воскликнулъ я, изъ всего, что я у васъ узналъ, — это самое замѣчательное! Вы сдѣлали людей вѣчно юными, дали имъ безоблачное прочное счастье, вы сдѣлали трудъ ненужнымъ и теперь въ заключеніе всего этого вы еще избавили ихъ отъ ужаса смерти. Поистинѣ, вы сдѣлали для людей больше, чѣмъ само Божество! О, я не знаю, что мнѣ обо всемъ этомъ и думать! Все готовъ я допустить, но чтобы люди когда нибудь могли бы считать себя безсмертными, развѣ это мыслимо!? А между тѣмъ теперь я готовъ допустить возможность и этого! Вы смѣшали всѣ мои понятія, и еслибы я не слышалъ все

что вы мнѣ сейчасъ разсказали отъ васъ самихъ, то счелъ бы это бредомъ безумія. И послѣ этого вы еще станете увѣрять меня, что вы не боги!

Эзраръ съ улыбкой глядѣлъ на меня, слушая мои нѣсколько безсвязныя восклицанія.

— Но если вы сами не боги, продолжалъ я послѣ нѣкотораго молчанія, то скажите пожалуйста, что сталось съ ними, есть ли у васъ религія, во что вѣруетъ новое человѣчество?

— Наши друзья, какъ я вамъ сейчасъ говорилъ, вѣрятъ въ будущую жизнь. Они вѣрятъ также въ существованіе верховныхъ существъ, которыя имъ представляются такими же покровителями духовныхъ существъ, какими мы являемся здѣсь для земныхъ существъ. Мы стараемся объяснить имъ кратко, элементарно, но ясно и точно все, что наука можетъ объяснить; но чуть является неразрѣшимое — мы относимъ это къ волѣ верховныхъ существъ, и такимъ образомъ истина получается для нихъ какъ бы полная и это болѣе удовлетворяетъ ихъ умы. Болѣе же всего друзья почитаютъ солнце и поклоняются ему, какъ ближайшему божеству, создавшему весь видимый міръ и поддерживающему жизнь. И вы знаете, что это истина, что солнце дѣйствительно есть первоисточникъ всего, что мы видимъ вокругъ себя; оно грѣетъ насъ, оно даетъ намъ пищу, оно есть источникъ всякой

энергіи на землѣ, источникъ самой нашей жизни, нашихъ мыслей. Вотъ почему каждый день утромъ, просыпаясь, возсылаемъ мы хвалебный гимнъ солнцу. Впрочемъ друзья наши довольно индиферентны къ религіознымъ вопросамъ и по понятной причинѣ: къ религіи люди всегда прибѣгали какъ къ убѣжищу отъ житейскихъ разочарованій и невзгодъ; горе — вотъ что гнало ихъ къ богамъ, въ счастьѣ они всегда ихъ забывали. А у насъ горя нѣтъ.

— А вы сами, спросилъ я.

— Что касается насъ, то мы — скептики. Ничего не отрицать и ничего не признавать — вотъ символъ нашей вѣры. Какъ скептики, мы готовы допустить все, но ни въ чемъ не увѣрены, не находя достаточно доказательствъ ни чтобы принять, ни чтобы отбросить какіе бы то ни было метафизическіе взгляды. Мы даже убѣждены, что здѣсь на землѣ, при ограниченности ума и средствъ познаванія нѣтъ и возможности въ чемъ нибудь убѣдиться. Ваши философы увѣряли, что есть что-то абсолютное, но такъ какъ и чувствовать, и мыслить, и даже мечтать мы можемъ только относительно, то какъ же возможно для насъ людей хоть сколько нибудь познать или хотябы только почувствовать это абсолютное. Поэтому мы считаемъ, что пока живемъ здѣсь на землѣ, совершенно безцѣльно объ этомъ и думать, и говорить. Можетъ быть

убѣдимся мы въ чемъ нибудь въ иной жизни, хотя и въ этомъ мы не вполнѣ увѣрены, ибо, если и будетъ иная жизнь, то ничто не ручается за то, что и тамъ наша познавательная способность не будетъ чѣмъ нибудь ограничена, возможно, что и тамъ мы будемъ жить окруженные неразрѣшимыми загадками. И потомъ, если и есть что-то абсолютное, т. е. совершенно непонятное, то намъ кажется, что это непонятное такъ чуждо намъ, такъ мало нами интересуется, что мы не видимъ надобности и намъ самимъ особенно имъ интересоваться.

— Ахъ, Эзраръ, зачѣмъ вы такъ говорите! Повѣрьте, есть и абсолютное, есть и духи, и они гораздо болѣе заботятся о *людяхъ*, чѣмъ вы думаете. Я даже убѣжденъ, что все то счастье, которое я у васъ нашелъ, есть ничто иное, какъ дѣло ихъ рукъ.

— Возможно, мой другъ, возможно, вѣдь мы не отрицаемъ возможности существованія другаго міра, кромѣ видимаго, мы только не можемъ чувствовать увѣренности въ этомъ. И мы почти не сомнѣваемся, что есть абсолютное, хотя подъ этимъ словомъ мы понимаемъ не какое нибудь особое существо, одаренное разумомъ, а просто міръ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а не какъ онъ представляется нашему разуму, т. е. безъ отношенія къ намъ и потому реальный, абсолютный, а не относительный міръ. Что же

касается послѣдняго вашего предположенія объ источникѣ нашего счастья, будто бы дарованнаго намъ духами, то оно уже совсѣмъ невѣроятно. О нѣтъ! счастье это есть всецѣло дѣло собственныхъ нашихъ рукъ! Припомните немножко исторію человѣчества, припомните, какъ 27 вѣковъ тому назадъ, на рубежѣ стараго и новаго міра появился великій человѣкъ, воплощенный духъ по вашимъ вѣрованіямъ, и въ такомъ случаѣ величайшій изъ духовъ, когда либо появлявшихся на землѣ, и вспомните, что же сдѣлалъ онъ для счастья человѣческаго? Чему онъ училъ людей и чему ихъ научилъ? — терпѣть зло на землѣ и прощать обиды въ ожиданіи счастья на небѣ. Но и этому многихъ ли онъ научилъ? На землѣ же и онъ безсиленъ былъ сдѣлать что либо для людей, и онъ это зналъ и потому-то царство свое объявилъ не отъ міра сего. Но во всѣ вѣка людямъ было мало одной надежды на счастье небесное и въ ожиданіи вѣчнаго рая, въ который они всегда такъ мало вѣрили, имъ еще нужно было счастье на землѣ. Да и для небеснаго счастья нужно это счастье земное, ибо живя на землѣ, какъ въ аду, не попадешь въ рай. И въ этомъ пренебреженіи къ матеріальному, земному счастью, къ счастью міра сего и была роковая ошибка его ученія и причина неудачи, его постигшей.

И вотъ теперь подумайте: то, что не могъ осуществить на землѣ самый могущественный изъ духовъ, за что онъ даже не пытался браться, можно ли было ожидать, что оно осуществится менѣе могущественными духами, и не оставалось ли слѣдовательно людямъ въ устройствѣ своихъ земныхъ дѣлъ положиться только на свои собственныя силы? Мы не вѣрили, чтобы какіе нибудь боги или духи, если они есть, когда-нибудь смогутъ или захотятъ осуществить счастье на землѣ и имѣли глубокое основаніе въ этомъ сомнѣваться: ибо, еслибы они этого хотѣли, то не стали бы откладывать своего намѣренія на цѣлую сотню тысячь лѣтъ, въ теченіи которыхъ человѣчество не переставало корчиться въ мукахъ, а осуществили бы это уже давно. И вотъ мы, простые смертные, взяли эту задачу на себя и, какъ видите, задача нами исполнена, насколько это позволили слабыя наши силы. Остальное, добавилъ онъ, мы предоставляемъ додѣлать всемогущимъ духамъ . . . и по лицу его скользнула при этомъ недобрая, насмѣшливая улыбка.

— Но, возразилъ я, зачѣмъ обвиняете вы въ безсиліи или безучастіи боговъ и духовъ, не правильнѣе ли обвинить самихъ людей; не ихъ ли злая воля, не ихъ ли собственное нежеланіе подчиниться завѣтамъ Великаго Учителя было всегда причиной невозможности устроить счастье на землѣ. Вѣдь еслибы высшія силы

устроили счастье наперекоръ этому нежеланію, то это было бы возможно только путемъ насилія надъ злой волей, а это равносильно уничтоженію воли вообще. И что же осталось бы отъ человѣка безъ его свободно собой располагающей воли? это былъ бы не человѣкъ, а машина, автоматъ или животное.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало создавать людей вовсе. Если высшія существа не могли создать ихъ счастливыми иначе, какъ превращая ихъ въ автоматовъ, то какою же непростительною жестокостью было создавать ихъ, зная что они будутъ несчастными. Я впрочемъ не понимаю, какъ вы можете дѣлать подобное возраженіе, на васъ какъ будто нашло минутное затмѣніе ума, вы очевидно забыли все, что за эти два дня видѣли и слышали у насъ. Скажите, счастливы ли люди, которыхъ вы здѣсь нашли?

— Да, я этого отрицать не могу.

— А между тѣмъ это прямые потомки прежнихъ людей, какъ и они, слѣдовательно, одаренные согласно вашему взгляду все тою же злою волей, все также упорно нежелающіе устроить свое счастье на землѣ. И, не смотря на это, мы все-таки сдѣлали ихъ счастливыми! А совершили ли мы при этомъ насиліе надъ ихъ волей, хотя бы даже только надъ ихъ злой волей? Не вы ли сами восхищались тѣмъ, какъ мы безъ всякой борьбы, безъ всякаго насилія, путемъ искуствен-

наго подбора достигаемъ великихъ результатовъ въ области нравственнаго усовершенствованія, не вамъ ли я говорилъ, что непротивленіе злу составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ нашей жизни. Видѣли ли вы за эти два дня, чтобы я кого-нибудь изъ друзей заставлялъ что нибудь дѣлать или насильственно удерживалъ отъ какого нибудь поступка? Да, создавая новое человѣчество, мы руководили людьми, мы руководимъ ими еще и теперь, своимъ нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ мы безъ сомнѣнія вліяемъ на нихъ, но не поступаютъ ли такъ и воспитатели и родители по отношенію къ своимъ дѣтямъ, не поступаютъ ли такъ и пастыри и учители церкви, — отъ которыхъ вы очевидно заимствовали свое возраженіе — по отношенію къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, не поступалъ ли такъ и самъ верховный вашъ учитель, давая людямъ свои заповѣди и вліяя на нихъ примѣромъ своей жизни? Что же, развѣ и они всѣ совершали насиліе надъ волей и уничтожали свободу ея?

И я васъ спрашиваю: если мы, простые смертные, съумѣли, не уничтожая воли, не превращая людей въ автоматовъ, привести ихъ въ тихую, мирную гавань счастья, то почему не сдѣлали этого высшія силы, предположивши, что онѣ есть? Скажите, потому ли, что онѣ не хотѣли или потому, что не могли этого сдѣлать?

Но я молчалъ, ибо не находилъ, что отвѣтить.

Молчалъ и Эзраръ, и оба мы просидѣли такъ нѣкоторое время, погруженные каждый въ свои глубокія думы. Но Эзраръ снова заговорилъ:

— А привести человѣчество въ эту мирную гавань давно уже было пора, ибо зло въ мірѣ стало непомѣрно велико. Возьмите, напримѣръ, мучительную смерть съ ея корчами, съ ея ужасной агоніей, на что эта мучительность ея?! какая ненужная жестокость! А соедините мысленно воедино предсмертные стоны всѣхъ умершихъ людей — ихъ же милліарды милліардовъ — и подумайте, какой изъ этого одного долженъ получиться душу раздирающій вопль. Но что значатъ мученія предсмертной агоніи въ сравненіи съ тѣми мученіями, которыя большинство людей испытываютъ въ теченіи всей своей жизни; подумайте, сколько самоубійцъ сами добровольно шли на встрѣчу первымъ, чтобы только уйти отъ вторыхъ. Соедините же въ своемъ воображеніи физическія и нравственныя мученія всѣхъ когда либо существовавшихъ людей воедино, всѣ стоны больныхъ и раненныхъ, всѣ слезы дѣтей, женщинъ, слабыхъ и обиженныхъ, всю горечь предательства, всѣ униженія, смертельныя горести разлуки съ умершими, слейте все воедино и прислушайтесь: какой отъ этого подымется безмѣрно ужасный вопль! И я васъ спрашиваю: какъ этотъ вопль, который дол-

женъ былъ бы потрясти міръ въ своихъ основахъ, не донесся до неба, а если донесся, то какъ онъ не смутилъ верховное существо, не смягчилъ его сердце и не заставилъ его наконецъ сжалиться надъ бѣдными людьми? Подумайте, такъ ли поступили бы вы, или я, или всякій другой смертный, имѣющій жалость въ своей груди, еслибы, будучи владыкой міра, онъ услышалъ этотъ вопль? не простили ли бы мы сто разъ всякіе грѣхи человѣческіе, какъ бы велики они ни были, чтобы только увидѣть радость и счастье воцарившимися въ мірѣ. Вы скажете, что быть можетъ сама природа вещей препятствуетъ воцаренію счастья тамъ, гдѣ господствуетъ грѣхъ, что сама природа вещей требуетъ возмездія. О, еслибы я былъ всемогущимъ божествомъ, какимъ всесокрушающимъ вихремъ налетѣлъ бы я на эту природу вещей, смялъ и уничтожилъ бы ее, дабы она не препятствовала мнѣ подойти къ людямъ близко, совсѣмъ близко, простить имъ все и, осушивъ ихъ слезы, прижать ихъ бѣдныхъ, измученныхъ къ своей груди: и да будутъ они затѣмъ навѣки счастливы!

Ахъ, мой другъ, я скептикъ, я не вѣрую такъ безусловно, какъ вы, и все-таки я глубоко возмущенъ при мысли, что божество, если оно есть, преслѣдуя какія-то невѣдомыя намъ цѣли, можетъ быть и очень возвышенныя, прибѣгаетъ для достиженія ихъ къ та-

кимъ мрачнымъ средствамъ, къ такимъ невыразимымъ страданіямъ, которыми человѣчество терзалось въ теченіи столькихъ тысячелѣтій. Вѣдь слезы отъ этихъ страданій пропитали землю отъ поверхности до самаго ядра ея, и никогда ничѣмъ эти слезы не смогутъ быть оправданы; никогда не окупятся онѣ! Но это еще благо, что я скептикъ, ибо будь я глубоко вѣрующимъ, какъ вы, то предѣла не было бы моему возмущенному чувству, съ безграничнымъ ужасомъ, съ непримиримымъ негодованіемъ отвернулся бы я отъ такого жестокосердаго божества! О, легче знать, что міръ есть ничто иное, какъ слѣпая, случайная комбинація силъ безъ цѣли и мысли, легче тогда выносить мысль о страданіяхъ міра, ибо нѣтъ тогда виновника имъ; всѣ эти стоны и слезы, вся эта горечь жизни, всѣ эти корчи смерти внушали бы тогда одинъ только безпомощный ужасъ. Но если есть творецъ всего этого — о, тогда къ ужасу присоединяется еще безграничное негодованіе!

Говоря такъ, Эзраръ пришелъ въ сильное волненіе и я, желая какъ нибудь его успокоить, вздумалъ привести одно соображеніе, казавшееся мнѣ совершенно логичнымъ и способнымъ нѣсколько умиротворить его взволнованную душу. Результатъ увы! получился однако совершенно противуположный.

— Я понимаю, сказалъ я, что вы, отвыкшіе видѣть зло и страданіе, такъ возмущаетесь при мысли о немъ, я и самъ, признаюсь, не совсѣмъ этого понимаю, но, дорогой Эзраръ, вы не подумали объ одномъ: вѣдь страданіе очищаетъ, возвышаетъ духъ, и въ этомъ можетъ быть его оправданіе.

Но Эзраръ вскочилъ какъ ужаленный при этихъ словахъ и, весь дрожа, съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ закричалъ.

— Молчите! не смѣйте такъ говорить! Я не въ состояніи перенести такого возмутительнаго разсужденія, все нутро мое переворачивается, слыша его. И понимаете ли вы, что вы говорите, какъ возмутительно жестоки слова ваши? Чтобы вы сказали про человѣка, про отца, который старался бы превратить жизнь своего сына въ безпрерывный рядъ горестей и печалей, который всю жизнь терзалъ бы его тѣлесно и душевно, довелъ бы его до самоубійства — и все подъ тѣмъ предлогомъ, что это совершенствуетъ его духъ? Вы не нашли бы достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить такого отца: злодѣй, негодяй, нравственный уродъ — вотъ названія, которыя еще слишкомъ слабы для такого дѣйствительно урода и изувѣра, для такого нравственно помѣшаннаго человѣка. Съ чувствомъ непримиримаго негодованія, съ чувствомъ глубочайшаго отвращенія отвернулись бы вы

отъ такого отца. И вы хотите оправдать страданія, причиняемыя отцомъ небеснымъ своимъ несчастнымъ безпомощнымъ дѣтямъ на землѣ такимъ разсужденіемъ! Не оправданіе его, а страшное обвиненіе слышится въ вашемъ разсужденіи, обвиненіе въ неслыханной жестокости, на какую мы, простые люди, считаемъ себя неспособными! Одною только любовью, одною ласкою и нѣжностью, одними только мягкими средствами, исключающими всякое страданіе, всякое насиліе, считаемъ мы себя въ правѣ совершенствовать людей и то, что мы считаемъ непростительнымъ для себя, мы не можемъ считать простительнымъ для божества или оправдывающимъ его. Нѣтъ! ему нѣтъ оправданія, какъ не можетъ быть оправданія зла въ мірѣ. Цѣль не оправдываетъ дурныя, жестокія средства. И если вашъ отецъ небесный дѣйствительно такое безчеловѣчно жестокое существо, то мы отворачиваемся отъ него, мы не хотимъ его и знать, мы отрицаемъ его! Прочь! Прочь отъ насъ!!

И онъ опустился въ изнеможеніи, закрывъ себѣ лицо руками и долго просидѣлъ въ этой позѣ.

— Къ счастью, прибавилъ онъ, — такого жестокаго чудовища повидимому и нѣтъ. Было бы слишкомъ ужасно, еслибы оно существовало.

Затѣмъ онъ всталъ и произнесъ:

— Перестанемъ говорить объ этомъ — это слишкомъ мучительно для насъ обоихъ, да и безцѣльно, ибо въ концѣ концовъ мы ничего обо всемъ этомъ не знаемъ и не можемъ знать. Мы можемъ только чувствовать, но чувства эти такъ преисполнены горечью, что не слѣдуетъ предаваться имъ безцѣльно. Пойдемте лучше ужинать, уже пора.

И мы пошли, печально опустивъ головы, съ тревогой въ сердцѣ, и я съ грустью подумалъ: вотъ не успѣлъ я, человѣкъ XIX вѣка, прожить и двухъ дней въ этой новой средѣ, такой тихой и мирной, какъ уже дважды возмутилъ царствующую здѣсь ясность духа, внеся сюда разладъ и треволненіе.

Ужинъ прошелъ какъ-то уныло и вяло, точно какая-то тѣнь пробѣжала надъ всѣми, ибо друзья замѣтили нашу сосредоточенность и молчаливость; они съ удивленіемъ посматривали на насъ обоихъ и сами точно съежились, не проявляя своей обычной веселости и оживленія. Всѣ предложенія устроить послѣ ужина танцы или прогулку по морю были Эзаромъ немедленно отвергнуты подъ предлогомъ необходимости для меня покоя, и тотчасъ же по окончаніи онъ предложилъ мнѣ пойти съ нимъ въ его палатку.

Здѣсь онъ досталъ съ небольшой полки одну изъ стоявшихъ на ней книгъ и, подавая ее мнѣ, сказалъ:

— Вотъ книга, въ которой вы найдете исторію человѣчества за послѣдніе 8 вѣковъ, она объяснитъ вамъ, какимъ путемъ мы дошли до теперешняго нашего состоянія.

Я съ жадностью выхватилъ у него изъ рукъ книгу и заявилъ, что всю ночь на пролетъ буду читать ее.

— Мой другъ — это неисполнимо, улыбаясь, замѣтилъ онъ мнѣ на это. Вы забыли, что у насъ нѣтъ ни лампъ, ни свѣчей; вамъ поневолѣ придется отложить чтеніе до завтра.

И при видѣ моего отчаянія онъ прибавилъ:

— Если ваше нетерпѣніе такъ велико, что впрочемъ вполнѣ и понятно, то я могу предложить вамъ только одно средство, чтобы васъ успокоить и удовлетворить вашему законному любопытству: я могу въ краткихъ чертахъ разсказать главнѣйшія событія за протекшіе восемь вѣковъ. И такъ какъ уже темнѣетъ, то подождите, я сейчасъ распоряжусь, чтобы зажгли костеръ передъ моей палаткой.

Когда костеръ былъ зажженъ, мы съ Эзраромъ усѣлись около него и онъ такъ началъ свой разсказъ:

V.

— Вашъ вѣкъ носилъ печать неопредѣленности, это была какая-то странная смѣсь науки и слѣпой вѣры, промышленныхъ изобрѣтеній и милитаризма, капитализма и соціализма, подъема національнаго духа и развитія космополитизма, въ нравственномъ же смыслѣ это былъ болѣе всего вѣкъ исканія истины. Но въ самомъ концѣ его уже начала обрисовываться одна черта, наложившая свою особую окраску на весь слѣдующій XX вѣкъ, — это стремленіе къ уравненію образованія. Какая-то неудержимая сила толкала лучшихъ людей разносить свѣтъ знанія въ темныя массы. Люди шли въ народъ, учили ихъ, разносили книги, всюду открывались народныя школы, даже цѣлые народные университеты, учреждались библіотеки; самые грубые, эгоистичные люди жертвовали на это дѣло огромныя средства на явную пагубу себѣ и своему привилегированному положенію. Началось движеніе людьми сознательно поднявшими это знамя и они

своимъ примѣромъ заставили подчиниться этому и другихъ, дѣйствовавшихъ уже безсознательно, какъ бы подъ вліяніемъ внушенія и даже явно противъ своихъ собственныхъ интересовъ. Въ серединѣ XX столѣтія среднее образованіе во многихъ странахъ стало обязательнымъ для всѣхъ гражданъ и простые рабочіе, извощики, землекопы были нерѣдко докторами философіи или правъ. Теперь рабочія массы имѣли гораздо больше знаній, чѣмъ хлѣба. И это не замедлило привести къ естественнымъ послѣдствіямъ. Массы эти со всею ясностью поняли незавидное свое положеніе и не могли уже болѣе имъ довольствоваться. Послѣ равенства образованія имъ естественно захотѣлось и равенства въ пользованіи земными благами, и какъ результатъ — соціалистическое ученіе, сдѣлавшее такіе успѣхи еще въ концѣ XIX вѣка, въ XX стало общегосподствующимъ среди нисшихъ и среднихъ классовъ: немного нужно было, чтобы оно перешло и въ практику. Нѣкоторыя страны, какъ Франція, незамѣтно перешли къ чисто соціалистическому устройству, но въ другихъ, гдѣ богатые люди, какъ въ Англіи и Америкѣ, или власть имущіе, какъ въ Германіи, захотѣли положить предѣлъ этимъ „мечтаніямъ“, не обошлось безъ кровопролитія. Особенно свирѣпой и жестокой была борьба въ Америкѣ, обѣ стороны дрались здѣсь, какъ дикари, жгли другъ друга, скаль-

пировали, сдирали кожу съ живыхъ. Но мирно ли, силой ли, а въ концѣ концовъ всюду водворился соціалистическій строй и четвертое сословіе стало наконецъ господствующимъ.

Сначала все шло какъ будто хорошо. Единодушіе и согласіе, выработанныя въ предшествовавшій періодъ борьбы, продолжали по инерціи еще царить въ теченіи нѣкотораго времени. Кромѣ того прежнее общество оставило новому богатое наслѣдіе въ видѣ зданій, машинъ, обширнаго инвентаря, всякаго рода богатствъ, накопленныхъ вѣками, которыми новое общество воспользовалось для улучшенія своего благосостоянія, и потому людямъ сначала стало жить легко и привольно. Но когда борьба съ внѣшнимъ врагомъ прекратилась и установился миръ, то, какъ всегда бываетъ, согласіе уступило мѣсто внутреннимъ раздорамъ и несогласіямъ. И какъ всегда тоже бываетъ, почвой, на которой развились эти несогласія, послужили экономическія затрудненія и главнымъ образомъ вопросъ о распредѣлени труда — этой вѣчной помѣхи въ установленіи мира между людьми. Причинъ же къ появленію экономическихъ затрудненій было немало. Общество очутилось вскорѣ въ положеніи богатаго наслѣдника, прожившаго свое наслѣдіе и отнынѣ принужденнаго заработывать себѣ пропитаніе исключительно своимъ трудомъ. Самый трудъ, не подгоняемый

болѣе бичемъ личной нужды или надеждой обогащенія, сталъ менѣе интенсивенъ, менѣе производителенъ, чѣмъ при прежнихъ порядкахъ. Обнаружилось и еще одно неожиданное обстоятельство: прежнее богатство цивилизованнаго міра получалось въ значительной мѣрѣ путемъ экономической эксплоатаціи всего нецивилизованнаго или полуцивилизованнаго міра, изъ этихъ экономическихъ вассаловъ высасывались тѣ несмѣтныя богатства, которыя со всѣхъ сторонъ стекались въ Европу и Америку. При новомъ строѣ, основанномъ на идеѣ справедливости, этотъ грязный, но неисчерпаемый источникъ обогащенія долженъ былъ изсякнуть, какъ основанный на высшей неправдѣ и несправедливости. Впрочемъ онъ сталъ изсякать и помимо этого сентиментальнаго соображенія, ибо вмѣстѣ съ распространеніемъ цивилизаціи въ странахъ, гдѣ прежде ея не было, сами вассалы стали все болѣе и болѣе освобождаться отъ своей экономической зависимости.

Все это мало по малу привело къ состоянію если не бѣдности, то стѣсненія, почти нужды. Равенство экономическое все еще было, но къ великому разочарованію это было скорѣе равенство бѣдности, чѣмъ роскоши. Мечты о всеобщемъ богатствѣ при двухъ — трехъ часовой работѣ оказались дѣйствительно мечтами. Блага міра, поровну распредѣленныя между всѣми, оказались весьма незначительными, а запросы на эти

блага, которыхъ люди за истекшія десятилѣтія научились уже вкушать, были велики, и чтобы удовлетворить имъ, пришлось много трудиться, столько же, сколько и прежде, даже больше. Человѣкъ всетаки не былъ свободенъ, онъ сталъ теперь рабомъ не людей, а машинъ, рабомъ строя, рабомъ своихъ высоко развитыхъ потребностей, онъ всетаки не жилъ, а какъ и прежде только работалъ, чтобы жить и жилъ — чтобы работать. А пожить свободно ему хотѣлось, да и какой смыслъ иначе имѣла бы вся предъидущая борьба, какую цѣну достигнутая побѣда! Въ глубинѣ человѣческой природы всетаки таилась прирожденная ему потребность, унаслѣдованная еще отъ вольнаго дикаря — жить вольной птицей, внѣ стѣсняющихъ условій цивилизаціи, дышать свѣжимъ воздухомъ, шататься безъ цѣли, любуясь солнцемъ и зеленью, пѣть и веселиться, а главное — чувствовать себя свободнымъ отъ какого бы то ни было ига, отъ ига труда прежде всего. Трудъ всегда былъ для человѣка ярмомъ и всегда онъ готовъ былъ, какъ только представлялась къ тому возможность, сбросить его съ себя и надѣть на болѣе слабыхъ, на женщинъ, какъ это было у дикарей, на рабовъ въ древности, на рабочихъ въ ваше время. Теперь, при новомъ строѣ, надѣть это постылое ярмо было не на кого, оставалось только сдѣлать его по возможности легкимъ. И вотъ появилось новое стрем-

леніе — стремленіе къ упрощенію жизни, къ пониженію уровня цивилизаціи столь тяжелой и дорого стоющей, готовность отказаться отъ многихъ фиктивныхъ благъ, отъ большинства потребностей, лишь бы получить больше дѣйствительныхъ благъ: права располагать собой, своей личностью, своимъ временемъ, чтобы жить вольно, не по росписанію, не по звонку или свистку, чтобы чувствовать себя свободнымъ человѣкомъ, а не колесомъ какой-то гигантской машины. Въ человѣкѣ проснулось дитя природы, а это дитя — врагъ машины. И какъ результатъ этихъ стремленій появилось движеніе съ цѣлью добиться освобожденія отъ обязательнаго для всѣхъ одинаковаго труда и цѣль эта наконецъ была достигнута. Было установлено право для каждаго гражданина получать минимумъ содержанія, обезпечивающій ему кусокъ насущнаго хлѣба при условіи минимума работы въ два часа. Не нужно было болѣе ежедневно проводить день за днемъ надъ мучительно-однообразной, отупляющей въ своей спеціализаціи работой на фабрикахъ и заводахъ, такъ опротивѣвшихъ наконецъ человѣчеству, достаточно было проработать полтора дня по восьми часовъ, чтобы получить полную свободу на всю остальную недѣлю, или усиленно проработать недѣлю, чтобы быть свободнымъ на цѣлый мѣсяцъ. И многіе съ восторгомъ воспользовались этой свободой; они предпочитали хо-

дить въ лохмотьяхъ, плохо питаясь, довольствуясь самымъ дурнымъ помѣщеніемъ, но зато имѣть возможность дышать свободно, жить вольною цыганскою жизнью. И такая жизнь стала привлекать все большее и большее число людей. Такимъ образомъ незамѣтно образовался новый классъ людей, новое сословіе — сословіе богемы или трамповъ, какъ ихъ называли, и оно замѣнило собой прежнее четвертое сословіе — пролетаріевъ, какъ это послѣднее нѣкогда заняло мѣсто третьяго сословія — tiers état. Между тѣмъ это сословіе богемы, къ которому примкнули и простые лѣнтяи, пользовалось наравнѣ съ прочими, болѣе трудолюбивыми классами всѣми даровыми удобствами цивилизаціи, даровымъ проѣздомъ, даровыми школами, медициной, освѣщеніемъ, садами, даровыми театрами, музыкой, всѣми общественными удовольствіями, однимъ словомъ оно потребляло вчетверо, впятеро больше, чѣмъ само производило. Понятно, что при такихъ условіяхъ интенсивная и дорого стоющая цивилизація не могла существовать долго, ей грозило неминуемое банкротство. Этимъ же совершенно разрушался и принципъ экономическаго равенства: трудящійся классъ, заработывая много и въ силу этого становясь и преобладающимъ классомъ, забиралъ лучшія мѣста въ жизни для себя и для своихъ, что было и справедливо, и постепенно, незамѣтно развилось

неравенство въ общественномъ положеніи, неравенство въ наслажденіи благами природы, подобныя прежнимъ. Но новый преобладающій классъ, на плечи котораго была взвалена вся тягость поддержанія не только своей личной, но и общественной роскоши, не желая отказаться отъ этой роскоши и понизить уровень потребностей, увидѣлъ себя принужденнымъ измѣнить такое положеніе дѣлъ, къ тому же грозившій разрушить весь соціалистическій строй.

И вотъ былъ отмѣненъ минимальный заработокъ и установлена обязательная для всѣхъ шестичасовая, а затѣмъ и восьмичасовая работа. Но этого пятое сословіе, деморализованное бездѣліемъ, привыкшее лѣниться, не захотѣло вытерпѣть, оно стало сопротивляться, устраивать возмущенія, заговоры съ цѣлью разрушить власть, опять наложившую на нихъ прежнее тяжелое ярмо. Долой тирановъ! Да здравствуетъ свобода! стали опять криками бушевавшей толпы, свобода быть бѣднымъ стала новымъ идеаломъ, къ которому люди стали стремиться съ такою же страстностью, съ какою нѣкогда стремились къ свободѣ религіозной, политической и экономической. Возмущенія и заговоры все болѣе и болѣе учащались. Появилась опять теорія анархизма, и обществу грозила и практика его. При такомъ положеніи дѣлъ трудящимся и правящимъ ничего болѣе не оставалось какъ

вновь организовать военную силу для обузданія безумной черни, открыто подстрекаемой теперь всѣми элементами недовольными соціалистическимъ порядкомъ.

Къ вышеуказанному источнику недовольства тогдашнимъ устройствомъ человѣчества присоединились еще и другіе.

Тамъ, гдѣ почва была плохая, мало плодородная и климатъ суровый, людямъ приходилось работать вдвое, втрое больше, чѣмъ въ южныхъ странахъ съ плодородной почвой, или же — довольствоваться бѣдной жизнью, протекавшей среди нужды и лишеній. Это возбуждало зависть въ болѣе обдѣленныхъ природой, они требовали, чтобы жители богатыхъ странъ отдавали имъ часть своего заработка. Но такъ какъ соціалистическій строй основался и держался не столько побужденіями идеальной нравственности, не чувствами гуманности и любви, сколько матеріальнымъ расчетомъ, соображеніями о выгодѣ, то конечно людямъ, поставленнымъ въ болѣе благопріятныя природныя условія, не было никакого расчета работать на другихъ, и они не соглашались на эти требованія, желая сохранить всѣ выгоды своего привиллегированнаго положенія исключительно для самихъ себя. Тогда жители болѣе бѣдныхъ странъ стали эмигрировать въ богатыя страны, отчего въ бѣдныхъ странахъ стало еще бѣднѣе, а это въ свою очередь усилило эмиграцію въ богатыя страны,

пока, наконецъ, въ послѣднихъ стало такъ тѣсно жить, появился такой избытокъ рабочихъ, что эмигрантовъ стали вытѣснять, дальнѣйшій доступъ ихъ былъ стѣсненъ, мѣстами и совсѣмъ запрещенъ. Но это только усилило озлобленіе однихъ противъ другихъ; появились насилія, стычки, цѣлыя маленькія сраженія.

Конечно, будь люди лучше, мягче, добрѣе, такіе вопросы могли бы разрѣшаться мирно и не давать повода къ взаимному озлобленію. Но люди не годились для того строя, который они организовали, мирному житію ихъ, мирному разрѣшенію какъ этого, такъ и многихъ другихъ экономическихъ вопросовъ препятствовалъ ихъ характеръ, унаслѣдованный отъ прежнихъ вѣковъ. Предшествовавшіе вѣка съ ихъ крайне развитымъ индивидуализмомъ, съ ожесточенной, лютой борьбой за существованіе, въ которой все слабое, кроткое, мирное было обречено на безжалостную гибель, выработали и наслѣдственно укрѣпили характеры, отличавшіеся необычайной энергіей, безпокойнымъ, неукротимымъ, предпріимчивымъ духомъ, безсердечіемъ и крайнимъ эгоизмомъ. И эта энергія и эгоизмъ были необходимы въ тѣ вѣка, какъ броня защищали они тогдашнихъ людей отъ ударовъ судьбы и позволяли имъ держаться, не падать отъ суровой житейской дѣйствительности; борьба была такъ интенсивна, что стоило только дрогнуть кому нибудь

изъ тогдашнихъ людей, какъ тотчасъ же онъ падалъ и погибалъ затоптанный своими сосѣдями безъ сожалѣнія, какъ безъ сожалѣнія готовъ былъ затоптать и онъ самъ своего болѣе слабаго ближняго. Съ особенной силой развитъ былъ такой духъ индивидуализма, энергіи и безсердечія въ англо-саксонской расѣ, издревле отличавшейся отсутствіемъ мягкости въ характерѣ. Къ сожалѣнію эта раса, благодаря именно такимъ особенностямъ характера, распространила въ XX вѣкѣ свое господство почти по всему земному шару, частью вытѣснивъ, частью поглотивъ всѣ другія расы и стала наконецъ господствующей. Когда воцарился соціализмъ, то эта раса оказалась такимъ образомъ во главѣ движенія, она явились главнымъ носителемъ этого новаго знамени. Но при новомъ устройствѣ человѣческаго общества такіе характеры, такая интенсивность энергіи, такая стремительность и безпокойность духа стали качествами ненужными, болѣе того, они оказались крайне вредными, ибо, не находя при измѣнившихся условіяхъ естественнаго примѣненія въ личной, индивидуальной борьбѣ, они стали сказываться въ стремленіи расъ и экономическихъ группъ къ господству, къ главенству, въ стремленіи захватить себѣ лучшія отрасли труда, лучшіе уголки земнаго шара, поставленные природой въ лучшія условія и въ безжалостномъ оттѣсненіи изъ нихъ остальной

ныхъ людей. Они стали сказываться во всѣхъ случаяхъ жизни; всякій поводъ къ раздорамъ и недоразумѣніямъ, который при болѣе мягкомъ, уступчивомъ и отзывчивомъ характерѣ могъ бы быть устраненъ, подхватывамя такими неукротимыми характерами, и раздувался въ крупное событіе, превращался въ цѣлую драму. Прежняя борьба человѣка съ человѣкомъ, каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго не прекратилась, она только перемѣнила свою форму и изъ борьбы единицъ съ единицами превратилась въ борьбу человѣческихъ группъ, каждая со своими непримиримыми интересами, въ борьбу экономическихъ единицъ другъ противъ друга, однѣхъ отраслей промышленности съ другими, странъ болѣе богатыхъ со странами менѣе богатыми, странъ производившихъ болѣе цѣнные продукты со странами не имѣвшими возможности ихъ производить, и въ эту борьбу вкладывалась вся та безпощадность, вся страстность и энергія, которыя выработаны были въ прежніе вѣка индивидуализма.

Итакъ съ одной стороны нежеланіе 5-го сословія подчиниться обязательному труду, заговоры и возстанія, которые оно устраивало, а съ другой стороны желаніе англо-саксонской расы сохранить свое привилегированное и господствующее положеніе на земномъ шарѣ и желаніе людей, поставленныхъ въ благопріятныя природныя условія, сохранить всѣ выгоды этого

положенія за собой — все это вмѣстѣ привело къ тому, что масса недовольныхъ, масса враждующихъ и все болѣе и болѣе ожесточающихся другъ противъ друга людей стала возрастать, и это грозило привести человѣчество къ состоянію анархіи. При такихъ условіяхъ правящіе, какъ я сказалъ, принуждены были прибѣгнуть къ учрежденію сильной власти и къ организаціи военной силы. Это только еще болѣе озлобило недовольныхъ, что въ свою очередь повело къ еще большему усиленію власти господствующихъ классовъ, и вскорѣ власть эта стала неограниченной.

Но получивши такимъ образомъ неограниченную власть и слѣдовательно возможность злоупотреблять ею, люди, принадлежавшіе къ руководящимъ сферамъ, сами не выдержали и поддались развращающему вліянію этой безграничной свободы и вотъ не прошло и двухъ, трехъ поколѣній, какъ они превратились въ тѣхъ же самыхъ капиталистовъ и эксплуататоровъ нисшихъ классовъ, отъ которыхъ ихъ предкамъ съ такимъ трудомъ удалось избавиться. Выползли тогда, какъ клопы изъ своихъ щелей прежніе ростовщики и развратители рода человѣческаго — жиды, и ко всеобщему удивленію нагруженные мѣшками золота, которое они на всякій случай своевременно припрятали, если не для себя, то для своихъ потомковъ. Вскорѣ не осталось и камня на камнѣ отъ соціалистическаго

устройства, и общество конца XXII и начала XXIII вѣковъ въ соціальной организаціи своей до поразительности напоминало общество конца XIX вѣка. Тѣже банки, акціи, крахи и банкротства, таже роскошь, беззавѣтный эгоизмъ и плутовство въ высшихъ сферахъ, таже грубость, пьянство и озлобленіе въ нисшихъ классахъ. Труды и усилія трехъ столѣтій пропали безслѣдно, если не считать завоеваній въ сферахъ науки и техники. Положеніе дѣлъ даже ухудшилось, ибо высшіе классы и интеллигенція уже не видѣли больше, какъ это было прежде, возможности осуществить справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ, они потеряли всякій идеалъ, сдерживавшій прежде дурные инстинкты и потому стали дѣйствовать по отношенію къ меньшой братьи, ничѣмъ не стѣсняясь, безъ лицемѣрія, въ открытую. Даже лучшіе люди тогдашняго времени съ спокойною совѣстью проповѣдовали, что если нельзя пользоваться благами міра всѣмъ, то пусть пользуются ими всецѣло хоть немногіе. Нисшіе же классы за два вѣка успѣли окончательно отучиться отъ своей традиціонной скромности, нетребовательности и потерять вѣками выработанную выносливость и трудолюбіе. И они, видя ужасную неудачу, ихъ постигшую, отчаялись когда либо устроиться лучше; они окончательно пали духомъ и если и проявляли протесты, порой грозные, то эти послѣдніе

появлялись уже не во имя идеи, не ради надежды на достиженіе лучшаго, а какъ вспышки безнадежной злобы. И подавлялись эти грубыя, отчаянныя возмущенія, не щадившія ни возраста, ни пола, также грубо и тоже не во имя идеи порядка и благоустройства, а изъ однихъ корыстныхъ мотивовъ, по одному праву сильнаго. И это право сильнаго мало по малу такъ понравилось сильнымъ, что они, не сдерживаемые теперь никакими кумирами, разбитыми и поверженными въ прахъ, стали забывать всѣ законы не только божескіе, давно уже забытые, но и человѣческіе. Все считалось дозволеннымъ для сильныхъ, надъ бѣднымъ и слабымъ тѣшились самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, закрѣпощали рабочихъ къ своимъ заводамъ, фабрикамъ и землямъ, отсылали цѣлыми партіями въ колоніи, безъ стѣсненія брали себѣ при помощи вооруженной силы нравившихся имъ дочерей, сестеръ и женъ, изнасиловали ихъ. Наступила опять эпоха кулачнаго права, крѣпостнаго феодализма, рабства; съ XIX вѣка человѣчество пало еще на нѣсколько вѣковъ ниже. Казалось, что его удѣлъ — правильно спускаться по той же самой лѣстницѣ, по которой оно съ такимъ трудомъ, цѣной такихъ ужасныхъ жертвъ когда-то взбиралось вверхъ. Но на этомъ паденіе не могло остановиться: когда вошло въ нравы, что сильные безнаказанно могли злоупотреблять своей силой по отношенію къ слабымъ,

беззащитнымъ, то естественно это пошло и дальше: насилію стали подвергаться и сильные со стороны еще болѣе сильныхъ, а затѣмъ дошло до междоусобій между самыми сильными. И это наконецъ заставило опомниться господствующее сословіе. Такая система полной распущенности и беззаконія оказалась неудобной для всѣхъ, и вновь установился нѣкоторый порядокъ и законность, охранявшая интересы всего сословія сильныхъ. О слабыхъ никто уже болѣе и не думалъ; впрочемъ законность коснулась и ихъ: ихъ безправіе и униженность были узаконены.

Никогда еще нравственное начало не падало такъ низко, какъ въ это время. Ангелъ добра стоялъ въ сторонѣ отъ человѣчества съ опущенными крыльями, закрывши лицо и плакалъ. И горючія слезы его, падая на очерствѣлыя сердца людей наконецъ размягчили ихъ, совѣсть, дремавшая въ лучшихъ людяхъ, проснулась вновь и тѣмъ ярче засвѣтилась, чѣмъ тяжелѣе былъ ея сонъ. Но горько было это пробужденіе! На призывъ ихъ опомниться, возстановить правду, имъ отвѣчали историческимъ опытомъ, доказавшимъ несбыточность подобной мечты. Но благородные элементы не могли съ этимъ примириться, имъ нуженъ былъ какой нибудь исходъ и они стали искать его, и какъ реакція господствовавшей силѣ, эгоизму, безсердечію широкой волной разлилось мистическо-нравственное

движеніе на спиритической подкладкѣ. Если нельзя быть всѣмъ счастливымъ — то будемъ лучше всѣ несчастливы, восклицали они и толпами стали удаляться въ монастыри, всюду появлявшіеся, какъ въ средніе вѣка; они стали уединяться отъ порочнаго общества, посвящая себя нравственному усовершенствованію, наукѣ, и подвергаясь всѣмъ тягостямъ добровольно на себя наложенной бѣдности. Но это движеніе не долго продолжалось. Основой ему служила спиритическая доктрина, которая опиралась на факты и явленія, казавшіяся неопровержимыми и свидѣтельствовавшія о существованіи духовнаго міра съ его интересами гораздо высшими интересовъ земныхъ. И явленія эти были дѣйствительно поразительны: люди жили окруженные какими-то таинственными существами, то тѣлесными, какъ и они, то полудуховными, эфирными, эти существа появлялись неизвѣстно откуда, исчезали, какъ паръ, неизвѣстно куда, они ходили, говорили, жили съ людьми; люди стали сообщаться мыслями, не стѣсняясь разстояніями, читать въ прошломъ, угадывать будущее . . . Но наука, строгая, точная, вооруженная вѣсами и математическимъ анализомъ не дремала. Она разбила и этотъ кумиръ, она доказала, что всѣ эти явленія ничто иное какъ результатъ болѣзненнаго настроенія. Она открыла психическую силу, совершенно аналогичную всѣмъ прочимъ

силамъ природы, способную дѣйствовать на разстояніи, переходить въ теплоту, въ свѣтъ, въ электричество, во всѣ другіе виды энергіи, которые въ человѣческомъ организмѣ въ свою очередь могли превращаться въ психическую силу. Эту силу удалось собирать въ фокусѣ стекла подобно свѣту, разлагать ее черезъ особыя призмы, удалось даже вычислить число колебаній и длину волнъ и получить ихъ интерференцію. При помощи особаго прибора психическая сила каждаго человѣка, концентрируясь, могла матеріализоваться, его мысли, его представленія могли по желанію проявляться въ видѣ соотвѣтственныхъ предметовъ, въ видѣ полуматеріальныхъ существъ, подобныхъ людямъ; безъ прибора — это достигалось только болѣзненно настроенными людьми. Такимъ образомъ оказалось, что всѣ духи во плоти, всѣ ихъ рѣчи — все это было болѣзненнымъ продуктомъ самаго человѣка, это были его же собственныя мысли, его чувства, перенесенныя внѣ его и превращенныя психической силой въ нѣчто объективное и реальное, это были матеріализованныя фантомы его воображенія. Оказалось, что основа всей мистики, всего спиритизма была все таже матеріальная сила, приложенная все къ той же грубой матеріи, и когда рухнула эта основа, то вмѣстѣ съ ней съ крикомъ ужаса людей, построившихъ на ней всѣ свои вѣрованія и всю свою жизнь, рухнуло и

это мистическое движеніе, повергнувъ адептовъ его въ безъисходное уныніе.

Это было сигналомъ къ новому повороту мысли, охватившему все общество. Еще раньше лучшіе умы пребывали, какъ и всегда, въ состояніи скептицизма: теперь это безотрадное состояніе духа стало всеобщимъ.

И вотъ потекла жизнь безъ цѣли, безъ вѣры и упованія, безъ надежды выбраться на какой нибудь путь, человѣчество стало жить „единымъ хлѣбомъ“. Но такая жизнь была не подъ силу людямъ съ такимъ сложнымъ духомъ, для такихъ людей она была тяжелѣе самой смерти. Вы не въ состояніи даже приблизительно представить себѣ всю безотрадность тогдашняго состоянія умовъ, ибо въ ваше время, какъ оно ни было полно горестей и печалей, но путь человѣчества былъ всетаки ярко освѣщенъ свѣточами идеаловъ, у васъ была идея прогресса, которая позволяла вамъ мириться съ горькой дѣйствительностью въ увѣренности, что рано или поздно но прогрессъ этотъ приведетъ къ золотому вѣку и вы жили, работали и страдали для него. Но въ то время люди, умудренные опытомъ, ни въ прогрессъ, ни въ золотой вѣкъ уже болѣе не вѣрили. И такъ безотрадна показалась людямъ эта безсмысленная жизнь безъ удовлетворенія въ настоящемъ, безъ всякой цѣли въ будущемъ, что снова за-

шевелился умъ, захотѣлось еще разъ попытаться разорвать путы, которыми связано было человѣчество. Собрался великій съѣздъ всѣхъ лучшихъ представителей человѣчества, весь цвѣтъ ума его чтобы коренным образомъ пересмотрѣть исторію минувшихъ вѣковъ съ цѣлью еще разъ попытаться рѣшить вопросъ, нельзя ли выйти изъ этого мучительнаго положенія, изъ этой жизни, сотканной изъ стоновъ и слезъ, нѣтъ ли какого нибудь пути устроить счастье на землѣ, нельзя ли найти какой нибудь смыслъ жизни. Десять лѣтъ продолжались работы этого съѣзда, но лучше было бы никогда ему не собираться. Ученые, статистики и историки съ непреложной точностью доказали, что никакое улучшеніе въ положеніи человѣчества немыслимо. Исторія, теперь достаточно длинная и разнообразная подтверждала это съ полною ясностью и неопровержимостью: человѣчество, подчиняясь закону ритма, качалось какъ маятникъ, переходя отъ ухудшенія къ улучшенію, отъ улучшенія къ ухудшенію и такъ, казалось, должно было продолжаться во вѣки вѣковъ. Прогрессъ велъ не къ счастью, а только къ усложненію, онъ развивался внѣ всякаго отношенія къ счастью, по особымъ законамъ, общій же уровень благополучія людскаго съ каждымъ вѣкомъ все болѣе и болѣе понижался. И ученые-біологи указывали на причину этого, причину, которую не во

власти людей было устранить и которая заключалась въ томъ, что условія существованія людей измѣнялись быстрѣе самого человѣка, вслѣдствіе чего послѣдній не имѣлъ возможности къ нимъ приспособиться, и чѣмъ быстрѣе шло измѣненіе условій, тѣмъ болѣе отставала природа человѣка, тѣмъ менѣе она была въ соотвѣтствіи съ этими условіями. А несоотвѣтствіе организма съ условіями есть синонимъ страданія. — Никто не могъ указать новыхъ путей, все, что можно было придумать, было уже испробовано раньше, иногда по нѣсколько разъ и ни къ чему не приводило. — Психологи съ своей стороны доказывали съ математическимъ анализомъ въ рукахъ, что счастье немыслимо даже въ теоріи, ибо по мѣрѣ того какъ человѣческая природа утончалась, развивалась, какъ утончались его умъ и чувства, усиливалась въ тоже время и его воспріимчивость ко всякимъ страданіямъ и эта послѣдняя возрастала даже быстрѣе перваго. Въ то время какъ человѣкъ дикарь былъ мало чувствителенъ даже къ физической боли, въ то время какъ цѣлая масса страданій высшаго порядка — умственныхъ и нравственныхъ были для него совершенно невѣдомы, человѣкъ цивилизованный, кромѣ физическихъ страданій, которыя онъ чувствовалъ сильнѣе дикаря, осужденъ былъ испытывать и вторыя, еще болѣе тяжелыя и мучительныя, чѣмъ физическая боль. И такъ шло

и дальше. Человѣкъ позднѣйшихъ вѣковъ мучился и страдалъ отъ такихъ тонкихъ и неуловимыхъ причинъ, которыя для васъ, людей XIX вѣка, были бы совершенно непонятны, онъ страдалъ отъ того, чего вы и не замѣчали, или что вы переносили совершенно легко. Одинъ ужасъ смерти, этотъ страшный фантомъ, вышедшій изъ пучинъ высшей цивилизаціи и культуры, совершенно незнакомый первобытнымъ людямъ и только что начавшій зарождаться въ вашъ вѣкъ, принялъ подъ конецъ ужасающіе размѣры и какъ кошмаръ давилъ бѣдное человѣчество, отравляя ему и тѣ немногія радости, которыя были ему доступны. Къ этому присоединялись мученія отъ неумѣнія выразить свои чувства и идеи въ художественномъ образѣ, или отъ невозможности разрѣшить какую нибудь умственную задачу, главнымъ же образомъ — жгучія мученія скептицизма, полная и вполнѣ ясно сознанная невозможность вырваться изъ тѣсныхъ оковъ, наложенныхъ на наше знаніе ограниченностью нашихъ органовъ чувствъ, нашего ума, невозможность узнать сущность природы и ея законовъ, сущность нашего сознанія, будущность насъ ожидающую. Вы, люди XIX вѣка, спокойно останавливались передъ этой массивной, непроницаемой стѣной или перелетали черезъ нее на крыльяхъ вѣры, фантазіи и воображенія, но мы въ отчаяніи разбивали себѣ объ нее головы!

Такъ закончился этотъ достопамятный съѣздъ полной неудачей. Общій выводъ его былъ, что человѣчество закончило свой процессъ эволюціи и что теперь оно находится въ періодѣ диссолюціи, процессѣ, который неминуемо приведетъ человѣчество въ скоромъ будущемъ къ конечной гибели. Въ этомъ послѣднемъ конгрессъ однако ошибался, какъ показали дальнѣйшія событія. Эволюція правда кончилась, но человѣчеству предстояло еще пройти слѣдующее за эволюціей состояніе — состояніе равновѣсія, которое нами теперь достигнуто, и это состояніе при благопріятныхъ условіяхъ можетъ продолжиться на неопредѣленно долгое время. Конечно, въ концѣ концовъ человѣчество не можетъ избѣгнуть процесса диссолюціи — ибо это міровой законъ, но мы съумѣемъ продолжить нашъ счастливый періодъ равновѣсія до того времени, когда солнце начнетъ остывать и жизнь людей на землѣ станетъ невозможной — а это цѣлая вѣчность впереди. Но въ то время не знали, что есть такой еще исходъ и, судя по тому, что происходило въ человѣчествѣ, люди имѣли полное основаніе думать, что они, перескочивъ черезъ сокращенный періодъ равновѣсія, находятся въ состояніи, которое неминуемо ведетъ ихъ къ окончательной гибели. Таковъ былъ мрачный общій выводъ конгресса.

Итакъ, конецъ человѣчеству! Конецъ великой драмы, великой трагедіи человѣческой! Неизбѣжная близкая гибель — вотъ что смотритъ вамъ, людямъ, прямо въ глаза....

Какъ громомъ поразило тогдашнее человѣчество это страшное рѣшеніе конгресса, пронесшееся по землѣ глухимъ, зловѣщимъ гуломъ, внося неизъяснимое смятеніе въ сердца людей.

Тогда то наступили самыя ужасныя времена. Люди, окончательно теперь убѣдившіеся со всею возможною ясностью въ безвыходности своего положенія, пришли въ отчаяніе. А отчаяніе есть мать озлобленія, и оно стало всеобщимъ. Смѣшались всѣ понятія, ненависть воцарилась, люди стали звѣрьми, братъ возсталъ на брата, сынъ на отца. Поистинѣ наступило время, описанное въ апокалипсисѣ, поистинѣ пора было зазвучать трубѣ, возвѣщающей кончину міра. Но никакого звука трубнаго не раздавалось, слышны были только стоны отчаянія и проклятія людей. Люди, точно обезумѣлые, ходили въ какомъ-то чаду, метаясь изъ стороны въ сторону, стараясь заглушать въ себѣ ужасъ жизни и ужасъ смерти разгуломъ, пьянствомъ, наркотическими средствами, рядомъ безумныхъ поступковъ. Самоубійства размножились до невѣроятныхъ размѣровъ. Подъ вліяніемъ этой болѣзненной атмосферы нѣкоторые изъ людей пришли къ убѣжденію,

что незачѣмъ продолжать агонію, что пора наконецъ прекратить существованіе этого безумнаго, изстрадавшагося рода человѣческаго, все равно обреченнаго на гибель; они составили тайное общество истребителей человѣчества и, не жалѣя ни себя, ни другихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ самоистребленія; они взрывали цѣлые города, отравляли рѣки, и источники, разсѣевали заразу разныхъ болѣзней. Но большинство, руководясь инстинктомъ самосохраненія, еще крѣпко держалось за жизнь, и когда истребителей ловили, то съ нихъ съ живыхъ сдирали кожу или жарили на медленномъ огнѣ. И это — при свѣтѣ электричества, съ публикой, летающей надъ кострами въ усовершенствованныхъ летучкахъ!

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, еслибы въ то время не выдѣлился одинъ человѣкъ, благодаря которому событія приняли новый оборотъ. Чтобы дальнѣйшій ходъ событій былъ вамъ понятенъ, я долженъ разсказать здѣсь о замѣчательномъ открытіи, сдѣланномъ на исходѣ XXI вѣка однимъ русскимъ ученымъ, по имени Петровъ. Ему удалось приготовить двѣ жидкости, не имѣвшія никакого особенно замѣтнаго вкуса или запаха, безцвѣтныя и обладавшія тѣмъ замѣчательнымъ свойствомъ, что всякій мужчина, выпивавшій нѣкоторое количество сначала одной изъ нихъ, а спустя нѣкоторое время и другой, становился

навсегда безплоднымъ, причемъ это ничѣмъ почти не отражалось на остальныхъ сторонахъ его природы. Способъ приготовленія этихъ жидкостей онъ сохранилъ въ тайнѣ, которая передавалась изъ рода въ родъ въ его семьѣ, самые же эликсиры онъ и его потомки продавали за очень дорогую цѣну всѣмъ желающимъ и, благодаря этому, родъ этого ученаго съ теченіемъ времени разбогатѣлъ до значительныхъ размѣровъ. Одинъ изъ потомковъ доктора Петрова и былъ тотъ человѣкъ, о которомъ я выше упомянулъ. Онъ вошелъ въ составъ общества истребителей человѣчества и предложилъ ему свое средство, какъ болѣе безопасное для членовъ общества, чѣмъ ядъ и другія орудія истребленія и менѣе жестокое, и въ тоже время пожертвовалъ ему всѣ свои громадныя средства. Тогда стали примѣнять этотъ эликсиръ или „стерилизаторъ“, какъ онъ назывался, незамѣтно давая его пить массѣ людей, которые послѣ этого оставались навсегда безплодными и такимъ образомъ надѣялись со временемъ истребить все человѣчество; цѣлые города, цѣлые обширные районы и мѣстности вымирали, благодаря этому средству черезъ два поколѣнія.

Главнымъ мотивомъ этихъ дѣйствій была не разсудочность, а страсть, порожденная озлобленіемъ и отвращеніемъ къ испорченнымъ людямъ, и потому на нихъ-то, на наиболѣе испорченныхъ изъ нихъ прежде

всего и направлено было орудіе истребленія, лучшіе же люди оставлялись пока въ покоѣ. И это дало неожиданные результаты: въ странахъ, гдѣ общество истребителей имѣло много адептовъ и гдѣ имъ удавалось достигнуть вымиранія въ большихъ размѣрахъ, въ нихъ, несмотря на притокъ новыхъ дурныхъ элементовъ извнѣ, стало замѣчаться нѣкоторое улучшеніе, въ нихъ оказывалось болѣе добрыхъ людей, появлялось болѣе порядка и благоустройства и жизнь становилась легче. Правда, нигдѣ такое улучшеніе не продолжалось долго, ибо наплывъ новыхъ дурныхъ элементовъ вскорѣ уничтожалъ всѣ хорошіе результаты, но это навело общество истребителей на новую мысль: употребить стерилизаторъ не для истребленія рода человѣческаго, которое къ тому же оказывалось гораздо труднѣе достижимымъ, чѣмъ предполагалось, а для его обновленія. И вотъ общество истребителей переименовало себя въ общество обновителей. Предполагалось обезпложивать, стерилизировать все, что было дурнаго въ людяхъ, все грубое, эгоистичное, безсердечное, алчное, болѣзненное и оставлять для продолженія рода только одни хорошіе элементы. Въ этомъ видѣли единственный исходъ и одна эта возможность исхода наполнила восторгомъ сердца обновителей. Открылась вновь цѣль для существованія человѣчества и слѣдовательно цѣль для жизни людей; эта жизнь сразу

получила опять смыслъ и всѣ ея ужасы стали казаться менѣе мрачными, ибо на далекомъ горизонтѣ человѣчества засверкали вновь золотые куполы царства счастья. Очистивши собственный составъ, общество обновителей, одухотворяемое надеждой на лучшее будущее, энергично принялось за работу и, осторожно распространяя свои идеи, увеличивая своихъ тайныхъ адептовъ, вскорѣ сдѣлаго чрезвычайные успѣхи. Были страны, гдѣ вся власть, все правительство находилось всецѣло въ рукахъ членовъ этого общества. Но вскорѣ же появились и подозрѣнія на него; какъ ни хранилась тайна, суть дѣла обнаружилась и начались преслѣдованія. Но все ими переносилось во имя великой идеи, которая ихъ теперь оживляла.

Между тѣмъ общество убѣдилось, что все человѣчество цѣликомъ обновить было невозможно. Дурные элементы, истребляемые имъ, въ такомъ же количествѣ нарождались вновь, а хорошіе, оставляемые для продолженія рода и его улучшенія, подъ вліяніемъ общихъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находилось человѣчество, сами портились, становясь дурными, и въ общемъ человѣчество не улучшалось. Работа ихъ оказывалась работой Данаидъ. Поэтому было рѣшено сдѣлать болѣе систематическій опытъ обновленія въ какой нибудь отдѣльной странѣ, въ

которой общество обновителей было бы полнымъ хозяиномъ и, прочно утвердившись тамъ, изъ этого центра постепенно захватывать все большій и большій районъ. Съ этой цѣлью оно купило государство Конго у латинскаго союза, которому оно тогда принадлежало, переселило туда сколько могло лучшихъ элементовъ человѣчества и всѣхъ своихъ членовъ и заперло границы для того, чтобы черезъ нихъ не могли проникнуть вредныя вліянія извнѣ и здѣсь стало открыто производить опыты искуственнаго подбора людей. Къ сожалѣнію выборъ общества этой именно страны былъ неудаченъ. Конго въ то время составлялъ важный стратегическій пунктъ въ коммерческомъ отношеніи и потому англо-саксонскія народности протестовали противъ закрытія границъ и недопущенія привоза и провоза своихъ товаровъ. Съ характеризующими эту расу алчностью и эгоизмомъ, видя во всемъ мірѣ только базаръ для своихъ ситцевъ и ножей, эти страны подъ предлогомъ безнравственности производимыхъ въ Конго опытовъ и безчеловѣчности преслѣдуемыхъ обществомъ обновителей цѣлей, т. е. во имя человѣколюбія, совершили величайшее, безчеловѣчнѣйшее преступленіе. Они послали противъ насъ соединенный летучій отрядъ, который осыпалъ всю страну цѣлымъ градомъ разрывныхъ бомбъ. Нашъ летучій отрядъ былъ смятъ, уничтоженъ,

большинство изъ насъ погибло въ это ужасное время, а остальные разсѣялись по разнымъ частямъ земли.

Но идея обновленія, на время оглушенная этимъ страшнымъ ударомъ, отъ этого однако не погибла и, несмотря на наши неудачи, она дѣлала даже успѣхи. Сами неудачи послужили намъ въ пользу, распространивъ эти идеи повсемѣстно. Все, что было лучшаго, примкнуло къ нашему обществу, понимая, что это единственное, что оставалось еще испробовать, и черезъ 20—30 лѣтъ оно стало сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ когда либо. Но намъ недоставало средствъ, которыя всѣ погибли при нашемъ погромѣ въ Конго, а такъ какъ для достиженія нашихъ грандіозныхъ цѣлей нужны были и громадныя средства, то первой цѣлью обновленнаго общества стало сосредоточить въ свои руки по возможности больше богатства. Съ этою цѣлью, собравъ все что можно было собрать путемъ добровольныхъ пожертвованій, оно основало изъ наиболѣе благонадежныхъ своихъ членовъ акціонерную компанію. Эта компанія, о принадлежности которой къ обществу обновителей конечно не было извѣстно, заключала съ богатыми фамиліями договоры, въ силу которыхъ этимъ послѣднимъ обезпечивались на вѣчныя времена доходы съ ихъ состояній съ тѣмъ чтобы, когда родъ прекратится, наслѣдникомъ стано-

вилась акціонерная компанія. И такъ какъ въ то время доходы съ капиталовъ и имуществъ получать было трудно, компанія же предлагала весьма высокіе доходы, то на это пошли очень охотно многіе изъ богатыхъ людей. Оставалось затѣмъ давать выпить обезпложивающаго элпкспра всѣмъ мужскимъ наслѣдникамъ этихъ фамилій и черезъ два поколѣнія имущество ихъ переходило къ намъ. Такой источникъ обогащенія не отличался конечно кристаллической чистотой, но въ ту эпоху на такія мелочи не обращалось особеннаго вниманія, а между тѣмъ, благодаря ему, мы безъ особеннаго труда сдѣлались обладателями огромныхъ средствъ, столь необходимыхъ намъ для веденія борьбы. Въ тоже время обновители проникали во всѣ сферы, всюду внося свою незамѣтную, но плодотворную работу стерилизаціи; нашъ планъ дѣйствій былъ теперь нѣсколько измѣненъ: мы поставили себѣ задачей прежде всего уничтожить человѣчество въ главной его массѣ, изъ остатковъ его выбрать наилучшіе элементы и изъ нихъ воссоздать путемъ искуственнаго подбора новое человѣчество.

Несмотря однако на все это, мы можетъ быть и на этотъ разъ потерпѣли бы неудачу главнымъ образомъ потому, что сами обновители съ теченіемъ времени, благодаря дурнымъ внѣшнымъ условіямъ, среди

которыхъ они жили, стали портиться, и еслибы это долго тянулось, то навѣрное распалось бы и все наше общество. Къ счастью наступили событія, которыя намъ сильно помогли, позволивши работать въ тишинѣ, незамѣтно и сами оказали содѣйствіе въ нашей работѣ. На Европу, Америку и Австралію надвигались полчища изъ Азіи. Еще раньше Китайцы и Японцы овладѣли всею западною половиною Сѣверной Америки и распространили свое незамѣтное вліяніе на Европу и многія другія страны: всюду основывали они свои факторіи, забирали торговлю и капиталы въ свои руки и, подготовивши такимъ образомъ почву, монгольское племя, страшно къ тому времени разросшееся, темной грозной тучей надвинулось на Европу и на всѣ страны, населенныя европейцами. Арійская раса дрогнула передъ страшнымъ монгольскимъ дракономъ, но приготовилась къ отчаянному отпору и завязалась борьба и полилась кровь рѣкой... Долго боролись съ перемѣннымъ счастьемъ, съ передышками мира, цѣлыхъ 50 лѣтъ тянулась эта опустошительная и упорная борьба. Народы страшно обѣднѣли, образованіе было запущено, нищета, холодъ, голодъ довели массы до совершенно скотскаго состоянія. Появились новыя болѣзни отъ новыхъ неизвѣстныхъ микробовъ, сумасшествіе развилось до страшныхъ размѣровъ, не хватало домовъ,

чтобы помѣщать сумасшедшихъ, и они гуляли на свободѣ, плодясь и передавая потомству свое болѣзненное состояніе, все болѣе и болѣе распространяя и усиливая его. Населеніе сильно поредѣло и не будь насъ, человѣчество, по крайней мѣрѣ арійская раса несомнѣнно бы погибла. Этимъ состояніемъ деморализаціи мы воспользовались и тутъ-то напрягли мы всю свою энергію, дружно, не переставая работать надъ стерилизаціей человѣчества. Благодаря нашему богатству и нашей сплоченности, мы проникали всюду и къ нашимъ, и къ врагамъ. Мужчины, женщины, молодыя дѣвушки, не жалѣя себя, жертвуя собой для великой идеи, отправлялись въ станъ враговъ въ качествѣ перебѣжчиковъ, докторовъ, прислуги, любовницъ, всюду разнося стерилизаторъ, обезпложивая имъ всѣхъ мужчинъ, производя всюду незамѣтное, но страшное опустошеніе. Азіатовъ мы рѣшили истребить всѣхъ безъ исключенія. Ни монгольская, ни негритянская расы не должны были войти въ составъ новаго, обновленнаго человѣчества, ибо ни душевныя, ни физическія качества ихъ не были для того пригодны; къ поголовному истребленію предназначена была также и семитическая раса, а также такія народности какъ Армяне, Персіяне, Сирійцы и т. под., издревле уже насквозь прогнившія, алчный, хитрый эгоистичный характеръ которыхъ, закаленный тысячелѣтней наслѣд-

ственностью, не могъ бы быть измѣненъ никакимъ искуственнымъ подборомъ.

Но вскорѣ опять постигли насъ тяжелыя испытанія; увлеченные своимъ успѣхомъ, мы стали дѣйствовать слишкомъ смѣло и неосторожно и опять обратили вниманіе на насъ и на нашу дѣятельность, нашелся среди насъ измѣнникъ, Іуда предатель, который выдалъ многихъ изъ обновителей и открылъ всѣ наши планы. Ужаснулись народы, узнавъ наши замысли и видя, какъ человѣчество таетъ, точно снѣгъ подъ лучами весенняго солнца! Вспомнили тогда старое и съ ненавистью кинулись насъ разыскивать; кто попадался, того замучивали, дѣтей нашихъ подвергали медленной смерти на глазахъ родителей. Насъ считали какими-то извергами, объявили внѣ закона, и стоило указать толпѣ на кого нибудь какъ на обновителя, чтобы она грубая, не вѣдающая, что творитъ, бросалась на него и растерзывала его на смерть. Но мы все терпѣли, зная, что не долго уже терпѣть, что всѣ эти ужасы ничто иное какъ послѣднія судороги агоніи стараго человѣчества и выжидая дѣйствіе стерилизатора. Черезъ два, три поколѣнія ряды нашихъ противниковъ сразу поредѣли, вся Азія почти вымерла, во всей Европѣ осталось только нѣсколько милліоновъ жителей, мы же продолжали безпрепятственно плодиться и та-

кимъ образомъ къ концу XXV вѣка могли уже считать себя хозяевами положенія. Власть перешла къ намъ въ руки и мы наконецъ свободно вздохнули. Нашъ смѣлый, гигантскій, величественный заговоръ — заговоръ кучки людей противъ всего человѣчества — удался!

VI.

Теперь наступилъ второй періодъ нашей дѣятельности — періодъ организаціонный, не менѣе трудный, чѣмъ первый. До сихъ поръ мы только разрушали, — теперь предстояло созидать.

Въ нашей дѣятельности намъ предстоялъ однако серьезный подводный камень. До сихъ поръ въ пылу борьбы, среди опасностей мы дѣйствовали единодушно, но можно было опасаться, что теперь появятся разногласія, всегда ведущія къ раздорамъ, борьбѣ, къ образованію партій, которыя, парализуя другъ друга, приводятъ къ печальнымъ результатамъ. Исторія человѣчества могла служить для насъ достаточнымъ предостереженіемъ въ этомъ отношеніи. Мы отлично понимали, что достигнуть прочныхъ результатовъ можно было только посредствомъ полнаго, если не единомыслія, чего достигнуть было бы невозможно — насъ было слишкомъ много для этого — то по крайней мѣрѣ полнаго единства дѣйствій. Только дѣйствуя какъ

одинъ человѣкъ, безъ распрей, безъ раздоровъ, могли мы расчитывать на успѣхъ. Чтобы достигнуть такого единенія мы рѣшили избрать изъ своей среды 25 наиболѣе надежныхъ, наиболѣе способныхъ, честныхъ и сильныхъ волей людей. Эти 25 человѣкъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ должны были избрать изъ своей среды одного человѣка, и мы всѣ добровольно и торжественно обязались другъ передъ другомъ безусловно подчиниться всѣмъ его рѣшеніямъ въ теченіи всей его жизни и дѣйствовать согласно его волѣ безъ разсужденія, безъ критики, безъ малѣйшаго колебанія. Всякій спорный вопросъ, всякое сомнѣніе подвергалось ему на разсмотрѣніе, и рѣшенія его были безапелляціонны; и мы также добровольно согласились, чтобы всякій, кто измѣнитъ этому рѣшенію, былъ бы отвезенъ на отдаленный изолированный островъ и тамъ удержанъ силой. Вы, вѣроятно, удивитесь такому рѣшенію, вы скажете: одинъ человѣкъ можетъ ошибиться. Конечно можетъ, это вѣрно, — хотя въ данномъ случаѣ этотъ человѣкъ былъ поставленъ въ наилучшія условія, чтобы не ошибаться — но мы отлично понимали, что зло, которое можетъ проистекать отъ этого, будетъ неизмѣримо меньше того зла, которое получилось бы отъ борьбы партій. По смерти главы эти 25 человѣкъ, пополнявшіеся собственнымъ своимъ выборомъ, избирали новаго главу опять пожизненно и т. д. Еще и

теперь существуютъ эти 25 человѣкъ и эта абсолютная власть въ лицѣ одного человѣка, но такъ какъ организаціонная работа наша покончена и все идетъ по разъ заведенному порядку, то ихъ дѣятельность сведена почти до нуля, объ нихъ ничего не слышно, они существуютъ такъ сказать на всякій случай. Ихъ главная роль состоитъ въ созывѣ общихъ съѣздовъ, въ наблюденіи чтобы покровители не уклонялись отъ общихъ принциповъ, на которыхъ основано новое человѣчество и въ храненіи тайны стерилизатора, который мы приберегаемъ главнымъ образомъ для того отдаленнаго времени, когда солнце начнетъ остывать и жить людямъ на землѣ станетъ тяжело. Такимъ образомъ устранена была всякая возможность борьбы, несогласій, раздоровъ и обезпечено единство дѣйствій на вѣчныя времена.

Торжественный моментъ наступалъ теперь для нашего общества! Великую отвѣтственность брали мы на себя — создать счастливое человѣчество! Съ чистыми руками надлежало приступить къ такому дѣлу. Поэтому мы прежде всего рѣшили очистить собственную среду. Насъ было слишкомъ много, чтобы не нашлось и между нами немало всякихъ дурныхъ элементовъ; среди отчаянной борьбы, подъ вліяніемъ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ и жестокостей и нашъ избранный народъ долженъ былъ отчасти испортиться, и по-

тому съ общаго согласія дано было право тайному комитету, которому одному извѣстенъ былъ способъ приготовленія стерилизатора, употребить его въ дѣйствіе противъ своихъ собратьевъ для собственнаго нашего очищенія.

Въ тоже время приступлено было къ обсужденію дальнѣйшихъ дѣйствій. Предстояло путемъ искуственнаго подбора переродить людскую породу, создать изъ остатковъ испорченныхъ, негодныхъ людей стараго человѣчества прежде всего такихъ людей, которые были бы способны быть счастливыми, а затѣмъ — дать этимъ новымъ людямъ такую организацію, которая обезпечивала бы ихъ счастье навсегда. И тутъ прежде всего возникалъ трудный вопросъ: какова должна была быть эта природа новыхъ людей? Вы уже знаете, какъ мы принялись искать въ исторіи человѣчества образцы, которые могли бы служить намъ указаніемъ на этомъ пути, ибо создавать новый типъ человѣка прямо изъ головы, чисто теоретически, нечего было и думать; такія сложныя вещи создавать можетъ одна только природа. Вы знаете, какъ долгое время наши поиски были безуспѣшны, какъ вдругъ мы напали на счастливую мысль и отыскали образецъ вполнѣ счастливыхъ и всегда, при всѣхъ условіяхъ довольныхъ судьбою людей — въ лицѣ дѣтей и какъ мы тогда рѣшили видоизмѣнить человѣческій типъ, приблизивъ

его по возможности и физически и духовно къ дѣтскому типу. Надлежало иными словами создать породу дѣтей, способныхъ плодиться.

Это открытіе ознаменовало великій для насъ день, ибо оно сразу яркимъ свѣтомъ освѣтило намъ путь. Люди того времени сдѣлались свидѣтелями небывалаго еще взрыва восторга и радости; встрѣчаясь другъ съ другомъ, всѣ обнимались какъ братья со слезами умиленія на глазахъ, всѣ радостно поздравляли другъ друга съ этимъ важнымъ открытіемъ, сразу устранявшемъ всѣ сомнѣнія въ успѣхѣ предпринимаемаго нами дѣла. И какъ всѣ великія открытія оно отличалось необыкновенной простотой и ясностью; каждый удивлялся, какъ онъ самъ раньше не дошелъ до этой столь простой и очевидной мысли; и истинность ея была такъ очевидна и ясна для всѣхъ и каждаго, что она немедленно же была принята безъ всякихъ споровъ и дебатовъ. И также какъ всѣ великія открытія — эта мысль была чревата послѣдствіями: изъ нея просто и естественно, какъ бы сами собой вытекали всѣ остальные великіе принципы, которые легли въ основу новой организаціи человѣчества. И дѣйствительно: если человѣчество, чтобы быть счастливымъ должно состоять изъ людей — дѣтей, существъ простыхъ и наивныхъ, то отсюда само собою слѣдовало, что они одни не могутъ существовать, что къ нимъ должны быть приставлены

другіе, взрослые существа въ качествѣ ихъ покровителей и руководителей. Далѣе: если человѣчество будетъ состоять въ массѣ своей изъ дѣтей и изъ небольшой кучки покровителей, то очевидно необходимъ былъ еще какой нибудь рабочій элементъ, который доставлялъ бы людямъ средства къ жизни, ибо не дѣтское дѣло въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ свой насущный. Впрочемъ необходимость этого послѣдняго вытекала еще изъ другаго соображенія. Историческій опытъ съ достаточной ясностью доказалъ, что главнымъ источникомъ всѣхъ несчастій человѣчества, постоянной помѣхой устроить разумно свою жизнь на землѣ, всегда былъ обязательный физическій трудъ, столь несвойственный человѣческой природѣ, столь ненавистный человѣку. Это было вѣчнымъ камнемъ преткновенія на его пути въ поискахъ за счастьемъ, и необходимо было во что бы то ни стало и навсегда спихнуть этотъ камень съ его пути. Но какъ это устроить? — опять задача безконечно трудная? — Много было положено труда на ея разрѣшеніе, много способовъ предложено было съ этою цѣлью. Одни хотѣли воспользоваться уже готовымъ элементомъ — рабочими, почти что уже рабами, расчитывая, постепенно унижая и придавливая ихъ черезъ нѣсколько поколѣній, настолько понизить ихъ сознательность, чтобы они не чувствовали своего положенія; но это

громаднымъ большинствомъ отвергнуто было съ негодованіемъ. Другіе предлагали прибѣгнуть къ высшимъ человѣкообразнымъ обезъянамъ, приручить ихъ, усовершенствовать и развить ихъ настолько, чтобы онѣ могли исполнять всѣ необходимыя работы, но это было средство слишкомъ медленное и мало надежное. Наконецъ, послѣ долгихъ исканій и горячихъ споровъ рѣшено было остановиться на слѣдующемъ планѣ: собрать во всѣхъ глухихъ углахъ земнаго шара остатки самыхъ нисшихъ расъ, влачившихъ еще кое-гдѣ свое печальное, полуживотное, существованіе, размножить ихъ, развить въ нихъ искуственнымъ подборомъ инстинктъ преданности намъ и приспособить ихъ для нашихъ цѣлей, образовавъ изъ нихъ особую породу существъ, совершенно отличную отъ остальныхъ людей; дабы трудъ, къ которому предназначались эти существа, не казался имъ тяжелымъ бременемъ, предполагалось развить въ нихъ еще инстинктъ труда, а чтобы они не чувствовали себя несчастными и униженными — не развивать въ нихъ сознанія своего положенія.

Такимъ образомъ сложность задачи нашей сразу удваивалась: предстояло подборомъ выработать изъ переразвитыхъ и испорченныхъ людей — существъ дѣтски простыхъ, и изъ недоразвитыхъ, полуживотныхъ людей — особую породу рабовъ съ

преобладаніемъ въ нихъ инстинкта надъ сознаніемъ и разумомъ.

Но изъ великаго открытія, бросившаго уже столько свѣта на нашу работу, вытекало еще одно послѣдствіе: люди-дѣти не могли жить тою сложною жизнью, которая создана была многовѣковою цивилизаціей и культурой, такая жизнь была бы несвойственна ихъ природѣ, да и все это сложное зданіе цивилизаціи не могло бы поддерживаться ни ими, простыми и безпомощными, ни малочисленными покровителями, ни полусознательными рабами. И вотъ само собою вытекала необходимость упростить жизнь до послѣдней возможности, уничтожить всѣ усложненія и ухищренія цивилизаціи, которыя всегда такъ мало были пригодны для счастья человѣка, а для простаго дѣтскаго счастья становились и совсѣмъ ненужными. И этотъ выводъ тоже вполнѣ оправдывался историческимъ опытомъ съ избыткомъ доказавшимъ, что чѣмъ жизнь человѣчества была проще и безхитростнѣе, тѣмъ болѣе всегда въ ней находилось золотыхъ крупицъ счастья.

Цѣлыхъ десять лѣтъ продолжалась разработка этихъ основныхъ вопросовъ, въ которой принимала участіе вся аристократія тогдашняго человѣчества — аристократія не въ пошломъ смыслѣ вашего времени, а въ смыслѣ цвѣта ума и сердца его. Многія геніальныя личности, всѣ ученые, издавна уже входившіе въ

составъ обновителей, все что оставалось честнаго и благороднаго въ человѣчествѣ, вложило въ эту работу свою душу, свои способности, свои знанія и наконецъ, когда вопросы эти достаточно выяснились, наступилъ великій, торжественный, незабвенный день 15-го Мая 2496 года, когда всѣ мы собрались для окончательнаго установленія основныхъ принциповъ, осуществленіе которыхъ отнынѣ должно было стать цѣлью всей нашей жизни. На этомъ собраніи и постановлены были слѣдующіе основные принципы, которые всѣ мы твердо знаемъ наизустъ, ибо они суть тѣ краеугольные камни, на которыхъ зиждется все зданіе человѣчества:

1. Человѣчество не можетъ быть счастливо, пока люди не переродятся тутемъ искуственнаго подбора и не уподобятся дѣтямъ, — ибо только дѣти могутъ быть счастливы.
2. Человѣчество, составленное изъ людей-дѣтей, не способно оставаться счастливымъ безъ постояннаго руководства покровителей.
3. Человѣчество не можетъ быть счастливо безъ крайняго упрощенія жизни, возможнаго безъ лишеній только подъ тропиками.
4. Человѣчество не можетъ быть счастливо безъ рабовъ, которые освободили бы его отъ труда, ибо трудъ всегда былъ источникомъ всѣхъ золъ на землѣ. Но рабы не должны тяготиться

своимъ трудомъ и не сознавать своего положенія.

5. Человѣчество не можетъ оставаться счастливымъ, размножаясь неограниченно и внѣ искуственнаго подбора.
6. Человѣчество можетъ оставаться вѣчно счастливымъ только тогда, когда оно откажется отъ прогресса и навѣки сохранитъ свое новое устройство неизмѣннымъ.

О мой другъ! повторяя вамъ эти столь хорошо знакомыя намъ истины, я чувствую всего себя охваченнымъ великимъ волненіемъ! Это всего только нѣсколько фразъ, это не болѣе какъ нѣсколько мыслей, но когда вспомнишь и представишь себѣ, что отъ этихъ мыслей и только отъ нихъ зависитъ: будутъ ли милліоны человѣческихъ существъ ходить, мрачно опустивъ головы, съ тоской на сердцѣ и проклятіями на устахъ, или же — они будутъ проводить жизнь среди безмятежнаго веселья, смѣясь, играя и радуясь своему бытію, то все существо проникается благоговѣйнымъ трепетомъ передъ удивительной силой, въ этихъ мысляхъ сокрытой! . . .

Когда эти 6 принциповъ были приняты, то всѣ присутствующіе встали и произнесли торжественное другъ передъ другомъ обѣщаніе какъ за самихъ себя, такъ и за всѣхъ своихъ потомковъ: свято хранить

ихъ во вѣки вѣковъ неизмѣнными, считая ихъ не подлежащими даже обсужденію, а новую жизнь, устроенную согласно имъ ни въ чемъ не измѣнять въ теченіи 200 лѣтъ.

Но чтобы эти принципы лучше усвоились грядущими поколѣніями и въ тоже время, чтобы яснѣе отмѣтить новый поворотъ въ жизни человѣчества, найдено было нужнымъ рядомъ съ ними составить еще десять заповѣдей, которыя могли бы служить на всѣ вѣка руководствомъ людямъ въ ихъ новой жизни. Эти заповѣди отцовъ нашихъ замѣняютъ намъ теперь прежнія X заповѣдей, которыя при новомъ строѣ жизни сдѣлались по большей части непригодными и непримѣнимыми. Какой въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть для насъ смыслъ заповѣдь: не укради — когда у насъ нечего и некому украсть; или: не убій — когда никому и въ голову прійти не можетъ убить; или: не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна, — когда у насъ нѣтъ ни судовъ, ни свидѣтельствъ; или: не прелюбы сотвори — когда у насъ всѣ прелюбы сотворяютъ; или: помни день субботній — когда у насъ всѣ дни субботніе!

И мы твердо вѣримъ, что на этотъ разъ эти заповѣди будутъ вѣчны и навсегда послѣдуютъ за человѣчествомъ въ неизмѣримую даль вѣковъ . . . .

Вотъ онѣ эти

X заповѣдей,
данныхъ новому человѣчеству.

Заповѣдь I. Будьте просты и наивны, какъ дѣти.

Заповѣдь II. Живите на землѣ радостями земными.

Заповѣдь III. Не усложняйте жизнь, дабы она не была вамъ бременемъ, и не живите внѣ тропиковъ, ибо только здѣсь она будетъ проста и легка.

Заповѣдь IV. Любите и слушайтесь своихъ покровителей, а вы покровители, берегите людей, какъ своихъ собственныхъ дѣтей.

Заповѣдь V. Не трудитесь для добыванія себѣ пищи, имѣйте для труда рабовъ, но пусть они не сознаютъ своего положенія, дабы не мучиться.

Заповѣдь VI. Не поклоняйтесь прогрессу: въ немъ ядъ, который васъ погубитъ.

Заповѣдь VII. Не плодитесь внѣ цѣлей искуственнаго подбора.

Заповѣдь VIII. Не противьтесь злу: пусть оно умираетъ своею смертью.

Заповѣдь IX. Да будетъ у васъ счастье въ красотѣ и красота въ счастьѣ.

Заповѣдь X. Да не вѣдаютъ люди о смерти, дабы не бояться ея.

Десятой заповѣди впрочемъ въ то время еще не было дано, и если я ее здѣсь привелъ, то потому, что не сомнѣваюсь, что она будетъ принята на предстоя-

щемъ общемъ съѣздѣ покровителей. Но и тогда она конечно останется извѣстной только намъ однимъ.

Такъ закончились подготовительныя работы и теперь надлежало приступить къ осуществленію теоріи на практикѣ. Не стану вамъ много разсказывать о ходѣ нашихъ работъ, вы все это найдете подробно изложеннымъ въ книгѣ, которую я вамъ далъ; прибавлю только нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ. Прежде всего мы выбрали съ большою тщательностью около 2000 женщинъ, отличавшихся красотой и здоровымъ, жизнерадостнымъ характеромъ, простымъ и дѣтскимъ сердцемъ и поселили ихъ на островахъ Таити; но скоро, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наблюденій пришлось исключить изъ нихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, главнымъ образомъ потому, что юность тѣла и духа ихъ оказалась недостаточно прочной, почти половину, а изъ оставшейся 1000 съ небольшимъ, спустя еще нѣсколько времени, мы сдѣлали новый выборъ, исключивъ тѣхъ, которыя подвержены были тропическимъ болѣзнямъ и остановились окончательно только на 600 съ небольшимъ изъ нихъ. Что касается мужчинъ, то въ виду того, что вначалѣ мы рѣшились примѣнять исключительно искуственное оплодотвореніе, нашъ выборъ могъ быть еще строже, и мы остановились только на 25, выбравши и тутъ преимущественно такихъ, которые съ возрастомъ мало старѣли и тѣлесно и духовно.

Итакъ 650 женщинъ и 25 мужчинъ — вотъ каковъ былъ своеобразный, оригинальный кадръ будущаго человѣчества! За основу для него мы выбрали латинскую расу — французовъ, италіянцевъ, испанцевъ — какъ такую, которая отличается наиболѣе легкимъ, веселымъ и жизнерадостнымъ характеромъ и въ физическомъ отношеніи представляетъ выдающіеся типы красоты; особенно много родоначальниковъ и особенно удачныхъ женщинъ доставили намъ потомки древнихъ испанцевъ въ бывшихъ южно-американскихъ колоніяхъ ихъ. Къ этому ядру мы прибавили нѣкоторое количество крови славянской въ виду симпатичной мягкости ихъ характера и бѣлокурой кимврійской расы, главнымъ образомъ ради разнообразія физической красоты, для того чтобы будущее человѣчество не было лишено и представителей типа блондиновъ; нѣсколько женщинъ, отличавшихся особенно выдающейся красотой, дали намъ также расы греческая и грузинская. Охотно остановились бы мы на полинезійской расѣ — этихъ готовыхъ уже дѣтей человѣчества съ ихъ необыкновенно милыми, симпатичными, чисто дѣтскими чертами характера, еслибы, увы! этому не воспрепятствовали ихъ некрасивыя черты лица.

Женщины, какъ я сказалъ, съ самаго начала были гораздо многочисленнѣе мужчинъ, и это неравенство половъ мы сохраняли въ теченіи первыхъ шести по-

колѣній, чего достигнуть было намъ нетрудно, такъ какъ наука того времени давала полную возможность получать по произволу тотъ или другой полъ. И такое неравенство половъ было тогда совершенно необходимо: для болѣе быстраго размноженія человѣческаго рода намъ вѣдь нужны были женщины, а не мужчины, и это было тѣмъ болѣе необходимо для первоначальныхъ поколѣній, что въ первое время мы давали плодиться только одной половинѣ женщинъ каждаго поколѣнія, выбирая лишь самыхъ лучшихъ, самыхъ отборнѣйшихъ изъ нихъ. Но благодаря этому тогдашнее миніатюрное еще человѣчество, все состоявшее почти изъ однѣхъ только женщинъ, представляло изъ себя весьма оригинальное зрѣлище, — это было нѣчто въ родѣ царства амазонокъ. Въ третьемъ поколѣніи напримѣръ было около 7000 женщинъ и только 30 мужчинъ! въ четвертомъ поколѣніи отъ 3.500 женщинъ третьяго получилось 16.000 женщинъ и опять только около 35 мужчинъ! Только начиная съ седьмаго поколѣнія, когда женщинъ было уже 150.000, начали мы производить мужчинъ, но лишь въ настоящее время отношеніе между полами начинаетъ получаться нормальное.

Такимъ же точно образомъ поступали мы и съ тѣми 700 дикарями, которыхъ съ большими трудностями удалось набрать нѣсколькимъ экспедиціямъ, посланнымъ во всѣ углы земнаго шара для стерилизо-

ванія всѣхъ оставшихся еще нетронутыми обитателей его. Въ самомъ началѣ нашей дѣятельности пришлось временно оставить около милліона прежнихъ людей преимущественно изъ рабочаго сословія, продолжавшихъ жить внѣ тропиковъ, подальше отъ очаговъ новаго человѣчества и доставлявшихъ всѣмъ намъ средства къ существованію; но почти всѣ они были стерилизованы и остатки ихъ быстро таяли, дѣлаясь впрочемъ и ненужными и мѣрѣ возрастанія численности нашихъ рабовъ.

Что же касается покровителей, то количество ихъ сравнительно мало возросло, оно едва только удвоилось за послѣдніе два вѣка; и къ себѣ не переставали мы примѣнять искуственный подборъ, выбирая для продолженія рода только лучшихъ изъ насъ. Этимъ подборомъ мы усовершенствовали свою нравственную природу, развили въ себѣ любовь къ людямъ, повысили красоту какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ женщинъ и увеличили долголѣтіе нашей жизни.

Вотъ въ краткихъ словахъ что совершилось съ человѣчествомъ за послѣдніе восемь вѣковъ.

И теперь, добавилъ Эзраръ, — и лицо его при этомъ озарилось свѣтлой улыбкой — небо наше чисто и ясно и даже на горизонтѣ человѣчества, насколько умственный взоръ можетъ его охватить, не видно ни малѣйшаго облачка . . . .

VII.

Такъ кончилъ онъ свой разсказъ, грозный, ужасный и въ тоже время радостный, свѣтлый. Впереди меня сіяло чудное ясное небо, но позади еще мерещились мрачныя, черныя грозовыя тучи, навсегда теперь отошедшія въ глубь вѣковъ. Но вотъ точно молнія сверкнула въ этихъ тучахъ, мгновенно озаривъ ихъ яркимъ свѣтомъ — и я вдругъ понялъ теперь со всею ясностью смыслъ совершившихся событій, я понялъ, какимъ путемъ достигли люди своего столь давно желаннаго счастья, такъ упорно не дававшагося имъ въ руки. И я понялъ, почему оно такъ упорно имъ не давалось. Вѣдь счастье въ сущности было всегда такъ близко, такъ доступно, такъ мало для этого всегда было нужно, нужно было только одно: чтобы люди согласились, сговорились схватить его однимъ дружнымъ движеніемъ руки. Но въ этомъ то и заключалось непреодолимое затрудненіе. Какъ могутъ десятки, сотни милліоновъ людей въ чемъ бы то

ни было сговориться, какъ могутъ они сознательно сойтись на чемъ нибудь, хотя это что нибудь и было бы до очевидности ясно и нужно для нихъ всѣхъ. Только тогда, когда выдѣлилась изъ человѣчества кучка людей, единодушно мыслившихъ и хотѣвшихъ, когда эти нѣсколько волей слились въ одну однообразную, могучую, сильную въ своемъ единеніи волю, уничтожившую всѣ прочія — могло совершиться то дружное движеніе руки, которое было необходимо, чтобы схватить счастье. Пересоздать человѣчество, создать счастье на землѣ — этого не въ состояніи было исполнить само человѣчество, для этого оно было слишкомъ безсознательной, слишкомъ стихійной силой. Для этого нужно было, чтобы изъ этой стихійной массы выдѣлилась особая сконцентрированно — сознательная эссенція человѣчества, особый какъ бы органъ его, органъ устрояющій и направляющій, нѣчто надчеловѣческое или внѣчеловѣческое, что повело бы человѣчество не по слѣпымъ невѣдомымъ путямъ, какими оно шло прежде, а по напередъ намѣченной дорогѣ, наперекоръ даже стихійнымъ силамъ природы, принужденнымъ покорно склонить свои головы передъ болѣе могучей сознательной силой воли.

Только немногіе могли въ чемъ нибудь сойтись и сговориться, и въ самой этой малочисленности прежнихъ обновителей, теперешнихъ покровителей, и была

ихъ непреодолимая сила. Только такъ могли они выйти изъ среды стихійнаго человѣчества, стать въ сторонѣ отъ него и со стороны всесильно вліять своей волей на его судьбы. И чтобы осуществить эту волю имъ необходимо было уничтожить остальныя безконечно разнообразныя и потому другъ друга уничтожающія воли; да, необходимо было истребить старое, дряхлое человѣчество, оставивши только одну зародышевую плазму, чтобы изъ нея возсоздать новое человѣчество — мнѣ теперь и это стало совершенно ясно и понятно. Пересоздать человѣчество нельзя, какъ нельзя обмолодить старый дряхлый организмъ, его можно было только создать съизнова — и въ этомъ былъ также залогъ ихъ успѣха.

И я понялъ также, что мысль, счастье и трудъ — это три такіе элемента, которые несоединимы въ одномъ лицѣ, несовмѣстимы другъ съ другомъ, какъ несоединимы огонь, вода и воздухъ, и только тогда, когда каждый изъ нихъ выдѣлился въ нѣчто обособленное и олицетворился одинъ — въ покровителяхъ, другой — въ друзьяхъ, третій — въ рабахъ, стало возможнымъ появленіе на землѣ и самаго счастья въ чистомъ его видѣ. Насильственно вмѣстѣ соединенные они, какъ огонь, вода и воздухъ, могли произвесть только хаосъ.

И я еще понялъ, что для того чтобы все это уразумѣть, и, уразумѣвъ, — единодушно захотѣть, и,

захотѣвъ, — достигнуть своей цѣли, нужно было человѣчеству предварительно испить чашу горечи всю до дна. И изъ разсказа Эзрара я увидѣлъ, что оно, бѣдное, испило ее до послѣдней капли!

Да, все, все мнѣ теперь стало вдругъ удивительно ясно и понятно.

Но Боже! на какую высоту я поднялся! Я едва различаю, что совершается у ногъ моихъ . . .

— Надѣюсь, снова заговорилъ между тѣмъ Эзраръ, что своимъ разсказомъ я нѣсколько утолилъ ваше любопытство, и если это такъ, то взамѣнъ я также попрошу васъ объ услугѣ. Вотъ два дня, какъ вы живете среди новаго человѣчества, вы видѣли нашу жизнь, вы многое узнали изъ разговоровъ со мною, скажите же совершенно искренно и откровенно, какъ вы находите: счастливы ли теперь люди? Вы человѣкъ свѣжій, и ваше мнѣніе поэтому меня особенно интересуетъ.

— Счастливы ли? О да, отвѣтилъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, несомнѣнно счастье у васъ есть, и гораздо больше, чѣмъ было его у насъ, а главное горя у васъ нѣтъ. Но . . . я боюсь, что наши люди нашли бы ваше счастье все-таки малоцѣннымъ. Оно какое-то элементарное и кромѣ того слишкомъ матеріальное, слишкомъ чувственное, въ немъ такъ мало духовнаго элемента. Дѣти дѣйствительно всегда

счастливы и имъ для этого немного нужно, но поэтому же оно и неполное, не глубокое, не серьезное — это ребячье счастье. Хорошо конечно и такое счастье, но развѣ это идеалъ, развѣ это такое состояніе, при которомъ не оставалось бы больше ни къ чему стремиться! Я могу представить себѣ иное счастье, болѣе духовное, заключающееся напримѣръ въ наслажденіи, доставляемомъ познаваніемъ, мышленіемъ, творчествомъ, преодолѣваніемъ препятствій, самоотверженіемъ. Наконецъ, для вѣрующихъ существуетъ еще высокое наслажденіе въ любви къ высшему существу, въ стремленіи къ нему приблизиться. Ничего этого у васъ нѣтъ. Не находите ли вы, что этимъ вы понизили уровень человѣческаго духа?

— Понизили? О да, да! съ живостью воскликнулъ онъ, это вѣрно, мы понизили уровень человѣческаго духа! мы упростили его! Такой высоты, до которой достигали иногда люди прежняго человѣчества, никто изъ нашихъ друзей не достигаетъ и не достигнетъ — объ этомъ мы позаботимся! Но неужели вы не видите, что все, что насъ окружаетъ, все человѣчество, какъ оно есть, вся наша жизнь, все, что мы совершили и еще совершаемъ, всѣ наши принципы, все, рѣшительно все, есть ничто иное, какъ сознательное осуществленіе этой одной основной идеи, величайшей изъ всѣхъ идей, когда либо появлявшихся на

землѣ — идеи упрощенія духа. Вотъ 200 лѣтъ какъ она царитъ надъ людскимъ міромъ, она одна теперь имъ управляетъ, она всемірна, и кто знаетъ, быть можетъ ея могущество еще болѣе разростется и расширится, быть можетъ она распространится и за предѣлы земнаго міра и изъ всемірной станетъ когда нибудь вселенной . . .

Да, мы упростили духъ и мы сдѣлали это совершенно сознательно и намѣренно. У прежнихъ людей этотъ уровень былъ слишкомъ приподнятъ; такой подъемъ духа, такіе высокіе порывы ума и чувства были неестественны для человѣка, несовмѣстимы съ жизнью его на землѣ, несовмѣстимы съ счастливой на ней жизнью. Вы и ваши преемники жили духомъ слишкомъ широко, не по средствамъ, отпущеннымъ природой и, какъ всякая жизнь не по средствамъ, она неизбѣжно должна была вести къ банкротству. Она и привела къ нему и къ его послѣдствію — страданіямъ. Пусть духи — если они есть — живутъ главнымъ образомъ или даже исключительно духовными интересами, но такія земныя тѣлесныя существа, какъ люди, сотканныя изъ нервовъ, пусть живутъ въ свойственномъ имъ мірѣ — мірѣ объективномъ, радостями впечатлѣній прежде всего и радостями духа только постолько, посколько онѣ не мѣшаютъ первымъ. И потомъ, не забудьте, что если мы понизили духъ, то въ

тоже время мы его и повысили, ибо до такого упадка, до котораго доходили люди прежняго человѣчества и притомъ большинства его, у насъ они никогда не доходятъ и тоже не дойдутъ. У насъ нѣтъ ни гипертрофіи, ни атрофіи духа.

Я знаю, вы съ своей точки зрѣнія можете возразить мнѣ на это, что и въ земномъ человѣкѣ есть духъ и онъ, этотъ духъ, есть даже самая важная и существенная часть его, и что если въ немъ духъ есть, если есть духовный міръ, то неизбѣжное слѣдствіе этого то, что и на землѣ человѣкъ существуетъ ради этой существеннѣйшей части своей природы и что его кратковременное пребываніе на ней не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ подготовленіемъ къ иному, болѣе долговременному существованію внѣ земныхъ интересовъ. И вы можете упрекнуть насъ въ томъ, что мы забываемъ эту отдаленную, но болѣе важную цѣль, заботясь лишь о временномъ, земномъ существованіи людей.

Возможно, что все это такъ. Мы скептики и потому готовы допустить и эту возможность, и тогда вы будете правы, давая жизни человѣка на землѣ такое назначеніе. Но вы будете неправы, если упрекнете насъ въ томъ, что мы ничего не дѣлаемъ для подготовленія людей къ возможному иному существованію. Ибо, если все это и такъ, какъ вы себѣ представляете,

то всетаки наши люди, когда они явятся въ другой, духовный міръ такими, какіе они есть, т. е. невинными и добрыми дѣтьми, то они предстанутъ вполнѣ подготовленными для всякой иной жизни. Это будетъ чистый, неиспорченный матеріалъ, изъ котораго легко можно будетъ сдѣлать все, что угодно, и въ сохраненіи этого матеріала чистымъ и неиспорченнымъ и состоитъ тогда наша задача. И мы ее исполняемъ. Мы и тутъ правы, превративъ людей въ дѣтей, „ибо ихъ есть царствіе небесное“, какъ сказалъ вашъ великій учитель.

Но замѣтьте, что если насъ и ждетъ въ будущемъ такая чисто индивидуальная духовная жизнь, въ которую вы такъ сильно вѣрите, то совершенно неизвѣстно еще, какова она будетъ. Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что въ концѣ концовъ она будетъ сплетеніемъ неизъяснимыхъ радостей — ибо вамъ такъ этого хочется, вы такъ жаждете радостей! Возможно, но возможно также и то, что не радостями и блаженными восторгами встрѣтитъ насъ эта жизнь, а великимъ разочарованіемъ, томленіемъ и вѣчною неудовлетворенностью . . . И тогда быть можетъ оглянутся наши друзья — уже не дѣти, а взрослые духи — на счастливые дни, проведенные на этихъ счастливыхъ островкахъ и позавидуютъ они, быть можетъ, своему счастливому дѣтству. Не придется ли намъ тогда и

тамъ предпринять ту же работу, которую мы совершили здѣсь, не будетъ ли и тамъ наша задача, состоять въ упрощеніи жизни, въ пониженіи уровня духа съ цѣлью доставить ему хотя простое, но прочное счастье!

Оставимъ же духовное счастье до другаго, духовнаго міра, если онъ есть, а пока — дадимъ людямъ немного земнаго счастья! Если же вы умѣете здѣсь на землѣ соединить то и другое вмѣстѣ — то научите насъ: мы этого не умѣемъ.

Научить! О Господи, но какъ же я научу его, когда и самъ этого не знаю! Да и возможно ли соединить несоединимое?

И я молчалъ и только наслаждался той высотой, на которую слова Эзрара подняли мой духъ, наслаждался, какъ долженъ наслаждаться орелъ, парящій въ поднебесьѣ, и, какъ ему, всѣ событія, всѣ предметы казались мнѣ въ иномъ видѣ, въ иныхъ соотношеніяхъ, чѣмъ прежде. Онъ открылъ мнѣ горизонты, доселѣ мною совершенно невѣданные, и я чувствовалъ, какъ во мнѣ совершается внутренній переворотъ. Я еще не былъ убѣжденъ, — но я уже убѣждался . . . .

VIII.

Было уже поздно, и по приглашенію Эзрара я вошелъ въ его палатку и легъ на постель его сына.

— Спите, сказалъ онъ, вамъ давно пора отдохнуть. А я еще немного посижу у огня и помечтаю.

Но я не могъ заснуть, я былъ слишкомъ взволнованъ всѣмъ что я узналъ, обиліемъ всѣхъ впечатлѣній. Ворочаясь съ бока на бокъ, я наконецъ рѣшился встать и выйти изъ палатки. И тутъ я увидѣлъ зрѣлище, которое приковало все мое вниманіе. Передъ костромъ все еще сидѣлъ старикъ, но не одинъ; вокругъ него собралось человѣкъ 8—10 друзей, сидѣвшихъ и лежавшихъ въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ позахъ. Всѣ жадно впивались глазами въ лицо старика, разсказывавшаго имъ какую-то фантастическую сказку, видимо сильно ихъ заинтересовавшую. Луна взошла и освѣщала своимъ металлическимъ свѣтомъ всю эту красивую группу, всѣ эти тѣла, казавшіяся въ своей неподвижности статуями, вылитыми изъ серебра.

Эта мирная, своеобразная картина, эта свѣтлая, теплая южная ночь, этотъ лунный свѣтъ, подъ вліяніемъ котораго всѣ предметы, всѣ очертанія деревьевъ, пальмъ удваивали свою таинственную поэтическую прелесть, эти изящныя тѣла, принадлежащія такимъ чистымъ, добрымъ, милымъ существамъ, все это произвело теперь на мои возбужденные нервы ошеломляющее впечатлѣніе. Одна изъ женщинъ сидѣла, прислонившись плечомъ къ старику и, слегка наклонивъ свою прелестную, окаймленную темными кудрями головку, задумчиво смотрѣла вдаль. Лунный свѣтъ падалъ ей прямо въ лицо и я, какъ загипнотизированный глядѣлъ на нее и не могъ оторваться. Я стоялъ какъ разъ напротивъ ея; она увидѣла меня, но не сдѣлала никакого движенія, только выраженіе лица ея измѣнилось: оно сдѣлалось сосредоточенно грустнымъ и пристальный взоръ ея съ какой-то непонятной силой проникалъ мнѣ прямо въ душу, и отъ этого упорнаго взгляда ея мнѣ стало безконечно жутко. Въ тоже время все кругомъ начало сливаться и исчезать, осталась только одна эта женская головка, ярко освѣщенная луннымъ свѣтомъ. И вдругъ, о ужасъ! лицо ея отдѣлилось, заколыхалось въ воздухѣ и медленно, плавно стало приближаться ко мнѣ. Кровь застыла у меня въ жилахъ, ужасъ и тоска сдавили мнѣ сердце, и я хотѣлъ вскрикнуть — но не могъ. А лицо это,

мертвенно блѣдное, съ зеленоватымъ металлическимъ блескомъ, все продолжало приближаться и наконецъ, придвинувшись ко мнѣ вплотную, своими широко раскрытыми неподвижными глазами взглянуло прямо мнѣ въ упоръ, и я въ смертельномъ ужасѣ громко вскрикнулъ . . .

— Костя милый, что съ тобой, заговорила мать моя, подбѣгая къ моей постели, на которой я лежалъ, приподнявшись на локтѣ, не понимая еще, что со мной и гдѣ я. Тяжелая тоска продолжала давить мнѣ сердце, и я рыдалъ тяжело, какъ рыдаютъ только взрослые, изъ глубины души.

— Что съ тобой? Успокойся, дорогой мой мальчикъ, ты вѣрно увидѣлъ дурной сонъ, продолжала она, обнимая и успокаивая меня.

— Свѣта, свѣта скорѣе! зажги свѣчи, крикнулъ я.

Но мать побѣжала отворять ставни, такъ какъ было уже утро, и на дворѣ разсвѣло.

Изъ оконъ я увидѣлъ сѣрое небо, хлопья снѣга, падавшаго на землю, покрывая сплошной бѣлой пеленой всѣ неровности почвы, крыши строеній, облѣпляя голые сучья деревьевъ. Свѣтъ я получилъ, но какой онъ былъ печальный, какой сѣрый, какой холодный! А тамъ гдѣ-то вдали, въ безконечной дали воображенія уже начали понемногу тускнѣть чудныя яркія картины, только что мною видѣнныя съ такою отчетливою

ясностью, покрываясь какой-то легкой дымкой — дымкой забвенія.

Итакъ — то былъ сонъ!

И мнѣ не суждено вкусить радостей безоблачнаго счастья, къ которому я былъ такъ близокъ, котораго я почти касался рукой. Не суждено никогда! никогда! хотя бы я прожилъ еще 100, 200, 300 лѣтъ . . .

И я закрылъ глаза, чтобы еще разъ возможно яснѣе представить себѣ чудныя видѣнія прошлой ночи. Вотъ они, мои дорогіе друзья, я какъ будто ихъ еще вижу . . . вотъ она дивно красивая Лорелей, Стелла, вотъ они всѣ красивые, стройные, молодые, беззаботно смѣющіеся, вотъ она эта поэтическая бухта, вотъ и онъ мой милый, дорогой Эзраръ, я какъ будто еще чувствую его руку въ своей, какъ будто слышу его тихую умную рѣчь . . . вотъ она эта изящная картина обѣдающихъ, живой каскадъ, танецъ мотыльковъ . . . О, Эзраръ! какъ ты, бѣдный, огорчишся, когда замѣтишь мое исчезновеніе . . . .

Но что это, я, кажется, еще грежу, вѣдь то былъ сонъ!

Но что не было сномъ — это мое возвращеніе къ дѣйствительности. Печально было мое пробужденіе. Опять я среди противныхъ людей — алчныхъ, грубыхъ, глупыхъ, безсердечныхъ людей. Опять войска, фабрики, проценты, кабаки, школы, грубый рабочій,

бьющій съ пьяна своихъ дѣтей, тонкій вельможа, продающій свою совѣсть, честный трудъ до седьмаго пота, бѣдный ученый въ затхлой атмосферѣ лабораторіи . . . Опять ужасъ смерти неизбѣжной, неотвратимой.

Не увижу я болѣе и наготы. И ненужно! Прикрывайте люди свою наготу, наготу тѣла — одеждой, а наготу души — лицемѣріемъ. И то и другое у васъ такъ некрасиво.

О зачѣмъ увидѣлъ я этотъ сонъ! Какъ безотрадно отнынѣ станетъ жить на землѣ! И кто захотѣлъ надругаться надъ моей и безъ того изболѣвшей душей? Какое жестокое, безжалостное существо послало мнѣ эти яркіе, радостно трепетавшіе, золотисто-розовые лучи, которые такъ скоро потухли и послѣ которыхъ дѣйствительность кажется еще мрачнѣе.

И если то не былъ вѣщій сонъ, то что же ждетъ человѣчество впереди?

О люди, люди! О безумные, о несчастные люди, неужели вы никогда не осуществите мой сонъ!?

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Глава I.

Прогрессъ отвратителенъ.

Есть идеи, которыя полновластно и безконтрольно царятъ надъ умами людей въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, иногда столѣтій, даже тысячелѣтій. Онѣ всасываются въ кровь младенцевъ съ молокомъ матери, съ первыхъ жизненныхъ шаговъ прочно и навсегда укрѣпляются въ умахъ, предаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, дѣлаются почти что наслѣдственными; никто ихъ не анализируетъ, никто не критикуетъ, онѣ считаются понятными сами собою, какъ бы аксіомами, не требующими доказательствъ.

Такова напримѣръ идея прогресса. Считается общепризнанной истиной, несомнѣнной, незыблемой, что прогрессъ, всюду существующій есть нѣчто великое, благородное, нѣчто такое, передъ чѣмъ мы должны благоговѣйно преклоняться, къ чему мы должны стремиться всѣми силами, что въ примѣненіи къ человѣчеству онъ есть нѣчто въ высшей степени желательное, ибо ведетъ ко благу.

Разсмотримъ эту идею и сдѣлаемъ, если можно такъ выразиться, нравственную оцѣнку ея.

Всякое развитіе и совершенствованіе есть процессъ самъ по себѣ трудный, болѣзненный, мучительный, полный страданія, ибо развитіе есть ничто иное какъ приспособленіе къ новымъ условіямъ, приспособленіе же значитъ ломаніе прежней своей природы, ломаніе же природы значитъ страданіе. Конечно это примѣнимо только къ органическому міру, ибо неорганическій, повидимому, себя не сознаетъ. Но посмотрите, какимъ мучительнымъ путемъ совершенствуется и развивается этотъ многострадальный органическій міръ. Въ основѣ развитія его лежитъ борьба за существованіе, борьба не на животъ, а на смерть, борьба, ведущая къ переживанію способнѣйшаго, слѣдовательно къ насильственной, мучительной гибели менѣе совершенныхъ, хуже приспособленныхъ. И эта борьба, если ее анализировать, окажется гораздо ужаснѣе, чѣмъ звучитъ само это слово, къ которому мы уже такъ привыкли. Въ теченіи милліоновъ лѣтъ тянется она неустанно, безостановочно и въ теченіи каждаго года, каждаго даже дня происходятъ милліоны, — что я говорю! — милліарды такихъ ожесточенныхъ единоборствъ, и каждое изъ нихъ есть ничто иное какъ безжалостная драма, кончающаяся мучительною смертью существа чувствующаго, одареннаго нервами и въ

этой борьбѣ или растерзаннаго другимъ существомъ, или замученнаго голодомъ, холодомъ, жаждой, болѣзнями. Подумайте, какимъ ужасно мучительнымъ, трагическимъ путемъ совершается это медленное шествіе организмовъ къ совершенству, къ прогрессу, сколько невыносимой боли и страданія сопровождаетъ каждый самый малѣйшій, едва замѣтный шагъ въ этомъ направленіи: во истину боли и страданія каждый разъ бываетъ гораздо больше, чѣмъ того стоитъ самый этомъ шагъ.

Вы скажете, что страданія эти у животныхъ, особенно низшихъ, не такъ велики, какъ кажутся, ибо степень ихъ сознанія слаба. Да, но зато какая ихъ неизмѣримая масса происходитъ ежедневно, а дней вѣдь въ году 365, а годовъ этихъ протекло уже милліоны! Сложите же все вмѣстѣ и посмотрите, какая страшная гора страданій отъ этого получится! — вершина ея исчезнетъ въ выси безпредѣльной! И потомъ не забудьте, что чѣмъ высшей степени совершенства достигаетъ организмъ, тѣмъ страданія его дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе, все сознательнѣе и сознательнѣе. Я думаю, если вы раздавите ногой червяка, то онъ будетъ испытывать боль довольно сильную даже на нашу человѣческую мѣрку, а собака, едва ли меньше способна страдать, чѣмъ человѣкъ.

И тутъ мы наталкиваемся на законъ природы — ужасный, способный, если въ него вдуматься, смутить всякаго поклонника прогресса и отшатнуть отъ этого повидимому столь величественнаго явленія природы всякаго, имѣющаго сердце въ груди. Замѣтили ли вы, что только что было сказано: чѣмъ высшей степени развитія и совершенства достигаетъ организмъ, тѣмъ яснѣе его сознаніе, а слѣдовательно тѣмъ сильнѣе испытываетъ онъ всякое мученіе, всякую боль. Количество объективнаго, если такъ можно выразиться, страданія, сопряженнаго съ процессомъ развитія и совершенствованія, одинаково для всякаго организма: и инфузорія, совершенно также какъ и рыба и собака гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, замерзаютъ отъ холода, голодаютъ отъ недостатка пищи, съѣдаются другими, болѣе совершенными организмами, а если и живутъ, то находятся въ состояніи постояннаго мучительнаго опасенія погибнуть. Но такъ какъ инфузорія едва только различаетъ свое страданіе, рыба сознаетъ его неизмѣримо яснѣе, а собака еще неизмѣримо яснѣе, то субъективное страданіе, т. е. способность воспринимать голодъ, холодъ, болѣзни и проч., у разныхъ организмовъ весьма различно, и что ужаснѣе всего: это страданіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ совершеннѣе организмъ, чѣмъ больше онъ прогрессировалъ. Но понимаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ, что

вмѣстѣ съ прогрессомъ въ органическомъ мірѣ увеличивается количество страданій. Прогрессъ самъ по себѣ мучительнѣйшее явленіе, но чѣмъ онъ подвигается дальше впередъ, тѣмъ онъ становится все мучительнѣе и мучительнѣе — вотъ законъ природы, ужаснѣйшій, уродливѣйшій изъ ея законовъ! И передъ такимъ подлымъ закономъ люди благоговѣютъ, передъ этимъ кумиромъ, пожирающимъ столько жертвъ, люди преклоняются, считаютъ его чѣмъ то желаннымъ, почитаютъ его за величайшее благо, расчищаютъ даже передъ нимъ путь, иногда съ величайшимъ самоотверженіемъ!

Не странно ли такое отношеніе къ этому кумиру? И откуда оно? Что это означаетъ? Есть ли это проявленіе безнравственности человѣческой природы, или это продуктъ непониманія сокровенной сути явленія?

Я думаю, что тутъ есть и то, и другое, я думаю, что люди недостаточно чутки къ чужимъ страданіямъ и что люди недостаточно вдумываются въ сущность прогресса.

Обыкновенно прогрессъ представляется въ своемъ праздничномъ нарядѣ. И какимъ онъ тогда дѣйствительно кажется красивымъ и интереснымъ, какіе удивительно мудро и цѣлесообразно у него устроенные органы, а одѣяніе его все соткано изъ блестящихъ, разнообразно окрашенныхъ, переливающихъ всѣми

цвѣтами радуги перышекъ, а шея и грудь его украшены великолѣпнымъ ожерельемъ изъ крупнаго жемчуга*), не налюбуешся, не надивишся! придешь въ невольный восторгъ и преклонишся передъ этимъ красивымъ кумиромъ!

Но снимите съ него его красивое внѣшнее одѣяніе и посмотрите на него обнаженнаго, на сокровенную сущность его: какими ужасными, зіяющими ранами покрыто все его исхудалое тѣло, и изъ этихъ ранъ сочится кровь и гной, а блѣдное лицо его все подернуто корчами отъ нестерпимой боли, ужасъ насильственной смерти на немъ написанъ! И чѣмъ дальше онъ идетъ впередъ, подгоняемый свистящими ударами бича, — бича нужды, голода, страха смерти, тѣмъ раны его раскрываются шире, гной и кровь изъ нихъ сочатся сильнѣе, тѣмъ ярче на его лицѣ написаны корчи муки. И тогда вы отвернетесь съ чувствомъ отвращенія отъ этого гнуснаго и мучительнаго зрѣлища и воскликнете: не надо мнѣ прогресса, если онъ такъ ужасенъ!

А онъ таковъ и есть: я ничего не прибавилъ и ничего не преувеличилъ.

Цѣль прогресса можетъ быть и прекрасна, но средство ужасно, возмутительно!

---

*) Жемчугъ — болѣзнь раковины!

А человѣкъ? спросите вы. Но развѣ человѣкъ не такой же организмъ, какъ и всякій другой, развѣ онъ не подчиняется тѣмъ же самымъ неизбѣжнымъ законамъ природы? Развѣ и онъ не прогрессировалъ, не совершенствовался, не усложнялся и развѣ не тѣ же самые мучительные и глубоко возмущающіе нравственное чувство пріемы примѣняла для этого природа? Позднѣе къ этимъ біологическимъ пріемамъ насилія прибавился еще одинъ — антропологическій — самоусовершенствованіе, т. е. ломаніе своей природы, добровольное насилованіе человѣкомъ самого себя, но какъ раньше, такъ и всегда прогрессъ для человѣка былъ, есть и будетъ безпрерывнымъ рядомъ мученій, и только страдая и мучаясь, совершенствовался онъ, и чѣмъ онъ болѣе совершенствовался и развивался, чѣмъ болѣе утоньчались и усложнялись его умъ, его чувства, его воображеніе, тѣмъ разнообразнѣе, утонченнѣе и мучительнѣе становились его страданія. Въ то время какъ человѣкъ дикарь былъ мало чувствителенъ даже къ физической боли, въ то время какъ цѣлая масса страданій высшаго порядка — умственныхъ и нравственныхъ, были для него совершенно невѣдомы, человѣкъ цивилизованный кромѣ физическихъ страданій, которыя онъ чувствуетъ сильнѣе дикаря, осужденъ испытывать и вторыя, еще болѣе тяжелыя и мучительныя, чѣмъ физическая боль. И среди человѣчества

слѣдовательно, какъ и среди животныхъ, дѣйствуетъ этотъ ужасный, возмутительный законъ природы — законъ прогрессированія страданій.

И тутъ я позволю себѣ изобразить картину, которая предстала однажды въ моемъ воображеніи съ поразительною яркостью красокъ и отчетливостью формъ.

Я увидѣлъ высокую, крутую гору, ярко освѣщенную лучами солнца, съ безплодной почвой, покрытой камнями и лишенной растительности; и чѣмъ выше подымалась эта гора, тѣмъ круче становились ея склоны. И она была такъ высока, что вершина ея терялась въ безпредѣльномъ пространствѣ. На склонѣ этой горы я увидѣлъ странную, гигантскихъ размѣровъ колесницу, выкованную изъ золота и серебра, причудливой формы, не лишенной красоты; она была такъ велика, что цѣлый небольшой городокъ могъ въ ней помѣститься. И эта колесница была вся тяжело нагружена всякими вещами и какими странными вещами: тутъ были и фабрики съ длинными трубами, и дома всевозможныхъ размѣровъ, церкви со шпицами и позолоченными куполами, каменныя крѣпости, пучками связанныя пушки, каждая вѣсомъ въ нѣсколько сотъ пудовъ, стальные броненосцы, всевозможныя машины, библіотеки съ милліонами томовъ, тутъ были и статуи, и картины, и мебель, и все это нагромождено было въ безпорядкѣ, pêle-mêle, образуя

высокую гору, какъ на возахъ, перевозящихъ домашній скарбъ съ квартиры на квартиру. Страшный грузъ! какъ только колесница выдерживала его! Но и она была массивна и прочно построена. И въ эту колесницу впряжена была многочисленная толпа людей, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, и люди эти видимо напрягали всѣ свои силы чтобы тащить эту тяжеловѣсную колесницу, жилы на ихъ лбахъ раздувались отъ натуги, потъ крупными каплями капалъ съ раскраснѣвшихся лицъ. И, такъ надрываясь, кряхтя и потѣя, медленно, но неустанно тащили они колесницу вверхъ въ гору, все выше и выше, и чѣмъ выше они подымались, тѣмъ труднѣе становилось ее тащить; а по дорогѣ они подбирали лежавшіе тамъ и сямъ предметы: машины, строенія, большія груды золота и серебра въ мѣшкахъ, желѣза и мѣди въ слиткахъ и накладывали все это въ повозку. И не мирно тащили эти люди свой грузъ, а ссорясь, ругаясь, толкая и давя другъ друга; иные вступали въ отчаянную драку, вцѣпляясь другъ другу въ волоса, кусая другъ друга, сильные били слабыхъ руками, ногами, чѣмъ попало, стоны, крики, ругань стояли въ воздухѣ, сливаясь въ какой то зловѣщій гулъ. А по сторонамъ колесницы и толпы, ее везущей, носились въ воздухѣ какія то странныя гигантскія существа съ несовсѣмъ ясными очертаніями и ударами бича подгоняли толпу, и горе

тому, кто попадался подъ этотъ бичь: красныя кровавыя полосы оставлялъ онъ на лицѣ или на тѣлѣ. И такъ трудно было вести эту повозку подъ палящими лучами солнца, по неровной каменистой почвѣ, что иные, видимо выбившись изъ силъ, садились отдохнуть, но генiи, носившіеся по сторонамъ, тотчасъ же подлетали къ нимъ и пускали въ ходъ свои бичи, подгоняя уставшихъ, и они, вскакивая отъ боли, вновь принимались за свою работу; но невыносимая тоска и страданіе были написаны на ихъ лицахъ и слезы капали изъ ихъ глазъ, смѣшиваясь съ каплями пота. Но большинство тянуло, — хоть черезъ силу, а тянуло, опустивъ головы внизъ, съ отупѣлымъ взглядомъ, не оглядываясь ни по сторонамъ, ни впередъ, ни назадъ; они очевидно не понимали даже, что дѣлаютъ, одно они ясно понимали — что тяжело .... ужасно тяжело .... Но нѣкоторые по временамъ оглядывались назадъ и, съ видимымъ восторгомъ любуясь на колесницу и ея грузъ, восклицали: ура! впередъ! и вновь со всею энергiей налегали на лямку. Нѣсколько молодцовъ очевидно похитрѣе другихъ и по большей части съ еврейскимъ типомъ лица, взобрались на спины своихъ товарищей и, сидя у нихъ верхомъ на шеѣ, подгоняли ихъ хлыстами съ криками: впередъ! помахивая маленькими флагами, съ надписью крупными буквами: да здравствуетъ свобода!

Я оглянулся назадъ на пройденное разстояніе и ужаснулся картинѣ, которая представилась моему взору: позади колесница оставляла страшный слѣдъ — цѣлые потоки пота, слезъ и крови, мѣстами скоплявшихся въ лужи, ряды полураздавленныхъ труповъ, валявшихся въ одиночку и группами, а дальше позади слѣдъ, извиваясь лентой, обозначался рядомъ костей и скелетовъ, побѣлѣвшихъ подъ лучами солнца . . . .

Но что это впереди колесницы и толпы людей? Точно какое-то розовое облачко, то почти исчезающее, сливаясь съ голубымъ небомъ, то становящееся все ярче и ярче, принимая все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія. О! я теперь вижу, что это такое, вотъ оно опять принимаетъ опредѣленный образъ, приближаясь къ толпѣ . . . О, что за прелесть, о, что за чудное видѣніе! — это неописанной красоты женское существо во всей прелести молодости и граціи, оно носится въ воздухѣ, медленно подвигаясь впередъ, то отлетая отъ толпы и тускнѣя, почти исчезая, то опять приближаясь къ ней, маня движеніемъ рукъ, взоромъ и улыбкой толпу людей къ себѣ. Но что это была за улыбка! — хитрая, полная холодной насмѣшки и въ тоже время безконечно прекрасная и соблазнительная. И многіе изъ людей очевидно видятъ это чудное видѣніе, взоры ихъ впиваются въ него, они прости-

рают къ нему руки, они стараются схватить его, но оно не дается имъ и опять отлетаетъ дальше впередъ, и опять тускнѣетъ . . . .

Я подошелъ къ одному изъ геніевъ, хлеставшихъ людей, и спросилъ его, что это люди везутъ. Холоднымъ, безстрастнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на меня и отвѣтилъ:

— Цивилизацію.

— А что это за чудное существо летаетъ впереди людей?

— То — Призракъ Счастья.

— А вы кто?

— Законы Природы.

— Зачѣмъ же вы такъ мучаете людей, отчего не дадите имъ отдохнуть?

— Мы этого не можемъ. Наша задача — безостановочно подвигать колесницу впередъ.

— Куда же они ее везутъ?

Геній показалъ на верхъ, на вершину горы, теряющуюся въ выси безпредѣльной.

— Что же тамъ наверху?

— Неизвѣстно.

— Для чего же нужно съ такими страшными усиліями вести эту колесницу вверхъ?

— Я васъ не понимаю. Но отойдите, вы мнѣ мѣшаете.

И отвернувшись, онъ принялся опять хлестать людей.

Ужасъ и тоска сдавили мое сердце и я открылъ глаза, чтобы не видѣть больше этого видѣнія.

Вотъ вамъ прогрессъ въ человѣчествѣ. Правда ужасенъ? А онъ таковъ и есть: и тутъ я ничего не прибавилъ и ничего не преувеличилъ.

Тяжело бремя прогресса, такъ тяжело, что давно люди бросили бы тащить его вверхъ въ гору, все выше и выше, невѣдомо куда, невѣдомо зачѣмъ — еслибы не неумолимые бичи законовъ природы, неустано подгоняющіе впередъ сильныхъ, безжалостно забивающіе на смерть слабыхъ. И еслибы не призракъ счастья, своей коварной улыбкой манящій людей къ себѣ.

Страданіемъ прогрессъ держится, страданіемъ онъ подгоняется, страданіе — его единственный результатъ. Слезы и кровь, трупы и скелеты — его слѣдъ.

Страданія заставляютъ человѣка совершенствоваться, подыматься въ гору, а совершенствованіе заставляетъ человѣка еще болѣе страдать — и въ этомъ круговоротѣ заключается вся мрачная сущность исторіи человѣчества!

И все это такъ вѣрно, что стоитъ только представить себѣ органическій міръ, не исключая человѣ-

чества, переставшимъ бороться и страдать, на время успокоившимся и наслаждающимся невозмутимымъ счастьемъ — какъ тотчасъ же, въ тотъ же мигъ, какъ дымъ, исчезнетъ и прогрессъ: онъ сдѣлается даже прямо немыслимымъ. Страданіе — вотъ что вызываетъ прогрессъ, счастье — его немедленно останавливаетъ, вызывая застой. Таковъ уродливый законъ природы. Что жъ, если онъ вамъ нравится — поклоняйтесь ему. Мнѣ онъ кажется отвратительнымъ.

Положимъ, скажете вы, прогрессъ въ органическомъ мірѣ есть дѣйствительно тяжелый, мучительный процессъ, — этого отрицать нельзя; но зато какихъ онъ достигаетъ удивительныхъ результатовъ, что онъ только не творитъ!

Что онъ творитъ? Что онъ такое создалъ? Человѣка?! Существо, способное мучиться какъ ни одинъ червякъ, какъ ни одна курица, ни одна собака. Есть чему радоваться! Есть чѣмъ восхищаться.

Но вы можете упрекнуть меня въ односторонности взгляда, вы можете сказать: съ усиленіемъ прогресса, правда, сильнѣе чувствуются страданія, ибо яснѣе дѣлается сознаніе ихъ, но по этому же самому яснѣе дѣлается сознаніе и наслажденій, послѣднія становятся и разнообразнѣе, и интенсивнѣе въ той же мѣрѣ, въ какой дѣлаются разнообразнѣе и интенсивнѣе страданія.

Да, это вѣрно, но увы, какое это плохое утѣшеніе, если разобрать его! Въ сознаніи живыхъ существъ, говорите вы, въ одинаковой мѣрѣ выдвигаются изъ океана небытія какъ радости, такъ и страданія — тутъ нѣтъ ничего утѣшительнаго! За радости — спасибо, но на что же страданія? Ихъ намъ не надо, а если одно получить безъ другаго нельзя, то лучше не надо ни того, ни другаго, отъ усиленія обоихъ не получается никакого преимущества, напротивъ въ итогѣ получается прямой и весьма значительный ущербъ: ибо усиленіе страданій вліяетъ гораздо сильнѣе въ отрицательную сторону, чѣмъ усиленіе радостей въ положительную. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте хорошенько и отвѣтьте на вопросъ: согласны вы были бы испытывать въ 100, въ 1000 разъ больше радостей, чѣмъ теперь, но съ тѣмъ условіемъ, что вмѣстѣ съ этимъ и всѣ физическія боли, муки предсмертной агоніи, всѣ нравственныя огорченія, всѣ обиды, всѣ страхи, все это вы будете ощущать также въ 100, въ 1000 разъ интенсивнѣе и яснѣе, чѣмъ теперь? Но подумайте хорошенько, ибо вопросъ этотъ очень важенъ, представьте себѣ со всею возможною ясностью, что заключается въ этихъ словахъ: въ 100 разъ сильнѣе испытывать всякую радость, всякое наслажденіе, но и въ 100 разъ сильнѣе мучиться отъ всякаго огорченія, въ 100

разъ сильнѣе мучиться отъ всякой боли. Хотите вы этого?

И вы, конечно, воскликнете: нѣтъ, не хочу этого! Богъ съ ними и съ радостями, которыя нужно покупать такой ужасной цѣной! Я по крайней мѣрѣ съ ужасомъ и негодованіемъ отказываюсь отъ такого предложенія.

Но если вы такъ рѣшите этотъ вопросъ, то знаете ли, что вы этимъ самымъ рѣшили? Вы рѣшили, что прогрессъ отвратителенъ, вы осудили его, вы отвернулись отъ него. И вы будете правы, ибо если онъ и приноситъ съ собой радости, то радости эти — жестокія радости.

Глава II.

Прогрессъ безсмысленъ.

Всякую совокупность однородныхъ явленій, какъ бы они ни были разнообразны, можно свести къ одной или нѣсколькимъ формуламъ, которыя обнимаютъ ихъ всѣ безъ исключенія. Такъ и съ явленіями прогресса.

Въ чемъ заключается сущность прогресса въ примѣненіи къ человѣчеству? Въ томъ, что каждый человѣкъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, старается сдѣлать лучше другаго. Съ какою цѣлью? Съ цѣлью затоптать другаго, дѣлающаго хуже и стать на его мѣсто. Другой, видя это старается сдѣлать еще лучше перваго, чтобы затоптать послѣдняго и стать на его мѣсто, третій старается превзойти ихъ обоихъ, и т. д., и т. д. Когда это есть — есть и прогрессъ, когда этого нѣтъ — и прогресса нѣтъ и быть не можетъ. Китаецъ, какъ теперь, такъ и 100, 1000, 2000 лѣтъ тому назадъ не старался и не старается дѣлать лучше другаго, а стремится лишь дѣлать какъ разъ такъ, какъ другой, и въ теченіи тысячелѣтій онъ все стоитъ на одномъ и

томъ же уровнѣ, не прогрессуетъ. Американцы всѣ пологовно и что есть мочи стараются превзойти другъ друга, и прогрессъ летитъ у нихъ на всѣхъ парахъ. Явно, что въ этомъ и состоитъ сущность прогресса.

Теперь, какой результатъ достигается этимъ процессомъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ будетъ легче всего, если мы возьмемъ какой нибудь частный видъ прогресса въ человѣчествѣ, напр. прогрессъ въ вооруженіи націй. Каждая нація старается сдѣлать это дѣло какъ можно лучше, чтобы взять верхъ надъ другой. Нація А вводитъ у себя усовершенствованныя ружья и пушки, бездымный порохъ, болѣе быстроходные крейсеры; но поступая такъ, она безъ сомнѣнія предполагаетъ, что нація В будетъ имѣть худшія ружья, дымящійся порохъ и тихоходные крейсеры. Еслибы этого предположенія не существовало, то было бы конечно безсмысленнымъ заводить все это у себя. Оказывается однако на дѣлѣ, что нація А обманулась въ своемъ ожиданіи, ибо другія націи тоже не дремлютъ и, видя эти усовершенствованія у своего сосѣда, заводятъ все это и у себя и даже въ еще болѣе усовершенствованномъ видѣ, опять таки въ томъ предположеніи, что нація А будетъ такимъ образомъ поставлена въ болѣе слабое положеніе. Видя это, нація А придумываетъ подводные корабли, скорострѣльныя пушки и еще что нибудь, надѣясь,

что на этотъ разъ другія націи этого не переймутъ, но опять надежда эта оказывается обманчивой, и другія заводятъ все это да плюсъ еще новыя усовершенствованія, въ увѣренности, что эти послѣднія поставятъ ихъ въ болѣе сильное положеніе, и т. д., и т. д., пока наконецъ безсмысленность и безцѣльность этого процесса не становится столь очевидной, что появляется человѣкъ, который говоритъ: стойте господа, куда же это мы идемъ, давайте прекратимъ этотъ безсмысленный процессъ. Но понятно, онъ остается гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ: стихійность человѣчества сильнѣе его разума.

Итакъ результатъ прогресса въ данномъ случаѣ — зло для всѣтъ прогрессирующихъ. Въ чемъ состоитъ это зло? Во многомъ, особенно въ данномъ частномъ случаѣ. *Во первыхъ,* получается постоянное тяжелое состояніе духа, обусловленное опасеніемъ, что другая нація переймετъ всѣ эти шаги прогресса, превзойдетъ ее въ силѣ и будетъ такимъ образомъ въ состояніи затоптать и уничтожить ее; *во вторыхъ,* отъ борьбы и постояннаго напряженія силъ въ сторону преодолѣванія надъ другими націями характеръ ожесточается, человѣкъ дѣлается черствѣе, менѣе добрымъ, болѣе эгоистичнымъ, болѣе безсердечнымъ — а это мѣшаетъ предаваться радостямъ жизни. Наконецъ, *въ третьихъ,* и какъ результатъ особенныхъ спеціальныхъ условій даннаго

примѣра: значительная доля продуктовъ труда, которая могла бы пойти на доставленіе пріятныхъ ощущеній и радостей, идетъ на ружья, пушки, порохъ, мундиры, все такія вещи, которыя никому, кромѣ развѣ немногимъ полковымъ командирамъ, радостей доставить не могутъ.

И что оказалось въ данномъ частномъ случаѣ (а оказалось, что прогрессъ безсмысленъ), то вѣрно и для всѣхъ случаевъ прогресса *). Въ самомъ дѣлѣ: прогрессъ, сказали мы, есть стремленіе человѣка дѣлать лучше другаго съ цѣлью затоптать его и стать на его мѣсто. Но это, какъ и въ вооруженіи націй, предполагаетъ въ человѣкѣ, стремящемся сдѣлать лучше, увѣренность, что другіе люди будутъ дѣлать хуже. Еслибы онъ, придумывая какое нибудь усовершенствованіе въ области мануфактуры, способовъ передвиженія, освѣщенія и проч. былъ увѣренъ, что и всѣ другіе его примѣнятъ, то онъ не могъ бы достигнуть своей цѣли: затоптавъ своего конкурента, стать въ болѣе благопріятное положеніе, и не сталъ бы надъ нимъ такъ усердно трудиться. Существованіе системы па-

*) Пусть читатель проанализируетъ разныя явленія прогресса, пусть онъ возьметъ напримѣръ прогрессъ въ области коммерческихъ объявленій и конечный результатъ, къ которому онъ придетъ, будетъ то, что прогрессъ этотъ — безсмысленъ до смѣшнаго.

тентовъ и профессіональной тайны доказываетъ это съ неопровержимостью. Однако и тутъ, какъ и въ вооруженіи, оказывается, что сосѣди его не дремлютъ, что и они дѣлаютъ дѣло столь же хорошо или даже лучше; такимъ образомъ его усилія, которыя настолько же уменьшили радости его жизни (ибо, дѣлая свое усовершенствованіе, онъ не могъ имъ предаваться), пропали даромъ. Но онъ не отчаявается, онъ энергиченъ и придумываетъ новое усовершенствованіе, вкладывая въ него послѣднія свои сбереженія. Постой же, думаетъ онъ, помучаюсь я надъ нимъ, зато потомъ отдохну и буду наслаждаться жизнью, ибо буду поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ мой конкурентъ, чтобъ онъ подохъ. Но и на этотъ разъ его надежда обманута, ибо конкурентъ его не только не подохъ, но успѣлъ за это время придумать еще гораздо лучшее усовершенствованіе. Ура! восклицаетъ онъ въ порывѣ торжества. Но увы, не успѣваетъ онъ кончить свое ура, какъ появляется третій конкурентъ, который побиваетъ ихъ обоихъ, побиваетъ все съ тоюже цѣлью потомъ успокоиться и найти наслажденія въ жизни и все съ тѣмъ же результатомъ — обманутой надеждой. И такъ до безконечности. Получаемый результатъ въ лучшихъ случаяхъ: большее количество продуктовъ, которые могутъ доставить наслажденія жизнью и меньшая возможность пользоваться ими съ этою цѣлью.

Потому меньшая возможность, что *во первыхъ,* болѣе значительная часть жизни идетъ на добываніе этихъ продуктовъ; *во вторыхъ,* болѣе значительная доля жизненныхъ силъ идетъ на борьбу, на соревнованіе, на стремленіе затоптать ближняго, на опасеніе какъ бы не быть имъ затоптаннымъ, — все такія состоянія духа, которыя не совмѣстимы съ наслажденіемъ жизнью; *въ третьихъ,* ожесточается и черствѣетъ духъ, дѣлаясь менѣе способнымъ воспринимать радости жизни.

Иными словами и говоря фигурально, въ этомъ процессѣ жизни человѣческой каждый старается натянуть другъ другу носъ; но въ то время какъ одинъ натягиваетъ носъ въ 3 вершка, другой успѣваетъ натянуть первому носъ въ 3 аршина, третій натягиваетъ имъ обоимъ носъ въ 3 сажени, и т. д., и т. д. Въ результатѣ получается, что всѣ оказываются съ длинными носами, а время, которое могло бы пойти на наслажденіе жизнью, идетъ на натягиваніе носовъ. Ну не безсмыслица ли это?

Но тутъ я слышу возраженіе. Противъ логичности вашего разсужденія, говорятъ мнѣ, ничего нельзя возразить, но вы приходите къ невѣрному выводу, къ невѣрной оцѣнкѣ прогресса потому, что исходная точка ваша невѣрна. Ваша формула прогресса, какъ стремленіе человѣка дѣлать лучше другихъ съ цѣлью затоптать ихъ и стать на ихъ мѣсто, односторонняя,

обнимая только часть явленій прогресса. Развѣ всѣ побужденія, вызывающія прогрессъ, сводятся къ желанію затоптать ближняго? Вы упустили изъ вида побужденія болѣе благороднаго, возвышеннаго характера, какъ напримѣръ стремленіе къ идеалу, къ прекрасному, къ высокому, которыя тоже заставляютъ человѣка прогрессировать. Кого хотѣлъ затоптать Бетховенъ, творя свои симфоніи, или Дарвинъ, трудясь надъ своей теоріей, или Конфуцій, проповѣдуя людямъ не дѣлать другимъ того, чего они не желали бы, чтобы имъ дѣлали; а все это факторы прогресса, вызвавшіе не мало явленій его. Развѣ и эти явленія безсмысленны?

Это возраженіе я считаю основательнымъ. Дѣйствительно, кромѣ разсмотрѣнной категоріи явленій остается еще большая группа ихъ, побудительнымъ мотивомъ которыхъ не служитъ желаніе затоптать ближняго, или если служитъ, то только частью, съ большей или меньшей примѣсью болѣе чистыхъ мотивовъ; я говорю: съ примѣсью, ибо я думаю, что и Бетховенъ, и Шекспиръ, и Гладстонъ, и Толстой-романистъ и многіе, многіе другіе ученые, художники, реформаторы, отчасти (иногда можетъ быть въ очень слабой степени) руководствовались побужденіями и перваго рода.

Разсмотримъ же теперь эту вторую группу явленій прогресса, и какъ первую мы формулировали въ од-

номъ положеніи, такъ формулируемъ и вторую въ такой формулѣ, которая обнимала бы ихъ всѣ. Такая формула будетъ: *человѣкъ прогресса не столько счастливъ тѣмъ, что имѣетъ, сколько несчастливъ тѣмъ, чего не имѣетъ,* и чего онъ вслѣдствіе этого стремится достигнуть.

Замѣтьте, читатель, эту формулу; она, по моему, необыкновенной важности, и послѣдствія ея неисчислимы.

Но замѣтьте ее въ точности, ибо каждое слово имѣетъ здѣсь значеніе. Я не говорю: *всякій человѣкъ* не столько счастливъ тѣмъ, что имѣетъ, сколько несчастливъ тѣмъ, чего не имѣетъ, а говорю: *человѣкъ прогресса.* И это потому, что были люди, отчасти есть и теперь, которые были довольны тѣмъ, что у нихъ есть; но такіе люди не прогрессировали и не могли прогрессировать. Таковы, до нѣкоторой степени по крайней мѣрѣ, уже разъ приведенные Китайцы и въ еще большей степени Эскимосы, Айны, Гиляки, Тодасы, Полинезійцы и нѣкоторые другіе мелкіе народцы, затерянные въ глуши лѣсовъ и болотъ, среди океана и льдовъ, внѣ соприкосновенія съ остальнымъ міромъ; таковы были и русскіе крестьяне прошлыхъ вѣковъ, мирно и тихо жившіе въ глуши своихъ деревень, изъ вѣка въ вѣкъ, довольные своей судьбой и не думавшіе о лучшемъ; и они жили бы такъ и до

днесь и не вѣсть сколько времени впереди, еслибы не коснулось ихъ крыло прогресса, пришедшаго къ нимъ извнѣ, со стороны людей прогресса.

Эти послѣдніе — уже совершенно недовольны своимъ положеніемъ, у нихъ имѣется идеалъ, къ которому они стремятся, не жалѣя живота своего. Но тутъ происходитъ явленіе, которое было бы крайне комичнымъ, еслибы оно не было столь трагичнымъ. Человѣкъ прогресса, живя въ настоящее, которое мы назовемъ черезъ А, недоволенъ имъ, онъ его ненавидитъ, оно мучаетъ его; онъ стремится къ лучшему, которое назовемъ черезъ В, стремится съ цѣлью достигнуть состоянія, въ которомъ онъ не мучился бы, а былъ бы счастливъ. Но какъ только ему удается уничтожить А и достигнуть В, такъ тотчасъ же это В превращается въ А, оно опять дѣлается настоящимъ, которымъ онъ недоволенъ, которое опять его мучаетъ, и онъ опять стремится къ лучшему В; достигнувъ его, В немедленно опять превращается въ А, а новое В опять впереди и онъ опять недоволенъ. И такъ до безконечности. Безпрерывно мечется онъ между А и В, недовольный А и стремясь къ В, которое впереди и которое все время уходитъ впередъ на такое же разстояніе, на какое онъ къ нему приближается.

И это напоминаетъ мнѣ старинный и очень распространенный анекдотъ. Одинъ мужикъ имѣлъ очень лѣнивую лошадь; сколько онъ ее ни билъ, никакъ не хотѣла она бѣжать скоро. Видя, что кнутъ не помогаетъ, онъ взялъ клокъ сѣна и привязалъ его впереди на нѣкоторомъ разстояніи отъ лошадиной морды, и лошадь, стремясь схватить сѣно, побѣжала съ быстротою рысака.

Скажите, читатель, ну развѣ человѣкъ прогресса не походитъ на эту лошадь?

И жалко, и смѣшно!

Стремиться къ лучшему, къ болѣе совершенному есть смыслъ, когда это дѣлается съ цѣлью, достигнувъ лучшаго, успокоиться и далѣе мирно наслаждаться жизнью. Но стремиться къ лучшему и притомъ путемъ страшныхъ усилій, мученій, жертвъ, съ тѣмъ чтобы по достиженіи его стремиться далѣе къ еще и еще лучшему, и такъ до безконечности, — вѣдь это безсмыслица! А это прогрессъ и дѣлаетъ. Онъ толкаетъ человѣка впередъ невѣдомо куда и больно толкаетъ, цѣною борьбы, вымиранія слабыхъ и переживанія сильныхъ, толкаетъ подъ предлогомъ достиженія лучшаго, но достигнувъ его, не даетъ ему насладиться достигнутой цѣлью, а толкаетъ все далѣе и далѣе, безостановочно, безъ цѣли, все время причиняя ему этими пинками невыносимыя мученія. Развѣ

это не безсмыслица и притомъ не жестокая безсмыслица!

Представьте себѣ, что врачь беретъ ножъ и разрѣзаетъ вамъ тѣло до внутренностей, причиняя страшныя страданія. Поступая такъ, онъ очевидно долженъ имѣть въ виду исцѣлить васъ отъ какого нибудь недуга, который причиняетъ вамъ еще большія страданія и въ будущемъ грозитъ, быть можетъ, смертью. Если бы онъ не имѣлъ этого въ виду, а рѣзалъ бы васъ безъ цѣли, то вы назвали бы его злодѣемъ, извергомъ, его заковали бы въ цѣпи, послали бы на каторгу. И вы, допуская и оправдывая такую ужасно болѣзненную операцію человѣчества, какъ переживаніе приспособленныхъ и вымираніе неприспособленныхъ, должны, конечно, имѣть въ виду, что эта операція излечитъ человѣчество отъ своего недуга и что далѣе оно будетъ жить спокойно и счастливо. Но такъ ли это происходитъ? исцѣляется ли человѣчество отъ этого процесса и приходитъ ли къ успокоенію и счастью? Возьмемъ, напримѣръ, человѣчество XVIII вѣка; оно подвергалось этой страшной операціи: сильные, приспособленные переживали, все болѣе слабое погибало. Какъ это ни жестоко, но разъ вы допускаете это и миритесь съ этой жестокостью, миритесь очевидно въ надеждѣ, что зато люди XIX вѣка, исцѣлившись, будутъ наслаждаться миромъ и

благоденствіемъ, то допущу это и я. Но что же мы видимъ? въ XIX вѣкѣ люди еще пуще борятся, происходитъ еще болѣе интенсивная операція переживанія способнѣйшихъ и вымиранія менѣе приспособленныхъ. И что же, послѣ этого у васъ имѣется еще надежда, что люди XX вѣка перестанутъ „вымирать“ и „переживать“, а будутъ просто „жить“? Но я взялъ XVIII вѣкъ; я могъ бы взять X вѣкъ, I вѣкъ, безчисленное множество вѣковъ назадъ и показать, что эта операція вымиранія дѣйствуетъ не переставая, и все время дѣйствуя, каждый разъ не приводитъ ни къ какому другому результату, какъ только къ новой операціи вымиранія и переживанія слѣдующихъ поколѣній. Очевидно, это процессъ безпрерывный и безцѣльный, и слѣдовательно безсмысленный.

Выходитъ такимъ образомъ, что врачь разрѣзаетъ вамъ мясо не съ тѣмъ расчетомъ, чтобы уничтожить навсегда внутренній нарывъ, а съ тѣмъ расчетомъ, чтобы разрѣзать ваше тѣло вновь, когда образуется новый нарывъ и каждый новый разрѣзъ вашего тѣла дѣлаетъ опять таки съ тѣмъ, чтобы вновь разрѣзать его, когда вновь образуется нарывъ и такъ до безконечности. Понимаете ли вы, читатель, безсмысленность этого процесса, безцѣльность, жестокость его! Вѣдь сколько ни рѣжь, ни мучай человѣка, хоть 10, хоть 100, хоть 1000 разъ, онъ всетаки оста-

нется при своемъ нарывѣ ┼ мученія отъ операціи. Гдѣ же тутъ смыслъ?

Представьте себѣ художника, ваятеля. Вотъ онъ вылѣпилъ изъ глины статую; критическимъ окомъ артиста осматриваетъ онъ ее со всѣхъ сторонъ и находитъ ее недостаточно удовлетворительной; онъ разрушаетъ свое твореніе, сминаетъ статую въ первоначальный комъ глины и вновь лѣпитъ, стараясь сдѣлать ее лучше; черезъ недѣлю статуя опять готова, но онъ и на этотъ разъ недоволенъ, онъ опять превращаетъ ее въ комъ глины и черезъ недѣлю дѣлаетъ 3-ью, опять недоволенъ ею, дѣлаетъ 4-ю; представьте себѣ, что онъ это продѣлываетъ въ теченіи цѣлаго года, 10-и лѣтъ, 20-ти лѣтъ, въ теченіи всей своей жизни, все время лѣпя статую и уничтожая ее, лѣпя и уничтожая. Что скажете вы, наблюдая за дѣйствіями такого человѣка? Вы скажете, что онъ полоумный, что онъ сумасшедшій. Представьте себѣ, что у него сынъ, и тотъ послѣ смерти отца продолжаетъ дѣлать тоже самое, и что сынъ этого сына дѣлаетъ тоже, и такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не назовете ли вы такую семью семьей наслѣдственно умопомѣшанныхъ?

А такъ это на дѣлѣ и происходитъ. Природа творитъ свое произведеніе — человѣка, недовольна своимъ произведеніемъ, творитъ новаго человѣка, недовольна и

имъ, творитъ 3-го, 4-го и т. д. до безконечности, съ тою только разницей, что глина не чувствуетъ, тогда какъ человѣкъ котораго природа каждый разъ смиваетъ звѣрскимъ, варварскимъ образомъ, мучается и терзается, мучается какъ во время процесса творчества, такъ и во время процесса уничтоженія.

Схватить человѣка за волосы и волочить его — жестокость, преступленіе; но если человѣкъ утопаетъ и вы его схватите за волосы, вытащите его изъ воды и спасете его такимъ образомъ отъ смерти, дабы онъ могъ жить и наслаждаться, то утопавшій не будетъ на васъ въ претензіи за такой безцеремонный поступокъ, а напротивъ еще поблагодаритъ васъ за это: вы вытащили его, хотя и болѣзненнымъ путемъ, изъ худшаго положенія и поставили въ лучшее. Но представьте себѣ, что вытащивъ его за волосы изъ воды, вы, не выпуская волосъ изъ рукъ, не давъ ему даже стать на ноги, продолжаете волочить его по землѣ на крутой берегъ, подъ предлогомъ что у моря камни, гдѣ ему твердо лежать, а тамъ мягкая трава; но дотащивъ его до травы, вы продолжаете тащить его далѣе въ гору подъ предлогомъ, что тамъ ростутъ деревья, въ тѣни которыхъ ему лучше будетъ лежать, чѣмъ на солнцѣ; но дотащивъ до деревьевъ, вы продолжаете волочить его (все за волосы, не забудьте) еще выше въ гору подъ предлогомъ, что тамъ источникъ, гдѣ онъ можетъ

напиться; но дотащивъ до источника, тащите его еще выше подъ предлогомъ, что тамъ домъ, съ мягкою постелью и угощеніемъ, отъ дома тащите еще выше, подъ еще какимъ нибудь предлогомъ и такъ далѣе, тащите 10 лѣтъ, 100 лѣтъ, тысячелѣтія, вѣчно, не переставая. Какъ вы отнесетесь къ такому явленію, какъ оцѣните вы его, какъ назовете? Не назовете ли вы его безсмысленнымъ, жестокимъ?

А такъ это и есть на дѣлѣ. Прогрессъ, вцѣпившись человѣку за волоса, тащитъ его мучительнѣйшимъ путемъ все выше и выше (to a higher plane!!), все къ чему то будто бы лучшему и лучшему*), не переставая, вотъ уже около сотни тысячъ лѣтъ, и философы обѣщаютъ намъ еще много тысячелѣтій такого процесса впереди!

Итакъ, прогрессируетъ ли человѣчество потому, что каждый человѣкъ старается сдѣлать лучше другаго, чтобы стать на его мѣсто, или потому, что недовольный тѣмъ, что онъ имѣетъ, онъ старается достигнуть лучшаго, въ обоихъ случаяхъ цѣль, т. е.

---

*) На самомъ дѣлѣ это можетъ быть происходитъ еще хуже. Вы тащили человѣка подъ благовидными предлогами. Но имѣетъ ли природа какіе нибудь предлоги или тащитъ безцѣльно — этого мы не знаемъ, а разъ мы не знаемъ, то возможно (и даже вѣроятно), что предлоговъ никакихъ и нѣтъ.

благо, не достигается: въ первомъ случаѣ потому, что другой въ свою очередь старается сдѣлать лучше перваго, а во второмъ потому, что достигнувъ лучшаго, оно, это лучшее, немедленно превращается въ худшее, сравнительно съ желаемымъ еще лучшимъ.

Господа философы, разсуждающіе или думающіе объ этихъ вопросахъ, совершаютъ крупную логическую ошибку. Они замѣчаютъ, что съ прогрессомъ получается нѣкій +, получается что-то такое, чего прежде не было, что что-то этимъ выигривается. Это правда; но они нелогично заключаютъ изъ этого, что выигриваетъ отъ этого человѣкъ; они не замѣчаютъ, *что* получается, *кто* выигриваетъ, *въ чей* карманъ, такъ сказать, этотъ плюсъ попадаетъ. А получается только усложненіе, выигриваетъ только прогрессъ, только онъ достигаетъ своей цѣли — усложненія, а не человѣкъ своей — счастья; и этотъ выигрышъ получается на счетъ человѣка, на счетъ его счастья, которое уменьшается въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ увеличивается этотъ +*). И все таки они радуются. Чему? Торжеству прогресса?

Но они забываютъ, что все въ этой вселенной должно преклонять свои головы передъ одной единственно важной и цѣнной вещью въ мірѣ — это счастье

---

*) Когда нибудь я докажу это статистическими цыфрами.

человѣческое; что все остальное передъ этимъ — ничтожество: прогрессъ, религія, нравственность, творчество, красота, добродѣтель, истина, свобода — все это ничтожество въ сравненіи со счастьемъ человѣческимъ. Нѣтъ ничего болѣе священнаго, болѣе важнаго, цѣннаго, достойнаго, великаго — какъ это счастье, нѣтъ той вещи, которою не слѣдовало бы пожертвовать ради одного — человѣческаго счастья. Если счастью человѣческому мѣшаетъ прогрессъ — къ черту прогрессъ!! Если для счастья человѣческаго необходимъ застой — подавайте застой, какъ можно больше застоя! Если съ счастьемъ несовмѣстима свобода — долой свободу! Я бы даже сказалъ: если для счастья человѣческаго необходимо зло и преступленіе — давайте быть злыми и преступными — еслибы только это не было невѣрнымъ.

Глава III.

Неизбѣженъ ли прогрессъ въ человѣчествѣ.

Но, скажете вы, что толку возмущаться противъ прогресса; хорошъ онъ или нехорошъ, желателенъ или нежелателенъ въ человѣчествѣ, — разъ это законъ природы, приходится волей неволей подчиниться ему, ибо какъ таковой онъ неизбѣженъ.

Неизбѣженъ! Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Не есть ли это опять одна изъ тѣхъ общепризнанныхъ идей-аксіомъ, обязательныхъ только въ силу своей общепризнанности, идея дѣвственная, какъ дѣвственная почва, никогда не обработанная плугомъ? Нельзя ли эту почву „поднять“, пропахать плугомъ анализа и критики? Попытаемся это сдѣлать и посмотримъ, какой тогда выростетъ на этой почвѣ плодъ.

Въ теченіи безчисленныхъ милліоновъ лѣтъ природа, вселенная, видимая нашимъ взоромъ физическимъ и умственнымъ не переставала развиваться, т. е. усложняться подъ вліяніемъ непреодолимыхъ условій въ нея самой вложенныхъ, — „въ силу вещей“. Изъ одно-

родной туманной массы видѣлились небесныя тѣла, сами выдѣлившія на своей поверхности всевозможныя тѣла твердыя, жидкія и газообразныя. Изъ однородной первобытной протоплазмы, образовавшейся изъ этихъ послѣднихъ, выдѣлились всевозможные организмы растительные и животные, все болѣе и болѣе совершенные, все болѣе и болѣе сложные. Появился наконецъ царь природы — человѣкъ и его духъ, сначала тоже очень простой, несложный; но какъ духъ, такъ и проявленіе его въ видѣ матеріальной его жизни на землѣ, то, что мы называемъ цивилизаціей, медленно, но неудержимо шло все прогрессируя, развиваясь и усложняясь. Таковъ законъ природы, столь могучій, столь распространенный всюду, что повидимому онъ и неизбѣженъ всюду.

И для природы совершенно безразлично, развивается ли она, усложняется ли она или нѣтъ, отъ этого ей ни лучше, ни хуже, ибо она себя не сознаетъ. Прогрессъ въ природѣ является силой неизбѣжно стихійной, т. е. неудержимой, всесильной и въ тоже время неразумной, слѣпой, невѣдомо куда влекущей и ни съ какими цѣлями, а тѣмъ болѣе съ благомъ не справляющейся.

Но таковымъ прогрессъ является только во внѣшнемъ мірѣ, какъ неорганическомъ, такъ и органическомъ, въ мірѣ себя не сознающемъ, только здѣсь можетъ онъ считаться стихійной и безсознательной

силой. Не такъ для человѣческаго духа себя сознающаго. Дойдя до этого пункта, создавъ въ своемъ слѣпомъ, безсознательномъ и безцѣльномъ шествіи человѣка, доведя духъ его до степени самосознанія и разумъ до степени пониманія самаго процесса, его создавшаго, прогрессъ дошелъ до критическаго для себя момента, момента самаго важнѣйшаго во всей исторіи вселенной. Онъ пришелъ въ состояніе, въ которомъ еще никогда передъ тѣмъ не находился: въ человѣкѣ прогрессъ самъ себя впервые созналъ, онъ самъ себя открылъ — и въ удивленіи остановился передъ этимъ открытіемъ, остановился — и задумался: онъ понялъ, что создалъ себѣ врага, съ которымъ ему трудно будетъ бороться, который можетъ даже его пересилить и побороть.

Вотъ этотъ-то элементъ самосознанія, эта способность человѣка понимать законы, которые имъ управляютъ, является совершенно новымъ факторомъ, не существовавшимъ доселѣ ни въ одной сферѣ природы, факторомъ, который существенно отличаетъ явленіе прогресса въ человѣчествѣ отъ всѣхъ другихъ явленій его въ природѣ. Туманная масса прогрессируетъ, но она не знаетъ этого, земная кора прогрессируетъ, растенія, животныя, первобытный человѣкъ прогрессируютъ, но никто изъ нихъ не сознаетъ этого, никто даже не подозрѣваетъ что они прогрессируютъ. Одинъ

только цивилизованный человѣкъ знаетъ и понимаетъ это, и это пониманіе ставитъ его въ совершенно новое, исключительное положеніе. Его прогрессъ поэтому уже не одно и тоже, что прогрессъ всего остальнаго міра.

Къ этому присоединяется, еще другое, столь же существенное отличіе. Пока прогрессъ работалъ въ неорганическомъ мірѣ или въ несознающемъ и непонимающемъ себя органическомъ, — онъ дѣйствовалъ безсознательно, стихійно, но когда процессъ развитія коснулся человѣка, когда онъ создалъ и его внутренній міръ, и внѣшнюю матеріальную сторону человѣческаго существованія, то тутъ получилась слѣдующая весьма существенная разница. Вѣдь матеріальная сторона жизни человѣческой, то что мы называемъ цивилизаціей, есть главнымъ образомъ результатъ его духовной стороны, вытекаетъ изъ послѣдней, а слѣдовательно можетъ или подчиняться духу, или нѣтъ. Если она не подчиняется ему — то и попадаетъ въ общую струю вещественнаго міроваго прогресса, и тогда развитіе жизни человѣческой есть всецѣло стихійное явленіе, какъ движеніе планетъ, развитіе организмовъ и т. п. Но вѣдь въ эту жизнь можетъ вмѣшаться одна изъ силъ человѣческаго духа, произведенная самимъ прогрессомъ, сила могучая, называемая *волей* и своей силой ускорить, ослабить и даже оста-

новить стихійную силу прогресса. Эта сила самосознательной воли, чтобы она по существу своему ни была, есть также совершенно новый элементъ природы, появившійся во вселенной только съ появленіемъ человѣка и нигдѣ раньше этого не существовавшій. Неудивительно, что вмѣшательство этого новаго фактора наложило свой особый отпечатокъ на явленія прогресса въ человѣчествѣ, отличая ихъ отъ всѣхъ остальныхъ явленій прогресса. Камень катится съ горы, ручей течетъ по руслу, дерево ростетъ изъ зерна, но ни то, ни другое, ни третье не могутъ по желанію остановиться въ своемъ движеніи. Но человѣкъ, спускаясь съ горы, вступая въ битву, устанавливая законы для своей страны, можетъ, захотѣвши, остановить эти явленія, или придать имъ то или другое направленіе, потому можетъ, что, *во первыхъ,* онъ можетъ ихъ ясно сознавать и, *во вторыхъ,* онъ можетъ захотѣть сознательно сдѣлать то или другое, смотря по своему желанію. Нельзя себѣ даже представить, чтобы прогрессъ внѣшняго міра, — охлажденіе туманныхъ пятенъ и образованіе изъ нихъ планетъ, развитіе организмовъ — могъ самъ себя остановить, ибо онъ самъ себя не сознаетъ и въ немъ отсутствуетъ элементъ воли. Но можно себѣ представить, теоретически по крайней мѣрѣ, что люди сговорятся остановить прогрессъ въ своей жизни, и тогда, если они

будутъ имѣть возможность осуществить свою волю, — прогрессъ неминуемо долженъ будетъ остановиться. Какъ видно, разница въ обоихъ случаяхъ громадная, и эта разница, есть результатъ появленія въ послѣднемъ случаѣ двухъ новыхъ факторовъ, раньше въ природѣ несуществовавшихъ — сознанія и воли.

Но это еще не все. Прогрессъ, произведя существъ сознательныхъ, сталъ явленіемъ уже не безразличнымъ для этихъ существъ. Для человѣка не безразлично, развивается ли, усложняется ли онъ и его жизнь, или нѣтъ, какъ безразлично это для минеральнаго міра, для растеній, для нисшихъ животныхъ; болѣе того, онъ сознаетъ всю болѣзненность процесса развитія, онъ сознаетъ, что процессъ этотъ для него не благо, а зло, ибо чѣмъ духъ дѣлается сложнѣе, тѣмъ жизнь становится для него труднѣе, и онъ страдаетъ отъ этого. А если развитіе духа и жизни есть процессъ самъ по себѣ трудный и болѣзненный, будучи ничѣмъ инымъ какъ постояннымъ ломаніемъ, постояннымъ приспособленіемъ своей природы къ все новымъ и новымъ условіямъ, и если процессъ этотъ въ самомъ своемъ результатѣ имѣетъ лишь трудность и болѣзненность, приноситъ лишь все новыя и новыя страданія, то естественно, что человѣкъ начнетъ наконецъ относиться враждебно къ этому развитію и захочетъ его остановить.

Итакъ прогрессъ въ человѣчествѣ отличается отъ прогресса въ остальномъ мірѣ тремя существенными чертами: 1) онъ перестаетъ быть явленіемъ безсознательнымъ и становится явленіемъ сознательнымъ или точнѣе — сознаннымъ, понятымъ, 2) онъ становится въ зависимость отъ воли человѣка, и этимъ самымъ перестаетъ быть явленіемъ *неизбѣжно* стихійнымъ, 3) онъ перестаетъ быть явленіемъ безразличнымъ, а сознается какъ нѣчто пріятное или непріятное и потому желательное или нежелательное. Становясь въ зависимости отъ воли, прогрессъ въ человѣчествѣ перестаетъ быть неизбѣжнымъ, а будучи сознаннымъ и притомъ сознаннымъ какъ зло, онъ становится нежелательнымъ. Но разъ онъ нежелателенъ и не неизбѣженъ, то при благопріятныхъ условіяхъ онъ *можетъ* остановиться. Все зависитъ отъ воли человѣческой.

Можно на это возразить, что и сама воля не можетъ такъ свободно сговариваться и захотѣть остановить процессъ столь важный, міровой, охватывающій всю вселенную и потому, повидимому, неизбѣжный и для человѣка, что сама воля будетъ неизбѣжно всегда хотѣть прогресса и потому прогрессъ въ человѣчествѣ всетаки такъ же неизбѣженъ, какъ и въ остальномъ мірѣ.

И тутъ мы наталкиваемся на вопросъ о свободѣ воли, вопросъ почти что неразрѣшимый или по крайней мѣрѣ очень трудно разрѣшимый. Потому такъ

трудно разрѣшимый, что нашъ разумъ съ совершенно такою же ясностью говоритъ намъ, что воля наша не можетъ быть свободной, съ какою непосредственное чувство наше заставляетъ признать ее свободной*). Въ виду этого самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, — это разсмотрѣть вопросъ о неизбѣжности прогресса въ человѣчествѣ съ обѣихъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія свободной и несвободной воли.

Если воля есть нѣчто самоопредѣляющееся, если она есть нѣчто настолько отличное отъ остальной природы, что не подчиняется ни законамъ пространства, ни времени, ни причинности, то для человѣка законъ прогресса не писанъ: хочетъ онъ — прогрессируетъ, хочетъ — нѣтъ. Но если воля не свободна, или не вполнѣ свободна, то положеніе дѣла, повидимому, мѣняется; тогда, повидимому, прогрессъ и въ человѣчествѣ не можетъ быть остановленъ, внѣшнія условія будутъ вліять сильнѣе воли человѣчества, не человѣкъ ихъ можетъ заставить направиться по своему желанію, а они его, даже наперекоръ оба его желаніямъ. Но это только повидимому, въ дѣйствительности же это не такъ, въ дѣйствительности мы должны смотрѣть на дѣло такъ, какъ посмотрѣлъ бы юристъ или моралистъ,

*) Люди обыкновенно разрѣшаютъ этотъ вопросъ, смотря потому, довѣряютъ ли они больше разуму или непосредственному чувству.

не признающіе свободу воли. Не признавая ее теоретически, они на практикѣ смотрятъ на человѣка такъ, какъ будто бы онъ былъ ею одаренъ: одинъ налагаетъ на человѣка наказанія, другой предписываетъ ему обязанности по отношенію къ ближнему и къ обществу въ томъ предположеніи, что страхъ наказанія въ первомъ случаѣ и сознаніе своихъ обязанностей во второмъ и будто тѣми именно мотивами, которые заставятъ несвободнаго человѣка дѣйствовать въ желаемомъ направленіи. Такъ поступимъ и мы. Допустимъ, что человѣкъ не свободенъ, что всякое рѣшеніе его воли обусловливается какими нибудь внѣшними или внутренними мотивами. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ существуетъ весьма сильный мотивъ для желанія освободиться отъ прогресса, — сознаваемаго какъ зло, какъ источникъ страданій, то подъ вліяніемъ этого мотива люди могутъ направить всю силу своего хотѣнія, своей воли, хотябы и несвободной, на остановку прогресса — и, при случаѣ, остановить его*).

— Итакъ, смотрѣть ли на волю какъ на нѣчто стоящее внѣ закона причинности (хотя причинность такая же неизбѣжная форма нашего сознанія, какъ

*) Въ этомъ, мнѣ кажется, и будетъ состоять процессъ, посредствомъ котораго періодъ эволюціи человѣчества перейдетъ въ слѣдующій періодъ — равновѣсія, всегда предшествующій третьему періоду — періоду диссолюціи.

время и пространство), или считать ее только иллюзорно свободной, на самомъ же дѣлѣ несвободной, въ обоихъ случаяхъ прогрессъ въ человѣческомъ обществѣ вовсе не неизбѣженъ. Онъ можетъ быть и не быть, смотря по желанію.

Я знаю, что развиваемая здѣсь мысль о возможности человѣка силою своей воли остановить теченіе міровыхъ событій, дѣйствовать наперекоръ законамъ природы ими управляющими, покажется странной и неосуществимой. Приведу поэтому примѣръ, изъ котораго видно, что если не все человѣчество, то нѣкоторая доля его прямо и сознательно идетъ наперекоръ міровому закону, старается силою своей воли уничтожить его, устранить примѣненіе его къ человѣческому обществу и до нѣкоторой степени дѣйствительно достигаетъ этого.

Я имѣю въ виду законъ борьбы за существованіе и переживанія способнѣйшаго. Законъ этотъ проявляетъ себя всюду и съ особенной силой и ясностью въ органическомъ мірѣ. Здѣсь не только каждое растеніе борется со всѣми другими, каждое животное со всѣми другими, не только борятся растенія и животныя между собою, но каждая часть каждаго организма находится въ борьбѣ со всѣми другими частями (W. Roux), каждый органъ борется съ другими органами, каждая клѣтка со всѣми клѣтками, каждый біо-

форъ съ сосѣдними біофорами; а въ зародышевой плазмѣ каждый детерминантъ старается взять верхъ надъ другими (A. Weismann). Отъ біофоровъ начиная и до группъ организмовъ, т. е. обществъ включительно, идетъ борьба, въ которой каждый борящійся старается взять верхъ, въ которой сильный старается затоптать болѣе слабаго и не только старается, но и достигаетъ этого. Даже въ неорганическомъ мірѣ дѣйствуетъ этотъ могучій законъ: небесныя тѣла борятся между собою, стараясь взять верхъ другъ надъ другомъ (Du Preel), и слабыя, неприспособленныя тѣла, какъ кометы, погибаютъ, въ то время какъ болѣе приспособленныя планеты продолжаютъ свое, тоже путемъ нѣкогда существовавшей борьбы, пріобрѣтенное невозмутимо спокойное движеніе.

Но вотъ появляется человѣкъ и говоритъ: стой, законъ! не хочу подчиняться тебѣ. Ты учишь меня, сильнаго, бороться со слабыми и затаптывать ихъ, а я хочу — слышишь ли — *хочу* наоборотъ помогать слабымъ. И онъ подходитъ къ слабому, бережно подымаетъ его, кладетъ на мягкую постель, даетъ ему лекарства, окружаетъ его попеченіями, любовью и заботами, отвозитъ въ теплый климатъ; онъ устраиваетъ для слабыхъ пріюты и больницы, и когда они нѣсколько поправятся, онъ даетъ имъ болѣе легкую работу, дабы они могли жить потихоньку и получать

отъ жизни свою долю радостей, а дѣтей его, тоже слабыхъ, окружаетъ особыми попеченіями, даетъ имъ болѣе питательную пищу, чѣмъ другимъ, болѣе теплую одежду. Онъ знаетъ, что этимъ онъ понижаетъ уровень расы, но онъ говоритъ: что же дѣлать, не могу я губить слабаго ребенка, не могу я лишать пищи слабосильнаго, больнаго ближняго, не могу быть жестокимъ.

И когда вы, читатель, помогаете ближнему, когда вы заботитесь о своемъ хиломъ ребенкѣ, то вы силою своего хотѣнія, силою своей воли сознательно уничтожаете могучій міровой законъ природы — законъ борьбы за существованіе. Не удивляйтесь же и не считайте страннымъ, когда я совѣтую людямъ возстать и противъ другаго міроваго закона — закона эволюціи или прогресса и рекомендую имъ силою воли остановить его, и не считайте этого невозможнымъ. Захотятъ люди — и остановятъ прогрессъ, и благо имъ будетъ!

Я боюсь, что читателю эта глава не понравится; она покажется ему слишкомъ сухой, онъ найдетъ ее черезъ чуръ отвлеченной. Но пусть онъ не забываетъ, что самый предметъ разсужденій, что сама сущность вопроса, здѣсь разсмотрѣннаго, отличаются характеромъ въ высокой степени отвлеченнымъ. Только такимъ отвлеченнымъ путемъ и можно было болѣе или менѣе

удовлетворительно отвѣтить на возраженіе, поставленное мнѣ читателемъ въ самомъ началѣ главы: „что толку возмущаться противъ прогресса, разъ онъ неизбѣженъ.“ Я говорю: болѣе или менѣе удовлетворительно, ибо вполнѣ удовлетворительнымъ отвѣтъ будетъ только по прочтеніи слѣдующей главы.

Глава IV.

Необходимость заговора и насилія.

Хорошо, скажете вы, я согласенъ, что прогрессъ есть явленіе, основанное на жестокости, что онъ далеко не такъ красивъ, какъ его обыкновенно воображаютъ, я готовъ допустить, что въ примѣненіи къ человѣчеству онъ приводитъ не къ увеличенію счастья, а лишь къ необычайному усложненію жизни и духа, сдѣлавшему и продолжающему дѣлать жизнь для человѣка все труднѣе и труднѣе; повидимому вы правы: когда жизнь была проще и сами люди были проще — имъ легче жилось, жизнь не сознавалась такимъ бременемъ, какъ теперь. Я далѣе согласенъ, что человѣкъ въ устройствѣ своей судьбы на землѣ зависитъ отъ своей воли и что слѣдовательно теоретически можно допустить, что онъ можетъ остановить прогрессъ въ своей жизни, когда онъ сознаетъ его какъ зло. Но это только теоретически; а между теоретическимъ допущеніемъ возможности и практическимъ осуществленіемъ — вѣдь цѣлая пропасть.

Вотъ почему я думаю, что такая вещь какъ остановка прогресса, хотя теоретически и мыслима, но на практикѣ неосуществима. Какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ въ дѣйствительности осуществиться такая вещь какъ остановка прогресса? Нѣтъ, все это слишкомъ невѣроятно, слишкомъ неестественно.

Какъ это можетъ осуществиться? спрашиваете вы. Прочтите мою сказку и вы увидите, какъ. Вся она есть ничто иное, какъ практическій проектъ остановки прогресса въ человѣчествѣ. Проектъ, смѣю думать, весьма разработанный и детальный. Вы увидите, что осуществленіе этой идеи, которое внесетъ столько мира и успокоенія въ человѣческое существованіе на землѣ, возможно не только въ теоріи, но и на практикѣ.

Вы говорите: это невѣроятно. Да, такъ, какъ вы себѣ это представляете, т. е. естественнымъ путемъ, путемъ соглашенія всего человѣчества — это невѣроятно. Но если имѣть въ виду методъ, примѣненный обновителями или покровителями человѣчества, то то, что на первый взглядъ казалось невѣроятнымъ и неосуществимымъ, перестанетъ казаться таковымъ. Методъ этотъ — заговоръ и насиліе.

Если предоставить событія собственному своему, естественному теченію, то можетъ ли само собою остановиться развитіе и усложненіе органической жизни? Пока эта жизнь будетъ жить — очевидно

нѣтъ, ибо естественное состояніе жизни, какъ и всякаго бытія — это безпрерывное развитіе и усложненіе. Тоже и для человѣка, который есть только одна изъ формъ органической жизни: предоставленное самому себѣ, стихійнымъ силамъ природы, развитіе и усложненіе человѣка и его жизни остановиться само собой не можетъ. Но если этотъ процессъ усложненія сопряженъ съ страданіемъ, котораго человѣку свойственно, естественно избѣгать, и если онъ, этотъ процессъ, не можетъ остановиться самъ собой, то остается выбрать одно изъ двухъ, или подчиниться ему и молча переносить страданія, или же, если эти страданія станутъ непосильны — то возмутиться и прибѣгнуть къ насилію: насильственно, буде это возможно, остановить развитіе духа, насиліемъ упростить духъ слишкомъ переразвитой, насильно удерживать его на томъ уровнѣ, при которомъ возможно наибольшее состояніе довольства и счастья на землѣ. Итакъ насиліе — явно необходимо, ибо, повторяю, возможны только два исхода: молча страдать или насильственно оттолкнуть страданіе. Само оно не отойдетъ. Сто тысячь лѣтъ существованія человѣчества тому неопровержимое свидѣтельство.

Вы говорите: это неестественно; развитіе и усложненіе человѣческой природы неизбѣжно, неудержимо должно идти впередъ, ибо все, весь міръ идетъ этимъ путемъ, и если теоретически и мыслимо, что одна

часть этого міра — человѣкъ, выдѣлится изъ этого міроваго теченія и въ видѣ исключенія, силой своего хотѣнія остановитъ свое усложненіе, то въ дѣйствительности это никогда не случится, ибо такая остановка неестественна. „И еслибы (можно было бы далѣе сказать), я попалъ на острова Таити, къ вашимъ друзьямъ и мнѣ бы сказали, что человѣческій духъ остановился въ своемъ развитіи и держится искуственно на одномъ и томъ же уровнѣ въ неподвижномъ состояніи, то я бы этому не повѣрилъ, ибо почуялъ бы въ этомъ фальшъ, какъ во всемъ неестественномъ.“

Да, отвѣчу я на это, — это вѣрно, это неестественно. Неестественно, чтобы все человѣчество захотѣло пріостановиться въ своемъ развитіи, хотя бы это развитіе и сопровождалось съ страданіемъ, и хотябы самое страданіе было въ свою очередь состояніемъ неестественнымъ для него. Масса человѣчества есть нѣчто слишкомъ стихійное, слишкомъ природное и какъ таковое она въ своей совокупности не можетъ захотѣть остановки въ своемъ развитіи. Для этой массы одинъ удѣлъ: вѣчно усложняясь, вѣчно страдать. Но если такое неестественное хотѣніе, какъ все неестественное, не можетъ быть дѣломъ всего человѣчества, то для отдѣльныхъ, исключительныхъ единицъ оно вполнѣ возможно. Для этихъ отдѣльныхъ единицъ уже нисколько не будетъ неестественнымъ захотѣть

остановить такой міровой процессъ, какъ развитіе и усложненіе, ибо нѣтъ предѣла въ разнообразіи хотѣній — хотя бы самыхъ невѣроятныхъ, неестественныхъ и, повидимому, невозможныхъ — *для отдѣльныхъ личностей,* и еслибы отдѣльнымъ лицамъ пришло такое желаніе, и еслибы они обладали силой и средствами его осуществить — то оно бы и осуществилось. Неестественное, говоря парадоксомъ, осуществилось бы тогда естественнымъ путемъ.

И это будетъ еще яснѣе на другомъ примѣрѣ: видъ самъ себя уничтожить не можетъ, для него естественно напротивъ самого себя оберегать; и человѣчество, какъ бы ему ни пришлось туго, никогда само себя не уничтожитъ, ибо это для него неестественно. Но отдѣльнымъ лицамъ, отдѣльной сектѣ напримѣръ, такое желаніе уничтожить человѣчество прійти можетъ (и приходило, въ Сиріи напр.), и еслибы эти люди изобрѣли такое средство*), которое давало бы имъ возможность осуществить свое желаніе, то они немногіе, сдѣлали бы то, что все человѣчество въ своей совокупности сдѣлать было бы не въ состояніи: они истребили бы весь родъ человѣческій.

---

*) Напримѣръ „стерилизаторъ“. Впрочемъ мало ли какія еще могучія средства могутъ быть изобрѣтены (или изобрѣтены, но хранятся въ тайнѣ), которыя дадутъ отдѣльнымъ лицамъ безпредѣльную власть надъ человѣчествомъ.

И въ этомъ заключается великая сила отдѣльныхъ хотѣній, выдѣлившихся изъ хаотической и стихійной массы человѣчества: выдѣленная изъ нея, эта обособленная воля тѣмъ и сильна и всемогуща, что она перестаетъ быть стихійной, освобождается отъ законовъ природы, которымъ подчинено человѣчество, какъ цѣлое и можетъ повести человѣчество помимо этихъ законовъ, даже наперекоръ имъ. И невѣроятно, чтобы люди, когда они вполнѣ сознаютъ всю могучесть этой силы, не захотѣли бы когда нибудь воспользоваться ею для улучшенія условій своего земнаго существованія, устранивши главный источникъ всѣхъ страданій — сложность духа, а слѣдовательно и сложность формъ жизни, сложность, вызванная, поддерживаемая и все усиливаемая процессомъ развитія его.

Но чтобы достигнуть этого, необходимо 3 момента: 1) выдѣленіе отдѣльныхъ, вполнѣ однородныхъ волей изъ массы человѣчества, съ его безконечно разнородными волями, 2) насильственное уничтоженіе этихъ безконечно разнородныхъ волей, т. е. уничтоженіе всего почти человѣчества, 3) возсозданіе изъ немногихъ элементовъ, наиболѣе пассивныхъ и подходящихъ, новаго человѣчества, согласнаго волѣ выдѣленныхъ изъ прежняго человѣчества личностей.

Въ этомъ — единственный выходъ, единственный, но и безусловно вѣрный путь къ достиженію великой

цѣли — установленія счастья *на землѣ*. И я думаю, если есть небо, — то это единственный путь къ водворенію счастья и *на небѣ*.

Но разъ осуществится неестественное, т. е. остановится въ своемъ развитіи духъ, разъ установится счастье на землѣ, и это осуществится такимъ искуственнымъ путемъ, т. е. путемъ заговора и насилія, то оно, это счастье, какъ неестественное и противное природѣ (ибо простое счастье человѣческое на землѣ — противно природѣ, вѣчно стремящейся къ усложненію) будетъ непрочное и, предоставленное самому себѣ, легко, быстро даже разрушилось бы опять безъ вмѣшательства какой нибудь регулирующей силы, которая поддерживала бы уровень духа и уровень счастья на постоянной желательной высотѣ. А для этого эта регулирующая сила, этотъ регуляторъ долженъ быть нѣкоею силой наблюдающей человѣчество со стороны и, слѣдовательно, опять таки нѣчто выдѣленное и обособленное отъ человѣчества, и притомъ стоящее для болѣе удобнаго его обозрѣнія выше его, стоящее какъ бы на подмосткахъ — это и есть покровители. Покровители — это регуляторы человѣчества, поддающіе пара, когда они замѣчаютъ, что уровень духа понижается, останавливающіе давленіе его, когда этотъ уровень переходитъ за намѣченную границу, словомъ поддерживающіе уровень духа

въ его неустойчивомъ, но необходимомъ для счастья равновѣсіи.

Счастье или проще постоянное жизнерадостное настроеніе несовмѣстимо съ высокимъ развитіемъ духа, съ слишкомъ дѣятельнымъ умомъ, черезъ чуръ утонченнымъ чувствомъ и чрезмѣрно развитымъ воображеніемъ. Слишкомъ развитой духъ, подобно ѣдкой кислотѣ или щелочи, дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ на простое счастье и потому все это несовмѣстимо съ нимъ. А между тѣмъ для регулятора, особенно такого сложнаго механизма, какъ человѣкъ, высокое развитіе ума, ширина знаній, тонкость чувствъ являются необходимыми принадлежностями. И вотъ изъ этихъ двухъ условій: съ одной стороны — необходимости регулятору стоять не только въ сторонѣ отъ человѣчества, но и выше его, дабы лучше наблюдать его и съ другой, — несовмѣстимости высокаго развитія духа съ счастьемъ, вытекаетъ необходимость полиморфизма въ человѣчествѣ. Съ одной стороны: покровители — носители ума, съ другой: друзья — носители самаго счастья.

Итакъ: надо найти формулу счастья для человѣчества (напримѣръ: простое дѣтское счастье) и, затѣмъ, путемъ заговора насильственно осуществить эту формулу. Ибо человѣчество, какъ цѣлое, можетъ развиваться только естественнымъ путемъ, и если это

естественное развитіе привело къ несчастью, а въ будущемъ приведетъ къ еще большему несчастью, то водвореніе счастья на землѣ осуществимо только искуственнымъ путемъ, т. е. остановкой путемъ заговора и насилія его естественнаго развитія.

Но все это осуществимо только въ отдаленномъ будущемъ, когда страданія людскія удвоятся, утроятся, можетъ быть удесятерятся, когда послѣдніе идеалы у людей исчезнутъ. Теперь люди еще недостаточно измучились и потому неготовы воспринять эти идеи; теперь у нихъ есть еще идеалы, къ которымъ реформаторы стремятся, въ которые они вѣрятъ; необходимы еще попытки осуществить счастье путемъ соціализма, путемъ христіанства (въ который разъ!) и, можетъ быть, еще какимъ нибудь путемъ; необходимо убѣдиться, что ни одинъ изъ мыслимыхъ путей не ведетъ къ счастью людей, ибо ни они, таковы какъ они есть, не созданы для счастья, ни естественныя, природныя условія не созданы для счастья. Тогда только найдутся люди, которые сочтутъ себя въ правѣ и не только въ правѣ, но и обязанными испытать новый путь, здѣсь предложенный: разрушить естественныя условія человѣка и природы — условія безсмысленныя и жестокія — и насильственно замѣнить ихъ искуственными — болѣе добрыми и разумными.

Но, спросятъ, что же дѣлать теперь? Неужели сидѣть сложа руки и наблюдать, какъ страданія человѣческія удвояются, утрояются, удесетеряются?

Зачѣмъ сидѣть сложа руки, много есть дѣла и теперь. Можно напримѣръ работать на пользу прогресса во всѣхъ его видахъ, всѣми мѣрами содѣйствовать ускоренію его и этимъ ускорить наступленіе того времени, когда бремя его станетъ непосильнымъ: можно содѣйствовать распространенію просвѣщенія, ибо это поможетъ людямъ яснѣе сознавать свои горести и такимъ образомъ ускорить моментъ, когда эти горести покажутся ему невыносимыми. Болѣе же всего старайтесь развивать въ людяхъ эстетическое чувство — это лучшее средство дѣлать ихъ неудовлетворенными и слѣдовательно несчастными. Если же вамъ покажется слишкомъ противнымъ заниматься такимъ дѣломъ, сознательно работать на то чтобы дѣлать людей болѣе несчастными (жизнь сама, безъ вашей помощи позаботится это сдѣлать) — тогда, конечно, въ настоящее время по крайней мѣрѣ остается только одно — сложивши руки, наблюдать, какъ назрѣваетъ человѣческій нарывъ.

Но если съ теченіемъ времени, когда нарывъ достаточно созрѣетъ, найдутся люди, которые будутъ убѣждены въ истинности мыслей, развитыхъ въ этой утопіи, то они могутъ сгруппироваться, тѣсно

сплотиться. Добровольно примѣняя къ себѣ искуственный подборъ, могутъ они развить въ своей средѣ, въ своихъ потомкахъ умственныя и нравственныя качества, необходимыя для той великой роли, которая можетъ быть выпадетъ на ихъ долю, развить свой умъ до степени абсолютной логичности, свои чувства до высшей честности, свою волю до непоколебимости; укрѣпить въ себѣ единство мысли и воли. Они могутъ искать въ физической и біологической природѣ такую силу, которая дала бы имъ власть надъ человѣчествомъ, хранить эту силу, передавая тайну ея изъ рода въ родъ. Они могутъ поставить себѣ задачей изучить законы наслѣдственности, и эта задача, надъ которой можно трудиться съ пользой для будущаго и въ настоящую минуту, является одной изъ самыхъ важныхъ, которыя предстоитъ имъ разрѣшить. Потому столь важной, что безъ знанія законовъ наслѣдственности искуственный подборъ невозможенъ, безъ искуственнаго подбора измѣненіе человѣческой природы невозможно, безъ измѣненія человѣческой природы счастье на землѣ невозможно. Они могутъ также накапливать средства, которыя въ свое время понадобятся для осуществленія ихъ намѣреній. И организовавшись такимъ образомъ, подготовившись, они могутъ ждать спокойно того момента, когда ходъ человѣческихъ событій съ несомнѣнностью укажетъ имъ, что дальнѣйшее су-

ществованіе людей на землѣ можетъ быть однимъ только сплошнымъ, невыносимымъ мученіемъ, когда терять человѣчеству будетъ болѣе нечего. Тогда, покрытые броней несокрушимой силы, могутъ они выступить съ спокойной совѣстью на арену и начать дѣйствовать: мощной рукой остановятъ они человѣчество въ его безумномъ, бѣшенномъ бѣгѣ впередъ, уничтожатъ его безболѣзненнымъ путемъ, а изъ остатковъ, тщательно подобранныхъ, возсоздадутъ они на основаніи законовъ наслѣдственности и путемъ искуственнаго подбора новую, дѣтскую расу людей, покорныхъ ихъ волѣ и способныхъ быть счастливыми.

Глава V.

Заколдованный кругъ.

(Cercle vicieux.)

Но я боюсь, что читатель не убѣдился логическимъ ходомъ разсужденій предъидущей главы, или, въ лучшемъ случаѣ, убѣдился только на половину. Я боюсь даже, что иной невнимательный читатель придетъ въ ужасъ и негодованіе отъ мыслей въ ней выраженныхъ. „Чему учите вы, несчастный,“ воскликнетъ онъ! „вы учите насилію, вы проповѣдуете убійство людей, и для чего ради — для достиженія счастья, какъ будто такими безнравственными средствами возможно достигнуть такой высокой цѣли. Вы или безумецъ, или преступникъ, уча такимъ вещамъ!“

Успокойтесь читатель, не волнуйтесь такъ, отвѣчу я на это, я не безумецъ и не преступникъ, дѣло гораздо проще: вы, читатель, — невнимательный читатель, и этимъ все объясняется. Вы, испугавшись словъ, не обратили вниманія на то, что я проповѣдую насиліе не надъ личностью, а надъ видомъ. уничто-

женіе не людей, а человѣчества, — а въ этомъ громадная разница. Нѣтъ сомнѣнія, что столь преступные и извращенные люди, которые способны были бы грубо насиловать и убивать людей, не были бы въ состояніи, въ силу именно своей преступности, извращенности и жестокости осуществить счастье на землѣ. Но насильственно можно осуществить остановку прогресса въ человѣчествѣ, насильственно можно пересоздать человѣка, не заковывая людей въ цѣпи, не сажая ихъ въ тюрьмы, вообще не причиняя имъ страданій; а уничтожить человѣчество можно, не прибѣгая къ убійству единаго человѣка, какъ все это вполнѣ ясно объяснено Эзаромъ въ его историческомъ очеркѣ событій, послѣдовавшихъ за XIX вѣкомъ.

Итакъ не пугайтесь словъ; если же вы невнимательно прочли сказку — прочтите ее еще разъ; прежде чѣмъ критиковать ее. Въ ней столько необычнаго, что не всякій сможетъ сразу ее усвоить.

И если предшествовавшій ходъ мыслей недостаточно васъ убѣдилъ въ необходимости насилія для осуществленія счастья на землѣ, то постараюсь дополнить силу доказательности моихъ мыслей еще слѣдующимъ разсужденіемъ.

Существуютъ два міросозерцанія столь же древніе, какъ и самъ человѣкъ. Они рѣзко противорѣчатъ другъ другу, они даже взаимно исключаютъ другъ

друга, между ними всегда происходила, какъ и теперь еще происходитъ, ожесточенная борьба, каждое изъ нихъ считаетъ себя правдой, стараясь взять верхъ надъ другимъ, и, несмотря на многовѣковую борьбу, до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не взяло верхъ надъ другимъ ни на одну іоту; и неудивительно — они равносильны.

Вотъ эти два міросозерцанія:

I. Когда всѣ люди сдѣлаются подобными ангеламъ, то всѣмъ будетъ хорошо, устранится само собою все дурное, исчезнутъ всѣ страданія и наступитъ эра счастья — рай земной. Слѣдовательно, всѣ усилія людей, жаждущихъ этого рая, должны быть направлены на нравственное усовершенствованіе человѣка, на внутренній, а не внѣшній міръ. Какъ ни измѣнять внѣшнія условія, но если люди останутся дурными, — все опять пойдетъ дурно.

II. Пока внѣшнія условія останутся такими, какими они были и какія есть, люди, не могутъ превратиться въ ангеловъ и вѣчно будутъ страдать. Слѣдовательно, всѣ усилія людей, жаждущихъ увидѣть счастье на землѣ, должны быть направлены на измѣненіе этихъ внѣшнихъ условій, безъ чего внутреннія улучшенія самой природы человѣка будутъ непрочны, постоянно вновь разрушаясь дурными внѣшними условіями.

Очевидно оба міросозерцанія невѣрны или, правильнѣе, оба они вѣрны и потому, противорѣча другъ другу, ни то, ни другое не можетъ вести къ достиженію счастья: чтобы быть подобными ангеламъ, дѣйствительно нужны внѣшнія условія, этому не препятствующія, а чтобы возможны были эти условія, дѣйствительно нужно, чтобы люди были подобны ангеламъ — вотъ заколдованный кругъ, cercle vicieux, въ которомъ человѣчество кружится цѣлыя тысячелѣтія и изъ котораго нѣтъ ему выхода.

На это можно возразить слѣдующей аналогіей: чтобы больному человѣку сдѣлаться здоровымъ, надо много ходить, но чтобы много ходить, надо быть здоровымъ, и въ этомъ можно также усмотрѣть cercle vicieux и не найти выхода. А между тѣмъ выходъ очень простъ: пусть больной походитъ сначала немного, насколько позволятъ ему его силы, отъ этого его здоровье нѣсколько поправится и онъ, немного укрѣпившись, въ слѣдующій разъ сможетъ пройтись больше. Это его еще больше укрѣпитъ, онъ сможетъ пройтись еще болѣе и т. д., пока наконецъ онъ совсѣмъ поправится и будетъ въ состояніи ходить много. Такъ и со счастьемъ: пусть люди немного улучшатъ свою природу или только немногіе ее улучшатъ, отъ этого условія жизни нѣсколько измѣнятся къ лучшему, что будетъ способствовать дальнѣйшему

улучшенію человѣческой природы и т. д., пока наконецъ всѣ люди не превратятся въ ангеловъ, а жизнь на землѣ не превратится въ рай земной.

Но тутъ-то и обнаруживается вся ненадежность метода аналогій. Пока больной человѣкъ пройдется немного и этимъ хотя слабо, но прочно улучшитъ свое болѣзненное состояніе, въ это время и въ ожиданіи слѣдующей прогулки, никакія другія условія (какъ это, молча, предполагается) не будутъ дѣйствовать въ обратную сторону, т. е. разрушая здоровье и уничтожая благопріятные результаты, достигнутые первой прогулкой. Но въ жизни человѣческой такъ ли это происходитъ? Не разрушается ли тутъ каждый сдѣланный шагъ раньше, чѣмъ удается приступить ко второму шагу? Многовѣковый опытъ показываетъ, что именно такъ это и происходитъ.

Опытовъ, показывающихъ что это такъ, въ исторіи человѣчества можно найти много, но самый крупный изъ нихъ и въ тоже время самый убѣдительный — это само существованіе человѣчества, которое исчисляется учеными отъ 100.000 до 200.000 лѣтъ, существованіе не приведшее къ счастью. Неужели за 100.000 лѣтъ человѣчество, дѣлая все маленькіе шаги къ оздоровленію, не успѣло бы наконецъ совершенно выздоровѣть? Срокъ, казалось бы, достаточный, а между тѣмъ не видно ни малѣйшихъ призна-

ковъ превращенія людей въ ангеловъ, никакихъ симптомовъ оздоровленія человѣчества, а это не указываетъ ли на то, что если эти маленькіе шаги по временамъ и совершались, то каждый сдѣланный шагъ разрушался прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдующему. Что сказали бы вы, еслибы больной человѣкъ, совершая маленькія прогулки съ цѣлью поправленія своего разстроеннаго здоровья, стараясь продлить каждую прогулку, насколько ему позволили бы силы, еслибы этотъ человѣкъ по прошествіи года не почувствовалъ никакого облегченія? Вы, пожалуй, сказали бы: пусть потерпитъ еще, пусть продолжаетъ свои прогулки въ теченіи еще одного года. Но если и послѣ этого года его силы не возстановились бы, если онъ продолжалъ этотъ режимъ 10, 20 лѣтъ и его здоровье оставалось бы все въ томъ же положеніи? Вы сказали бы: человѣкъ этотъ неизлечимъ. Но человѣческое оздоровленіе продолжается по предлагаемому вами рецепту вотъ уже болѣе 100.000 лѣтъ, и если не видать никакихъ явныхъ признаковъ его оздоровленія, то не имѣетъ ли право всякій безпристрастный наблюдатель сказать: человѣчество неизлечимо? Или вы предполагаете, что человѣчество вплоть до конца XIX вѣка послѣ Р. Х. не прибѣгало къ этому способу оздоровленія, и что только теперь, послушавшись вашего совѣта, оно начнетъ къ нему прибѣгать и теперь, въ

недалекомъ будущемъ, достигнетъ исцѣленія. Но разумно ли такое предположеніе?

Итакъ, гигантскій опытъ, опытъ, который продолжался долѣе 100.000 лѣтъ, доказываетъ, что такой выходъ изъ вышеуказаннаго заколдованнаго круга неосуществимъ, и что приведенная вами аналогія больнаго человѣка, пріобрѣтающаго здоровье маленькими шагами, къ человѣчеству не примѣнима.

Но если этотъ опытъ, по самымъ своимъ гигантскимъ размѣрамъ будучи не вполнѣ ясимъ, какъ бы расплывчатымъ, можетъ показаться вамъ недостаточно убѣдительнымъ, то возьмемъ нѣсколько болѣе мелкихъ опытовъ. Возьмемъ напримѣръ христіанскія общины первыхъ вѣковъ христіанства. Вотъ, повидимому, немногіе люди довольно значительно улучшили условія своего существованія, они устранили изъ своей жизни по возможности все зло, жили дружно, мирно, не завидуя другъ другу, не злобствуя другъ на друга, а напротивъ помогая и любя одинъ другаго и были довольно счастливы, главнымъ образомъ, правда, счастливы надеждой вскорѣ быть еще гораздо болѣе счастливыми. Но вотъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій общины эти распались, исчезли, прошелъ вѣкъ, другой, третій, и что же мы видимъ, какой результатъ получился отъ этого маленькаго шага впередъ, какіе онъ оставилъ слѣды въ смыслѣ увеличенія

счастья человѣческаго на землѣ? Хитеръ будетъ тотъ, кто отыщетъ такіе слѣды: все расплылось безслѣдно.

Или возьмите другой примѣръ — Таитянъ. Всѣ прежніе путешественники въ одинъ голосъ описываютъ эти островки какъ земной рай, они не находятъ достаточно словъ чтобы изобразить то счастье, среди котораго протекала жизнь людей — дѣтей въ этомъ земномъ раю. И что же осталось отъ этого рая, когда въ него вступили европейцы — однѣ печальныя развалины, завитыя, какъ плющемъ, грустными воспоминаніями. Вотъ опять былъ сдѣланъ шагъ къ оздоровленію, къ водворенію счастья и опять неблагопріятныя внѣшнія условія разрушили всѣ достигнутые результаты безслѣдно.

Возьмите іезуитское царство въ Парагваѣ, которое тоже представляло изъ себя нѣчто въ родѣ рая земнаго, или первобытныхъ жителей Перу, мирное, благоденственное житіе которыхъ такъ сильно поразило грубыхъ испанцевъ-завоевателей, куда все это дѣлось, укажите, гдѣ сохранились хотя бы самые слабые слѣды всѣхъ этихъ попытокъ къ оздоровленію, попытокъ, выйти изъ подъ власти жестокосердаго, безсмысленнаго, стихійнаго закона, толкающаго человѣчество не къ счастью, а къ какому-то прогрессу.

И такихъ примѣровъ можно привести много. Ограничусь еще однимъ — изъ ближайшаго времени.

Робертъ Оуенъ въ началѣ прошлаго столѣтія заявилъ: дайте мнѣ какихъ угодно дурныхъ и испорченныхъ людей, и я берусь, поставивши ихъ въ хорошія условія существованія, превратить ихъ въ людей образцовыхъ. И онъ посвятилъ всю свою энергію и практичность, весь свой умъ, все свое состояніе на осуществленіе этой идеи и дѣйствительно достигъ немалыхъ результатовъ. И что же — теперь отъ всего этого не осталось болѣе и слѣда, люди его страны чувствуютъ себя столь же несчастными, даже болѣе несчастными, чѣмъ тогда. Вотъ опять маленькій шагъ, результаты котораго, такъ сказать, растаяли въ массѣ неблагопріятныхъ условій, который пропалъ безслѣдно.

Зачѣмъ безслѣдно, скажете вы, это такъ только вамъ кажется, на самомъ же дѣлѣ этотъ шагъ, какъ и всѣ остальные вами приведенные оставили, я въ этомъ убѣжденъ, свой слѣдъ, имѣли результатъ, который проявляется можетъ быть тамъ, гдѣ вы этого вовсе и не ожидаете, почему вы и не видите этихъ результатовъ. Такъ напримѣръ, дѣятельность Оуена имѣла навѣрное вліяніе на многихъ современниковъ его, она можетъ быть играла не малую роль въ томъ фактѣ, что рабочіе въ Англіи живутъ теперь въ лучшихъ помѣщеніяхъ, имѣютъ лучшую одежду, питаются лучше. Вотъ вамъ и шагъ сдѣланный впередъ къ выздоровле-

нію, къ водворенію счастья. И вообще, развѣ люди не лучше живутъ теперь, чѣмъ прежде, и развѣ не есть это доказательство, что всѣ эти маленькіе шаги къ улучшенію не пропадали даромъ, не расплывались, какъ вы утверждаете.

О да, скажу я вамъ на это, я не сомнѣваюсь, что рабочіе въ Англіи лучше живутъ, лучше ѣдятъ и одѣваются, чѣмъ во времена Оуена, и что вообще люди теперь живутъ лучше, чѣмъ прежде, это несомнѣнно, но прошу васъ: не смѣшивайте понятій. Я вѣдь не отрицаю, что прогрессъ существуетъ, что онъ летитъ даже на всѣхъ парахъ, что въ силу этого прогресса строенія стали лучше, пища тоже, одежда стала и лучше и дешевле, средства сообщенія, освѣщеніе, все стало лучше; я только спрашиваю: стали ли отъ этого всего люди счастливѣе, не чувствуютъ ли они себя даже болѣе несчастными, чѣмъ прежде? А вѣдь въ этомъ вся суть. Что толку, если простой американскій рабочій ходитъ въ пиджакѣ и крахмальной рубахѣ съ шелковымъ галстухомъ, три раза въ день обѣдаетъ настоящимъ обѣдомъ, живетъ въ домѣ иногда съ электрическимъ освѣщеніемъ и всегда съ ковромъ на полу, когда онъ, быть можетъ, чувствуетъ себя гораздо несчастнѣе, чѣмъ русскій пахарь XVII—XVIII столѣтія, жившій въ простой избѣ, освѣщенной лучиной, одѣвался въ самотканную серьмягу и питался

щами да кашей, но жилъ въ мягкой атмосферѣ „міра", окруженный духомъ справедливости, кротости и милосердія, жилъ по божески, довольный судьбой, не стремясь къ лучшему, но и *не опасаясь худшаго,* и былъ, можетъ быть, во много разъ счастливѣе теперешняго американскаго или англійскаго рабочаго. Вотъ гдѣ корень вопроса. Принесли ли эти маленькіе шаги увеличеніе счастья или нѣтъ, или они даже можетъ быть принесли увеличеніе несчастья. И я отвѣчаю, что они счастья не принесли, а что они или пропали безслѣдно, или вызвали прогрессъ, принесшій несчастье, трудность жизни, недовольство судьбой, что результатъ ихъ не +, а или 0, или даже —, и тогда къ чему все это электричество, всѣ эти телеграфы и телефоны, всѣ эти пиджаки и обѣды? Люди чувствуютъ себя все также несчастными, какъ и прежде — даже болѣе.

Но вѣдь это, скажете вы, одно только ваше личное мнѣніе.

Да, это мое личное мнѣніе, основанное на личныхъ наблюденіяхъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ; но если вы мнѣ не довѣряете, то я приведу вамъ мнѣніе человѣка навѣрное въ 10 разъ образованнѣе меня, многократъ разъ умнѣе, талантливѣе и наблюдательнѣе меня, и поставленнаго въ неизмѣримо лучшія условія для наблюденій, чѣмъ

я. Человѣкъ этотъ — Спенсеръ. Вотъ что онъ говоритъ *):

„Въ тѣ времена, когда люди были совершенно лишены политической свободы, рѣдко раздавались жалобы на ихъ притѣсненное положеніе, послѣ того же, какъ свободныя учрежденія въ Англіи получили такое развитіе, что имъ стали завидовать всѣ другіе народы, жалобы на господство аристократическаго режима стали раздаваться все сильнѣе и сильнѣе, что повело къ значительному расширенію народныхъ правъ, и что же? — это имѣло послѣдствіемъ лишь новыя жалобы и дальнѣйшія требованія расширенія свободы. — Если прослѣдить положеніе женщинъ, начиная отъ дикарей, гдѣ онѣ однѣ принуждены были исполнять всѣ работы, а въ пищу получали только то, что оставалось послѣ мужчинъ, переходя черезъ средніе вѣка, когда женщина была нѣчто въ родѣ прислуги мужчинъ, вплоть до нашихъ дней, гдѣ дамамъ всюду уступается первое мѣсто, то мы увидимъ, что при самомъ худшемъ ихъ положеніи, онѣ мало имъ тяготились, теперь же, когда положеніе ихъ лучше, чѣмъ когда либо, жалобы на тягость этого положенія съ каждымъ днемъ раздаются все сильнѣе и сильнѣе, причемъ самые громкіе крики исходятъ изъ „женскаго рая“ — Америки. —

*) H. Spencer. Essays scientific, political and speculative vol. III. From freedom to bondage.

Тоже относительно образованія: нѣсколько поколѣній тому назадъ грамотность была распространена только среди высшаго и средняго классовъ, и мысль, что образованіе надо дать и простому народу никому не приходила въ голову, или если она и высказывалась, то подвергалась всеобщему осмѣянію, когда же школы распространились всюду, дешевыя народныя изданія стали печататься въ изобиліи, начались крики, что народъ погибаетъ отъ невѣжества. — И тоже самое мы наблюдаемъ относительно пищи, жилища, одежды и вообще удобствъ жизни. Большой прогрессъ замѣчается, сравнивая то время, когда основой пищи большинства поселянъ служилъ ячменный и ржаной хлѣбъ, съ теперешнимъ, когда пшеничный хлѣбъ получилъ всеобщее распространеніе, то время, когда одежда ограничивалась грубой курткой, оставлявшей ноги голыми, съ теперешнимъ, когда рабочій, не отличаясь въ этомъ отъ хозяевъ, покрываетъ все тѣло двумя или нѣсколькими слоями матеріи; или сравнивая старину, когда жилищемъ служила хижина въ одну комнату, безъ трубы, съ XV столѣтіемъ, когда даже обыкновенный дворянинъ жилъ нерѣдко въ неоштукатуренныхъ домахъ и, наконецъ, съ настоящимъ столѣтіемъ, когда всѣ дома болѣе чѣмъ въ одну комнату, а дома ремесленниковъ обыкновенно въ нѣсколько комнатъ, всѣ снабжены печами, трубами и застекленными окнами и

по большей части съ обоями и крашеными дверьми; повторяю, прогрессъ въ условіяхъ жизни значительный. И этотъ прогрессъ еще болѣе обозначается въ послѣднее время. Всякій, кто можетъ припомнить время за 60 лѣтъ тому назадъ, когда бѣдность была значительно больше, чѣмъ теперь и нищіе попадались въ изобиліи, будетъ пораженъ перемѣной къ лучшему, сказавшейся и въ увеличеніи заработка, и въ удешевленіи многихъ предметовъ необходимости или комфорта, и въ распредѣленіи налоговъ, часть которыхъ отъ нисшихъ классовъ перешла къ высшимъ. И несмотря на то, что прогрессъ какъ въ образованіи, такъ и въ условіяхъ матеріальной жизни, теперь идетъ впередъ быстрѣе, чѣмъ когда либо раньше, что уменьшеніе смертности, увеличеніе долголѣтія, которое одно уже служитъ доказательствомъ всеобщаго улучшенія, несмотря на все это, все громче и громче раздаются крики, что зло такъ велико, что ничто кромѣ соціальнаго переворота не можетъ его исправить. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ раньше приведенныхъ, мы замѣчаемъ, что въ той же мѣрѣ, въ какой зло уменьшается, жалобы на него увеличиваются.“

И какъ общій выводъ онъ прибавляетъ: „Замѣчательно, что чѣмъ болѣе положеніе вещей улучшается, тѣмъ жалобы на дурныя стороны этого положенія становятся громче.“

Выводъ этотъ, мрачный, трагическій смыслъ котораго ускользнулъ отъ вниманія самаго Спенсера, имѣетъ великое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если только не допустить, что человѣчество, развиваясь въ одномъ направленіи отъ начала вплоть до настоящаго времени, вдругъ съ этой минуты начнетъ развиваться по совершенно другому направленію, то мы въ правѣ сказать навѣрняка, что лѣтъ черезъ 100 или 200 явится новый Спенсеръ, который скажетъ: замѣчательно, что люди XIX вѣка, которые лишены были того и другаго, у которыхъ третье и десятое было въ очень малой степени, не жаловались на это или жаловались мало, но теперь, когда у нихъ все это имѣется въ изобиліи, раздаются все громче и громче крики, что ихъ положеніе невыносимо, что они такъ несчастны, какъ никогда. И онъ могъ бы повернуть этотъ выводъ въ обратную сторону и съ такимъ же правомъ сказать: „Замѣчательно, что чѣмъ положеніе вещей проще и сами люди проще, тѣмъ болѣе они довольны своимъ положеніемъ.“ А что это значитъ?

О, это значитъ очень многое! Это значитъ, что прогрессъ не приноситъ съ собой счастья, это значитъ, что природа человѣческая несовмѣстима съ счастьемъ, что сложность духа есть главный источникъ страданій, это значитъ, что человѣкъ прогресса дѣйствительно не столько счастливъ тѣмъ, что онъ

имѣетъ, сколько несчастливъ тѣмъ, чего не имѣетъ. И это также значитъ, что маленькіе шаги къ улучшенію здоровья человѣчества дѣйствительно расплываются въ смыслѣ его оздоровленія, и вмѣсто здоровья, т. е. счастья, они приносятъ лишь усложненіе — источникъ новыхъ несчастій, что болѣзнь человѣчества неизлечима; это значитъ, что превращеніе людей въ ангеловъ невозможно, ибо внѣшнія условія существованія человѣчества тому препятствуютъ и что съ другой стороны истинное улучшеніе внѣшнихъ условій (ни электричество, ни пиджаки и проч. нельзя считать таковыми) тоже невозможно, ибо люди не ангелы, тѣ же условія, улучшеніе которыхъ достижимо, не содѣйствуютъ превращенію ихъ въ ангеловъ. Однимъ словомъ это означаетъ, что дѣйствительно существуетъ тотъ ужасный заколдованный кругъ, въ которомъ человѣчеству суждено вращаться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ, и чтобы высвободить эту несчастную бѣлку необходимо разломать это колесо, необходимо разорвать этотъ заколдованный кругъ, необходимо насиліе. Самъ онъ не разорвется никогда: дурные люди всегда будутъ разрушать всякій шагъ къ улучшенію условій ихъ существованія, а дурныя условія существованія всегда будутъ разрушать всякій шагъ къ улучшенію людей. Такъ это было въ теченіи 100.000 лѣтъ, такъ это будетъ и дальше. Развѣ только допустить, что отнынѣ

все пойдетъ совершенно иначе — что будетъ явнымъ безумiемъ.

Итакъ, выхода изъ заколдованнаго круга нѣтъ. И не будетъ! Не будетъ, поколѣ не совершится то, что изображено въ моей сказкѣ-утопiи. Только тогда, когда изъ среды стихiйнаго человѣчества выдѣлится кучка людей внѣ и выше его стоящая, прочно организованная, съ единой волей, и она найдетъ силу, которая дастъ ей возможность по ея доброму хотѣнiю и вѣрному разумѣнiю вести человѣчество ко благу помимо его вѣдѣнiя или даже наперекоръ ему, только тогда будетъ разорванъ этотъ cercle vicieux.

Но для этого необходимо насилiе.

Старый рецептъ, воскликнетъ кто нибуь изъ читателей: вгонять дубинкой въ рай!

Ничего, читатель, не смущайтесь этимъ. Пусть рецептъ старъ, пусть онъ написанъ на толстой синеватой бумагѣ, съ неровными краями, старинымъ средневѣковымъ почеркомъ: старый рецептъ, подобно старому другу, иногда лучше новыхъ двухъ. И не все ли вамъ равно, какъ попасть въ рай? Вѣдь важно то, чтобы попасть въ него, а не то, какимъ путемъ это совершится: по старому ли рецепту или по новому. И не лучше ли потихоньку быть вогнаннымъ въ рай дубинкой, чѣмъ мучиться въ аду безъ дубинки?

И этотъ рецептъ разъ уже чуть чуть было не сослужилъ службы человѣчеству, чуть чуть не исцѣлилъ его отъ его хроническаго недуга — страданія. Я имѣю въ виду католичество или, точнѣе говоря, — іезуитское общество. Это общество — небольшая кучка смѣлыхъ и отборно умныхъ людей, задалось когда-то грандіозной задачей завоевать все человѣчество, забрать его безконтрольно въ свои руки отъ перваго до послѣдняго, съ цѣлью повести его въ рай земной — и между прочимъ и въ небесный. Какъ очень умные люди, они понимали, что счастье человѣческое возможно только при одномъ условіи: полномъ единеніи воли, желаній и дѣйствій. Пока каждый будетъ тянуть въ свою сторону и предлагать всѣмъ добровольно принять свой рецептъ исцѣленія, ни одинъ рецептъ не можетъ быть принятъ всѣми. Они поняли, что при отсутствіи такого единенія отдѣльныя, частныя, движенія парализуя другъ друга, не могутъ повести къ одному общему движенію по направленію къ счастью, а слѣдовательно и само счастье, невозможно. И вотъ они сговорились силой уничтожить единоличныя, и другъ друга уничтожающія воли и дружно, единомысленно и единовластно потянуть все человѣчество по одному направленію — въ рай. Дубинка, которою они пользовались, порой, правда, превращалась въ цѣлую дубину, и они порой ужъ очень больно ею били,

но въ тѣ времена и прадѣды наши обладали спинами пошире нашихъ, и ихъ иногда спасали такіе героическіе пріемы лекарствъ, отъ которыхъ намъ бы не сдобровать.

Какъ бы то ни было, но никогда еще, ни въ одинъ періодъ человѣческой исторіи не задавались люди такой величественной, такой грандіозной задачей, которую нѣкогда преслѣдовали іезуиты, и было время, когда они стояли близко къ осуществленію своей цѣли. И быть можетъ надо жалѣть, что они ея не достигли, ибо я очень склоненъ думать, что еслибы программа іезуитовъ осуществилась во всей своей цѣлостности, то я, который теперь мучаюсь и страдаю, и многочисленные люди, которыхъ я вижу вокругъ себя мучающимися и страдающимися, были бы счастливыми существами. И я имѣю нѣкоторое основаніе такъ думать, ибо въ одномъ по крайней мѣрѣ случаѣ, гдѣ іезуитамъ не мѣшали дѣйствовать, гдѣ они со всею послѣдовательностью, во всей полнотѣ могли осуществить свои идеи въ теченіи болѣе столѣтія — въ Парагваѣ, они вполнѣ достигли своей цѣли: устроили большую многомилліонную группу вполнѣ счастливыхъ людей — вогнали ихъ дубинкой въ рай*). Даже та-

*) Какой другой рецептъ, спрашиваю я васъ, читатель, когда либо осуществлялъ подобное?

кой отъявленный и пристрастный врагъ іезуитовъ, какъ Griesinger, принужденъ былъ это признать. Правда, Griesinger, подобно всѣмъ теперешнимъ людямъ, живущимъ подъ гипнозомъ идеи прогресса и свободы, съ ироніей отзывается объ этомъ счастьѣ, ибо іезуиты въ своемъ парагвайскомъ царствѣ уничтожили всѣ фетиши современныхъ людей, уничтожили всякую свободу, всякое просвѣщеніе, всякій прогрессъ, замѣнивъ все это однимъ и только однимъ — счастьемъ. Но Гризингеръ этому послѣднему не придаетъ особой цѣны, онъ не промѣнялъ бы и одинъ золотникъ свободы за цѣлый пудъ счастья.

Бѣдные, безумные люди! на что она имъ эта свобода, на что просвѣщеніе, цивилизація, прогрессъ, на что все это безъ счастья!

Ахъ! умные прозорливые были люди эти — іезуиты. Еслибы только они могли смотрѣть на вещи немного шире, не задумываясь отдалъ бы я себя въ ихъ руки: берите, дескать и ведите меня прямо къ счастью. Ничего другаго отъ жизни я вѣдь не ищу.

И это наводитъ меня на странную мысль: я бы не удивился, еслибы моя утопія осуществилась никѣмъ инымъ, какъ этимъ самымъ обществомъ іезуитовъ.

Скажу даже болѣе: еслибы я былъ человѣкомъ со средствами, то я отправился бы прямо въ Римъ, къ генералу этого ордена и изложилъ бы ему свои взгляды.

Если ихъ цѣль дѣйствительно счастье людей на землѣ — то они выслушали бы меня съ интересомъ и со вниманіемъ, и если они все еще состоятъ изъ тѣхъ отборно умныхъ людей, какими они были въ прежнее время, то они поняли бы, что ихъ прежнее орудіе — религіозное чувство и предразсудки не можетъ при измѣнившихся условіяхъ быть болѣе дѣйствительнымъ, что оно затупилось и должно быть замѣнено новымъ, болѣе дѣйствительнымъ и болѣе непосредственнымъ. Потокъ скептицизма прорвалъ плотину и не зачинить ее гнилыми досками.

И тогда, кто знаетъ, быть можетъ, нашли бы они нужнымъ организовать въ своей средѣ особое тайное общество, тайное даже для самихъ своихъ собратьевъ іезуитовъ, силами, средствами и вліяніемъ которыхъ оно бы воспользовалось для осуществленія великой утопіи — рая земнаго. И изъ этого ядра впослѣдствіи естественно развилось бы тогда общество обновителей человѣчества и далѣе .... покровителей его.

Глава VI.

Матерія и духъ.

Можно себѣ представить, что. все матеріальное въ человѣкѣ будетъ все болѣе и болѣе ослабляться, отходить на задній планъ, а духовное выдвигаться на передній. Если человѣкъ каменнаго вѣка жилъ на 90 % матеріальными интересами и только на 10 % духовными, и если допустить, что мы, образованные, живемъ теперь на 50 % тѣми и другими интересами, то можно себѣ представить будущаго человѣка, у котораго матеріальная, чувственная жизнь займетъ лишь 10 %, а всѣ остальные 90 % отойдутъ на область духа, на интересы духовные.

Конечно это возможно, мыслимо, но во первыхъ вѣроятно ли это и во вторыхъ желательно ли оно?

Разительныхъ фактовъ, которые дѣлали бы это вѣроятнымъ, въ исторіи человѣчества не видно. Переберите все, что вамъ извѣстно изъ жизни древней исторіи, начиная съ Арійцевъ, древнихъ Индусовъ и древнихъ Египтянъ и постарайтесь возстановить въ

своемъ воображеніи тогдашнихъ людей, постарайтесь представить себѣ, что они думали, чувствовали и желали и сравните это съ тѣмъ, что теперешніе люди думаютъ чувствуютъ и желаютъ, и вы едва ли въ состояніи будете съ положительностью утверждать, что такое постоянное, непрерывное измѣненіе природы людей, въ смыслѣ преобладанія въ нихъ духа надъ матеріей, есть основной мотивъ въ исторіи человѣческой расы. И уже этотъ самый фактъ невозможности показать, что это такъ, сильно говоритъ въ пользу того, что это не такъ; ибо еслибы такое одухотвореніе дѣйствительно имѣло мѣсто, то факты исторіи съ большею или меньшею ясностью располагались бы именно въ этомъ смыслѣ; оно, это одухотвореніе, сразу бросалось бы тогда въ глаза, оно неизбѣжно и невольно выступало бы на поверхность исторіи человѣчества, какъ масло неизбѣжно подымается на поверхность воды.

На самомъ дѣлѣ факты однако располагаются скорѣе въ обратномъ порядкѣ.

Сравните напримѣръ вѣкъ Сократа съ нашимъ. Прочтите какое нибудь хорошее описаніе жизни Сократа и его современниковъ и вы къ удивленію своему увидите, что болѣе чѣмъ 2000 лѣтъ тому назадъ существовали совершенно тѣ же самые люди, что и теперь, съ тѣми же страстями, тѣми же чувствами хорошими и дурными, приблизительно въ одина-

ковой пропорціи, интенсивности и разнообразіи. Сходство поразительно, разница — лишь въ костюмахъ: вмѣсто безобразныхъ сюртуковъ и штановъ — красивыя тоги.

Сравните напримѣръ древнихъ Римлянъ временъ республики, ихъ гордое благородство, ихъ безупречную честность, ихъ высокое чувство справедливости, чувство долга, способность жертвовать всѣмъ кромѣ чести для величія своего отечества — съ низкими, подлыми, развращенными, римлянами временъ Нерона. Сравните этихъ древнихъ римлянъ съ теперешними римлянами или съ другими современными націями. Возьмите напримѣръ чудный эпизодъ борьбы римлянъ съ сабинянами (если не ошибаюсь) и сравните его съ подобнымъ же эпизодомъ въ борьбѣ американцевъ съ филипинянами и посмотрите, какая громадная разница между обоими. Вотъ эти два эпизода, совершившіеся на разстояніи болѣе 20 вѣковъ одинъ отъ другаго.

Римляне въ войнѣ съ сабинянами долго осаждали одинъ городъ и не могли его взять.

Однажды изъ этого города явился въ римскій лагерь школьный учитель

Американцы въ войнѣ съ филипинянами долго не могли захватить въ плѣнъ вождя ихъ Агвинальдо.

Однажды въ американскій лагерь явилось довѣренное лицо Агвинальдо и пред-

и предложилъ римлянамъ предательски ввести ихъ въ городъ.

Полководецъ пришелъ въ негодованіе отъ такого предложенія и заявилъ, что римляне побѣждаютъ своихъ враговъ храбростью, а не предательствомъ и измѣной.

Затѣмъ онъ послалъ его назадъ въ городъ съ связанными за спиной руками и въ сопровожденіи дѣтей, которыя всю дорогу били его розгами.

Предатель былъ такимъ образомъ жестоко наказанъ.

И весь римскій народъ радовался и гордился такому поступку своего вождя.

ложило американцамъ повести ихъ въ мѣсто, гдѣ онъ скрывался и предательски схватить его.

Американскій полководецъ пришелъ въ восторгъ отъ такого предложенія и заявилъ, что готовъ принять участіе въ ихъ предательствѣ.

Онъ послалъ отрядъ солдатъ, часть которыхъ проникла къ непріятелю подъ видомъ плѣнныхъ и такимъ образомъ овладѣли Агвинальдо.

Предатели и ихъ сообщники были награждены деньгами и чинами.

И весь американскій народъ съ президентомъ во главѣ радовался и гордился такому поступку.

Сравните эти два эпизода*) и скажите, когда люди были болѣе одухотворены, менѣе матеріальны, за нѣсколько ли сотъ лѣтъ до Р. Хр. или въ 1901 году послѣ Р. Хр.? Припомните Фабія Максима, который для блага своей страны назначилъ диктаторомъ своего злѣйшаго, смертельнаго врага Папиріуса Курсора, добровольно ставъ его подчиненнымъ. Припомните Регула, который былъ освобожденъ карѳагенянами изъ плѣна и отправленъ въ Римъ, чтобы онъ уговорилъ сенатъ прекратить войну, но съ котораго взято было слово, что если это ему не удастся, то онъ вернется назадъ. И онъ явился въ сенатъ, уговорилъ послѣдній продолжать войну и, несмотря на слезы своихъ близкихъ, знавшихъ, что его ожидаетъ, вернулся въ карѳагенъ, гдѣ и былъ звѣрски умерщвленъ. Кто изъ политическихъ людей теперешняго времени способенъ на такіе поступки? Кто назначилъ бы своего злѣйшаго врага — я ужъ не говорю своимъ начальникомъ — но хотя бы своимъ подчиненнымъ? Сравните это древнее величіе духа съ какимъ нибудь Чэмберлэномъ, натравливающимъ могущественную много милліонную націю на маленькій слабый народецъ въ южной Африкѣ, имѣя въ виду, что этимъ онъ и члены его

*) Есть ли первый изъ нихъ дѣйствительность или легенда — это разницы въ данномъ случаѣ не составляетъ.

семьи, обладающіе паями въ фабрикахъ, изготовляющихъ военную аммуницію, могутъ нажиться, и расчитывая цѣною цѣлыхъ потоковъ слезъ и крови обогатить себя и нѣсколькихъ своихъ друзей-капиталистовъ золотыми и алмазными копями Трансваля.

Или возьмите Индусовъ: многіе считаютъ, и не безъ основанія, что степень одухотворенія у древнихъ Индусовъ была гораздо большая, чѣмъ у современныхъ обитателей этой страны, и ужъ во всякомъ случаѣ едва ли она была ниже, чѣмъ у типичныхъ представителей нашего такъ называемаго матеріальнаго вѣка — англо-саксовъ. А вѣдь ихъ раздѣляетъ 5, 6, можетъ быть 10.000 лѣтъ! Возьмите древнихъ Евреевъ съ ихъ величественными пророками, проповѣдовавшими такую чистую, возвышенную этику, что самому Іисусу Христу (тоже вѣдь еврей!) мало что оставалось къ этому добавить, и сравните ихъ съ теперешними жидами — ростовщиками и развратителями рода человѣческаго. Тогда — Илія, Исаія, Іисусъ Христосъ, теперь — Ротшильдъ и Ко. Тогда — страстное стремленіе къ правдѣ и справедливости, теперь — къ золоту и брилліантамъ.

Или, если взять болѣе близкіе сроки, сравните русскаго крестьянина временъ господства режима „міра“, такъ много содѣйствовавшаго проявленію духа справедливости, съ теперешнимъ нравственно распу-

щеннымъ сельскимъ населеніемъ. Сравните напримѣръ людей образованныхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, описанныхъ у Григоровича (Проселочныя дороги) съ нашими конца XIX вѣка; я встрѣчалъ ихъ всѣхъ, этихъ героевъ Григоровича, въ своей жизни среди моихъ знакомыхъ, но какая разница! всѣ они оказываются черствѣе, эгоистичнѣе, жаднѣе, менѣе благородными, мелочнѣе, неумолимѣе къ своимъ ближнимъ и снисходительнѣе къ своимъ собственнымъ недостаткамъ, всѣ они однимъ словомъ стали болѣе матеріальными, менѣе одухотворенными. Сравните парижскихъ лоретокъ временъ Беранже, такъ весело и мило жившихъ со студентами въ качествѣ ихъ маленькихъ временныхъ женокъ, не думая ни о какихъ выгодахъ, съ теперешними женщинами того же порядка, грубо продающими свое тѣло по часамъ съ платою впередъ. И подобныхъ фактовъ въ исторіи разныхъ народовъ и разныхъ временъ можно найти массу, цѣлый большой томъ могъ бы быть ими наполненъ.

Я не хочу однако этимъ утверждать, что одухотвореніе человѣка идетъ въ обратномъ направленіи, такъ сказать вспять (хотя многое говоритъ въ пользу этого), я хочу только показать, что нѣтъ въ исторіи человѣчества разительныхъ фактовъ, доказывающихъ, что это одухотвореніе имѣетъ правильно поступительное движеніе. Можно подобрать факты и за, и про-

тивъ, и всѣ они одинаково будутъ неубѣдительны, да и трудно судить о состояніи духа народовъ отдаленной древности.

Но насколько можно судить по имѣющимся очень недостаточнымъ источникамъ о состояніи духа разныхъ народовъ, степень одухотворенія человѣка повидимому все таже, что теперь, что 100, или 200, или 2000 лѣтъ тому назадъ. Мѣняются формы, но люди существенно не мѣняются. Какъ вездѣ и во всѣ времена встрѣчаются люди очень высокаго роста — великаны и очень маленькіе люди — карлики, большинство же людей ни очень велики, ни очень малы, а средняго роста; точно также вездѣ и во всѣ времена попадаются въ небольшомъ числѣ очень хорошіе и очень дурные люди, большинство же всегда было и всегда будетъ ни хорошими и ни дурными, ни очень матеріальными, ни очень одухотворенными.

Итакъ прогрессъ въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ одухотворенія человѣка не можетъ считаться явнымъ.

Но желателенъ ли онъ?

И тутъ мы опять встрѣчаемся съ одной изъ тѣхъ общепризнанныхъ идей-аксіомъ, не требующихъ доказательствъ, о которыхъ я упомянулъ въ первой главѣ. Идея эта — желательность возможно большаго одухотворенія человѣческой природы. Кто сомнѣвается въ томъ, что духовная сторона человѣка выше

матеріальной, что духовныя наслажденія чище, благороднѣе, возвышеннѣе матеріальныхъ, кто не считаетъ это за несомнѣнную истину? И если это такъ, то получается такой логическій выводъ, считающійся также несомнѣннымъ, что пониженіе въ человѣкѣ его матеріальной природы и возвышеніе духовной, т. е. одухотвореніе человѣка есть идеалъ, къ которому должно стремиться, и что чѣмъ болѣе въ человѣкѣ духъ будетъ преобладать надъ тѣломъ, тѣмъ лучше.

Но вѣрно ли все это? Вѣрно ли, что духъ выше, чище, такъ сказать благороднѣе матеріи, той матеріи, сущности которой мы даже не знаемъ, которая и сама-то можетъ быть есть ничто иное, какъ одно изъ проявленій духа? Никогда, нигдѣ, ни въ одной религіи, ни въ одной философіи не встрѣчалъ я доказательствъ сколько нибудь серьезныхъ, что духъ выше матеріи, объясненій, почему это должно считаться именно такъ. Положеніе это утверждается — и только, оно принимается какъ аксіома, не требующая доказательствъ.

Говорятъ иногда: жизнь здѣсь на землѣ, среди матеріи есть лишь временная и очень даже кратковременная въ сравненіи съ жизнью въ другомъ, духовномъ мірѣ, и потому мы будто-бы должны презирать матерію и предпочитать ей все духовное. Но когда мы отправляемся въ театръ, то наше пребы-

ваніе тамъ тоже лишь временное и очень кратковременное въ сравненіи съ остальной земной жизнью нашей; но развѣ это есть причина, чтобы мы съ презрѣніемъ отвернулись отъ краснваго зрѣлища или интереснаго, хотя и кратковременнаго представленія? Мы наслаждаемся, сидя въ театрѣ, и мысль о кратковременности этого наслажденія нисколько не мѣшаетъ намъ предаваться ему.

Говорятъ еще: матерія и все матеріальное есть лишь иллюзія, что реальное въ одномъ только духовномъ, и потому будто бы мы должны предпочитать духовное матеріальному. Но не всякая иллюзія есть непремѣнно по этому самому нѣчто худшее, чѣмъ реальное. Она можетъ быть и одинаково хороша, и даже лучше. Вы сидите напримѣръ въ театрѣ и любуетесь чудной фееріей, представляемой на сценѣ — все въ ней иллюзія, но попробуйте пойти на сцену и посмотрѣть на эту самую феерію со сцены, такъ сказать сзади, вы увидите тогда не иллюзію, а реальность, но что это будетъ за реальность! красивыя деревья и ландшафты окажутся ничѣмъ инымъ какъ неправильно сколоченными досками съ натянутой на нихъ парусиной, грязной, въ дырьяхъ, съ облупившейся краской, наложенной грубыми мазками, красивыя лица нимфъ окажутся уродами, нѣжный румянецъ на ихъ щекахъ — безобразными красными пятнами, и т. д. и

т. д. Лучше часа два насладиться иллюзіей хорошей фееріи (а жизнь моихъ „друзей“ развѣ не феерія), чѣмъ всю жизнь просидѣть за реальными кулисами. А что ручается намъ за то, что реальность міра лучше его иллюзіи?

Но если даже допустить, что за кулисами земнаго міра жить очень пріятно и хорошо, что тамъ ждутъ насъ однѣ только великія радости, то я всетаки не вижу причины, почему очутившись въ партерѣ, и прежде чѣмъ перейти за кулисы, не насладиться часа 2 или 3 красивой фееріей, хотя бы и кратковременной и иллюзорной, почему закрывать на нее глаза, почему осуждать ее и сидѣть насупившись? Вы скажете: кто не закроетъ глазъ, кто будетъ смотрѣть на эту феерію и наслаждаться ею — тотъ не попадетъ за кулисы или, если и попадетъ, то режиссеры будутъ тамъ его мучить, посадятъ въ темный карцеръ. — За что?!! Я этому не вѣрю!! Не безъ добрыхъ людей среди и режиссеровъ, не всѣ же они злодѣи!

Можно еще сказать: духовныя наслажденія безграничнo разнообразны, они захватываютъ обширныя сферы нашего сознанія, они болѣе продолжительны; чувственныя — скорѣе исчерпываются и не могутъ быть ни такъ продолжены, какъ первыя, ни такъ часто повторены, ихъ сфера узка, они не въ состояніи вызвать вибраціи столькихъ фибръ нашего сознанія, какъ

высшія, интеллектуальныя наслажденія. Такимъ образомъ совокупность духовныхъ наслажденій, наслажденій, доставляемыхъ напримѣръ наукой и искуствомъ, познаваніемъ и порывами творчества, проявленіями любви и дружбы, чувствомъ долга, способны доставить намъ большую сумму радостей, чѣмъ совокупность чувственныхъ наслажденій, т. е. наслажденія, которыя даютъ намъ ѣда, питье, сонъ, половыя отношенія, тепло, свѣтъ, краски, звуки, запахи, купанье, движеніе, отдыхъ и проч. и проч.; и что поэтому первыя мы должны предпочитать вторымъ, и ставить ихъ выше, какъ два рубля мы предпочитаемъ одному рублю.

Вотъ основаніе, которое еще наиболѣе разумно изъ всѣхъ, ибо оно основано на расчетѣ. Но и тутъ правильность сравнительной оцѣнки можетъ еще подлежать критикѣ: есть ли тутъ въ самомъ дѣлѣ два рубля вмѣсто одного или это тотъ же рубль, но размѣненный на гривенники и потому кажущійся больше — это не совсѣмъ ясно. Во всякомъ случаѣ это наиболѣе разумное основаніе. Но бойтесь его! не прельщайтесь кажущейся его разумностью, это ловушка, и горе вамъ, если вы въ нее попадетесь!

Я вѣдь не отрицаю, что всѣ вышеупомянутыя наслажденія, которыя даетъ намъ духъ, очень цѣнны и желательны, я готовъ даже пожалуй (чтобы не спорить) допустить, что въ общей суммѣ они цѣннѣе тѣхъ, ко-

торыя можетъ дать матерія (хотя не надо забывать, что послѣднія несомнѣнно интенсивнѣе, ярче первыхъ), и поэтому въ теоріи съ этимъ можно пожалуй согласиться; но на практикѣ, какъ это часто бываетъ съ теоріями, это оказывается безусловно ложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, что нужно, чтобы вы могли наслаждаться наукой, познаваніемъ, творчествомъ, поэзіей, живописью, наслаждаться сознаніемъ пользы приносимой вами какъ хорошій медикъ, воспитатель, правитель, писатель? Для этого необходимы книги и, слѣдовательно, писчебумажныя фабрики и типографіи, необходимы научные приборы и слѣдовательно механическія мастерскія, ихъ изготовляющія, машины, рудники, каменноугольныя копи и рудокопы, необходимы обширные дома и слѣдовательно каменноломки, телеграфы, желѣзныя дороги, школы, партіи и слѣдовательно борьба между ними, извѣстный процентъ преступленій и слѣдовательно тюрьмы и полиція — однимъ словомъ необходима вся та безконечно сложная цивилизація и культура, которыя существуютъ теперь, необходимъ и неизбѣженъ тогда и прогрессъ всего этого; необходимо другими словами человѣчеству запречься въ ту тяжелую колесницу, которую я описалъ въ первой главѣ и, что есть мочи, мучаясь, потѣя, страдая, надрываясь, тащить ее подъ палящими лучами солнца вверхъ въ крутую гору, все выше и выше, не переставая. Вотъ

что означаетъ эта теорія въ примѣненіи къ практикѣ, вотъ цѣна этихъ „высшихъ“ духовныхъ и интеллектуальныхъ наслажденій. Попробуйте-ка наслаждаться ими, таща на своей спинѣ всю эту груду заводовъ, рудниковъ и каменоломенъ и вы скоро устанете, какъ начинаетъ уставать человѣчество, и закричите: Богъ съ ними, съ этими высшими духовными наслажденіями, дайте мнѣ лучше болѣе простое и болѣе легкое счастье! Вотъ оно, сведенное на практику, это, казавшееся сначала такимъ вѣрнымъ, основаніе предпочтенія духа матеріи; не такъ-то онъ легокъ, этотъ духъ, какъ кажется, не безвѣсенъ онъ, на землѣ онъ даже охъ какъ тяжело вѣситъ! И не въ правѣ ли я былъ назвать это основаніе ловушкой? Посмотрите, куда оно васъ привело, въ какую ужасную колесницу оно васъ впрягло.

И это напоминаетъ мнѣ другую ловушку. Это напоминаетъ мнѣ змія въ раю Адама и Евы: отвѣдайте, сказалъ онъ имъ, этого плода древа познанія, и очи ваши откроются, вы познаете истину и будете всевѣдущи, какъ Богъ, вы будете тогда наслаждаться не тѣмъ простымъ матеріальнымъ счастьемъ, какимъ пользуетесь теперь въ раю, а познаете радости высшія, духовныя и интеллектуальныя. И они отвѣдали, познали истину и доселѣ не перестаютъ горько въ этомъ раскаиваться. Но змій былъ коварное существо, онъ

знаетъ, что дѣлаетъ, мудрецы же, которые стараются убѣдить васъ, что духъ выше матеріи, не вѣдаютъ, что творятъ — и въ этомъ вся разница. Результатъ же можетъ быть только одинъ и тотъ же — горькое раскаяніе.

Но пусть эта моя защита матеріи — бѣдной, оплеванной всѣми — не подастъ повода къ недоразумѣніямъ. Я вѣдь не отрицаю прекрасныхъ сторонъ интеллектуальныхъ и иныхъ духовныхъ наслажденій, особенно тѣхъ чудныхъ трепетаній духа, которыя даетъ намъ любовь, дружба, красота — и мои „друзья“ пользуются ими въ достаточной мѣрѣ — и я не проповѣдую, что люди должны искать однихъ только чувственныхъ наслажденій и отказываться отъ духовныхъ, какъ это можетъ подумать (и навѣрное уже подумалъ) невнимательный читатель. Я только проповѣдую, что надо довольствоваться лишь тѣми наслажденіями, будь они матеріальныя или духовныя, — которыя легко доступны, которыхъ не приходится покупать слишкомъ дорогой цѣной; я нахожу, что если ужъ быть расчетливымъ, то надо быть имъ до конца, не покупать наслажденій, стоющихъ 2 рубля за 5 рублей.

Итакъ „принято“ смотрѣть на матерію съ пренебреженіемъ или даже съ презрѣніемъ, или если это не только „принято“, но и обосновано доводами, то мы

видѣли, какъ слабы, какъ мало убѣдительны эти доводы. Но все это только въ теоріи. На самомъ же дѣлѣ, что мы видимъ? На самомъ дѣлѣ мы, всѣ люди, очень уважаемъ матерію, мы получаемъ отъ нея большинство нашихъ радостей — и какихъ еще порой сладкихъ и яркихъ, — ничуть не уступающихъ ни по количеству, ни по разнообразію, ни по интенсивности радостямъ духовнымъ и потому всѣ мы такъ сильно привязаны къ матеріи, такъ всѣ любимъ ее. Правда, матерія есть источникъ и зла и страданій, если ею не умѣть пользоваться, если злоупотреблять ею; но не тоже ли самое мы замѣчаемъ и въ области духа, развѣ все духовное хорошо, развѣ нѣтъ и дурныхъ, и мучительныхъ состояній духа, и если злоупотреблять или неразумно пользоваться духовными сторонами человѣческой природы, то развѣ и духъ не является источникомъ зла? И тотъ же самый доводъ, который вы привели въ пользу предпочтенія духовныхъ наслажденій какъ болѣе богатыхъ, разнообразныхъ, продолжительныхъ и въ общемъ доставляющихъ большую сумму радостей, чѣмъ матеріальныя, развѣ не можетъ онъ быть примѣненъ и здѣсь, только въ обратномъ смыслѣ? Развѣ духовныя страданія не доставляютъ въ общемъ большую сумму мученій, нежели физическія, развѣ они не болѣе разнообразны, богаты и продолжительны, не болѣе проникаютъ ядомъ все человѣческое су-

щество. Развѣ подлая измѣна любимой вами жены, разрушающей всю вашу жизнь, развѣ низкое предательство нѣжно любимаго вами брата, развѣ подлость друга, въ котораго вы вложили всю свою вѣру и преданность, которому вы готовы были помочь всѣми вашими средствами и который грубо оскорбляетъ и унижаетъ васъ, когда вы раззорены, развѣ все это не въ стократъ больнѣе, горьче, мучительнѣе, продолжительнѣе, чѣмъ любая физическая боль? И если какъ матеріи, такъ и духъ одинаково могутъ являться источниками радостей и счастья, какъ и источниками горя и несчастья, то спрашивается, почему матерію слѣдуетъ ставить ниже духа, стараться подавить первую ради втораго? Я по крайней мѣрѣ не умѣю сказать, почему и думаю, что и вы не умѣете.

Человѣкъ, сотканный изъ нервовъ, долженъ искать счастья главнымъ образомъ въ радостномъ, пріятномъ трепетаніи этихъ нервовъ. Неестественно и ненормально такому существу искать всего содержанія жизни, всѣхъ радостей главнымъ образомъ въ трепетаніяхъ духа. На землѣ это немыслимо и неосуществимо! Никакія ни религіозныя, ни философскія системы не убѣдятъ людей отказаться отъ своихъ глубоко въ природѣ ихъ сидящихъ потребностей тѣла, нервы всегда возьмутъ свое и потому всегда будутъ

преодолѣвать на землѣ всѣ эти системы. Не лучше ли поэтому, чѣмъ придумывать системы для подавленія этихъ законныхъ потребностей матеріи, чѣмъ ломать природу, придумать и осуществить такую систему земной жизни, которая давала бы естественный и безболѣзненный исходъ для этой природы?

Вы скажете: это безнравственно. Но что такое безнравственность? Не есть ли это только то, что причиняетъ ближнему страданіе? А если это такъ, то все остальное нравственно, и тогда зачѣмъ же запрещать все это людямъ, если можно устроить такъ, чтобы пользованіе этимъ не причиняло никому страданій, не било бы ихъ каждый разъ дубиной по головѣ. Зачѣмъ быть ненужно строгимъ къ людямъ и мучить ихъ этимъ. Не есть ли *это* именно безнравственно?

Въ этомъ отношеніи съ людьми, — какъ съ дѣтьми: запрещайте дѣтямъ всякую шалость, всякую живую выходку, и они на каждомъ шагу окажутся виновными, ежеминутно будутъ „грѣшить“ и подлежать наказанію; но дозвольте имъ совершать все, что только въ предѣлахъ возможности, доведите запреты до минимума, и сразу ихъ виновность уменьшится на громадный процентъ, хотя, они будутъ поступать совершенно также, какъ поступали и раньше.

Явно: виновность ихъ была вызвана не ими, а вами, черезъ чуръ къ нимъ требовательными. Такъ и съ людьми: дайте имъ 20 заповѣдей и они будутъ грѣшить 17 разъ въ день, дайте имъ только 5 заповѣдей и они, оставаясь тѣми же самыми, будутъ грѣшить только 2 раза въ день; требуйте отъ людей одухотворенія въ размѣрѣ 90 %, и матеріальная природа ихъ сдѣлаетъ то, что они окажутся грѣховными въ размѣрѣ 80 %, убавьте требованія, дозвольте имъ быть одухотворенными лишь въ размѣрѣ 25 %, и ихъ грѣховность сразу упадетъ съ 80 на 15 %. Вы напримѣръ запрещаете людямъ даже смотрѣть на красивую женщину съ чувствомъ вожделѣнія, вы считаете это грѣхомъ и большимъ грѣхомъ, и что же: люди ваши на каждомъ шагу грѣшатъ въ этомъ отношеніи, прелюбо сотворяютъ; „друзьямъ“ нетолько не запрещено смотрѣть, но имъ свободно дозволено совершать даже и самые поступки, и о чудо! — друзья прелюбо не сотворяютъ.

Будемъ же здѣсь на землѣ предаваться всѣмъ радостямъ, всѣмъ наслажденіямъ, какія можетъ предоставить намъ матерія, какъ это и подобаетъ существамъ гораздо болѣе матеріальнымъ, чѣмъ духовнымъ, и для этого устроимъ земную жизнь такъ, чтобы это было возможно безнаказанно; а когда помремъ, и окажется, что мы будемъ еще существовать въ другомъ мірѣ,

но уже не какъ матеріальныя, а какъ духовныя существа, то будемъ и тамъ наслаждаться уже другими, уже исключительно духовными радостями, какъ подобаетъ духамъ.

Развѣ это не разумно, развѣ это не логично, развѣ это не хорошо?!

И не только это лучше, не только разумнѣе, чѣмъ точка зрѣнія поклонниковъ духа, но это и добрѣе, а слѣдовательно и нравственнѣе; ибо доброта и нравственность — синонимы, какъ синонимы — жестокость и безнравственность.

Вы разставляете передъ человѣчествомъ всякія блага земныя, вы раскладываете передъ нимъ самыя соблазнительныя наслажденія и затѣмъ, подведя къ нимъ людей, спрашиваете:

— Нравится?

— О что за прелесть! восклицаютъ они.

— Желаете всѣмъ этимъ насладиться?

— О да, да, о какъ хочется!

— Такъ вотъ что: видите эту дубину? Если только кто-нибудь изъ васъ дотронется до этого, то я, что есть мочи, тресну того по головѣ.

И нѣкоторые (о, очень немногіе) такъ пугаются этой дубины, что только смотрятъ съ грустью на всѣ эти разставленныя передъ ними и разукрашенныя цвѣ-

тами воображенія (какая утоньченная жестокость!) прелести; большинство же людей не въ силахъ утерпѣть и съ мучительнымъ страхомъ протягиваютъ къ нимъ руки и, не успѣвъ даже вкусить, получаютъ ударъ дубиной по головѣ. Ну, не злодѣй ли вы?!

Не такъ поступаютъ мои покровители. Подведя людей ко всѣмъ этимъ соблазнамъ, они говорятъ:

— Нравится ли все это вамъ?

— О да, да! восклицаютъ они.

— Такъ берите и наслаждайтесь.

Но стойте! воскликнете вы, что вы дѣлаете! Вѣдь это же во вредъ имъ самимъ, они увлекутся, потеряютъ мѣру и повредятъ своему тѣлу и духу, а со временемъ они и вовсе превратятся въ звѣрей, облика человѣческаго не останется на нихъ, и неразумные покровители ваши, желая имъ добра, на самомъ дѣлѣ принесутъ имъ страшный, непоправимый вредъ.

Успокойтесь читатель, покровители мои разумнѣе, чѣмъ вы думаете и, несмотря на то, что они не всемогущи, съумѣли обойти это затрудненіе. При вашемъ „естественномъ порядкѣ“ (на самомъ дѣлѣ это естественный безпорядокъ) дѣйствительно все это было бы такъ, и это и есть одна изъ тѣхъ дубинъ, которыми природа трескаетъ людей по головѣ. Но покровители замѣнили естественный безпорядокъ искуст-

веннымъ порядкомъ, они поняли, что люди не могутъ сами управлять собою, они взяли это на себя и, какъ добрые родители, тщательно наблюдаютъ за каждымъ шагомъ своихъ дорогихъ дѣтей, направляютъ ихъ жизнь, совѣтуютъ имъ остановиться во время, когда злоупотребленіе благами можетъ причинить имъ вредъ, отвлекаютъ ихъ вниманіе, любовно и убѣдительно просятъ ихъ, а если кто ихъ не послушается, то они дѣлаютъ замѣтку въ своихъ записныхъ книжкахъ и такому человѣку, переходящему мѣру и непослушному не даютъ плодиться. Такимъ безболѣзненнымъ путемъ, безъ насилія, незамѣтно для самихъ людей, путемъ искуственнаго подбора поддерживаютъ они ту степень умѣренности и самообладанія, какая необходима для сохраненія тѣла и духа въ равновѣсіи.

Болѣе того, этимъ же искуственнымъ подборомъ они стараются продлить ихъ наслажденія произведя породу, способную безъ вреда для себя предаваться имъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде. Природа учитъ насъ, что это возможно, что предѣлы, въ которыхъ наслажденія допустимы безъ вреда для организма, очень растяжимы. Возьмите напримѣръ половыя наслажденія: собака предается имъ 2 раза въ годъ, человѣкъ 2 раза въ недѣлю, пѣтухъ по 10 разъ въ день. И видя это, и будучи не злодѣями, а добрыми существами, покровители такъ видоизмѣнили организацію людей, что они

безъ вреда для себя пользуются этими наслажденіями ежедневно.

Ну скажите, читатель, вы, имѣющій здравый смыслъ и логику въ головѣ и нравственное чутье въ сердцѣ, скажите, не добрѣе ли это, не нравственнѣе ли это, чѣмъ трескать дубиной по головѣ?

Глава VII.

Въ чемъ счастье?

Слишкомъ много люди мудрятъ надъ этимъ вопросомъ, когда на самомъ дѣлѣ онъ такъ простъ: всякій ребенокъ, всякій самый простой и неразвитой человѣкъ знаетъ хорошо, въ чемъ счастье. Одни только очень умные и ученые этого не знаютъ.

Одни говорятъ: счастье въ спокойствіи чистой совѣсти. Но это только общій фонъ, очень свѣтлый и красивый правда, но на которомъ требуется еще нѣчто нарисовать, это канва, по которой остается еще вышить узоръ. Давать такое опредѣленіе это все равно, что сказать: счастье въ здоровьѣ. Но можно быть здоровымъ и въ тоже время глубоко несчастнымъ человѣкомъ.

Другіе говорятъ: счастье въ любви. Но это слишкомъ одностороннее опредѣленіе и, какъ уже сказано выше, не примѣнимое къ человѣку, живущему на землѣ и сотканному изъ нервовъ. Счастье, со-

ставленное изъ одного только такого трепетанія духа, называемаго любовью, пригодно развѣ только для чистаго духа, живущаго внѣ матеріальной земной жизни, — жизни, въ которой трепещатъ гораздо больше нервы, чѣмъ духъ. Можно конечно и на землѣ жить почти однимъ духомъ, забыть и подавить въ себѣ нервы искуственно, но это всегда было и всегда будетъ удѣломъ отдѣльныхъ и очень малочисленныхъ единицъ. А что же для массы, для простыхъ, нормальныхъ, здоровыхъ людей?

Что же говорятъ эти простые люди, въ чемъ по ихъ мнѣнію счастье, чего они ищутъ отъ земной жизни?

О! только очень логичнаго и законнаго: они желаютъ дѣлать только то, что имъ нравится, что имъ хочется.

Что же имъ хочется и что имъ нравится?

Прежде всего люди не хотятъ трудиться. Физическій обязательный трудъ, тяжелый, однообразный, трудъ въ потѣ лица всегда былъ и всегда будетъ для человѣка постылымъ и ненавистнымъ. Человѣкъ всегда будетъ предпочитать труду веселое препровожденіе времени: прогулки, игры, танцы, пѣніе, купанье, разговоры — все это перемежаемое сытной ѣдой, отдыхомъ и ничего недѣланьемъ. Вотъ къ чему всегда, во всѣ времена влекло всѣхъ людей, и что они всегда,

на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи и развитія осуществляли по мѣрѣ силъ и возможности.

Но это конечно не все. Неиспорченнымъ и не приниженнымъ людямъ много счастья доставляетъ красота: красоты природы прежде всего, изящество обстановки, теплый мягкій климатъ.

Далѣе важнымъ элементомъ счастья является отсутствіе заботъ о своемъ матеріальномъ существованіи, о завтрашнемъ днѣ, заботъ такихъ гнетущихъ, способныхъ отравить и красоту природы, и сытный столъ, и танцы, и пѣсни.

Еще важнымъ условіемъ счастья является полное удовлетвореніе могучаго половаго инстинкта.

Общая атмосфера любви, благорасположенія окружающихъ, отсутствіе злобы, зависти — все это придаетъ свѣтлый ореолъ жизни, составляетъ ея благоуханіе.

Вотъ что простые люди хотятъ отъ жизни, вотъ въ чемъ они видятъ счастье. И если всѣ люди этого хотятъ, и если они всегда этого хотѣли, то значитъ это свойственно природѣ человѣка, значитъ эти желанія законны, естественны, разумны, и не подавлять ихъ, а удовлетворять имъ слѣдуетъ.

Итакъ дайте людямъ дѣлать только то, что имъ хочется и нравится: дайте имъ возможность не трудиться обязательно, жить весело, играючи и

припѣваючи, поселите ихъ среди роскошной красивой природы, въ мягкомъ климатѣ, дайте имъ простую, но сытную и вкусную пищу, дайте имъ въ изобиліи красивыхъ женщинъ, не стѣсняя ихъ въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ гнетомъ стыда, устраните отъ нихъ всѣ заботы о завтрашнемъ днѣ, всѣ по возможности поводы къ злобѣ и ненависти, не мучьте ихъ подъ предлогомъ совершенствованія и не заставляйте ихъ ради этого ломать и насиловать свою природу, а искореняйте зло не замѣтнымъ и безболѣзненнымъ путемъ — искусственнымъ подборомъ — и люди будутъ вполнѣ, всецѣло и всесторонне счастливы, какъ всецѣло счастливы мои „друзья“. Будутъ въ полной мѣрѣ трепетать и притомъ трепетать только самымъ нѣжнымъ и радостнымъ образомъ всѣ ихъ нервы, будетъ трепетать и ихъ духъ, насколько это достижимо на землѣ, трепетать отъ созерцанія красоты, отъ любви ихъ окружающей, отъ веселья и жизнерадостности общаго фона жизни.

Что же нужно еще? Не безуміе ли требовать большаго отъ жизни? Не извращеніе ли природы находить такую жизнь неудовлетворительной и желать чего-то еще и еще лучшаго, поднятія на какіе-то высшіе и высшіе планы?

И зачѣмъ, если это такъ реально, такъ осязательно, стремиться къ какой-то метафизической, туманной въ

своей отдаленности цѣли односторонняго развитія духа и ради чего? ради какого-то неба, котораго можетъ быть и нѣтъ, или которому до насъ, бѣдныхъ людишекъ, можетъ быть нѣтъ никакого дѣла.

Итакъ счастье не въ чемъ нибудь одномъ, а во многомъ, и потому краткому опредѣленію оно плохо поддается. Самое лучшее опредѣленіе будетъ еще слѣдующее: счастье состоитъ въ постоянномъ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей и желаній человѣка. Но и это еще недостаточно, ибо требуется еще опредѣлить, что такое законныя потребности; законными я называю такія потребности, которыя существовали и существуютъ у всѣхъ людей, во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ.

О я знаю, вы улыбнетесь, прочитавъ мое опредѣленіе счастья. И въ улыбкѣ вашей будетъ проглядывать съ одной стороны чувство нѣкотораго смущенія, нѣкоторой стѣсненности, какъ бы легкой сконфуженности, ибо вы замѣтили, что всего, что я предлагаю дать людямъ для ихъ счастья, вы не прочь были бы получить и сами, въ чемъ однако не имѣете мужества признаться самому себѣ, а тѣмъ болѣе другимъ; а съ другой стороны въ вашей улыбкѣ сказывается критическое отношеніе къ моему опредѣленію. Вы говорите: чудной человѣкъ, этотъ авторъ, онъ, повидимому, искренно убѣжденъ, что все, что люди всегда и вездѣ

хотѣли, есть только въ силу этого ихъ законная потребность, которая подлежитъ поэтому удовлетворенію. Но мало ли чего всѣ люди всегда хотѣли, есть такія хотѣнія, которыя явно незаконны, а если такія есть, то слѣдовательно нельзя считать мѣриломъ законности человѣческихъ желаній ихъ всеобщность, а надо найти еще какой нибудь другой критерій для выборки изъ этихъ всеобщихъ желаній такихъ, которыя дѣйствительно законны и такихъ, которыя незаконны; первымъ можно удовлетворить, а вторымъ удовлетворять не слѣдуетъ.

Конечно, если есть у человѣка желанія, носящія характеръ всеобщности, т. е. существовавшія всегда и у всѣхъ людей и которыя въ тоже время явно незаконны, то я согласенъ, что моя мѣрка законности недостаточна. Но позвольте узнать, какія такія всеобщія желанія человѣческія явно незаконны?

Вы скажете: да вотъ напримѣръ, люди за рѣдкими исключеніями, которыя въ счетъ не идутъ, всегда были жадными, всегда стремились къ наживѣ, къ обогащенію; по вашему, значитъ, законна и эта потребность, и слѣдовательно необходимо дозволить людямъ свободно предаваться и этой страсти.

Несомнѣнно, отвѣчу я на это, что страсть къ жадности, всеобщность которой я готовъ допустить, явно незаконна, по крайней мѣрѣ таковой она является

на первый взглядъ, и удовлетворять ей не слѣдуетъ. Но позвольте васъ спросить, откуда она происходила и происходитъ у людей, что ее вызываетъ и что она означаетъ? Ее вызываетъ неудовлетворенность законныхъ потребностей къ счастью, неудовлетворенность тѣхъ потребностей, которыя выше перечислены и которыя составляютъ элементы счастья, и она означаетъ стремленіе — совершенно законное — къ ихъ удовлетворенію. Когда человѣкъ лишенъ возможности имѣть въ достаточномъ количествѣ сытную и вкусную пищу и питье, имѣть достаточно солнца и тепла, чистаго воздуха, когда онъ не имѣетъ возможности въ достаточной мѣрѣ и при достаточно эстетическихъ условіяхъ удовлетворять своему половому инстинкту, получать достаточно пріятныхъ и радостныхъ впечатлѣній, доставляемыхъ красотой и изяществомъ обстановки, искуствомъ, знаніемъ, перемѣной впечатлѣній, отдыхомъ; когда человѣкъ не имѣетъ возможности удовлетворить своему чувству любви и состраданія къ ближнимъ, и прежде всего къ своимъ роднымъ, дѣтямъ, родителямъ, женѣ, нуждающимся друзьямъ, т. е. доставить имъ все вышеперечисленное въ достаточной мѣрѣ, или когда человѣкъ все это имѣетъ, но находится въ такихъ условіяхъ, что ежеминутно долженъ опасаться быть всего этого лишеннымъ, — тогда онъ становится жаднымъ, т. е. стремится все это получить или,

уже имѣя все это, обладать такимъ излишкомъ, который освобождалъ бы его отъ гнета опасенія ежеминутно все это потерять. И я васъ спрашиваю, если всѣ вышеупомянутыя потребности его законны, и если законно его нежеланіе страдать отъ гнета опасенія все это потерять для себя и для своихъ дорогихъ ближнихъ, то не является ли законной и его страсть къ жадности? Но дайте людямъ все, что они законно желаютъ и избавьте ихъ отъ гнетущей мысли, что они все это могутъ потерять, и хотѣлъ бы я посмотрѣть, много ли тогда останется жадныхъ людей на свѣтѣ; чувство это станетъ тогда даже прямо немыслимымъ, ибо не будетъ никакого смысла для его существованія. Возьмите напримѣръ моихъ „друзей“, мыслимо ли, чтобы у нихъ проявилась жадность? Жадность къ чему? къ пищи? но они могутъ ѣсть, сколько угодно, пить сколько угодно, собственности у нихъ нѣтъ никакой, женщинами они пользуются свободно, опасеніямъ за себя и за тѣхъ, кого они любятъ, что они лишатся всего этого, нѣтъ мѣста — и страсти этой, благодаря всему этому, тоже нѣтъ мѣста, она исчезла. Явно, значитъ, что она не есть первоначальная страсть, а производная и произведена она была неудовлетвореніемъ законныхъ желаній. И въ этомъ смыслѣ она и сама была законна, — законна, потому что стремилась къ достиженію законнаго.

Я не знаю, можно ли найти еще какіе нибудь примѣры всеобщихъ, но явно незаконныхъ потребностей и желаній человѣческихъ (я по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту не придумаю таковыхъ), но еслибы вы и нашли еще подобные примѣры, то проанализируйте ихъ съ этой точки зрѣнія, и я увѣренъ, что и относительно ихъ окажется тоже самое, что оказалось относительно жадности: потребности эти не первичныя, а производныя, и произведены онѣ неудовлетвореніемъ какихъ нибудь законныхъ потребностей; ихъ явная незаконность поэтому будетъ только кажущейся.

Итакъ мое опредѣленіе счастья можно считать правильнымъ, и если только люди имѣютъ право быть счастливыми, то они въ правѣ требовать для себя то, что они всѣ и всегда желали имѣть.

И что люди всегда желали и до сихъ поръ желаютъ имѣть именно то, что мною здѣсь перечислено, какъ составляющее элементы счастья, что они понимаютъ это счастье именно въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ нибудь другомъ, видно изъ того, что каждый разъ какъ люди имѣютъ возможность всѣмъ этимъ наслаждаться, они имъ и наслаждаются; и съ другой стороны, каждый разъ какъ они не предаются этимъ наслажденіямъ, оказывается, что они не имѣютъ и возможности имъ предаваться. А изъ этого я вправѣ

заключить, что еслибы эти послѣдніе имѣли возможность имъ предаваться, то и они бы имъ предавались; и изъ этого далѣе я заключаю, что еслибы только дать людямъ полную свободу и возможность жить и поступать какъ имъ нравится, то всѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фанатиковъ и психически больныхъ людей, жили бы именно такъ, какъ это изображено въ настоящей главѣ, или еще лучше и подробнѣе представлено въ моей сказкѣ-утопіи.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какъ живутъ люди, имѣющіе возможность получить отъ жизни почти все, что они только ни пожелаютъ, люди богатые, обезпеченные, богатая знать, аристократія, какъ жили наши дворяне при крѣпостномъ правѣ. Развѣ они трудятся въ потѣ лица, какъ бѣдные люди? О нѣтъ, pas si bête! они живутъ весело, припѣваючи, ѣдятъ вкусно, пьютъ вкусно, окружены изяществомъ, живутъ въ тепломъ, мягкомъ воздухѣ обширныхъ комнатъ, окруженные цвѣтами, благоуханіями, свѣтомъ, музыкой, красивыми веселыми лицами въ красивыхъ костюмахъ, веселыми остроумными разговорами; и всѣ эти впечатлѣнія не однообразны, а мѣняются поѣздками изъ города въ деревню, изъ деревни въ городъ, поѣздками въ Италію, Швейцарію, въ Парижъ. И женщинами они пользуются почти что свободно, для этого у нихъ и мораль особенная существуетъ, отличная отъ бур-

жуазной морали. Это однимъ словомъ почти что жизнь моихъ „друзей“ въ нѣсколько карикатурномъ и изуродованномъ видѣ, и съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что она построена не на прочномъ, незыблемомъ фундаментѣ, какъ жизнь друзей, а на шаткой, зыбкой почвѣ, готовой каждую минуту рухнуть подъ ихъ ногами: сегодня они счастливы, поютъ и смѣются, завтра какая нибудь катастрофа — и все рушится, замѣняясь плачемъ и стенаніями. Но пока все идетъ хорошо, и особенно въ молодые годы, это тоже въ нѣкоторомъ родѣ феерія.

И я не осуждаю ихъ. Все понимать, значитъ все прощать. Впрочемъ и прощать-то, собственное говоря, нечего: они берутъ отъ жизни только то, на что имѣютъ законное, неотъемлемое право, на что имѣютъ право всѣ люди. Я напротивъ радъ, что есть хоть немногіе люди, могущіе хоть временно жить болѣе или менѣе счастливо, я бы желалъ только, чтобы было какъ можно больше такихъ людей, я желалъ бы, чтобы всѣ люди жили такъ, или даже не такъ, а еще гораздо лучше, еще веселѣе, беззаботнѣе, поэтичнѣе. Ибо въ сущности жизнь и ихъ полна горечи, она далека отъ совершеннаго счастья, это только наибольшее приближеніе къ нему.

И въ томъ, что есть нѣсколько людей болѣе или менѣе счастливыхъ, нѣтъ ничего худаго, худо то, что есть такъ много бѣдныхъ людей. И я жалѣю этихъ бѣдныхъ людей, людей, которые принуждены подавить въ себѣ всѣ свои законныя потребности къ счастью, самую даже жажду къ радостямъ жизни. Этимъ людямъ остается одно изъ двухъ: или бросать динамитныя бомбы, превращаясь въ анархистовъ, или, если ихъ характеръ не столь необузданный, то прибѣгать къ наркотическимъ средствамъ, топить свое горе, свою неудовлетворенность, свое томленіе духа, свою горькую обиду, въ какомъ нибудь забвеніе доставляющемъ средствѣ, искать минуты забытья въ водкѣ, винѣ, табакѣ, морфіѣ, опіумѣ, наукѣ, искуствѣ, исполненіи долга. трудѣ, религіи. Все это наркотики, необходимые для того чтобы заглушать неудовлетворенность самыхъ законныхъ человѣческихъ потребностей.

И что это такъ, видно опять изъ того, что употребленіе этихъ наркотиковъ мы замѣчаемъ почти исключительно среди бѣдныхъ людей; богатые и счастливые люди ихъ почти не знаютъ. Вы мало найдете религіи въ аристократіи — немножко хожденія въ церковь по большимъ праздникамъ, „au pâque ou la trinité“, чтобы посмотрѣть на туалеты другихъ и показать свои — вотъ и все. Вы мало найдете у ней

искуства — немножко легкой музыки послѣ обѣда, для пищеваренія, еще меньше найдете вы у этихъ людей науки и еще менѣе — труда. Вы мало найдете среди нихъ и пьяницъ — они умѣютъ пить, не пьянѣя. Истинно религіозныхъ людей вы найдете только среди бѣдныхъ, настоящихъ художниковъ-творцовъ, настоящихъ ученыхъ вы встрѣтите только среди бѣдныхъ, и только среди бѣдныхъ же найдете вы настоящихъ пьяницъ. Истинно счастливые, жизнерадостные люди не входятъ ни въ храмъ науки, ни въ храмъ божества, ни въ кабакъ — имъ все это ненужно, они счастливы и безъ того, только несчастные, неудовлетворенные душой и сердцемъ посѣщаютъ эти мѣста, чтобы находить въ нихъ минуты забвенія. Но если и это все не помогаетъ, если человѣкъ недостаточно образованъ и уменъ, чтобы быть ученымъ, если онъ недостаточно талантливъ, чтобы быть художникомъ, если онъ слишкомъ образованъ, чтобы находить утѣшеніе въ религіи или слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы сдѣлаться пьяницей, тогда остается только прибѣгнуть къ послѣднему и самому сильно дѣйствующему наркотическому — къ самоубійству.

Иной читатель пожалуй съ негодованіемъ отнесется къ такому моему отношенію къ богатымъ и бѣднымъ, найдетъ его безнравственнымъ, назоветъ меня безсер-

дечнымъ. Но вѣдь я, читатель, смотрю здѣсь на всѣ эти вещи съ точки зрѣнія Луны, или Марса, или даже Сиріуса, а не съ точки зрѣнія временныхъ, скоропреходящихъ интересовъ, и тогда оцѣнка ихъ получается совсѣмъ особенная. Но конечно, если спуститься на землю, то все это начинаетъ казаться иначе; вы не можете тогда удержаться, чтобы не осуждать богатыхъ счастливыхъ людей, живущихъ на счетъ труда другой породы людей, вы будете требовать, чтобы они перестали быть счастливыми, вы будете громить ихъ эгоизмъ и безсердечіе и стоять за бѣдныхъ. Конечно, вы можете громить, если это вамъ доставляетъ удовольствіе — но что толку въ этомъ? Громилъ богатыхъ и стоялъ за бѣдныхъ Исаія, громилъ богатыхъ Іисусъ Христосъ, обѣщая бѣднымъ всякія всячины, громитъ ихъ Левъ Толстой — а дѣло все стоитъ въ томъ же положеніи, нисколько не улучшаясь. И что толку тоже въ даваніи совѣтовъ: Исаія ихъ давалъ, обѣщая, что все пойдетъ хорошо, если только люди ихъ примутъ — и никто не принялъ; Іисусъ Христосъ ихъ давалъ, обѣщая счастье на землѣ и въ придачу рай на небѣ — и никто ихъ не принялъ; Толстой ихъ даетъ — и никто ихъ не принимаетъ. Не громить надо, читатель, не совѣты давать для принятія ихъ всѣми людьми, а немногимъ, отдѣльнымъ лицамъ придумать и, придумавши, *устроить* жизнь на

землѣ такъ, чтобы всѣ были счастливы, устроить, не спрашивая, хотятъ ли того люди или нѣтъ, наперекоръ даже ихъ волѣ.

Съ людьми надо какъ съ котятами: котенокъ отворачивается отъ блюдца съ молокомъ, онъ не хочетъ пить; но суньте его мордочку въ молоко и посмотрите, какъ онъ начнетъ его лакать — любо дорого смотрѣть.

Глава VIII.

Счастье это или скука.

Но, скажете вы, то что изображено въ вашей сказкѣ, то что вы здѣсь предлагаете какъ счастье, вовсе не счастье, а скука. Скука! А въ чемъ скука? Знаете ли вы, что этотъ вопросъ рѣшить гораздо труднѣе, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, въ чемъ счастье?

Вотъ молодой человѣкъ, еще почти юноша, кончившій курсъ высшаго техническаго образованія съ золотой медалью, скромный, застѣнчивый, отъ природы честный; онъ непосредственно завѣдуетъ механическимъ заводомъ, гдѣ находится ежедневно съ половины восьмаго утра до восьми вечера, иногда еще дежуря вечеромъ на ночныхъ работахъ. Онъ не присматриваетъ только за работами, но самъ работаетъ вмѣстѣ съ рабочими, среди которыхъ протекаетъ вся его жизнь, онъ постоянно покрытъ копотью и сажей, руки его такъ черны, что не отмыть ихъ никакимъ

мыломъ. Впрочемъ такъ много работать ему нѣтъ никакой надобности, но онъ самъ любитъ это дѣло, самъ ищетъ дѣла, не избѣтая самой черной работы — это волонтеръ труда. Онъ находитъ наслажденіе въ преодолѣваніи препятствій надъ мертвой природой металла, въ превращеніи ея грубой инертной массы въ систему колесъ и рычаговъ, послушно слагающихся подъ усиліемъ его ума и воли въ стройную паровую машину, полную своеобразной жизни. Онъ техникъ, но онъ техникъ — художникъ, способный наслаждаться самымъ процессомъ творчества. Придя домой, онъ валится отъ усталости, засыпая, какъ убитый; ему не до знакомствъ и онъ никого не знаетъ, ни съ кѣмъ не сходится, и это одиночество нѣсколько тяготитъ его. Но онъ дѣло свое любитъ и не промѣняетъ свое положеніе ни на какое другое, хотя его трудъ оплачивается довольно скромно и не даетъ ему никакихъ побочныхъ радостей, ни даже надеждъ впереди. Ему предлагали остаться при высшемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ онъ такъ блестяще окончилъ курсъ, съ цѣлью приготовиться въ профессора — но онъ отказался, предпочитая практическое дѣло теоріи. И ему не скучно.

А вотъ другой человѣкъ: образованный, талантливый, идеально благородный, сильный какъ тѣломъ, такъ и духомъ, нѣсколько даже суровый, съ могучей не-

преклонной волей; у него большая семья, шесть человѣкъ дѣтей, онъ живетъ на своемъ хуторѣ, вдали отъ города, самъ доя коровъ, убирая навозъ, поливая фруктовыя деревья вонючими экскрементами. По профессіи онъ адвокатъ, но приберегаетъ ее на самый только крайній случай, если почему либо фермерская жизнь, которую онъ предпочитаетъ всякой другой, не дастъ ему возможности существовать. Онъ съ восторгомъ коситъ по двѣ недѣли подрядъ сѣно для своихъ коровъ, работая по 10 часовъ въ сутки, придя домой и занявшись еще немного образованіемъ дѣтей, онъ также валится и спитъ какъ убитый. Живетъ онъ также уединенно, какъ и техникъ, но имѣя семью, мать которой также много работаетъ, какъ и онъ, не тяготится одиночествомъ. Онъ любитъ свое дѣло, свою независимую жизнь среди природы, своихъ коровъ, своихъ куръ, свой фруктовый садъ. И ему не скучно. Но онъ и года бы не прожилъ жизнью техника, среди дыма и копоти, внѣ общенія съ природой, такая жизнь была бы для него не только скукой — она была бы хуже смерти.

Но вотъ еще одинъ человѣкъ: тщедушный, болѣзненный, вѣчно хворый, съ нѣжной, доброй душей и чистымъ, какъ у ребенка сердцемъ. Чуть не съ десяти лѣтъ сталъ онъ страстно заниматься естественными науками, собирая коллекціи насѣкомыхъ, птичьихъ,

яицъ и гнѣздъ, наблюдая жизнь природы. Это типичный ученый, аскетъ науки: онъ не замѣчаетъ солнца внѣшняго міра, ослѣпленный яркимъ солнцемъ истины, къ которой неустанно стремится, всѣ радости бытія замѣняются ему радостями творчества и познаванія. Уже не 10, не 12 часовъ въ сутки трудится онъ, а цѣлыхъ 14 часовъ, быть можетъ и во снѣ продолжаютъ у него въ мозгу совершаться безсознательные процессы обобщеній, сопоставленій фактовъ. Хорошо было бы, еслибы все это время шло на чистую науку, но увы, онъ бѣденъ, а у него небольшая семья, и вотъ, покончивши усиленнымъ трудомъ какую нибудь научную задачу, онъ еще усиленнѣе принимается недѣли на 2, на 3 трудиться надъ какою нибудь „хлѣбною“ литературною работою. И такъ, неустанно трудясь, проходятъ годы за годами, накопляя въ умѣ знанія, а въ тѣлѣ — болѣзни. И онъ, бѣдный, не скучаетъ, но жизнь техника, жизнь фермера онъ не вынесъ бы и одного года, такими скучными, безсодержательными онѣ ему представляются.

Наконецъ вотъ еще одинъ человѣкъ. Это величественный, торжествующій, полный пыла и огня князь; самъ не богатый, но умѣющій проживать отъ 60 до 100 тысячъ въ годъ на счетъ доброй, милой старушки, на приданомъ которой онъ женился. Онъ красивъ и изященъ, онъ уменъ и остроуменъ, онъ безконечно

обоятеленъ, но онъ весь сотканъ изъ мелкаго тщеславія; тщеславіе — это его сфера, это его море блаженства, въ которомъ онъ плаваетъ и барахтается съ наслажденіемъ. Когда онъ не при деньгахъ, онъ будетъ довольствоваться скромнымъ завтракомъ въ 1 рубль, но величественно швырнетъ 3 рубля на чай человѣку и оглянется при этомъ кругомъ, самодовольно наблюдая за произведеннымъ на публику впечатлѣніемъ. Онъ любитъ деньги и умѣетъ ихъ добывать, но не ради ихъ самихъ, а ради той пыли, которую онъ ими можетъ пустить въ глаза простыхъ и непростыхъ смертныхъ. И онъ не разборчивъ на этихъ смертныхъ: лакей, кучеръ, купецъ, генералъ, коронованная особа — онъ никѣмъ не брезгуетъ, если только можетъ воспользоваться ими для удовлетворенія своего тщеславія. Это тщеславіе — его кумиръ, его богъ, для него онъ только и живетъ, для него всѣмъ готовъ пожертвовать: своею честью, дружбой, семьей, репутаціей — лишь бы возбудить удивленіе чаще всего весьма сомнительнаго свойства. Этотъ кумиръ — источникъ его единственныхъ радостей — часто является злымъ кумиромъ, доставляющимъ ему жесточайшія муки, — это когда его тщеславіе уязвлено, но онъ отъ этого еще болѣе къ нему привязывается, къ своему неблагодарному дѣтищу. Съ утра до вечера занятъ онъ дѣлами крупными и мелкими, бродятъ у

него въ головѣ всевозможные проекты; но всѣ эти дѣла, всѣ эти проекты клонятся къ одному — къ удовлетворенію своего болѣзненнаго тщеславія, и, благодаря своему положенію, своему богатству или вѣрнѣе приданому жены, своей беззастѣнчивости и таланту, онъ удовлетворяетъ своей страсти въ полной мѣрѣ. И онъ не скучаетъ. Но какъ онъ глубоко презираетъ жизнь этого скромнаго техника, этого трудолюбиваго фермера, этого терпѣливаго ученаго, какой безцвѣтной, безпредѣльно скучной кажется ему ихъ жизнь.

И какой скучной, пустой, безсмысленной кажется имъ всѣмъ эта блестящая, какъ фейерверкъ, жизнь князя.

Вотъ четыре человѣка, жизнь которыхъ я хорошо знаю. Всѣмъ имъ жизнь каждаго другаго кажется скукой. И вотъ рѣшите теперь, гдѣ же истинная скука, въ жизни ли законченаго техника, въ жизни ли фермера съ мозолями не рукахъ, въ жизни ли бѣднаго больнаго ученаго, не замѣчающаго солнца, въ блестящей ли, суетливой жизни князя — или ..... въ жизни моихъ милыхъ „друзей“?

Согласитесь, что вы, которые вначалѣ такъ легко рѣшили, что жизнь послѣднихъ — скука, теперь нѣсколько задумались надъ этимъ рѣшеніемъ. И это хорошо: подумайте и подумайте еще и вы можетъ быть рѣшите, что въ этой жизни друзей пожалуй еще менѣе всего скуки ....

И если это только „можетъ быть“, если это подлежитъ еще какому нибудь сомнѣнію, то вотъ что уже совершенно несомнѣнно: поставьте друзей моихъ въ положеніе техника, фермера, ученаго, князя — и имъ всѣмъ жизнь этихъ людей покажется невыносимо скучной, и они немедленно съ радостью вернутся къ прежней своей незатѣйливой, но полной дѣтскаго веселья и счастья жизни, какъ всякій неиспорченный человѣкъ, дѣтство котораго протекло при здоровыхъ, нормальныхъ условіяхъ, съ радостью готовъ былъ бы опять вернуться къ своимъ дѣтскимъ годамъ.

Скучной эта жизнь друзей, скукой это счастье, которымъ они пользуются, можетъ показаться вамъ, князю, фермеру, ученому; но вѣдь ни для васъ, и ни для кого изъ теперь живущихъ людей покровители и не предназначали эту жизнь. Они предназначали ее для совершенно особенной породы людей — для „друзей“, и для нихъ она не скучна.

И тутъ опять покровители показываютъ, какъ они умны, какъ хорошо понимаютъ они природу человѣческую и законы ею управляющіе, и какъ строго соотвѣтственно этой природѣ и этимъ законамъ устроили они жизнь новаго человѣчества. Мы въ этой главѣ пришли къ выводу, что всѣмъ четыремъ разсмотрѣннымъ здѣсь лицамъ жизнь каждаго другаго кажется скукой. Что это значитъ? Это значитъ,

что устроить однообразную, однородную жизнь на землѣ, которая удовлетворила бы всѣхъ — невозможно; если вы устроите ее по типу фермера — то всѣ техники, ученые и князья подымутъ гвалтъ, устройте ее по другому типу — другіе запротестуютъ и т. д. А это что значитъ? Это значитъ, что жизнь съ такими людьми неизбѣжно должна быть очень сложной, разнородной, очень дифференцированной, а это опять значитъ, что необходимы рудники, заводы, банки, войска, полиція, судья — et tout le tremblement. Иными словами при такихъ условіяхъ необходимо то, что разрушаетъ счастье всѣхъ — сложная цивилизація, и всеобщее счастье съ такими людьми устроить поэтому немыслимо.

Но когда я описывалъ характеръ, вкусы, желанія и вообще состояніе духа четырехъ моихъ знакомыхъ, то я не упомянулъ ничего о томъ состояніи духа, въ которомъ находятся ихъ дѣти. И когда мы обратимъ вниманіе на нихъ, когда мы всмотримся въ состояніе чувствъ, одушевляющихъ ихъ маленькія сердца, то о чудо! какое удивительное зрѣлище предстанетъ тогда передъ нашимъ взоромъ! Окажется, что не только всѣ они счастливы и довольны каждый своей судьбой, не только всѣ они одинаково счастливы, но если вы возьмете дѣтей князя и поселите ихъ на хуторъ моего фермера, или дѣтей послѣдняго помѣстите въ квартиру

ученаго, то не пройдетъ и двухъ, трехъ дней, какъ они будутъ чувствовать себя совершенно также счастливо, также будутъ довольны каждый своей судьбой, какъ и раньше. И для нихъ жизнь каждаго другаго не будетъ казаться скукой! Болѣе того, если вы возьмете дѣтей князя и помѣстите ихъ въ семью нищихъ, то они немедленно начнутъ весело играть съ дѣтьми нищаго, а вечеромъ, усталые, улягутся спать на подосланные старые мѣшки и такъ же счастливо проспятъ на нихъ, какъ спали въ мягкой постелькѣ съ кисейными занавѣсками и атласными лентами; быть можетъ даже они почувствуютъ себя лучше на свободѣ, вдали отъ чепорной англійской бонны, отъ скучныхъ уроковъ и тысячи условностей.

Развѣ это не удивительное явленіе, развѣ это не чудо? И откуда это, отчего такая разница? Оттого, что дѣтская природа по существу своему создана для того чтобы быть счастливой, не взирая ни на какія условія. Дѣти всегда и вездѣ, во всѣ времена, при всѣхъ условіяхъ были, есть и будутъ счастливы. И вотъ почему дикари въ общемъ болѣе счастливы, чѣмъ цивилизованные люди: ихъ природа стоитъ ближе къ дѣтской природѣ.

И вотъ также почему покровители взяли за образецъ новаго типа людей — дѣтей. Примѣняя къ людямъ искуственный подборъ и законы наслѣдствен-

ности, отбирая для продолженія рода постоянно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, только такихъ людей, которые и тѣломъ, и духомъ наиболѣе приближались къ дѣтской природѣ, покровители создали наконецъ новую расу людей, особую породу дѣтей, способныхъ плодиться. Только съ ними стала возможной простая, однородная, счастливая жизнь на землѣ. И имъ мое счастье не кажется скукой.

До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ благожелательнымъ критикомъ. Но вотъ я вижу приближается небольшая сухощавая фигурка старичка въ старомъ поношеномъ сюртукѣ (онъ не бѣденъ, но скупъ), съ коротко остриженными волосами, покрывающими всю голову безъ малѣйшихъ слѣдовъ лысины и съ небольшими сѣдыми, щетиной остриженными усами; лицо его худое, желтое, съ маленькимъ подбородкомъ, остроконечнымъ выдающимся носомъ и тонкими прямыми сжатыми губами, глаза впалые, маленькіе черные, съ жесткимъ выраженіемъ. Я знаю, что это за человѣкъ: это долженъ быть или фанатикъ, или желчный, злобный завистникъ, можетъ быть то и другое вмѣстѣ. Охотно избѣгъ бы я встрѣчи съ нимъ, но уже поздно: онъ замѣтилъ меня и увидѣлъ, что и я его замѣтилъ. Онъ подходитъ ко мнѣ съ язвительной улыбкой на лицѣ и, вперяя въ меня свои черные глаза, говоритъ мнѣ:

— Что, учите людей жуировать?

— Да, откровенно признаюсь, я радъ былъ бы, еслибы всѣ люди отъ перваго до послѣдняго могли всю жизнь свою жупровать.

— И вамъ не стыдно?

— Чего же мнѣ стыдиться? Еслибы я училъ ихъ быть несчастными, то это было бы стыдно, а вѣдь я учу ихъ, какъ быть счастливыми. Что же въ этомъ дурнаго? Если по вашему мнѣнію тотъ идеалъ счастья, который я предлагаю людямъ нехорошъ, то покажите, чѣмъ онъ нехорошъ и дайте лучшій.

— Да зачѣмъ мы живемъ на этомъ свѣтѣ-то?

— Я васъ не понимаю. Вы вѣрно хотите спросить, почему мы живемъ?

— Нѣтъ, не почему, а зачѣмъ, для какой цѣли?

— На вашъ вопросъ невозможно отвѣчать.

— Почему это невозможно?

— Да потому, что онъ лишенъ смысла. Цѣли въ природѣ нѣтъ. Это все равно, что спросить: зачѣмъ Марсъ ближе къ солнцу, чѣмъ земля. Ближе — и конецъ. На вопросъ, почему онъ ближе, можно отвѣтить, но зачѣмъ — это не имѣетъ смысла. Если вы мнѣ отвѣтите на этотъ вопросъ, то я посмотрю, можетъ быть я смогу отвѣтить и на вашъ.

Но понятно онъ не могъ отвѣтить на мой вопросъ. Онъ только окинулъ меня взглядомъ полнымъ ненависти, его губы нетерпѣливо зашамкали, и повернувшись ко

мнѣ въ полуоборотъ, съ ядовитой улыбкой, искривившей его некрасивое лицо, онъ скорѣе прошипѣлъ, чѣмъ сказалъ: жжуиръ безнравственный! и быстрыми шагами удалился.

Съ такими людьми разговаривать безполезно. Они оставляютъ только тяжелое, удручающее впечатлѣніе, отъ котораго потомъ не легко освободиться.

Но къ счастью впечатлѣніе это тотчасъ же и разсѣялось. Другое лицо подошло ко мнѣ. То была прелестная, граціозная 12-ти лѣтняя дѣвочка, съ нѣжнымъ розовымъ личикомъ, чудными большими наивными глазами, опушенными длинными рѣсницами, съ восхитительными дѣтскими линіями маленькаго ротика, вся розовая, свѣжая, какъ утренней росой покрытый розовый бутончикъ: она подошла ко мнѣ вплотную, обхватила своими руками мою талію и, прижавшись ко мнѣ своимъ румянымъ личикомъ съ очаровательной улыбкой взглянула мнѣ вверхъ въ лицо и произнесла: ты нашъ.

Что она хотѣла этимъ сказать, я не знаю, она и сама вѣроятно не сознавала ясно, что означаетъ это „ты нашъ“, но она очевидно смутно и инстинктивно чувствовала, что я ихъ понимаю и что, понимая, всемое существо влечется къ этимъ чуднымъ наивнымъ, простымъ милымъ созданіямъ — дѣтямъ. Да я вашъ, дѣти, я васъ понимаю умомъ, я васъ безконечно

люблю сердцемъ, васъ добрыхъ, милыхъ, довѣрчивыхъ, безхитростныхъ, веселыхъ, счастливыхъ. Ахъ, еслибы можно было превратить всѣхъ этихъ гадкихъ людей въ такихъ существъ, какъ вы, какъ хорошо, какъ счастливо и весело жилось бы на свѣтѣ! Еслибы этого желчнаго стараго ненавистника можно было передѣлать въ красиваго веселаго юношу, не спрашивалъ бы онъ, зачѣмъ мы живемъ на этомъ свѣтѣ, а жилъ бы онъ, весело играючи и припѣваючи и вдыхалъ бы жизнь полною грудью. Одни вы, дѣти, умѣете жить, однимъ вамъ не надо знать, зачѣмъ вы живете на свѣтѣ!

И за это тоже я васъ люблю. И за это — вотъ вамъ награда; вашъ будетъ рай земной.

А вамъ, желчнымъ фанатикамъ и изувѣрамъ, жалкимъ искалеченнымъ существамъ, я скажу: не внидите вы въ царствіе божье, т. е. въ рай земной, аще не станете аки дѣти.

Глава IX.

О трудѣ.

Можно смотрѣть на трудъ какъ на неизбѣжное зло на землѣ. Можно смотрѣть на него какъ на нѣчто, способное за неимѣніемъ лучшаго наполнить нашу печальную жизнь, какъ на средство заглушить чувство неудовлетворенности этою жизнью. Но смотрѣть на трудъ какъ на нѣчто само по себѣ желанное, какъ на благо, какъ на источникъ счастья, называть его святымъ — это будетъ извращеніемъ и логики, и фактовъ.

А факты удивительны: я, человѣкъ XIX вѣка, смотрю на трудъ какъ на нѣчто нежелательное, какъ на зло и исключаю его въ своей утопіи, и странно: совершенно точно также смотрѣлъ на трудъ доисторическій человѣкъ, создавшій легенду о земномъ раѣ — и въ этой утопіи трудъ исключенъ. И на пространствѣ между этими двумя эпохами — самой древнѣйшей и самой новѣйшей — не оберешся фак-

товъ, доказывающихъ, что всегда, во всѣ вѣка люди смотрѣли на трудъ такими же самыми глазами и потому всегда старались, насколько возможно, его избѣгать и свалить его на плечи другихъ: на женщинъ у дикарей, на рабовъ въ древности, на рабочихъ въ наше время. Утверждать противное можно только изъ лицемѣрія или по необдуманности.

Но это факты. А вотъ логика: представьте себѣ, что трудъ вдругъ сдѣлается ненужнымъ; многіе ли еще будутъ прибѣгать тогда къ этому источнику счастья? Сначала нѣкоторые, да, по привычкѣ. А во второмъ поколѣніи? — я думаю очень немногіе; а въ третьемъ? — я думаю никто! И я увѣренъ, что и вы такъ думаете.

Итакъ, какъ факты, такъ и логика одинаково отвѣчаютъ на вопросъ: что такое трудъ? Трудъ есть зло. И въ устройствѣ жизни человѣческой на землѣ, въ которой никакое зло, никакое страданіе не должно имѣть мѣста, — трудъ долженъ быть исключенъ.

Положимъ, что это такъ, скажете вы: трудъ есть зло, но это неизбѣжное зло, какъ же можемъ мы его исключить изъ жизни на землѣ?

Въ своей утопіи я представилъ одинъ такой проектъ исключенія труда. Здѣсь люди, настоящіе люди, не трудятся, потому-что рядомъ съ ними въ

двойномъ, иногда въ тройномъ количествѣ живутъ особыя существа, которыя по природѣ своей настолько отличны отъ остальныхъ обитателей, что ихъ нельзя назвать людьми. Это нисшія существа, размноженныя и приспособленныя для труда, чтобы высшія — люди, могли безмятежно наслаждаться жизнью; они выработаны покровителями изъ остатковъ дикихъ людей, и ихъ природа такъ видоизмѣнена искуственнымъ подборомъ, что они, подобно пчеламъ и муравьямъ, работаютъ охотно, не страдая отъ этого нисколько, какъ бы по инстинкту. Какъ объясняетъ въ моей сказкѣ Эзраръ — одинъ изъ покровителей — положеніе этихъ существъ нисколько не ухудшилось сравнительно съ ихъ прежнимъ существованіемъ, скорѣе оно улучшилось. Никакой несправедливости слѣдовательно тутъ нѣтъ: никому не хуже, а друзьямъ лучше, ибо они освобождены отъ наложеннаго на нихъ проклятія — труда.

Но я не желаю обманывать ни другихъ, ни себя и потому соглашаюсь, что, несмотря на кажущуюся логичность разсужденія Эзрара, тутъ дѣйствительно чувствуется легкая натяжка, согласенъ, что въ этомъ пунктѣ моей утопіи, но только въ немъ одномъ есть небольшое несовершенство, ибо „рабы“, какъ называются эти существа, всетаки почти что люди и хотя они и не несчастливы, но и не пользуются, да и не

могутъ по природѣ своей пользоваться такимъ яснымъ счастьемъ, какъ друзья. Вотъ возраженіе, которое, если быть ужъ очень строгимъ, можно было бы сдѣлать. Но дѣлая его, не будете ли вы походить на того несчастнаго нищаго въ грязныхъ лохмотьяхъ, всю жизнь проводившаго среди безъисходной бѣдности, голодавшаго, жившаго въ вонючей, сырой, грязной конурѣ, котораго вдругъ перевели бы въ хорошенькій чистый домикъ, уютно меблированный и объявили бы, что это его собственность, которому дано было бы состояніе, обезпечивающее его съ избыткомъ на всю жизнь и который, получивши все это, сталъ бы горько жаловаться на то, что одна изъ его комнатъ расположена неудобно, что она проходная и что окнами она обращена не на солнечную сторону. Неблагодарный или безумный — вотъ эпитеты, которые вы придали бы такому дѣйствительно безумному человѣку.

„Но,“ скажете вы, „сравненіе ваше неподходяще; разбогатѣвшій нищій дѣйствительно безумецъ, огорчаясь такими пустяками, меня же огорчаетъ въ вашей утопіи не какая нибудь проходная комната, а то, что весь домъ, который вы предлагаете человѣчеству, сырой, нездоровый для жилья, да и крыша протекаетъ и печи дымятъ. Помилуйте, вы дарите человѣчеству счастье (оно вамъ низко кланяется и благодаритъ васъ за это!) и вмѣстѣ съ нимъ рабство; $^1/_3$ человѣчества счастлива

на счетъ $^2/_3$ остальнаго человѣчества! Тутъ есть чѣмъ быть недовольнымъ.“

На это я вамъ отвѣчу, что вы смотрите на вещи не съ правильной точки зрѣнія; вы не сравниваете положеніе дѣлъ въ моей утопіи съ положеніемъ дѣлъ въ настоящее время и не смотрите, лучше ли оно, болѣе ли согласно съ идеаломъ нравственности или хуже. Если оно лучше или даже одинаково хорошо, если оно не хуже, то вы не имѣете никакого основанія жаловаться. Нищій, переведенный изъ одной плохой конуры въ другую столь же плохую, какое онъ имѣетъ основаніе жаловаться? А я утверждаю, что положеніе дѣлъ въ моей утопіи много лучше теперешняго. Посмотрите, взобравшись на луну (я уже не приглашаю васъ на Сиріусъ), на жизнь человѣческую на землѣ, въ чемъ ея основная сущность? Люди трудятся (ils peinent), борятся, добиваясь счастья, т. е. возможно большаго количества пріятныхъ, радостныхъ впечатлѣній. Условія земнаго существованія таковы, что всѣ люди въ полной мѣрѣ счастливыми быть не могутъ, есть извѣстное количество тягостей, бремени, которое они должны нести для того, чтобы имѣть возможность получать радостныя впечатлѣнія, и размѣръ этого бремени опредѣляетъ въ обратномъ отношеніи размѣръ возможнаго счастья для человѣка: если бремя его велико, то возможность счастья мала и

наоборотъ. Какъ происходитъ распредѣленіе этого бремени и этой доли счастья при настоящихъ условіяхъ? Оно происходитъ на принципѣ лютой, безпощадной борьбы. Природа говоритъ людямъ: вотъ вамъ извѣстное количество радостей, берите, кто сколько можетъ. И начинается отвратительная свалка, въ которой каждый старается оттолкнуть другаго, чтобы получить лучшее мѣсто, гдѣ онъ можетъ имѣть больше радостныхъ впечатлѣній и нести меньшую долю бремени. Но такъ какъ такихъ мѣстъ мало, то только немногіе получаютъ ихъ и ужъ никакъ не болѣе $^1/_3$ или $^1/_4$ человѣчества; остальные — это тѣ же рабы, полусознательная масса, труженики, въ потѣ лица своего поддерживающіе существованіе первыхъ. Вотъ сущность человѣческой жизни на землѣ. Развѣ это не тоже самое, что въ моей утопіи?

Но нѣтъ, это не тоже самое, а нѣчто гораздо худшее. Въ вашемъ человѣчествѣ это раздѣленіе его на $^1/_3$ и $^2/_3$ происходитъ на основаніи лютой, ожесточенной борьбы, дѣлающей всѣмъ жизнь трудной, въ моей утопіи ея нѣтъ и слѣда. Въ вашей $^1/_3$ (вѣрнѣе $^1/_{10}$ части) человѣчества, достигшей цѣной такой отвратительной борьбы высшаго положенія, люди часто вовсе не достигаютъ той цѣли, къ которой они стремились, т. е. большаго счастья, послѣднее получается отравленнымъ этой борьбой, и сами они,

надломленные ею, становятся неспособными воспринять счастье; и оно непрочное, требующее для поддержанія себя дальнѣйшей борьбы со своими же собратьями. Моя $^1/_3$ человѣчества наслаждается невозмутимымъ и навѣки обезпеченнымъ счастьемъ. Остальныя $^2/_3$ (въ сущности $^9/_{10}$) вашего человѣчества — это все люди, сознающіе свое бремя, только въ силу необходимости и неизбѣжности, съ проклятіями на устахъ несущіе его. Въ моей утопіи эти $^2/_3$ живыхъ существъ, на счетъ которыхъ живетъ $^1/_3$, не мучаются, не сознаютъ своего существованія какъ бремя, не проклинаютъ свою жизнь. Гдѣ же лучше?

Природа ежегодно швыряетъ на землю кусочекъ счастья, клочекъ златотканной парчи — берите люди и наслаждайтесь, если можете. И люди, какъ стая голодныхъ волковъ, съ остервенѣніемъ набрасываются на этотъ кусокъ, толкая, давя другъ друга, вырывая его другъ у друга изъ рукъ, разрывая его на клочья, затаптывая въ грязь, и только немногимъ, очень немногимъ удается завладѣть клочкомъ этой красиво узорчатой златотканной ткани, и какой это клочекъ: весь изодранный, изгаженный, затоптанный въ грязи, забрызганный кровью конкурентовъ. Масса же, мучаясь завистью, принуждена довольствоваться простой, грубой холстиной. Въ моей утопіи этотъ кусокъ парчи бережно воспринимается отъ природы умѣлыми руками

покровителей и распредѣляется между друзьями большими, щедрыми кусками, а для рабовъ имѣется ткань попроще, простая, но прочная холстина, которою они совершенно довольны, ибо не завидуютъ парчѣ, не думая о ней, не замѣчая ея вовсе.

Итакъ, *теперь:* лютая борьба, 1/3 человѣчества, не знающаго счастья и 2/3, знающаго несчастье. *Тогда:* полное отсутствіе борьбы, 1/3 человѣчества наслаждающагося полнымъ счастьемъ и 2/3, не знающаго несчастья. Что лучше? И вы, получивши лучшее, значительно лучшее, недовольны, вы жалуетесь и хотите еще лучшаго. Развѣ вы не безумецъ!

Итакъ, не ищите недостатковъ и несовершенствъ, таковые можно всегда найти во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ точно также какъ и нечеловѣческихъ, а благодарите судьбу, если она дастъ хоть такое счастье человѣчеству, какое изображено въ моей утопіи. И не ищите полнаго совершенства, ибо такового нѣтъ нигдѣ въ мірѣ — самомъ по себѣ несовершенномъ — тѣмъ болѣе никогда не расчитывайте найти его въ мірѣ человѣческомъ. О, конечно, еслибы люди были всемогущи какъ богъ, то они устроили бы счастье на землѣ еще совершеннѣе, чѣмъ это сдѣлали покровители; они сотворили бы растенія такъ, чтобы безъ всякаго ухода, безъ труда, растенія эти въ изобиліи давали бы людямъ вкусную и разнообразную

пищу, они устроили бы организмъ человѣческій такъ, чтобы онъ не нуждался и не жаждалъ пищи иной кромѣ растительной, они уничтожили бы условія, дѣлающія людямъ кровь необходимымъ, лучезарные ангелы летали бы вокругъ людей, направляя каждый ихъ шагъ, вѣтры напѣвали бы имъ чудныя мелодіи, а большія красивыя раковины подплывали бы къ берегамъ, предлагая услуги свои для морскихъ прогулокъ. О, тогда не нужны были бы эти рабы, которые васъ такъ сильно смущаютъ, смущаютъ немного (очень немного, правда) и меня. Но человѣкъ не всемогущъ, и потому нѣкоторое несовершенство въ устройствѣ своихъ дѣлъ на землѣ неизбѣжно, извинительно, лишь бы оно было минимальное, и роптать на это будетъ такою же неблагодарностью или безумiемъ, какими это было со стороны вышеупомянутаго нищаго.

Но я вижу, что я васъ всетаки не убѣдилъ, или вѣрнѣе не заставилъ перемѣнить вашихъ чувствъ по отношенію къ рабамъ, ибо ваше возраженіе имѣетъ источникомъ скорѣе чувство, чѣмъ разсудокъ. Вы всетаки говорите: нѣтъ, это не годится, это безнравственно, надо какъ нибудь иначе устроиться съ вопросомъ о трудѣ.

Ну чтоже, устройте иначе, придумайте какой нибудь иной, болѣе совершенный, болѣе нравственный исходъ. Но такъ или иначе, а отъ обязательнаго

труда необходимо избавить человѣчество, это положеніе должно оставаться незыблемымъ; ни одинъ покровитель не согласится никогда заставлять обязательно трудиться своихъ друзей. Внесите опять этотъ вѣчный источникъ раздора среди людей — и прощай тогда счастье! Всякій захочетъ тогда свалить трудъ на другаго, добровольно никто не захочетъ трудиться, если можетъ отъ этого уклониться, а чтобы онъ не уклонялся, надо насиліе, власть и проч. и проч., и пойдутъ опять прежніе раздоры . . .

Зачѣмъ раздоры, скажете вы, зачѣмъ насиліе? Все это неизбѣжно при теперешнемъ нравственномъ уровнѣ человѣчества, но когда люди станутъ добрѣе и честнѣе (при этомъ вы однако благоразумно умалчиваете о томъ, *когда* это случится), то они не только не будутъ избѣгать труда и стараться сваливать его на другихъ, но будутъ трудиться съ радостью, сознавая, что это ведетъ ко благу общему, будутъ даже сами искать лишняго труда, чтобы избавить отъ него своего дорогаго ближняго, которому почему нибудь хочется отдохнуть или поиграть и повеселиться. Сознаніе долга, чувство любви къ ближнему, а не насиліе — вотъ что будетъ заставлять ихъ трудиться, и трудъ покажется имъ тогда не постылымъ бременемъ, а будетъ казаться легкимъ и радостнымъ.

Что же и прекрасно, отвѣчу я вамъ на это. Если такъ, то вотъ вамъ и иное рѣшеніе задачи: мѣсто рабовъ заступятъ эти добровольные, высоконравственные труженики, эти по истинѣ святые люди, которые изъ любви къ ближнему возложатъ на свои плечи тяжелое, но неизбѣжное бремя жизни — трудъ, для того, чтобы избавить отъ него друзей, которые всецѣло могутъ тогда предаваться жизнерадостности и веселью; а наградой за подвигъ любви этихъ святыхъ людей послужитъ имъ созерцаніе, въ рѣдкіе часы ихъ отдыха, беззаботной веселой жизни друзей. Вмѣсто рабовъ деревни этихъ послѣднихъ будутъ заселены „добровольцами труда“ или „святыми“. О, это будетъ еще прекраснѣе, чѣмъ съ рабами! Я восхищенъ этою мыслью и вы, конечно, тоже?

Но что это съ вами? Я замѣчаю на вашемъ лицѣ какъ будто смущеніе. И что это вы говорите? Вы говорите, что какими бы святыми ни были эти добровольные труженики, они, пожалуй, не выдержатъ сравненія между своей тяжелой трудовой жизнью и веселой, беззаботной жизнью друзей, что контрастъ будетъ слишкомъ рѣзокъ, что понемногу святые труженики начнутъ тяготиться своимъ положеніемъ, что мало по малу они начнутъ переходить изъ своей деревни въ лагерь друзей, на ихъ болѣе заманчивое положеніе

и что подъ конецъ, пожалуй, никто не пожелаетъ оставаться святымъ труженикомъ.

Вотъ то-то же и есть! И я тоже думаю, что такъ въ концѣ концовъ неизбѣжно случится. Но знаете ли вы, что этимъ самымъ вы признали? Вы признали глубокую истинность строя, установленнаго покровителями, необходимость для полнаго и прочнаго счастья исключить изъ жизни людей трудъ, а слѣдовательно — необходимость, неизбѣжность рабовъ.

Но вы не сдаетесь еще — и я этому радъ, такъ какъ не довелъ васъ еще до того пункта, до котораго желаю довести. Вы говорите: зачѣмъ же ставить такой искуственный контрастъ между двумя категоріями населенія, зачѣмъ допускать такой соблазнъ для трудовой деревни въ видѣ веселаго лагеря. Это ненормально, неправильно, несправедливо, и вотъ эта несправедливость и сказалась и дала тотчасъ же плодъ. Полная нравственность была оскорблена въ видѣ ничего не дѣлающихъ друзей и она отомстила за себя тотчасъ же, побудивши добровольныхъ тружениковъ забыть свой долгъ и разрушивши строй, основанный не на полной справедливости. Но уничтожьте такое несправедливое распредѣленіе труда, положите въ основу полную справедливость, пусть всѣ одинаково трудятся — и все будетъ благополучно все будетъ lovely.

И теперь, мой дорогой читатель, я объявляю вамъ шахъ и матъ. Да, я долженъ васъ огорчить, что мнѣ очень жаль: я долженъ теперь признаться, что все это разсужденіе я велъ къ тому, чтобы незамѣтно для васъ самихъ привести васъ къ противорѣчію, которое послужитъ мнѣ доказательствомъ правильности моей точки зрѣнія и неправильности вашей. Вы недостаточно уяснили себѣ значеніе вышеупомянутаго перехода добровольцевъ — труженниковъ въ лагерь друзей, вы упустили изъ виду, что допуская этотъ переходъ, допуская возможность соблазна для добровольцевъ труда въ лицѣ веселыхъ друзей, и въ тоже время допуская возможность существованія добровольнаго труда для всѣхъ, основаннаго на высокой нравственности всѣхъ, на любви и сознаніи долга, вы впали въ противорѣчіе. Въ одномъ случаѣ вы допускаете существованіе людей, готовыхъ трудиться добровольно, а въ другомъ вы допускаете, что эти люди подъ вліяніемъ соблазна могутъ перестать добровольно трудиться, вы допускаете слѣдовательно возможность добровольнаго труда и въ тоже время отрицаете эту возможность. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте: если такіе святые, такіе идеально нравственные люди, какъ вышеупомянутые труженики — добровольцы, и тѣ не выдержали и мало по малу стали переходить изъ трудовой деревни въ веселый лагерь друзей и превращаться въ этихъ послѣднихъ,

то вы этимъ самымъ допустили, что и въ томъ случаѣ, когда ваши идеально нравственные люди будутъ жить въ условіяхъ, гдѣ раздѣленія на тружениковъ и нетружениковъ не будетъ, гдѣ всѣ равно будутъ добровольно трудиться, что и тогда, какъ и раньше, трудъ для нихъ будетъ казаться чѣмъ-то тяжелымъ, нежелательнымъ, нѣкіимъ бременемъ, отъ котораго при случаѣ они будутъ стремиться уклониться, хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ при существованіи лагеря. Вы уничтожили соблазнъ въ видѣ лагеря, вы ввели всеобщій трудъ, но вѣдь ваши святые люди нисколько отъ этого не измѣнились, они по природѣ своей остались тѣми же самыми, т. е. существами способными, какъ показалъ опытъ съ лагеремъ, перестать добровольно трудиться, подверженными соблазну; измѣнилось только то, что крупный соблазнъ исчезъ, но остались мелкіе соблазны, и они, хотя медленнѣе, но свое дѣло сдѣлаютъ. Уже тотъ самый фактъ, что мы съ вами принуждены были уничтожить раздѣленіе на трудящихся и нетрудящихся, на лагерь и деревню, показываетъ, что вы, если такъ можно выразиться, плохой поставщикъ святыхъ, что вы не можете поставить вполнѣ совершенныхъ святыхъ, такихъ, которые бы не портились, а разъ ваши святые по необходимости несовершенны, то что толку уничтожать крупный соблазнъ — лагерь, когда остаются мелкіе со-

блазны, которые медленнѣе, но дѣло разрушенія сдѣлаютъ.

Какіе такіе соблазны остались, спросите вы?

О, ихъ много сидитъ въ самой природѣ людей, даже святыхъ, особенно такихъ святыхъ, которые подверженны порчѣ. Представлю вамъ одинъ примѣръ. Вѣдь не всѣ же святые ваши (я уже не спрашиваю, откуда они взялись, какъ и главное *когда* они успѣли ими сдѣлаться!) будутъ одинаково святыми; и вотъ, одинъ изъ наименѣе святыхъ, скажемъ выродокъ, начнетъ понемногу лѣниться, а такъ какъ трудъ необязателенъ, то онъ будетъ лѣниться безнаказанно. Вы скажете, что при предполагаемомъ вами строѣ лѣниться будетъ стыдно, и этотъ стыдъ его скоро исправитъ. Ахъ, мой добрѣйшій идеалистъ и утопистъ! ко всему человѣкъ привыкаетъ, даже и къ стыду, къ одному только не можетъ онъ привыкнуть вотъ уже въ теченіи 100.000 лѣтъ, въ которые существуетъ человѣчество — это къ труду. Въ первый разъ ему будетъ стыдно, но такъ какъ ничего нѣтъ слаще, какъ лѣниться безнаказанно, такъ какъ это ему показалось очень пріятнымъ, то онъ (этотъ выродокъ) повторитъ это еще разъ. Во второй разъ ему будетъ уже немного менѣе стыдно, въ третій еще менѣе, а въ двадцатый, пятидесятый разъ ему и вовсе не будетъ стыдно, и онъ будетъ жить себѣ, весело припѣваючи,

на счетъ другихъ. А видя это, слѣдующій по степени святости задумается. О, сначала онъ только задумается . . . . Но въ одинъ прекрасный день, подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ онъ тоже начнетъ лѣниться и, повторяя это все чаще и чаще, привыкая съ каждымъ разомъ все менѣе и менѣе стыдиться и подбодряемый первымъ лѣнтяемъ, онъ наконецъ тоже перейдетъ на положеніе лѣнтяя. А вдвоемъ, замѣтьте, лѣниться стало уже веселѣе, чѣмъ одному. За вторымъ послѣдуетъ по уже проторенной этими піонерами дорожкѣ третій, за нимъ четвертый, пятый и т. д.

Вотъ вамъ уже одинъ соблазнъ, а ихъ можно придумать нѣсколько. Но это развѣ не есть прямой путь къ недоразумѣніямъ и въ концѣ концовъ къ неизбѣжному разрушенію вашей утопіи. Въ самомъ дѣлѣ разберите, что логически произойдетъ далѣе. Когда изъ этихъ лѣнтяевъ образуется довольно большая компанія, то они вѣроятно и поселятся отдѣльно, образуютъ свой веселый лагерь, а остальные, еще не соблазненные, составятъ нѣчто въ родѣ трудовой деревни — и вотъ мы опять пришли къ тому же пункту, изъ котораго вышли. Но вы уже согласились, что и святые въ трудовой деревнѣ не въ состояніи долго выдержать и мало по малу станутъ переходить въ веселый лагерь и такимъ образомъ никто въ

концѣ концовъ не захочетъ трудиться. Но такъ какъ жить при такихъ условіяхъ невозможно, такъ какъ кто нибудь да долженъ трудиться, то установится обязательный трудъ, а для этого необходимо насиліе, для насилія же необходима власть, а для власти — солдаты, полицейскіе, тюрьмы и все остальное.

Въ вашей утопіи скрывается слѣдовательно зародышъ разрушенія, въ моей — его нѣтъ, и этотъ зародышъ есть трудъ.

Глава X.

Осуществима ли идея христіанства.

Хорошо, скажете вы, я былъ бы съ вами согласенъ и принялъ бы вашу утопію, еслибы человѣчество испытало всѣ средства устроить счастье на землѣ и всѣ они оказались бы неосуществимыми. Но есть одно средство, которое въ полной мѣрѣ никогда еще не примѣнялось къ жизни и которое, можетъ быть, осуществитъ идеалъ счастья на землѣ, гораздо лучше чѣмъ ваша утопія. Средство это — христіанство.

Признаюсь я нѣсколько удивленъ такимъ вашимъ заявленіемъ и никакъ не ожидалъ его отъ васъ тотчасъ же послѣ предшествовавшей главы, въ которой вы вѣдь въ сущности играли въ ту же самую игру, окончившуюся для васъ пораженіемъ. Вѣдь тамъ, въ вопросѣ о трудѣ вы уже пытались разъ найти рѣшеніе этого вопроса на почвѣ христіанской идеи, и что же оказалось! оказалось, что вы получили шахъ и матъ,

что идея эта безусловно непримѣнима къ человѣчеству.

Но хорошо, вы можете сказать, что то былъ частный вопросъ, а что теперь вы становитесь на болѣе общую точку зрѣнія. Соглашаюсь, хотя странно, чтобы идея, оказавшаяся непригодною въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о трудѣ, могла бы оказаться пригодною въ какомъ бы то ни было другомъ вопросѣ.

Что такое однако христіанская идея, что такое христіанство? И прежде всего какое христіанство? Христіанство ли Іисуса Христа, или апостола Павла, или Никейскаго собора, или Унитаріянъ, или Мормоновъ, или Льва Толстаго? Естественнѣе всего конечно было бы взять за образецъ христіанства то, чему училъ самъ основатель его — Іисусъ Христосъ. Но тутъ мы наталкиваемся на огромное затрудненіе: мы не знаемъ въ точности, чему онъ училъ, ибо онъ не оставилъ намъ ни одной строчки; въ дошедшихъ же до насъ книгахъ, неизвѣстно когда и кѣмъ написанныхъ, его ученіе изложено такъ неясно, такъ противорѣчиво, что на основаніи ихъ люди стропли самыя разнообразныя и другъ друга исключающія теоріи жизни, начиная отъ самаго суроваго аскетизма монтанистовъ и францисканскихъ монаховъ и кончая Лютеромъ, заявившимъ, что

Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang,
Bleibt ein Narr sein Leben lang*).

И отъ теоріи, по которой здѣшняя жизнь на землѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, будучи лишь временнымъ этапомъ къ жизни будущей, до христіанства Льва Толстаго, который будущей жизни вовсе не признаетъ и видитъ весь смыслъ существованія человѣка, лишь здѣсь на землѣ. Я уже не говорю о чисто догматической сторонѣ христіанства, которая, опираясь все время на однѣ и тѣже книги, варьируетъ до безконечности.

Но вопросъ къ счастью нѣсколько упрощается тѣмъ, что догматическая сторона христіанства насъ здѣсь не касается — хотя въ ней то главнымъ образомъ и сосредоточивается специфичность этой религіи, отличающая ее отъ другихъ. Что насъ здѣсь интересуетъ — это только моральная сторона ученія Христа, и задача наша состоитъ въ отысканіи идеи этого ученія — задача всетаки нелегкая въ виду ужасной путанницы и сумбура, внесеннаго сюда людьми необразованными или не умѣющими ясно и послѣдовательно думать.

Въ чемъ же состоитъ идея христіанства? Признаюсь я не совсѣмъ ясно понимаю въ чемъ, иногда

*) Кто женщинъ, вино и пѣсни не любитъ,
Всю жизнь тотъ дуракомъ пребудетъ.

мнѣ даже кажется, что таковой вовсе и нѣтъ, что все это ничто иное, какъ гигантское недоразумѣніе и что вся эта идея сводится на догматику.

Если она состоитъ въ томъ, что люди могутъ быть счастливы только тогда, когда они добры, ласковы, справедливы со всѣми, когда они не дѣлаютъ никому вреда, а напротивъ помогаютъ ближнимъ по мѣрѣ силъ и возможности, то вѣдь эта идея проповѣдовалась и Зороастромъ, и Браминами, и Буддой, и Конфуціемъ, и еврейскими пророками, и стоиками, и Епиктетомъ, и Маркомъ Авреліемъ, и Магометомъ, и если не проповѣдовалась, то болѣе или менѣе практиковалась и многими дикими народами, практикуется и притомъ въ весьма совершенной формѣ даже муравьями, пчелами и многими другими животными, живущими обществами. Эта идея не есть такимъ образомъ христіанская идея, это идея общечеловѣческая, гуманитарная, отчасти даже общеживотная, продуктъ, выработанный условіями общежитія организмовъ, соціальною ихъ жизнью. Это соціальная, а не христіанская идея, это не „христіанство“, а „соціальность“ или „человѣчность“.

Или, можетъ быть, идея христіанства заключается въ стремленіи къ одухотворенію человѣческой природы, къ преобладанію всего духовнаго надъ матеріальнымъ и чувственнымъ, въ презрѣніи къ матеріи, въ отказѣ отъ всѣхъ земныхъ благъ и наслажденій и исканіи лишь

благъ въ другомъ, духовномъ существованіи, въ аскетизмѣ? Но эта идея уже совершенно никакого права не имѣетъ называться христіанской, ибо она есть основная, преобладающая идея индусской жизни; въ Индіи она зародилась задолго до нашей эры, въ Индіи же была развита съ большой полнотой и послѣдовательностью браминами и буддистами. Это уже чисто индусская идея.

Можно еще считать специфически христіанской идеей идею непротивленія злу, но вѣдь и она не нова, ее также можно найти у буддистовъ, и она практикуется также нѣкоторыми животными: когда стая волковъ нападаетъ на овецъ, то послѣднія не противятся злу, а покорно отдаютъ себя на съѣденіе. Тѣмъ не менѣе ее еще болѣе всего можно было бы назвать христіанской, ибо она дѣйствительно послѣдовательнѣе и полнѣе всего была развита Іисусомъ Христомъ. Но ради славы великаго еврейскаго Пророка поклонники его хорошо бы поступали, еслибы обходили эту идею молчаніемъ, какъ обходятъ молчаніемъ неудачныя произведенія великихъ композиторовъ или поэтовъ, ибо такую идею, способствующую только размноженію волковъ, едвали кто можетъ найти удачной. Авторъ ея показываетъ полное непониманіе законовъ природы и совершенно ложное представленіе о природѣ человѣка. Человѣкъ не овца и никогда ею не будетъ, а основной

законъ природы есть законъ самозащиты, самосохраненія, и все, что не согласуется съ этимъ закономъ, естественнымъ подборомъ немилосердно элиминируется. Вотъ почему и сама идея непротивленія злу элиминирована.

Но что же тогда есть христіанская идея? Какъ видите, рѣшить этотъ вопросъ не такъ-то легко, идея эта, такъ сказать, ускользаетъ изъ рукъ, она таетъ подъ анализомъ, ея какъ будто нѣтъ. Но такъ какъ надо же на чемъ нибудь остановиться, если разсуждать съ вами на эту тему, то остановимся на такомъ опредѣленіи христіанства: справедливость, доброта въ полной мѣрѣ и незлобіе, доведенное до непротивленія злу. Правда, такую идею, какъ мы видѣли, не совсѣмъ правильно будетъ называть христіанской, ибо она заключаетъ въ себѣ мало чего специфически христіанскаго (я бы назвалъ ее скорѣе идеей человѣчности), но если вамъ нравится называть ее такъ, то буду и я ее такъ называть. Дѣло вѣдь не въ названіи.

Итакъ вы не хотите принять мою утопію, потому что васъ соблазняетъ эта идея, и вы думаете, что она, быть можетъ, лучше осуществитъ идеалъ счастья, чѣмъ моя утопія; вы, если я не ошибаюсь, даже увѣрены въ этомъ. Но эта увѣренность предполагаетъ другую увѣренность. Чтобы идея христіанства могла принести счастье, надо прежде, чтобы она была добровольно

принята всѣми людьми. И вы слѣдовательно должны быть увѣрены, что она будетъ принята. Но чтобы быть увѣреннымъ, что она будетъ принята когда нибудь цѣликомъ, надо быть увѣреннымъ, что она принимается теперь понемногу, т. е. что она дѣлаетъ явные успѣхи, ибо если она замѣтныхъ успѣховъ не дѣлаетъ, то нельзя быть увѣреннымъ, что она когда нибудь окончательно восторжествуетъ. Но на чемъ вы основываете эту увѣренность? На фактахъ? На какихъ? Показываютъ ли факты исторіи, что она принимается на самомъ дѣлѣ.

Я по крайней мѣрѣ такихъ фактовъ не вижу, т. е. такихъ, которые бы явно свидѣтельствовали о прогрессѣ христіанской идеи въ исторіи человѣчества. И если вспомнить факты приведенные въ предъидущихъ главахъ, то порой мнѣ даже кажется, что мы идемъ вспять въ этомъ отношеніи.

Но, скажете вы, неужели вы не видите, что прогрессъ въ нравственномъ отношеніи существуетъ, что люди становятся мягче, добрѣе, менѣе жестокими, болѣе сострадательными, что альтруистическія чувства преобладаютъ все болѣе и болѣе надъ эгоистическими? Припомните, какъ только лѣтъ 100—200 тому назадъ люди вѣшали другъ друга за пустяки, за простую кражу напримѣръ, даже за прошеніе милостыни, какъ въ Англіи, когда за малѣйшій проступокъ ноздри

выдирали, языкн вырывали, когда съумасшедшихъ на цѣпь сажали и били, больныхъ и калѣкъ оставляли безъ призрѣнія. Сравните съ тѣмъ, что теперь, и изъ этого вы можете заключить, что будетъ въ будущемъ, какая эра счастья настанетъ для человѣчества, когда люди станутъ еще въ десять разъ гуманнѣе, справедливѣе, участливѣе другъ къ другу.

Ваше возраженіе дѣльно, читатель, но оцѣнка ваша всѣхъ этихъ явленій невѣрна, вы смотрите на нихъ подъ невѣрнымъ угломъ, при фальшивомъ розовомъ освѣщеніи. Факты, которые вы приводите, вѣрны, но тѣ чувства большей любви и доброжелательности и будто бы большаго счастья, которыя вы съ этими фактами связываете, есть просто миражъ, продуктъ вашего воображенія. Это только вамъ кажется, что когда люди перестаютъ вѣшать другъ друга за пустяки и выдирать ноздри, то они становятся лучше. Люди дѣйствительно менѣе грубы въ своихъ пріемахъ мучить другъ друга, они мягче, гуманнѣе мучаютъ другъ друга, но мучаютъ столько же, если не больше. Только это не такъ видно какъ прежде и вотъ почему: въ процессѣ мученія людей, какъ и во всѣхъ процессахъ произошелъ прогрессъ, а прогрессъ значитъ усложненіе. Подчиняясь этому общему закону, люди мучаютъ теперь другъ друга не такъ просто и непосредственно, какъ прежде, а болѣе сложно и утонь-

ченно, такъ сказать удлиненными и потому менѣе замѣтными путями. И вотъ потому что эти пути менѣе замѣтны, сложны, запутанны, и происходитъ тотъ оптическій обманъ, какъ будто люди стали лучше, добрѣе, менѣе жестоки и какъ будто они менѣе страдаютъ, болѣе счастливы.

Можно напримѣръ убить человѣка разными путями: можно подойти къ нему и треснуть дубиной по головѣ — и конецъ. Такого человѣка всѣ осудятъ, пошлютъ на каторгу или повѣсятъ. Можно разбросать по лѣстницѣ, по которой онъ подымается и спускается ежедневно, корки апельсина съ тѣмъ расчетомъ, что онъ поскользнется, упадетъ и сломаетъ себѣ шею. Это будетъ уже болѣе гуманный, болѣе мягкій способъ убійства. Такого человѣка всѣ осудятъ, но на каторгу не сошлютъ и не повѣсятъ, развѣ пригрозятъ ему адомъ. Наконецъ можно отнять у человѣка содержаніе, оставивъ ему какъ разъ столько, чтобы онъ не умеръ съ голода и, зная что человѣкъ этотъ съ тонко развитыми чувствами, что онъ не въ силахъ будетъ перенесть нищету и связанныя съ нею грязь и страданія, что онъ доведенъ будетъ этимъ до самоубійства, можно убить его такъ же вѣрно, какъ ударомъ дубины по головѣ. Это будетъ еще болѣе гуманное и человѣчное убійство, столь гуманное, что едвали даже кто будетъ упрекать убійцу, пожалуй хвалить и почитать его бу-

дутъ: дескать, не оставилъ его въ нуждѣ, а помогъ ему, посылая каждый мѣсяцъ деньги.

Но, скажите, читатель, что на самомъ дѣлѣ болѣе жестоко, болѣе мучительно, получить ли ударъ дубиной по головѣ или въ теченіи мѣсяцевъ ложиться каждый день въ грязную, жестокую постель съ мыслью о неизбѣжности самоубійства, и съ этою же мыслью каждый день просыпаться, а цѣлый день проводить въ планахъ о томъ какъ, когда и гдѣ совершить актъ самоубійства, и, наконецъ, купивъ на послѣднія деньги револьверъ и поборовъ могучій инстинктъ самосохраненія, въ припадкѣ безпредѣльнаго отчаянія нажать курокъ и пустить себѣ пулю въ високъ. И кто тутъ убійца, кто нажалъ курокъ, не тотъ ли человѣкъ, который довелъ другаго до самоубійства? И не такой же ли онъ убійца, какъ и тотъ, который треснулъ дубиной по головѣ. А почему послѣдняго осуждаютъ и наказываютъ, а перваго нѣтъ? Потому что его поступокъ сложнѣе, цѣпь причинъ и слѣдствій запутаннѣе и его вина поэтому не выступаетъ такъ ясно. И вотъ почему онъ кажется гуманнѣе, добрѣе, хотя на самомъ дѣлѣ онъ такой-же злодѣй, а мученія, имъ причиняемыя, еще больше.

И такъ во всемъ, крупныя, но рѣдкія мученія превратились въ болѣе мелкія, но частыя, явныя — въ скрытыя. Измѣнились только формы, а содержаніе,

т. е. истинная нравственная природа человѣка осталась все таже. Прежде онъ убивалъ прямо, теперь убиваетъ косвенно, прежде билъ молотомъ, — теперь колетъ булавками, доводя до самоиступленія, прежде мучилъ явно, открыто — теперь мучаетъ скрытно, изъ за угла, прежде бралъ нравящихся ему женщинъ силою меча, — теперь покупаетъ ихъ за деньги, прежде бралъ нравящуюся ему собственность вооруженной силой — теперь беретъ ее ажіотажомъ на биржѣ или ссудой, прежде билъ дубъемъ — теперь бьетъ рублемъ, прежде называлъ рабовъ рабами — теперь называетъ ихъ почтенными рабочими.

Гдѣ же тутъ, читатель, факты, которые позволяли бы вамъ утверждать, что христіанская идея или человѣчность дѣлаетъ успѣхи и притомъ столь явные, что по нимъ вы беретесь предсказывать полное осуществленіе этой идеи.

Но и помимо этого ваша позиція, читатель, невѣрна, нелогична. Вы говорите: въ полной мѣрѣ христіанская идея никогда еще не примѣнялась и потому я на нее надѣюсь. Читатель! Но вѣдь въ этомъ нѣтъ ни смысла, ни логики! Не надѣяться надо поэтому, а напротивъ отчаяваться. Вѣдь утверждая, что она до сихъ поръ не примѣнялась, вы этимъ самымъ уже осудили эту идею, показавъ ея непрактичность, непримѣнимость. Вотъ уже скоро 2000 лѣтъ какъ она

пропагандируется милліонами людей, съ небывалой энергіей, съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ, пропагандировалась нѣкогда при поддержкѣ всѣхъ силъ общества и государства, величайшіе таланты отдавали себя на ея служеніе, всѣ страхи ада, всѣ соблазны рая были къ ея услугамъ. И несмотря на все это, несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, условія при какихъ никогда не пропагандировалась никакая другая идея, она до сихъ поръ не осуществилась и не принесла счастья.

Что же это означаетъ? Не показываетъ ли это, что христіанская идея непригодна для человѣчества, что она непримѣнима? Что сказали бы вы про какую нибудь политическую идею, которую милліоны энергичныхъ, талантливыхъ, самоотверженныхъ людей старались бы въ теченіи 2000 лѣтъ привить человѣчеству и которую, несмотря на это, люди упорно отказывались бы принять? Сказали ли бы вы, что поэтому вы на нее надѣетесь! Не потеряли ли бы вы наоборотъ поэтому именно вѣру въ нее, не сказали ли бы вы, что она непригодна для человѣческой природы, непрактична, непримѣнима, что ее пора оставить и подумать о чемъ нибудь другомъ. Почему же не говорите вы этого же по отношенію къ христіанской идеи? Почему вы отказываетесь принять мою утопію, которая по всѣмъ видимостямъ способна осуществить счастье

и упорно, фанатически настаиваете на христіанской идеѣ, которая по всѣмъ видимостямъ непримѣнима? И если это такъ, если при всѣхъ благопріятнѣйшихъ условіяхъ христіанская идея не сдѣлала сколько нибудь явственно замѣтнаго успѣха, то я васъ спрашиваю, на что же вы надѣетесь, читатель? На время? Но сколько же вамъ нужно тысячелѣтій, чтобы она сдѣлала хоть какой нибудь замѣтный шагъ впередъ и сколько десятковъ тысячелѣтій, чтобы она осуществилась „въ полной мѣрѣ“, какъ вы выразились, ибо только при полной мѣрѣ можетъ она по вашему мнѣнію осуществить идеалъ счастья. Да за это время 10 такихъ утопій, какъ моя, могутъ быть осуществлены, за это время человѣчество можетъ быть успѣетъ вымереть, солнце можетъ быть потухнетъ.

И что христіанская идея въ полной мѣрѣ не примѣнялась до сихъ поръ именно потому, что она непримѣнима и слѣдовательно никогда и не примѣнится, это можно доказать не только индуктивно, т. е. на основаніи фактовъ, но и дедуктивно, т. е. путемъ логики, вывода изъ уже извѣстныхъ истинъ; можно показать, что самая мысль о возможности полнаго примѣненія христіанства совершенно не научна, противорѣчитъ законамъ природы и наоборотъ, что непримѣнимость ея логически вытекаетъ изъ этихъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ то, что вы называете христіанствомъ

и что я называю человѣчностью, всегда существовало во всѣхъ обществахъ, какъ животныхъ, такъ и людскихъ, безъ нея ни одно общество не можетъ долго существовать. Но природа, которая ничего не творитъ ненужнаго, излишняго, а творитъ только полезное и необходимое, допускаетъ эту человѣчность какъ разъ постолько, посколько это строго необходимо для существованія обществъ, и эту долю она вырабатываетъ чисто механически, путемъ естественнаго подбора, помимо вашей проповѣди, въ которой совершенно не нуждается. Совсѣмъ безъ любви, совсѣмъ безъ справедливости и безъ незлобія любое общество вскорѣ погибло бы передъ натискомъ другихъ болѣе сильныхъ и здоровыхъ обществъ, имѣющихъ все это въ достаточной степени; но съ слишкомъ большимъ количествомъ любви, незлобія и справедливости общество тоже не можетъ долго существовать, ибо оно окажется слабѣе другихъ обществъ, имѣющихъ нѣкоторое количество эгоизма, безсердечія и несправедливости и, будучи слабѣе, погибнетъ въ борьбѣ за существованіе и замѣнится этими послѣдними. Это какъ съ отдѣльными индивидуумами: слишкомъ добрые, мягкіе, кроткіе люди въ такихъ странахъ особенно, гдѣ борьба за существованіе очень интенсивна, какъ въ Америкѣ, живо затаптываются и вытѣсняются болѣе эгоистичными и безсердечными особями, не оставляя даже потомства.

Естественный подборъ — вотъ что регулируетъ размѣръ человѣчности, существующій у людей, а не ваше желаніе, не ваши совѣты, не ваша проповѣдь. Вы можете совѣтовать принять человѣчность (или, если хотите, христіанство) въ какомъ вы пожелаете размѣрѣ, но природа приметъ ее только въ размѣрѣ строгой необходимости, не меньше, но и не больше. Вы можете даже вовсе не проповѣдовать ее, а сидѣть себѣ спокойно, сложа руки, или заниматься другимъ дѣломъ — и она всетаки появится въ надлежащемъ размѣрѣ. У пчелъ и муравьевъ нѣтъ и никогда и не было ни одного проповѣдника, а человѣчности или по вашему христіанства у нихъ больше, чѣмъ въ любомъ человѣческомъ обществѣ, и тоже у Гиляковъ, Айновъ и многихъ другихъ мелкихъ народцевъ. Съ другой стороны нигдѣ столько не проповѣдуется человѣчности, какъ въ Америкѣ и нигдѣ люди не менѣе человѣчны.

Итакъ, христіанская идея, которая есть ничто иное какъ идея человѣчности, выработанная соціальною жизнью, а не упавшая съ облаковъ, не дѣлаетъ сколько нибудь явныхъ успѣховъ, а остается все въ томъ же положеніи, мѣняясь только въ формахъ проявленія. А изъ этого надо думать, что она никогда въ полной мѣрѣ не примѣнится, и причина почему она не примѣняется и не примѣнится, это то, что она противна природѣ, которая въ ней не нуждается въ полномъ ея

объемѣ. А такъ какъ безъ полнаго объема счастья по вашему получить нельзя, что этимъ путемъ счастье вы получить не можете, и слѣдовательно вамъ надо искать какого нибудь другаго пути.

Все это люди, разсуждающіе о подобныхъ вопросахъ, должны были бы знать, особенно въ нашъ вѣкъ науки и просвѣщенія. Въ то время когда появилось ученіе о непротивленіи злу и „полной мѣрѣ христіанства“, ни о чемъ этомъ не знали, законы природы еще не были найдены, и потому проповѣдовать такія теоріи было извинительно; но теперь, когда тайны природы открыты, придерживаться тѣхъ же старыхъ заблужденій уже совершенно непростительно. Человѣкъ, упорствующій въ этихъ взглядахъ, показываетъ, что онъ необразованъ и слѣдовательно не имѣетъ права объ этомъ толковать, или если онъ образованъ — что у него что-то неладно въ мозгу.

Но оставимъ это и разсмотримъ вопросъ съ другой точки зрѣнія. Допустимъ, что христіанская идея или христіанскій идеалъ осуществимъ на землѣ и что, осуществивши его, получится не скука, а счастье. Нельзя же однако предполагать, что идеалъ этотъ воцарится сразу всюду, среди всѣхъ народовъ и расъ. Положимъ, что онъ сначала воцарится въ Европѣ; здѣсь будетъ царствовать всеобщая любовь, мягкость и незлобіе, доведенныя до непротивленія злу. Что же

тогда произойдетъ? Прежде всего этимъ воспользуются жиды*), армяне**) и нравственные уроды изъ европейской расы и начнутъ эксплоатировать доброту и непротивленіе въ свою пользу. Иными словами они заберутъ власть и богатство въ свои руки, а добрыхъ, кроткихъ христіанъ превратятъ въ рабочую силу, въ чернорабочихъ, пожалуй даже прямо въ рабовъ, превратятъ, если это окажется необходимымъ, очень постепенно, незамѣтно для самихъ христіанъ. Тогда возможны два исхода:

1) или добрые христіане огрубѣютъ, сердца ихъ очерствѣютъ, умъ понизится, чувства, какъ и руки окарявятся, и изъ добрыхъ, кроткихъ христіанъ они превратятся въ грубыхъ скотовъ, либо приниженныхъ, и тогда они станутъ покорными рабами и совсѣмъ выродятся, потеряютъ обликъ человѣческій, либо протестующихъ и тогда — прощай любовь и непротивленіе.

2) или же эти добрые христіане, вліяя своею покорностью и незлобливостью на эгоистичныхъ и нравственно испорченныхъ жидовъ, армянъ и проч, устыдятъ (!) этихъ послѣднихъ, постепенно измѣнятъ ихъ природу, смягчатъ ихъ жесткія сердца и превратятъ и

*) Не смѣшивать съ хорошими честными евреями, каковые изрѣдка попадаются.

**) И между ними немало прекрасныхъ, благородныхъ людей, достойныхъ полнаго уваженія.

ихъ въ такихъ же добрыхъ и незлобливыхъ христіанъ, какъ и они сами.

Какъ это ни невѣроятно, но допустимъ, что случится второе. Что же произойдетъ тогда? Въ такомъ случаѣ этимъ воспользуются напримѣръ монголы: манджуры, тунгузы, китайцы, японцы, толпами нахлынутъ на Европу, мужчинъ и женщинъ превратятъ въ рабовъ, а дѣвушекъ въ любовницъ, и начнется опять таже исторія, что и раньше, т. е. произойдетъ или то, что изображено въ No. 1 съ финаломъ: прощай любовь и непротивленіе, или осуществится предположеніе No. 2, т. е. превращеніе въ свою очередь и монголовъ въ добрыхъ незлобливыхъ христіанъ, не противляющихся злу.

Предположимъ, какъ это опять ни невѣроятно, что случится второе (замѣтьте, сколько я вамъ дѣлаю уступокъ). Тогда этимъ воспользуются негры, папуасы и повторится опять старая исторія.

Ну что же, скажетъ терпѣливый поклонникъ непротивленія, — пусть такъ, но и негры и папуасы будутъ въ концѣ концовъ покорены силой нашего незлобія, и всѣ народы, всѣ расы на землѣ превратятся наконецъ въ добрыхъ незлобливыхъ христіанъ, хотя бы для этого понадобилось 200, 300 или 500 вѣковъ.

Да, скажу я на это, это очень хорошо быть столь терпѣливымъ, сидя въ кабинетѣ, но вы забываете, что

за эти 300 или 500 вѣковъ человѣчество безпрерывно будетъ находиться въ состояніи эксплоатируемой массы. (Весело, нечего сказать!) Что же это за существованіе, а въ концѣ что же получится? Всеобщее счастье? Развѣ все это не безуміе? Жить, имѣя въ виду тяжкое существованіе эксплоатируемой массы чернорабочихъ неизвѣстно на сколько вѣковъ впереди, быть можетъ на 300 или 500, и за такой громадный срокъ въ концѣ всѣхъ перипетій, которыхъ и предусмотрѣть невозможно, быть вполнѣ увѣреннымъ, что наступитъ эра всеобщаго счастья! Это ли не мечтательность, граничащая съ безуміемъ. И что ручается за то, что несмотря на всю приниженность добрыхъ христіанъ въ теченіи сотенъ вѣковъ, несмотря на то, что за это время на ихъ спинахъ перебываютъ всевозможнѣйшіе грубые неразвитые элементы — жиды, монголы, негры и неизвѣстно еще кто, что несмотря на все это, идеалъ добраго незлобливаго христіанина переживетъ и даже все время будетъ настолько сильнымъ, что будетъ поглощать, претворять въ себя всѣ эти грубые элементы? Гдѣ залогъ такой живучести его? Вѣдь эта идея могла бы быть живучей и могучей только въ томъ случаѣ, еслибы опытъ показывалъ, что отъ нея всѣмъ дѣлается легче жить на землѣ, чѣмъ безъ нея, но если опытъ длиннаго ряда вѣковъ будетъ постоянно доказывать противное, то кто же останется

поклонникомъ этой идеи, кромѣ нѣкоторыхъ упрямыхъ фанатиковъ. Не бросятъ ли ее, не заглохнетъ ли она, когда люди убѣдятся, что эгоистамъ, какъ трудно имъ ни живется, а всетаки живется легче, чѣмъ незлобливымъ христіанамъ.

Итакъ, несмотря на всѣ мои уступки въ вашу пользу, оказалось, что логическое осуществленіе идеи непротивленія злу можетъ привести только къ полной дезорганизаціи и разрушенію человѣчества. Это въ высшей степени антисоціальная идея, и надо только удивляться, какъ она находитъ еще защитниковъ, и радоваться, что она никогда въ серьезъ не принималась, ибо еслибы цивилизованныя націи ее приняли, то менѣе чѣмъ въ столѣтіе онѣ были бы всѣ покорены папуасами и антропофагами центральной Африки, которые поѣли бы всѣхъ поклонниковъ этой идеи вмѣстѣ съ самой идеей, и человѣчество пришло бы опять въ состояніе полнаго варварства и дикости.

Но посмотрите, какая это странная идея — идея христіанская! Куда бы мы ее ни примѣняли, всюду получается не водвореніе счастья, а самые печальные результаты. Въ предъидущей главѣ мы примѣнили ее къ труду, и въ результатѣ получили, какъ вы помните, власть, солдатъ, полицейскихъ и тюрьмы. Мы попробовали примѣнить ее здѣсь и въ результатѣ получили — царство людоѣдовъ!

И теперь, читатель, скажите мнѣ, стоите ли вы все еще за эту идею, надѣетесь ли вы все еще, что она осуществитъ идеалъ счастья? Убѣдилъ ли я васъ?

Нѣтъ не убѣдили, скажете вы. Я ничего не могу возразить на вашу аргументацію, я вижу, что вы правы, но въ тоже время я чувствую, что и я правъ.

И я васъ удивлю, читатель, заявивъ, что вы и дѣйствительно правы. Христіанская идея, т. е. идея человѣчности дѣйствительно хорошая идея, и полное примѣненіе ея можетъ только содѣйствовать водворенію счастья среди людей. И потому идея эта желательна.

Но въ такомъ случаѣ, спросите вы, отчего же такъ выходитъ, что примѣненіе ея къ труду приводитъ къ полиціи и тюрьмѣ, а общее примѣненіе ея — къ царству людоѣдовъ, отчего факты исторіи какъ будто указываютъ на ея непримѣнимость и дѣлаютъ невѣроятнымъ, чтобы она когда нибудь примѣнилась, а законы природы подтверждаютъ это?

Я вамъ объясню, отчего. Виною тутъ является не сама идея*), а методъ ея примѣненія. Безполезно приходить къ людямъ и говорить имъ: люди, вотъ

---

*) Хотя иногда и она виновата, какъ напримѣръ въ вопросѣ о трудѣ, гдѣ она требовала отъ людей слишкомъ многаго.

вамъ прекрасная идея, которая сдѣлаетъ васъ всѣхъ счастливыми, возьмите и примѣните ее. Люди не возьмутъ и не примѣнятъ ее, ибо они какъ цѣлое, какъ человѣчество составляютъ стихійное, слѣпое, безцѣльное явленіе, управляемое стихійными же слѣпыми силами природы, которыя совершенно не заботятся о счастьѣ человѣческомъ. Природа заботится только объ одномъ: о сохраненіи вида, видъ же, какъ показываетъ опытъ, можетъ превосходно существовать и прогрессировать безъ счастья и безъ идеи христіанства; эта идея, какъ мы видѣли, даже пагубна для вида, низводя его на степень людоѣдовъ, т. е. отодвигая его на нѣсколько ступеней назадъ. Но если для природы счастье человѣческое ненужная роскошь, то для людей она необходимость, и если они желаютъ этого счастья въ полной мѣрѣ, то они должны взять его силой, наперекоръ природѣ, а это исполнимо только путемъ насилія, насилія небольшой группы людей, которые не будутъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось, предлагать всѣмъ людямъ, т. е. той же природѣ, добровольно принять христіанскую идею и вмѣстѣ съ нею счастье, а заставятъ ихъ принять это средство силою. Что толку постоянно подходить къ постелѣ больнаго ребенка съ чашкой лекарства и говорить ему, не переставая, день и ночь: на, дитятко, выпей это лекарство, оно тебѣ поможетъ. Дитятко будетъ отворачиваться и

говорить: „не хочу“. Надо взять его за головку, влить ложку лекарства въ ротъ, зажать носикъ — и тогда оно его проглотитъ.

Такъ поступили покровители съ людьми въ моей сказкѣ, и безъ всякихъ хлопотъ осуществили идею христіанства и счастье во всей той мѣрѣ, въ какой это было исполнимо. Естественно, т. е. согласно съ законами природы полное осуществленіе христіанской идеи или человѣчности неисполнимо, ибо природѣ это ненужно, и потому если мы хотимъ этой человѣчности въ полной мѣрѣ, безъ чего полное счастье невозможно, и если естественно это недостижимо, то остается только ввести ее искуственно насильно, наперекоръ природѣ. Выбрать можно только одно изъ двухъ: мучить другъ друга, или насильственно внести миръ и счастье — третьяго исхода не существуетъ.

Даже идея непротивленія злу — этотъ благоухающій цвѣтокъ человѣчности — при такихъ искуственныхъ условіяхъ перестаетъ быть вредной и антисоціальной, а становится напротивъ истиннымъ благословеніемъ, и покровители ввели и ее и вмѣстѣ съ нею внесли миръ и успокоеніе въ человѣческую жизнь. Но непротивленіе злу, какъ показно мною въ сказкѣ-утопіи (День 1-ый, глава V), примѣнимо къ человѣчеству только при условіи одновременнаго примѣненія и искуственнаго подбора (который тоже есть родъ насилія),

оно есть такъ сказать естественный результатъ послѣдняго: если вы путемъ искуственнаго подбора будете элиминировать, уничтожать всякое зло, если вы не будете давать ему плодиться и размножаться, если для продолженія рода вы будете постоянно брать только хорошихъ, добрыхъ особей, то зло въ концѣ концовъ неминуемо исчезнетъ, оно умретъ естественною смертью, и тогда бороться съ индивидуальнымъ зломъ, противиться злу становится совершенно излишнимъ, ненужною жестокостью. Но безъ этого и при теперешнихъ, естественныхъ условіяхъ непротивленіе злу можетъ быть только источникомъ неисчислимаго зла и въ концѣ концовъ гибели рода человѣческаго. Это все равно, что дать цвѣтной капустѣ свободно размножаться со всѣми ея недостатками. не отбирая искуственнымъ подборомъ только лучшіе качаны для продолженія рода: при такихъ условіяхъ она живо выродится и превратится опять въ дикую капусту. Зло вѣдь плодится быстрѣе добра.

Въ началѣ этой главы вы заявили, что не хотите моей утопіи потому, что расчитываете получить еще лучшее счастье отъ христіанства. Но вы не замѣтили, что моя утопія есть ничто иное какъ осуществленіе христіанской идеи въ полной мѣрѣ. И неудивительно, что вы этого не замѣтили — я признаться и самъ долго этого не замѣчалъ. Оттого людямъ въ моей

утопіи такъ хорошо и живется, оттого они такъ и счастливы, что покровители искуственными мѣрами внесли въ эту жизнь человѣчность (или, какъ вы это называете — христіанство) въ полной ея мѣрѣ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это возможно естественнымъ путемъ, ибо естественно человѣчности много не нужно для существованія рода людскаго.

Единственнаго чего покровители не ввели въ жизнь новаго человѣчества — это другаго еще элемента христіанства, очень часто идущаго рядомъ съ элементомъ человѣчности, а именно духа аскетизма, духа презрѣнія и враждебности ко всему матеріальному и чувственному. Этотъ духъ для покровителей крайне антипатиченъ и по простой причинѣ: они люди раціональные и какъ таковые видятъ весь смыслъ жизни людей въ существованіи ихъ здѣсь на землѣ. Они не понимаютъ, почему не брать отъ жизни все, что она можетъ дать, почему отворачиваться отъ какихъ бы то ни было благъ земныхъ, отъ радостей тѣлесныхъ. И они не говорятъ поэтому, какъ говорите вы человѣку, встрѣчающему красивую соблазнительную женщину *), отвернись, не смотри на нее и не думай о ней съ вожделѣніемъ; а напротивъ, они говорятъ:

*) Женщина здѣсь — символъ благъ земныхъ, всего матеріальнаго и чувственнаго.

смотри, какъ она прекрасна, бѣги же къ ней скорѣй, разцѣлуй ее, прижмись къ ней и насладись въ полной мѣрѣ, насладись и сердцемъ и всѣми твоими чувствами. И они устроили жизнь такъ, чтобы это было возможно въ полной мѣрѣ и безнаказанно.

И устраивая жизнь такъ, они только примѣняли принципъ человѣчности (или христіанство) въ самой полной мѣрѣ, болѣе полной, чѣмъ онъ когда либо былъ примѣняемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое человѣчность, что значитъ, когда вы говорите: будьте человѣчнымъ? Это значитъ: не причиняйте страданій; слѣдовательно, чѣмъ болѣе страданій вы исключите изъ жизни, тѣмъ это будетъ человѣчнѣе. Но отворачиваться отъ красивой женщины (все еще символъ, не забудьте), подавить въ себѣ вожделѣніе къ ней (ибо не имѣть вожделѣнія невозможно, развѣ ужъ очень очень старому человѣку), когда напротивъ хочется побѣжать къ ней и обнять ее, развѣ это не есть страданіе? И покровители уничтожили и это страданіе и тѣмъ же ударомъ внесли въ жизнь массу радостей. Развѣ это не человѣчнѣе, не болѣе по христіански? Про покровителей можно поистинѣ сказать, что они plus royalistes que le roi, plus catholiques que le pape, plus chrétiens que Jésus Christ, который мучилъ людей, уча ихъ отворачиваться отъ красивыхъ женщинъ.

И это не только человѣчнѣе, но и умнѣе: они поняли, что доброта, справедливость, незлобіе — это только формы, но что помимо формъ для жизни нужно еще содержаніе. Нельзя жить одними только формами, нельзя только любить, быть справедливымъ, незлобнымъ, нужно что нибудь дѣлать чтобы быть всѣмъ этимъ: ѣсть, пить, танцовать, купаться, цѣловаться. Только тогда можно дѣлать все это въ формѣ любовной, справедливой, незлобной, только тогда можно напримѣръ ѣсть, не отымая куска отъ сосѣда, пить, не опиваясь, танцовать, не наступая нарочито на ноги дамъ, и т. д. И покровители дали самое обильное содержаніе жизни, какое только мыслимо и придали этому содержанію самыя идеально человѣчныя (христіанскія по вашему) формы, какія только возможны. Какая другая утопія можетъ дать больше этого?

И ужъ конечно не христіанская утопія въ обычномъ ея смыслѣ, т. е. съ примѣсью аскетизма, презрѣнія ко всему матеріальному, стремленія къ одному только духовному и слѣдовательно на метафизической подкладкѣ. Что представила бы жизнь, какія бы она приняла формы, еслибы такая утопія восторжествовала? Чтобы эта жизнь была дѣйствительнымъ и полнымъ осуществленіемъ христіанства въ вышеуказанномъ смыслѣ, нужно прежде всего, чтобы она была духовной по

преимуществу, чтобы все матеріальное и чувственное было въ ней подавлено до послѣдней возможности. А ну-ка нарисуйте въ частностяхъ утопію на такой подкладкѣ и посмотрите, что при этомъ получится. Нѣчто въ родѣ монастырской жизни. Прямаго горя у нихъ можетъ быть не будетъ, но ужъ конечно не будетъ и того яркаго, блестящаго, красиваго счастья, которое покровители дали „друзьямъ“, зато будетъ много скуки и унынія; это будетъ какая-то томительная, безцвѣтная, безсодержательная жизнь на общемъ фонѣ d'une douce tristesse, какъ выражается Ренанъ, описывая состояніе духа христіанскихъ общинъ II вѣка. Любить дѣятельно ближняго, самоотвергаться можно, когда кругомъ зло и несправедливость, но когда всѣ готовы любить другъ друга, а помогать некому, самоотвергаться не для кого, то любовь дѣлается бездѣятельною, замерзаетъ.

Моя утопія — это кустъ весь покрытый большими, красивыми, пахучими цвѣтами, съ ярко-окрашенными бабочками, порхающими съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ весело поющими птичками, вьющими свои гнѣзда въ его вѣтвяхъ, весь полный жизни и оживленія, весь залитый теплыми лучами свѣта. Христіанская утопія — тотъ же кустъ, съ оборванными цвѣтами, безъ бабочекъ, безъ птичекъ, освѣщенный печальнымъ свѣтомъ сѣраго, дождливаго дня.

Я допускаю возможность, что при извѣстныхъ условіяхъ будущность человѣчества устроится по иному плану, нежели тотъ, который изображенъ въ моей утопіи. Если напримѣръ не появится группа людей (скажемъ секта или тайное общество), которые мощною рукою схватятъ бразды управленія человѣчествомъ и насильственно приведутъ людей въ земной рай, и насильственно будутъ удерживать ихъ тамъ, то остается одинъ только еще сколько нибудь сносный исходъ — это дать человѣчеству утрястись. Человѣчество „утрясается“, какъ остроумно выразился одинъ мой знакомый, формулируя въ одномъ словѣ исторію людскаго рода, и если это такъ, и если люди не дойдутъ до полнаго отчаянія, если постоянно будутъ появляться разные палліативы въ родѣ соціализма напримѣръ, которые будутъ удерживать ихъ на границѣ полнаго отчаянія, то человѣчество можетъ долго утрясаться, такъ долго, что оно наконецъ утрясется окончательно, и тогда наступитъ, если не состояніе счастья, то по крайней мѣрѣ состояніе успокоенія: всѣ неровности, всѣ угловатости отъ тряски оботрутся, отшлифуются, какъ шлифуются камешки на морскомъ берегу отъ прибоя волнъ, они сплотятся, слягутся, и никакая тряска тогда не въ силахъ будетъ нарушить ихъ вѣчнаго покоя; быть можетъ появится даже цементирующее вещество, которое сольетъ всѣ эти

камешки въ одну плотную массу, превратитъ ихъ въ глыбу, въ конгломератъ. Это будетъ естественный періодъ равновѣсія, которымъ заканчивается всякій процессъ эволюціи, въ отличіе отъ искуственнаго состоянія равновѣсія, изображеннаго въ моей утопіи.

Да, это возможно, но желательно ли это? И я утверждаю, что это нежелательно, что такой исходъ — печальный исходъ. Я утверждаю, что дать человѣчеству окончательно утрястись, т. е. придти въ состояніе полнаго устойчиваго равновѣсія — это значитъ исключить возможность какого бы то ни было счастья, это значитъ самоуничтоженіе, смерть. Природа даетъ намъ примѣры такого полнаго утрясанія въ лицѣ кристалловъ, многихъ минераловъ, въ лицѣ луны, въ лицѣ математическихъ формулъ, которыя тоже представляютъ примѣры устойчиваго равновѣсія; но что въ нихъ хорошаго? Это мертвыя тѣла, лишенныя всякой жизни; въ нихъ нѣтъ прогресса, нѣтъ слѣдовательно перемѣнъ, нѣтъ слѣдовательно дезинтеграціи, нѣтъ слѣдовательно страданія, но въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть счастья, ибо нѣтъ желаній, нѣтъ стремленій, они пришли въ состояніе безразличнаго успокоенія. Они достигли того, къ чему стремятся индійскіе аскеты: къ уничтоженію всякихъ желаній, всякихъ потребностей, къ уничтоженію самосознанія, сліянію его съ общимъ единымъ

первоначальнымъ міровымъ принципомъ, т. е. въ сущности къ полному уничтоженію сознанія, къ тому безразличному состоянію, которое называется нирвана и которое есть своею рода самоубійство, ибо исключаетъ все — въ одно и тоже время и страданіе, и наслажденіе. Но что въ этомъ хорошаго? И если конечный результатъ человѣческаго прогресса, его *естественный* исходъ, есть такое полное устойчивое равновѣсіе, то это печальный исходъ, и прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такому самоубійству, не разумно ли будетъ попытаться найти другой, *искуственный* исходъ, т. е. постараться, буде это возможно, искуственно удерживать человѣчество въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, какъ это дѣлаютъ покровители съ друзьями, поддерживая степень неустойчивости на такомъ уровнѣ, при которомъ возможно наибольшее постоянное и непзмѣнное состояніе счастья. Привести же людей въ состояніе кристалловъ, минераловъ, математическихъ формулъ или индійскихъ аскетовъ — это, повторяю, печальный исходъ.

А такой исходъ неизбѣженъ, если предоставить событія своему естественному, нормальному теченію. Естественно прекращеніе страданій неизбѣжно связано съ прекращеніемъ наслажденій; только искуственно можно уничтожить страданіе, сохранивъ наслажденіе.

И въ этомъ заключается самый глубокій, сокровенный смыслъ моей утопіи.

И чтобы лучше пояснить свою мысль о нежелательности утрясанія человѣчества, я опять прибѣгну къ картинѣ.

Кому неизвѣстны тѣ хорошенькія раскрашенныя фарфоровыя куколки или статуэтки, которыя съ такимъ искуствомъ изготовляются теперь промышленностью и которыя можно видѣть выставленными въ окнахъ магазиновъ. Какъ онѣ прелестны, эти фигурки, изображающія то порхающихъ ангелочковъ, то танцующихъ нимфъ, едва прикрытыхъ легкими тканями, окрашенными въ нѣжные тоны, ласкающіе взоръ, иногда съ золотымъ бордюромъ, какъ пріятно смотрѣть на ихъ улыбающіяся розовыя личики съ ихъ веселыми глазками, любоваться на ихъ точно выточенныя розовыя ручки и ножки, на которыхъ даже пальчики ясно обозначены. Возьмите сотню такихъ статуэтокъ, сложите ихъ въ безпорядкѣ въ ящикъ, поставьте этотъ ящикъ на повозку и повезите ее по тряской, неровной мостовой. Что станетъ съ ними? Ручки, ножки и головки ихъ отобьются, всѣ выступы, всѣ неровности сгладятся, и если вы будете вести ихъ долго, то и краски всѣ оботрутся, и въ концѣ концовъ, если достаточно долго продолжать это „утрясаніе“, онѣ превратятся въ однородные, безцвѣтные, бѣлые фарфо-

ровые шарики. Формы исчезнутъ, краски исчезнутъ, можно сказать большая часть ихъ матеріальности исчезнетъ, онѣ превратятся въ какую-то сухую, безчувственную математическую формулу, въ $^4/_3 \Pi R^3$, онѣ такъ сказать одухотворятся; и шарики эти улягутся съ замѣчательною стройностью и правильностью, тоже по математической формулѣ, занимая наименьшее пространство, какъ ячейки въ сотахъ, и наступитъ полное успокоеніе, которое не можетъ быть уже нарушено никакой дальнѣйшей тряской: они окончательно утрясутся. Но скажите, положа руку на сердце, не жалость ли это!! Вѣдь въ этихъ розовыхъ ручкахъ и ножкахъ, въ этихъ неровностяхъ и выступахъ, которые всѣ сгладились отъ тряски, въ этихъ краскахъ, которыя стерлись, заключалась вся прелесть, вся поэзія этихъ статуэтокъ, — и все это исчезло и превратилось въ однородныя, безцвѣтныя безжизненныя математическія формулы.

И какой цѣной! Вѣдь эти фигурки одарены были чувствомъ, сознаніемъ, подумайте, сколько страданій и мученій претерпѣли онѣ, пока ихъ „утрясали“, въ то время какъ отбивались ихъ ручки и ножки. Вы достигли своей цѣли; онѣ утряслись и теперь болѣе не страдаютъ, получилось если не счастье, то успокоеніе; вы одухотворили ихъ, но какой цѣной! И повторяю опять: не жалость ли это!

И какое вы имѣли право это сдѣлать? Вы любите духовное, идею, вы страстный любитель математическихъ формулъ, предпочитаете ихъ раскрашеннымъ фигуркамъ, и для удовлетворенія своей страсти вы сочли себя въ правѣ ломать и терзать эти хорошенькія статуэтки, причинять имъ столько боли, столько невыносимыхъ страданій. Чѣмъ онѣ виноваты, что вы математикъ, что вы безсердечный математическій маніакъ?

Не такъ поступилъ бы человѣкъ добрый, съ сердцемъ въ груди. Видя, какъ ихъ бѣдныхъ сваливаютъ въ ящикъ, слыша, какъ онѣ бѣдныя стукаются другъ объ друга, онъ возмутился бы духомъ отъ такого зрѣлища, пришелъ бы въ негодованіе при видѣ такого варварства, своей могучей рукой онъ остановилъ бы повозку, вынулъ бы тѣхъ изъ статуэтокъ, которыя еще уцѣлѣли, разставилъ бы ихъ рядами на доскѣ и крѣпко на крѣпко привинтилъ бы ихъ къ ней винтами, чтобы онѣ могли стоять на ней, не опасаясь столкновеній и весело улыбаться, глядя другъ на друга. Тогда пускай себѣ потихоньку ѣдетъ повозка, везомая парой тихихъ, смирныхъ лошадокъ, а человѣкъ этотъ пойдетъ за ней, любуясь фигурками, и если которая нибудь изъ нихъ пошатнется — онъ немедленно подвинтитъ ослабѣвшую гайку. Скажите, по совѣсти, развѣ такъ не лучше?

И если вы и теперь отвѣтите отрицательно, то я перестану съ вами разсуждать: очевидно я васъ не въ состояніи понять, какъ и вы меня. Позвольте же пожать вашу руку — и прощайте.

Конецъ.

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Выписка
изъ Достоевскаго „Братья Карамазовы".

(Часть вторая, книга пятая, глава V.)

Обращаясь къ Іисусу Христу, Великій Инквизиторъ говоритъ: „Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избранниками, устали, наконецъ, ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что на Тебя-же и воздвигнутъ *свободное* знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что-же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспом-

нятъ до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ, и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ.“ Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые; беремъ у нихъ, чтобы имъ-же раздать, безо всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но во истину болѣе чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что́ значитъ разъ навсегда подчиниться. И пока люди не поймутъ сего они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется, и вновь покорится,

и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ двигаться, и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя.

И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, — и они будутъ намъ покоряться съ веселъемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, — все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому, что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною. Ибо если бъ и было что́ на томъ свѣтѣ, то, ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь, и вновь побѣдишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ.

Говорятъ, что опозорена будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ *тайну,* что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея, и обнажатъ ея „гадкое“ тѣло. Но я тогда встану, и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для счастья ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: „Суди насъ, если можешь и смѣешь.“ Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я готовился встать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ, съ жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой.* Я ушелъ отъ гордыхъ, и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что́ я говорю Тебѣ, сбудется и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгребать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi.“